Великий Князь

Александр Михайлович

КНИГА Воспоминаний

Издательство

ЛЕВ

Великій князь

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

КНИГА ВОСПОМИНАНІЙ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ"
НА 1933 г.

Великій князь
АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

КНИГА ВОСПОМИНАНІЙ

L E V
85, Rue Rambuteau
75001 Paris

ОТЪ АВТОРА

Моя Книга Воспоминаній впервые увидѣла свѣтъ на англійскомъ языкѣ въ Нью-Іоркскомъ изданіи Ферреръ и Рейнхертъ.

Теперь я съ удовольствіемъ иду навстрѣчу желанію издательства «Иллюстрированной Россіи» познакомить съ моимъ трудомъ русскаго читателя, предоставивъ право изданія книги на русскомъ языкѣ въ видѣ приложенія къ журналу въ 1933 году.

Я написалъ эту книгу, не преслѣдуя никакихъ политическихъ цѣлей и никакихъ общественныхъ задачъ.

Просто въ соотвѣтствіи съ пережитымъ, я захотѣлъ разсказать, что память сохранила, а главное отмѣтить этапы того пути, который привелъ меня къ мысли, что единственное цѣнное въ нашей жизни это работа духа и освобожденіе живительныхъ силъ нашей души отъ всѣхъ путъ матеріальной цивилизаціи и ложныхъ идеаловъ.

Я вѣрю, что послѣ тяжелыхъ испытаній, въ Россіи зародится Царство Духа, Царство освобожденія души человѣка.

Не можетъ быть Голгофы безъ Воскресенія. А болѣе тяжкой Голгофы, чѣмъ Голгофа Великомученицы Россіи, міръ не видѣлъ.

Будемъ вѣрить въ Царство Духа.

Вотъ что я хотѣлъ сказать моимъ русскимъ читателямъ.

Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Парижъ
Іюнь 1932 г.

ГЛАВА I.

14 декабря 1825 года.

Высокій, съ военной выправкой, человѣкъ торопливо пересѣкъ залитый дождемъ дворикъ въ Таганрогѣ около дворца и вышелъ на улицу.

У воротъ часовой отдалъ ему честь, но незнакомецъ его не замѣтилъ. Еще мигъ и высокій человѣкъ исчезъ во тьмѣ ноябрьской ночи, окутавшей словно пеленой туманомъ этотъ южный, приморскій городокъ.

— Это кто былъ? — спросилъ сонный гвардейскій капралъ, возвращающійся съ кругового обхода.

— Его Императорское Величество вышли на раннюю прогулку—отвѣтилъ часовой, но голосъ его звучалъ какъ-то неувѣренно.

— Да ты съ ума сошелъ, — напустился на него капралъ, — развѣ ты не знаешь, что Его Величество тяжко боленъ, что доктора потеряли всякую надежду и ждутъ конца Государя до разсвѣта?

— Оно можетъ такъ, — сказалъ часовой, — но ни у кого другого нѣтъ такихъ сгорбленныхъ плечъ, какъ у Государя. Я его знаю вѣдь. Каждый день въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вижу его.

Разговоръ замолкъ. Часовой опять замеръ на своемъ посту.

Нѣсколько часовъ спустя глухой звонъ колоколовъ, разносясь въ воздухѣ на далекія версты вокругъ, возвѣстилъ русскимъ людямъ, что Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, побѣдитель Наполеона, Александръ I, въ Бозѣ почилъ.

Нѣсколько фельдъ-егерей были срочно отправлены въ С.-Петербургъ, чтобы сообщить о происшедшемъ Правительству и законному Наслѣднику, брату почившаго царя, Великому Князю Константину Павловичу.

Офицеру, пользовавшемуся особымъ довѣріемъ, былъ отданъ приказъ доставить царскіе останки въ столицу. Въ теченіе слѣдующихъ десяти дней русскій народъ, затаивъ дыханіе, смотрѣлъ на блѣднаго, изможденнаго человѣка, сидѣвшаго позади запечатаннаго гроба на траурной колесницѣ, которая мчалась со скоростью, напоминавшей атаку французской кавалеріи. Ветераны Аустерлица, Лейпцига и Парижа, стоявшіе вдоль длиннаго пути, въ недоумѣніи качали головами и говорили, какой странный конецъ царствованія, не превзойденнаго никѣмъ великолѣпіемъ и славой побѣдъ!

Правительство дало краткій приказъ не выставлять тѣла усопшаго Императора для поклоненія народа.

Тщетно иностранные дипломаты и придворные старались постичь причину таинственности. Спрошенные отговаривались незнаніемъ и только разводили руками.

Но тутъ произошло событіе, заставившее всѣ взоры отвернуться отъ царскаго катафалка къ площади Сената. Наслѣдникъ Престола Великій Князь Константинъ отрекся отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу своего младшаго брата Николая Павловича. Счастливо женатому морганатическимъ бракомъ на полькѣ Грудзинской Константину не захотѣлось промѣнять мирную семейную жизнь въ Варшавѣ на превратности вѣнценосца. Онъ просилъ его не винить и выразилъ увѣренность, что всѣ подчинятся его волѣ. Гробовымъ молчаніемъ встрѣтилъ Сенатъ чтеніе собственноручно написаннаго отреченія Великаго Князя Константина.

Имя Новаго Наслѣдника Великаго Князя Николая было мало знакомо. У Императора Павла I было четыре сына, и трудно было предвидѣть, что красавецъ Александръ I умретъ бездѣтнымъ, и что мужественный Константинъ поразитъ Россію неожиданностью отреченія. Будучи на нѣсколько лѣтъ моложе своихъ братьевъ, Великій Князь Николай до декабря 1825 года проходилъ обычную строевую карьеру, а потому лишь военные круги могли судить о способностяхъ и характерѣ новаго Императора.

Хорошій и исполнительный строевой офицеръ, Великій Князь Николай привыкъ къ дисциплинѣ и провелъ немало часовъ своей жизни въ пріемныхъ высшихъ сановниковъ Имперіи. У него было много высокихъ качествъ и никакого знакомства съ государственными дѣлами; онъ никогда не принималъ участія въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Къ счастью для Россіи, онъ могъ положиться на знанія и опытъ любившихъ родину сановниковъ Имперіи. Эта послѣдняя мысль ободрила тѣхъ министровъ, которые отправлялись представляться юному правителю Россіи.

Однако, нѣкоторая холодность омрачила первое представленіе. Новый Императоръ заявилъ прежде всего, что онъ желалъ бы лично прочесть письмо Константина Павловича. Какъ человѣкъ военный, великій князь Николай опасался интригъ со стороны гражданскихъ сановниковъ. Ему дали письмо. Онъ внимательно его прочелъ и разсмотрѣлъ подпись. Ему все еще казалось невѣроятнымъ, чтобы Наслѣдникъ русскаго престола могъ ослушаться приказанія свыше. Во всякомъ случаѣ, Николай считалъ, что Константинъ Павловичъ долженъ былъ заблаговременно предупредить о своихъ намѣреніяхъ покойнаго Императора, чтобы Николай Павловичъ имѣлъ бы возможность и время нѣсколько подготовиться къ правленію государствомъ.

Онъ сжалъ кулаки и поднялся со своего мѣста. Высокій, красивый, атлетически сложенный Николай былъ образцомъ мужской красоты.

— *Мы* исполнимъ волю нашего покойнаго брата и желаніе Великаго Князя Константина, — объявилъ онъ, и то, что онъ сказалъ «мы», было отмѣчено министрами. Этотъ молодой человѣкъ заговорилъ какъ монархъ. Могъ ли онъ такъ же и дѣйствовать? Доказательство представилось тораздо раньше, чѣмъ можно было ожидать.

На слѣдующій день, 14 декабря, когда армія должна была присягнуть новому Государю, тайное политическое общество, во главѣ котораго стояли представители родовитой молодежи, рѣшило воспользоваться этимъ днемъ, чтобы поднять открытое возстаніе противъ престола и династіи. Даже теперь, по прошествіи столѣтія, очень трудно составить опредѣленное мнѣніе о политической программѣ тѣхъ, кого исторія назвала «декабристами». Гвардейскіе

офицеры, писатели, интеллигенты — они подняли возстаніе не потому, что у нихъ была какая-то общая идея, но, по примѣру французской революціи, въ цѣляхъ освобожденія угнетеннаго народа. Между ними не было единомыслія по вопросу о томъ, что будетъ въ Россіи послѣ паденія самодержавія. Полковникъ Пестель, Князь Трубецкой, Князь Волконскій и другіе члены петербургской организаціи декабристовъ мечтали создать въ Россіи государственный строй по примѣру англійской конституціонной монархіи. Муравьевъ и декабристы провинціальныхъ кружковъ требовали провозглашенія республики въ духѣ Робеспьера. За исключеніемъ Пестеля, человѣка съ математическимъ складомъ ума, взявшаго на себя подробную разработку проекта будущей русской конституціи, остальные члены организаціи предпочли приложить свою энергію на внѣшнюю сторону переворота. Поэтъ Рылѣевъ видѣлъ себя въ роли Камилла Дю-Мулэна, произносящимъ пламенныя рѣчи и прославляющимъ свободу. Жалкій, неуравновѣшенный юноша Каховскій проповѣдовалъ необходимость идти по стопамъ «благороднаго Брута».

Среди многочисленныхъ сторонниковъ декабристовъ, привлеченныхъ громкими именами отпрысковъ лучшихъ русскихъ родовъ, были и Кюхельбекеръ и Пущинъ, двое школьныхъ товарищей Пушкина. Самъ Пушкинъ, получивъ извѣстіе о происходящихъ въ столицѣ событіяхъ, выѣхалъ изъ своего имѣнія и поспѣшилъ въ Петербургъ. Когда онъ выѣхалъ на петербургскую дорогу, испуганный заяцъ перебѣжалъ его путь у самаго экипажа. Суевѣрный поэтъ остановилъ ямщика и велѣлъ повернуть назадъ.

Объ этомъ онъ разсказалъ своимъ друзьямъ заговорщикамъ и написалъ прекрасную поэму, посвященную декабрьскимъ днямъ.

Хотя организація декабристовъ была создана еще въ 1821 году, дѣятельность ея ничѣмъ не проявилась, кромѣ тайныхъ засѣданій и жаркихъ споровъ, которые велись на квартирахъ Пестеля, Рылѣева и Бестужева-Рюмина. Принимая во вниманіе русскую страсть къ спорамъ, легко предположить, что декабристы ни до чего опредѣленнаго и не договорились бы, если бы не таинственная смерть Александра I и отреченіе отъ престола Великаго Князя Константина не дали рѣзкаго толчка къ возстанію.

— Теперь или никогда! — воскликнулъ Каховскій, потрясая огромнымъ пистолетомъ.

Полковникъ Пестель колебался, но большинство заговорщиковъ присоединились къ Каховскому.

Вечеромъ, 13 декабря, не придя къ единодушному рѣшенію, они отправились по казармамъ и провели всю ночь въ переговорахъ съ солдатами гарнизона столицы. Ихъ планъ, если у нихъ вообще былъ какой-либо планъ, состоялъ въ томъ, чтобы вывести нѣсколько полковъ на Сенатскую площадь и заставить Императора принять ихъ требованія установленія въ Россіи конституціоннаго образа правленія. Задолго до разсвѣта стало ясно, что заговоръ не удался. Солдаты не понимали пламеннаго краснорѣчія декабристовъ, ни длинныхъ цитатъ изъ Жанъ-Жака Руссо. Единственный вопросъ, поставленный солдатами заговорщикамъ былъ о значеніи слова «конституція». Солдаты спрашивали, не было ли «Конституція» имя польки, супруги Великаго Князя Константина Павловича.

— Еще есть время — предложилъ Пестель: — все отмѣнить!..

— Слишкомъ поздно, — отвѣтили его соратники: — правительству уже извѣстно, что происходитъ въ гарнизонѣ. Насъ все равно арестуютъ и предадутъ суду. Лучше умереть въ борьбѣ!

На разсвѣтѣ два батальона, подъ командой офицеровъ заговорщиковъ, рѣшились выступить. Ихъ продвиженіе по улицамъ по направленію къ Сенату не вызвало никакого сопротивленія. Правда, военный губернаторъ С. Петербурга, герой Отечественной войны, графъ Милорадовичъ, выставилъ на Сенатской площади полкъ преданной правительству кавалеріи и одну батарею артиллеріи, но допустилъ мятежниковъ построиться передъ Сенатомъ.

Въ это утро тяжелый туманъ поднимался съ береговъ Невы надъ Петербургомъ. Когда къ полудню онъ разсѣялся, то смятенныя толпы народа увидѣли на Сенатской площади батальоны мятежниковъ и вѣрные правительству полки, стоящіе другъ противъ друга на разстояніи трехсотъ шаговъ.

Время шло. Солдатамъ захотѣлось ѣсть. Главари тайной организаціи чувствовали себя жалкими и безпомощными. Они были готовы пожертвовать своими жизнями, но правительство, какъ было видно, не хотѣло кро-

вопролитія. Со стороны декабристовъ было бы сущимъ безуміемъ атаковать имѣвшимися въ ихъ распоряженіи батальонами пѣхоты соединенныя силы кавалеріи и артиллеріи.

— Стоячая революція! — раздался чей-то голосъ сзади. И эта ставшая исторической фраза была встрѣчена взрывомъ смѣха.

Внезапно по рядамъ пронесся шопотъ:

— Молодой Императоръ! Молодой Императоръ! Посмотрите — вотъ онъ верхомъ рядомъ съ Милорадовичемъ!

Вопреки уговорамъ приближенныхъ и свиты не рисковать своей жизнью, Императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ лично принять командованіе вѣрными ему войсками. Окруженный группой военныхъ, верхомъ на громадной лошади, онъ представлялъ собою хорошую мишень для мятежниковъ. Даже плохой стрѣлокъ не могъ бы промахнуться!

— Ваше Императорское Величество! — взмолился испуганный Милорадовичъ, — прошу Васъ вернуться во дворецъ!

— Я останусь здѣсь, — послѣдовалъ твердый отвѣтъ, — кто-нибудь долженъ спасти жизнь этихъ сбитыхъ съ толку людей!

Милорадовичъ пришпорилъ своего славнаго коня и поскакалъ въ противоположный конецъ площади. Какъ и его монархъ, генералъ не боялся русскихъ солдатъ. Они никогда не рѣшились бы выстрѣлить въ генерала, который еще такъ недавно велъ ихъ противъ старой гвардіи Наполеона.

Остановившись противъ мятежниковъ, Милорадовичъ произнесъ одну изъ тѣхъ рѣчей, которыя въ 1812 году вдохновляли не одинъ изъ геройскихъ полковъ на боевые подвиги. Каждое слово генерала попадало въ цѣль. Солдаты улыбались шуткамъ генерала и ихъ лица свѣтлѣли. Еще минута, и они послѣдовали бы его «братскому совѣту стараго солдата» и вернулись бы въ свои казармы...

Но въ эту критическую минуту темная фигура встала между солдатами и Милорадовичемъ.

Блѣдный, растрепанный, пахнущій виннымъ перегаромъ, съ утра такъ и не разстававшійся со своимъ пистолетомъ, Каховскій нацѣлился и выстрѣлилъ въ упоръ.

въ Милорадовича. Генералъ зашатался въ сѣдлѣ. Негодующіе крики послышались и съ той, и съ другой стороны. Императоръ Николай нахмурился и бросилъ быстрый взглядъ въ сторону батареи. Раздались выстрѣлы. Эхо разнесло ихъ по всему городу...

«Стоячая революція» кончилась. Нѣсколько солдатъ было убито, и всѣ главари мятежа до полуночи арестованы.

Во время одного изъ своихъ путешествій по Сибири, Императоръ разспрашивалъ о мельчайшихъ подробностяхъ жизни сосланныхъ имъ представителей аристократіи, которые, сами того не подозрѣвая, сдѣлались предшественниками движенія, окончившагося девяносто два года спустя.

Также выразилъ онъ желаніе побесѣдовать со старцемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Федора Кузьмича, и сдѣлалъ большой крюкъ съ пути, чтобы посѣтить его убогую хижину въ глуши Сибири.

Свиданіе произошло безъ свидѣтелей. Императоръ оставался съ глазу на глазъ со старцемъ болѣе трехъ часовъ. Онъ вышелъ отъ него въ глубокой задумчивости. Свитѣ Царя показалось, что на его глазахъ были слезы.

«Можетъ быть», писалъ впослѣдствіи одинъ изъ свиты: «есть доля правды въ легендѣ, которая говоритъ, что въ Петропавловскомъ соборѣ погребенъ простой солдатъ подъ видомъ Александра I, а подлинный Императоръ скрывался въ Сибири, подъ именемъ старца Федора Кузьмича».

Мой покойный братъ, Великій Князь Николай Михайловичъ, работая нѣсколько лѣтъ въ нашихъ семейныхъ архивахъ, старался найти подтвержденіе этой удивительной легенды. Онъ вѣрилъ въ ея правдоподобіе, но дневники нашего дѣда Николая I, какъ это ни странно, даже не упоминаютъ о посѣщеніи имъ старца Федора Кузьмича.

Началомъ легенды было слово часового Таганрогскаго дворца; это слово подхватила народная молва, упорно говорившая, что Сибирскій старецъ Федоръ Кузмичъ былъ никто иной, какъ Императоръ Александръ I, скрывшійся въ ночь его мнимой кончины. Неопровержимымъ фактомъ также остается мистическая настроенность Императора

Александра I въ послѣдніе годы его царствованія, которая давала историкамъ основаніе вѣрить въ легенду.

Утомленный продолжительными войнами съ Наполеономъ и потерявъ всякую вѣру въ нѣмецкихъ, англійскихъ и австрійскихъ союзниковъ, мой царственный внучатый дядя любилъ мѣсяцами жить въ провинціальномъ захолустьи своего Таганрогскаго дворца, читая Библію вмѣстѣ со своей грустной и прекрасной женой, оплакивавшей долгими годами свою бездѣтность.

Императоръ Александръ, страдая безсонницей, часто вставалъ ночами, стараясь разсѣять думы, полныя видѣній прошлаго. Двѣ сцены преслѣдовали его постоянно: графъ Паленъ, входящій въ его комнату 11 марта 1801 года съ вѣстью объ убійствѣ его отца Императора Павла I; и Наполеонъ въ Тильзитѣ, обнимающій его и обѣщающій поддерживать вѣчный миръ въ Европѣ. Оба эти человѣка лишили его юности и обагрили его руки кровью.

Безъ конца перечитывалъ онъ слова Библіи, подчеркнутыя его карандашомъ: «Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ: и вотъ, все суета».

Екклезіастъ. Гл. I ст. 14.

ГЛАВА II.

Мое рожденіе.

— Ея императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Федоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени младенцемъ мужескаго пола — объявилъ 1-го апрѣля 1866 года адъютантъ Великаго Князя Михаила Николаевича, тогдашняго Намѣстника на Кавказѣ, вбѣгая въ помѣщеніе коменданта тифлисской крѣпости. — Прошу произвести пушечный салютъ въ 101 выстрѣлъ!

— Это даже перестаетъ быть забавнымъ, — сказалъ старый генералъ, сумрачно глядя на висящій передъ нимъ календарь. Мнѣ уже этимъ успѣли надоѣсть за все утро. Забавляйтесь вашими первоапрѣльскими шутками съ кѣмъ-нибудь другимъ, или же я доложу объ этомъ Его Императорскому Высочеству.

— Вы ошибаетесь, Ваше Превосходительство, — нетерпѣливо перебилъ адъютантъ, — это не шутка. Я иду прямо изъ дворца и совѣтовалъ бы вамъ исполнить приказъ Его Высочества немедленно!

Комендантъ пожалъ плечами, еще разъ кинулъ взоръ на календарь и отправился во дворецъ провѣрить новость.

Полчаса спустя забухали орудія, и спеціальное сообщеніе намѣстника оповѣстило взволнованныхъ грузинъ, армянъ, татаръ и другихъ народностей Тифлиса о томъ, что новорожденный Великій Князь будетъ нареченъ при крещеніи Александромъ въ честь его царственнаго дяди— Императора Александра II.

2-го апрѣля 1866 года, въ возрастѣ 24 час. отъ роду, я сталъ полковникомъ 73-го Крымскаго пѣхотнаго полка, офицеромъ 4 стрѣлковаго батальона Императорской Фамиліи, офицеромъ гвардейской артиллерійской бригады и офи-

церомъ кавказской гренадерской дивизіи. Красавица-мамка должна была проявить всю свою изобрѣтательность, чтобы угомонить обладателя всѣхъ этихъ внушительныхъ ранговъ.

Слѣдуя по стопамъ своего отца Императора Николая I, человѣка исключительной прямолинейности и твердости взглядовъ, отецъ мой считалъ необходимымъ, чтобы его дѣти были воспитаны въ военномъ духѣ, строгой дисциплинѣ и сознаніи долга. Генералъ-инспекторъ русской артиллеріи и Намѣстникъ богатаго Кавказа, объединявшаго до двадцати разныхъ народностей и враждующихъ между собой племенъ, не раздѣлялъ современныхъ принциповъ нѣжнаго воспитанія. Моя мать до брака, принцеса Цецилія Баденская, выросла въ тѣ дни, когда Бисмаркъ сковывалъ Германію желѣзомъ и кровью.

Поэтому не было ничего удивительнаго въ томъ, что радости беззаботнаго дѣтства внезапно оборвались для меня въ тотъ день, когда мнѣ исполнилось семь лѣтъ. Среди многочисленныхъ подарковъ, поднесенныхъ мнѣ по этому случаю, я нашелъ форму полковника 73 Крымскаго пѣхотнаго полка и саблю. Я страшно обрадовался, такъ какъ вообразилъ, что теперь сниму свой обычный костюмъ, который состоялъ изъ короткой, розовой, шелковой рубашки, широкихъ шароваръ и высокихъ сапогъ краснаго сафьяна, и облекусь въ военную форму.

Мой отецъ улыбнулся и отрицательно покачалъ головой. Конечно, мнѣ иногда позволятъ, если я буду послушнымъ, надѣвать эту блестящую форму. Но прежде всего я долженъ заслужить честь носить ее прилежаніемъ и многолѣтнимъ трудомъ.

Лицо мое вытянулось, но худшее было еще впереди.

— Съ завтрашняго дня, — объявилъ мнѣ отецъ, — ты уйдешь изъ дѣтской. Ты будешь жить съ братьями Михаиломъ и Георгіемъ. Учись и слушайся своихъ учителей.

Прощайте, мои добрыя нянюшки, мои волшебныя сказки! Прощайте беззаботные сны! Всю ночь я проплакалъ въ подушку, не слушая ободряющихъ словъ моего добраго дядьки казака Шевченки. Въ концѣ концовъ, видя, что его обѣщанія навѣщать меня каждое воскресенье не производятъ на меня должнаго впечатлѣнія, онъ сталъ нашептывать испуганно:

— Вотъ будетъ срамъ, если его Императорское Величество узнаютъ и отдадутъ въ приказѣ по арміи, что его племянникъ, Великій Князь Александръ, отрѣшается отъ командованія 73 Крымскимъ полкомъ, потому что плачетъ, какъ дѣвчонка!

Услышавъ это, я вскочилъ съ постели и бросился мыться. Я пришелъ въ ужасъ, что чуть не обезчестилъ всю нашу семью въ глазахъ Императора и Россіи.

Еще одно событіе, большей важности, совпало со днемъ моего рожденія. Я нахожу, что оно явилось для меня прямо откровеніемъ, настолько сильно была потрясена имъ моя юная душа. Я говорю о первой исповѣди. Добрый батюшка, о. Георгій Титовъ старался всячески смягчить впечатлѣнія говѣнія.

Впервые въ моей жизни я узналъ о существованіи различныхъ грѣховъ и ихъ опредѣленіе въ словахъ Отца Титова. Семилѣтнимъ ребенкомъ я долженъ былъ каяться въ своей причастности къ дѣламъ дьявольскимъ. Господь Богъ, который бесѣдовалъ со мной въ шопотѣ пестрыхъ цвѣтовъ, росшихъ въ нашемъ саду, внезапно превратился въ моемъ сознаніи въ грозное, неумолимое существо.

Не глядя въ мои полные ужаса глаза, отецъ Титовъ повѣдалъ мнѣ о проклятіяхъ и вѣчныхъ мукахъ, на которыя будутъ осуждены тѣ, которые утаиваютъ свои грѣхи. Онъ возвышалъ голосъ, а я, дрожа, смотрѣлъ на его наперсный крестъ, освѣщенный лучами яркаго кавказскаго солнца. Могло ли такъ случиться, что я вольно или невольно совершилъ какой-нибудь ужасный грѣхъ и утаилъ его?

— Очень часто дѣти берутъ безъ спроса разныя мелочи у своихъ родителей. Это воровство и большой грѣхъ — говорилъ батюшка.

Нѣтъ, я былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что не укралъ даже леденца изъ большой серебряной вазы, что стояла на каминѣ, хотя она меня соблазняла не разъ. Но я вспомнилъ о прошломъ лѣтѣ, которое провелъ въ Италіи. Будучи въ Неаполѣ въ саду при нашей виллѣ, я поднялъ подъ однимъ изъ фруктовыхъ деревьевъ блестящее красное яблоко, которое издавало такой знакомый ароматъ, что я сразу задрожалъ и загрустилъ по далекому Кавказу.

— Отецъ Титовъ, скажите, я попаду въ адъ, потому

что подобралъ чужое яблоко въ Неаполѣ? — спросилъ я.

Отецъ, Титовъ успокоилъ меня и обѣщалъ научить, какъ искупить этотъ грѣхъ, если я ему обѣщаю никогда не дѣлать ничего подобнаго.

Эта его готовность идти на уступки, придала мнѣ храбрости. Заикаясь, бормоча и проглатывая слова, я выразилъ мое удивленіе и сомнѣніе по поводу существованія ада.

— Вы вѣдь говорили, отецъ Титовъ, когда приходили къ намъ завтракать во дворецъ, что Господь Богъ любитъ всѣхъ — мужчинъ, женщинъ, дѣтей, животныхъ и цвѣты. Такъ какъ же Онъ можетъ допустить существованіе всѣхъ этихъ мукъ ада? Какъ можетъ онъ одновременно любить и ненавидѣть?

Теперь пришла очередь о. Титова ужасаться.

— Не повторяйте этого никогда! Это грѣхъ, кощунство. Конечно, Господь Богъ любитъ всѣхъ. Онъ полонъ благости. Онъ не можетъ ненавидѣть.

— Но, батюшка, вы же мнѣ только что сказали о тѣхъ ужасныхъ мученіяхъ, которыя ожидаютъ въ аду грѣшниковъ. Значитъ, Богъ любитъ только хорошихъ людей и не любитъ грѣшниковъ.

Батюшка глубоко вздохнулъ и положилъ на мою голову свою большую мягкую руку.

— Мой дорогой мальчикъ, вы поймете это со временемъ. Когда-нибудь, когда вы выростите, вы меня поблагодарите за то, что я воспиталъ васъ въ духѣ истиннаго христіанства. Теперь не спрашивайте много, но поступайте такъ, какъ я вамъ говорю.

Я ушелъ изъ церкви съ чувствомъ, что навѣки потерялъ что-то необычайно цѣнное, чего никогда не смогу пріобрѣсти вновь, даже если сдѣлаюсь Императоромъ Всероссійскимъ.

— Ты простился съ твоими няньками? — спросилъ меня отецъ, когда я взобрался къ нему на стулъ, чтобы пожелать спокойной ночи.

Не все ли было равно и чѣмъ мнѣ могли помочь няньки, когда мы всѣ попадемъ въ адъ?

Съ этого дня и до пятнадцатилѣтняго возраста мое воспитаніе было подобно прохожденію строевой службы въ полку. Мои братья Николай, Михаилъ, Сергѣй и Георгій и я жили какъ въ казармахъ. Мы спали на узкихъ же-

лѣзныхъ кроватяхъ съ тончайшими матрацами, положенными на деревянныя доски. Я помню, что много лѣтъ спустя, уже послѣ моей женитьбы, я не могъ привыкнуть къ роскоши широкой кровати съ двойнымъ матрацемъ и полотнянымъ бѣльемъ и потребовалъ назадъ мою старую походную кровать.

Насъ будили въ шесть часовъ утра. Мы должны были сейчасъ же вскакивать, такъ какъ тотъ, кто рискнулъ бы «поспать еще пять минутъ», наказывался самымъ строжайшимъ образомъ.

Мы читали молитвы, стоя въ рядъ на колѣняхъ предъ иконами, потомъ принимали холодную ванну. Нашъ утренній завтракъ состоялъ изъ чая, хлѣба и масла. Все остальное было строго запрещено, чтобы не пріучать насъ къ роскоши.

Затѣмъ шелъ урокъ гимнастики и фехтованія. Особое вниманіе было обращено на практическія занятія по артиллеріи, для чего въ нашемъ саду стояло орудіе. Очень часто отецъ безъ предупрежденія заходилъ къ намъ на занятія, критически наблюдая урокъ по артиллеріи. Въ возрастѣ десяти лѣтъ я могъ бы принять участіе въ бомбардировкѣ большого города.

Отъ 8 час. утра до 11 и отъ 2 и до шести мы должны были учиться. По традиціямъ Великіе Князья не могли обучаться ни въ казенныхъ ни въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а потому мы были окружены цѣлымъ штатомъ наставниковъ. Наша учебная программа, раздѣленная на восьмилѣтній періодъ, состояла изъ уроковъ по Закону Божію, исторіи православной церкви, сравнительной исторіи другихъ исповѣданій, русской грамматики и литературы, исторіи иностранной литератруры, исторіи Россіи, Европы, Америки и Азіи, географіи, математики (заключавшей въ себѣ арифметику, алгебру, геометрію и тригонометрію), языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго и музыки. Сверхъ того насъ учили обращенію съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, верховой ѣздѣ, фехтованію и штыковой атакѣ. Мои старшіе братья Николай и Михаилъ изучали также латинскій и греческій языки, насъ же, младшихъ, освободили отъ этой пытки.

Ученіе не было труднымъ ни для меня ни для моихъ братьевъ, но излишняя строгость наставниковъ оставила въ насъ всѣхъ осадокъ горечи. Можно съ увѣренностью

сказать, что современные любящіе родители воспротивились бы, если бы ихъ дѣтей воспитывали такъ, какъ это было принято въ русской Императорской Семьѣ эпохи моего дѣтства.

Изъ за малѣйшей ошибки въ нѣмецкомъ словѣ насъ лишали сладкаго. Ошибка въ вычисленіи скоростей двухъ встрѣчныхъ поѣздовъ — задача, которая имѣетъ для учителей математики особую притягательную силу — влекла за собою стояніе на колѣняхъ носомъ къ стѣнѣ въ теченіе цѣлаго часа.

Однажды, когда мы были доведены до слезъ какой-то несправедливостью педагоговъ и попробовали протестовать, послѣдовалъ рапортъ отцу съ именами зачинщиковъ, и мы были сурово наказаны.

Для меня навсегда останется непостижимымъ, какъ такая давящая система воспитанія не притупила наши умы и не вызвала ненависти ко всѣмъ тѣмъ предметамъ, которымъ насъ обучали въ дѣтствѣ.

Долженъ, однако, добавить, что всѣ монархи Европы, казалось, пришли къ молчаливому соглашенію, что ихъ сыновья должны быть воспитаны въ страхѣ Божіемъ для правильнаго пониманія будущей отвѣтственности передъ страной. Много лѣтъ спустя, дѣлясь воспоминаніями съ германскимъ Императоромъ Вильгельмомъ, я оцѣнилъ сравнительную мягкость нашихъ тифлисскихъ учителей. Его наслѣдникъ, германскій Кронпринцъ, женатый на одной изъ моихъ племянницъ, сухо добавилъ, что количество наказаній, полученныхъ въ дѣтствѣ отцомъ-монархомъ не смягчаетъ тропы испытаній, по которой идетъ его сынъ.

Завтраки и обѣды, столь пріятные въ жизни каждой семьи, не вносили разнообразія въ строгую рутину нашего воспитанія.

Намѣстникъ Кавказа долженъ былъ быть представителемъ Государя Императора въ сношеніяхъ съ милліонами вѣрноподданныхъ, живущихъ на югѣ Россіи, и за нашъ столъ садилось ежедневно не менѣе 30 или 40 человѣкъ. Офиціальныя лица, прибывшія на Кавказъ изъ Петербурга, восточные властители — отправлявшіеся представиться Царю, военачальники подчиненныхъ Намѣстнику губерній и областей, общественные дѣятели съ женами, лица свиты и придворныя дамы, офицеры личной охраны и на-

ши наставники — всѣ пользовались случаемъ, чтобы высказать свои политическіе взгляды и ходатайствовать о различныхъ милостяхъ въ Тифлисскомъ дворцѣ.

Мы, дѣти, должны были во время завтраковъ и обѣдовъ, очень слѣдить за собой и отнюдь не начинать разговаривать, пока насъ не спрашивали. Какъ часто, сгорая отъ желанія разсказать отцу о томъ, какую замѣчательную крѣпость мы построили на вершинѣ горы или же какіе японскіе цвѣты посадилъ нашъ садовникъ, должны были мы сдерживаться, молчать и слушать важнаго генерала, который разглагольствовалъ о нелѣпости послѣднихъ политическихъ плановъ Дизраэли.

Если же къ намъ обращались съ какимъ-либо вопросомъ, что, конечно, дѣлалось изъ чувства подобострастія предъ Намѣстникомъ Его Величества, то мы должны были отвѣчать въ тѣхъ рамкахъ, которыя намъ предписывалъ строгій этикетъ. Когда какая-нибудь дама, съ приторно сладкой улыбкой на губахъ спрашивала меня о томъ, кѣмъ бы я хотѣлъ быть, то она сама прекрасно знала, что Великій Князь Александръ не можетъ желать быть ни пожарнымъ, ни машинистомъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствія Великаго Князя — отца. Выборъ моей карьеры былъ весьма ограниченъ: онъ лежалъ между кавалеріей, которой командовалъ мой дядя, Великій Князь Николай Николаевичъ-Старшій, артиллеріей, которая была въ вѣдѣніи моего отца, и военнымъ флотомъ, во главѣ котораго стоялъ мой другой дядя — Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

— Для такого мальчика какъ вы — обыкновенно говорила улыбающаяся дама: — самое лучшее слѣдовать по стопамъ вашего августѣйшаго отца.

Что другое можно было отвѣтить на подобный вопросъ, если принять во вниманіе, что въ это время двѣнадцать паръ глазъ моихъ наставниковъ впивались въ меня, стараясь внушить мнѣ достойный отвѣтъ?

Братъ Георгій какъ-то робко высказалъ желаніе сдѣлаться художникомъ-портретистомъ. Его слова были встрѣчены зловѣщимъ молчаніемъ всѣхъ присутствующихъ, и Георгій понялъ свою ошибку только тогда, когда камеръ-лакей, обносившій гостей десертомъ, прошелъ съ малиновымъ мороженнымъ мимо его прибора.

Порядокъ распредѣленія мѣстъ за столомъ исклю-

чалъ для насъ, дѣтей, всякую возможность посмѣяться надъ тѣми или иными странностями гостей или же пошептаться между собой. Намъ никогда не позволяли сидѣть вмѣстѣ, а размѣщали между взрослыми. Намъ было объяснено, что мы должны были себя вести въ отношеніи нашихъ сосѣдей такъ, какъ велъ бы себя нашъ отецъ. Мы должны были улыбаться неудачнымъ остротамъ нашихъ гостей и проявлять особый интересъ къ политическимъ новостямъ.

Кромѣ того, мы должны были всегда помнить, что въ одинъ прекрасный день насъ повезутъ въ Россію, которая находится за хребтомъ кавказскихъ горъ. Тамъ, въ гостяхъ у нашего царственнаго дяди, говорили намъ, мы съ признательностью вспомнимъ нашихъ наставниковъ, которымъ мы обязаны нашими хорошими манерами. Иначе наши кузены будутъ указывать на насъ пальцами, и называть «дикими кавказцами»!

Вставъ изъ за стола, мы могли играть въ кабинетѣ отца въ теченіе часа послѣ завтрака и двадцати минутъ послѣ обѣда. Кабинетъ была огромная комната, покрытая удивительными персидскими коврами и украшенная по стѣнамъ кавказскими саблями, пистолетами и ружьями. Окна кабинета выходили на Головинскій проспектъ (главная улица Тифлиса), и изъ нихъ можно было наблюдать интересныя картины восточнаго быта. Мы не могли насмотрѣться на высокихъ, загорѣлыхъ горцевъ въ сѣрыхъ, коричневыхъ или же красныхъ черкесскахъ, верхомъ на чистокровныхъ скакунахъ, съ рукой на рукояти серебряныхъ или золотыхъ кинжаловъ, покрытыхъ драгоцѣнными камнями. Привыкнувъ встрѣчать у отца представителей различныхъ кавказскихъ народностей, мы безъ особаго труда различали въ толпѣ безпечныхъ персовъ, одѣтыхъ въ пестрыя ткани и ярко выдѣлявшихся на черномъ фонѣ одеждъ грузинъ и простой формы нашихъ солдатъ. Армянскіе продавцы фруктовъ, сумрачные татары верхомъ на мулахъ, желтолицые бухарцы, кричащіе на своихъ тяжело нагруженныхъ верблюдовъ — вотъ главные персонажи этой вѣчно двигавшейся панорамы.

Громада Казбека, покрытаго снѣгомъ и пронизывавшаго своей вершиной голубое небо, царила надъ узкими, кривыми улицами, которыя вели къ базарной площади и были всегда наполнены шумной толпой. Только мелодич-

ное журчаніе быстрой Куры смягчало шумную гамму этого вѣчно кричащаго города.

Красота окружающей природы обыкновенно накладываетъ отпечатокъ грусти на складъ юнаго характера. Но мы всѣ были безпечно счастливы въ тѣ короткія минуты, которыя оставались въ нашемъ распоряженіи между строевыми занятіями и учебными классами.

Мы любили Кавказъ и мечтали остаться навсегда въ Тифлисѣ. Европейская Россія насъ не интересовала. Нашъ узкій, кавказскій патріотизмъ заставлялъ насъ смотрѣть съ недовѣріемъ и даже съ презрѣніемъ на расшитыхъ золотомъ посланцевъ С. Петербурга. Россійскій монархъ былъ бы непріятно пораженъ, если бы узналъ, что ежедневно отъ часу до двухъ и отъ восьми до половины девятаго вечера пятеро его племянниковъ строили на далекомъ югѣ планы отдѣленія Кавказа отъ Россіи. Къ счастью для судебъ Имперіи, наши гувернеры не дремали, и въ тотъ моментъ, когда мы принимались распредѣлять между собой главные посты, непріятный голосъ напоминалъ намъ, что насъ ожидаютъ въ классной комнатѣ неправильные французскіе глаголы.

Ровно въ девять мы должны были идти въ нашу спальную, надѣвать длинныя бѣлыя, ночныя рубашки (пижамы тогда еще не были извѣстны въ Россіи), немедленно ложиться и засыпать. Но и въ постеляхъ мы оставались подъ строгимъ надзоромъ. Не менѣе пяти разъ за ночь дежурный наставникъ входилъ въ нашу комнату и окидывалъ подозрительнымъ взглядомъ кровати, въ которыхъ подъ одѣялами лежали, свернувшись, пятеро мальчиковъ.

Около полуночи насъ будило звяканіе шпоръ, возвѣщавшее приходъ отца. На просьбы моей матери насъ не будить, отецъ отвѣчалъ, что будущіе солдаты должны пріучаться спать, несмотря ни на какой шумъ.

— Что они будутъ дѣлать потомъ, — говорилъ онъ, — когда имъ придется урывать нѣсколько часовъ для отдыха подъ звуки канонады?

Никогда не забуду я его высокой фигуры и серьезнаго, красиваго лица, склоненнаго надъ нашими кроватками, когда онъ благословлялъ насъ широкимъ крестнымъ знаменіемъ. Потомъ, прежде чѣмъ покинуть нашу спальную, онъ молился предъ иконами, прося Всевышняго помочь

ему сдѣлать изъ насъ добрыхъ христіанъ и вѣрноподданныхъ Государя и Россіи. Никакія религіозныя сомнѣнія не омрачали его твердыхъ убѣжденій. Онъ вѣрилъ каждому слову Священнаго Писанія и воздавалъ Божье Богу, а Кесарево Кесарю.

Въ глазахъ нашихъ родителей и воспитателей, мы были здоровыми, нормальными дѣтьми, но современный педагогъ нашелъ бы въ насъ неудовлетворенную жажду къ большей ласкѣ и къ проявленію привязанности. Мы страдали душой отъ одиночества. Наше особое положеніе отдаляло насъ отъ дѣтей нашего возраста. Намъ не съ кѣмъ было поговорить, и каждый изъ насъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы дѣлиться своими мыслями съ другими братьями.

Одна мысль о томъ, чтобы явиться къ отцу и утруждать его неопредѣленными разговорами безъ спеціальной цѣли, казалась просто безуміемъ. Мать наша, съ своей стороны, направляла всѣ усилія къ тому, чтобы уничтожить въ насъ малѣйшее внѣшнее проявленіе чувства нѣжности. Въ свои юные годы она прошла школу спартанскаго воспитанія, по духу того времени въ Германіи, и не порицала ее.

Будучи въ полномъ смыслѣ этого слова демократами въ нашихъ отношеніяхъ къ прислугѣ, мы должны были тѣмъ не менѣе помнить, что Великій Князь не долженъ никогда проявлять ни малѣйшей слабости въ присутствіи постороннихъ. Онъ долженъ выглядѣть всегда довольнымъ, скрывая свои чувства подъ маской офиціальной холодности.

Особое положеніе въ нашей семьѣ занимала наша сестра Анастасія Михайловна. Мы всѣ обожали эту высокую темноволосую дѣвушку, она была любимицей отца. Когда мы говорили съ нею, мы воображали себя ея вѣрными рыцарями, готовыми исполнять всѣ приказанія нашей дамы сердца и повергнуть къ ея ногамъ всю любовь, накопившуюся въ душѣ недѣлями и мѣсяцами скучнаго ученія. Мы страстно ревновали ее другъ къ другу, и у насъ заныло сердце, когда въ Тифлисъ прибылъ Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, чтобы познакомиться съ своей будущей невѣстой. Наша истинктивная непріязнь къ нему и къ его лихой манерѣ щелкать каблуками достигла предѣловъ настоящей ненависти, когда нашъ братъ Ни-

колай открылъ истинную цѣль его визита. Его появленіе грозило лишить насъ существа, на которое мы изливали всю нашу душевную нѣжность. Послѣ отъѣзда сестры чувства эти обратились въ сторону природы, которая была неизмѣнно ласкова и поддерживала въ нашихъ сердцахъ надежду.

Зимою намъ разрѣшали выходить на дворъ только на одинъ часъ, такъ что мы съ нетерпѣніемъ считали дни, остававшіеся до весны. Наши каникулы продолжались всего шесть недѣль, и мы проводили ихъ либо въ Боржомѣ, либо на Крымскомъ побережьи Чернаго моря, въ имѣніи Государя Императора.

Я буду всегда съ благодарностью вспоминать мою болѣзнь скарлатиной, такъ какъ изъ-за нея мнѣ удалось провести самое счастливое лѣто въ моей жизни. Мнѣ было тогда девять лѣтъ.

Я заболѣлъ и впалъ въ безсознательное состояніе въ Боржомѣ, откуда мои родители собрались ѣхать въ С. Петербургъ для свиданія съ Императоромъ Александромъ II. Доктора сразу же опредѣлили скарлатину, и меня оставили въ Боржомѣ на попеченіи графини Алопеусъ, гофмейстерины моей матери, адъютанта Кн. Меликова и лейбъ-медика Альбануса. Въ теченіе шести недѣль, проведенныхъ мною въ постели, они всѣ меня баловали, и я чувствовалъ себя центромъ всеобщаго вниманія.

Каждый день военный оркестръ игралъ вблизи нашего дома мои любимые мотивы. Множество людей, проѣзжавшихъ Кавказъ, посѣщали Боржомъ, чтобы навѣстить больного сына Намѣстника, и большинство изъ нихъ приносили мнѣ коробки съ леденцами, игрушки и книги приключеній Фенимора Купера. Докторъ, Графиня Алопеусъ и Кн. Меликовъ охотно играли со мной въ индѣйцевъ. Вооруженный шашкой адъютанта докторъ пытался скальпировать объятую ужасомъ придворную даму, которая, исполняя порученную ей роль, призывала на помощь безстрашнаго «Бѣлаго Человѣка Двухъ Ружей». Послѣдній, опершись о подушку, прицѣливался въ ея мучителей, и его пули одна за другой попадали въ ихъ лбы.

Время моего выздоровленія ознаменовалось рядомъ пикниковъ, съ поѣздками въ лѣсъ и въ горы. Уроковъ не было: всѣ наставники были въ С. Петербургѣ. Мы выѣзжали утромъ въ открытомъ экипажѣ, запряженномъ

четверкой крѣпкихъ горныхъ лошадей. Духъ захватывало, глядя на этихъ маленькихъ животныхъ, которыя съ легкостью брали самые крутые подъемы на горы. Воспоминаніе о горныхъ поѣздкахъ воскрешаетъ въ моей памяти одинъ эпизодъ, случившійся за годъ до моей болѣзни, во время визита Шаха персидскаго въ Тифлисъ. Этотъ большой восточный человѣкъ, сидя въ одномъ экипажѣ съ моей матерью, во время подъема въ горы такъ испугался, что выскочилъ изъ экипажа и въ ужасѣ закричалъ моей матери:

— Mourir seul! (Умереть одна).

Были счастливые для меня дни въ Боржомѣ, когда мы собирали чернику или играли въ домино и слушали разсказы о старомъ Кавказѣ. Я едва удержался отъ слезъ, когда докторъ объявилъ мнѣ, что я поправился, и пришла телеграмма, сообщающая о скоромъ прибытіи моихъ родителей и братьевъ. Я сознавалъ, что въ первый и послѣдній разъ въ моемъ дѣтствѣ я пожилъ въ дружескомъ общеніи со взрослыми, которые оказали мнѣ, одинокому мальчику, немного вниманія и дали ласку, не видя въ этомъ ничего предосудительнаго.

Возвратившись въ Тифлисъ, я разсѣянно слушалъ оживленные разсказы моихъ братьевъ. Они наперебой восхищались роскошью императорскаго дворца въ С. Петербургѣ, но я не промѣнялъ бы на всѣ драгоцѣнности россійской короны время, проведенное въ Боржомѣ. Я могъ бы имъ разсказать, что въ то время, какъ они должны были сидѣть на вытяжку за Высочайшимъ столомъ, окруженные улыбающимися царедворцами и подобострастными лакеями, я лежалъ часами въ высокой травѣ, любуясь цвѣтами, росшими красными, голубыми и желтыми пятнами по горнымъ склонамъ, и слѣдя за полетами жаворонковъ, которые поднимались высоко вверхъ и потомъ камнемъ падали внизъ, чтобы посмотрѣть на свои гнѣзда.

Однако, я смолчалъ, боясь, что мои братья не оцѣнятъ моего простого счастья.

1875 годъ полонъ большого значенія въ моей дѣтской жизни. Вскорѣ послѣ Рождества родился мой братъ Алексѣй, а лѣтомъ я встрѣтилъ двухъ людей, которымъ суждено было сдѣлаться моими лучшими друзьями на всю жизнь.

Мои родители прибѣгали ко всяческимъ предосто-

рожностямъ, чтобы скрыть отъ насъ тайну рожденія брата. Очевидно, мы должны были сочетать въ себѣ основательное знаніе артиллеріи съ искренней вѣрой въ аиста.

Пальба изъ 101 орудія очень удивила насъ.

— Господу Богу было угодно, — возвѣстилъ намъ нашъ воспитатель: — даровать ихъ Императорскимъ Высочествамъ сына.

На другой день намъ разрѣшили войти въ покои матери и посмотрѣть на новорожденнаго брата. Всѣ улыбались и думали, что мы, мальчики, будемъ ревновать его къ матери. Мои братья молчали, я же былъ преисполненъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ по отношенію къ маленькому. Я втайнѣ надѣялся, что къ тому времени, когда онъ выростетъ, всѣ наши наставники уже закончатъ на землѣ свое бренное существованіе. Глядя на красное, сморщенное лицо новорожденнаго, я чувствовалъ къ нему жалость.

Три недѣли спустя состоялось таинство крещенія. Ему предшествовалъ большой парадъ войскамъ гарнизона. Играла музыка, толпа кричала «ура», въ то время какъ старая придворная дама несла въ церковь ребенка на рукахъ, въ сопровожденіи цѣлаго штата военныхъ и гражданскихъ чиновъ въ полной парадной формѣ.

Маленькій Алексѣй тихо лежалъ на шелковой подушкѣ въ длинной кружевной рубашкѣ, перевитой голубой лентой ордена Св. Андрея Первозваннаго. Когда его окунали въ воду, онъ жалобно закричалъ. Архіепископъ читалъ особую молитву. Потомъ въ томъ же порядкѣ Алексѣя понесли обратно въ покои матери. Ни моя мать, ни отецъ, согласно обычаю православной церкви, не могли присутствовать при крещеніи. Братъ Алексѣй умеръ двадцати лѣтъ отъ роду отъ скоротечной чахотки. Хоть я и былъ близокъ къ нему болѣе остальныхъ членовъ нашей семьи, я не жалѣлъ о его кончинѣ. Высоко одаренный юноша, съ чуткой и свободолюбивой душой, онъ страдалъ въ обстановкѣ дворцовой жизни.

Той весной мы покинули Тифлисъ ранѣе обычнаго, чтобы провести шесть недѣль въ крымскомъ имѣніи нашего дяди. На пристани въ Ялтѣ насъ встрѣтилъ самъ Государь Императоръ, который, шутя, сказалъ, что хочетъ видѣть самаго дикаго изъ своихъ кавказскихъ племянниковъ. Онъ ѣхалъ въ коляскѣ впереди насъ по дорогѣ въ

знаменитый Ливадійскій дворецъ, извѣстный своей роскошной растительностью.

Длинная лѣстница вела отъ дворца прямо къ Черному морю. Въ день нашего пріѣзда, прыгая по мраморнымъ ступенькамъ, полный радостныхъ впечатлѣній, я налетѣлъ на улыбавшагося маленькаго мальчика моего возраста, который гулялъ съ няней съ ребенкомъ на рукахъ. Мы внимательно осмотрѣли другъ друга. Мальчикъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ты, должно быть, мой кузенъ Сандро? Я не видѣлъ тебя въ прошломъ году въ Петербургѣ. Твои братья говорили мнѣ, что у тебя скарлатина. Ты не знаешь меня? Я твой кузенъ Никки, а это моя маленькая сестра Ксенія.

Его добрые глаза и милая манера обращенія удивительно располагали къ нему. Мое предубѣжденіе въ отношеніи всего, что было съ сѣвера, внезапно смѣнилось желаніемъ подружиться именно съ нимъ. Повидимому, я тоже понравился ему, потому что наша дружба, начавшись съ этого момента, длилась сорокъ два года. Старшій сынъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича онъ взошелъ на престолъ въ 1894 году и былъ послѣднимъ представителемъ династіи Романовыхъ.

Я часто не соглашался съ его политикой, и хотѣлъ бы, чтобы онъ проявлялъ больше осмотрительности въ выборѣ высшихъ должностныхъ лицъ и больше твердости въ проведеніи своихъ замысловъ въ жизнь. Но все это касалось «Императора Николая II» и совершенно не затрагивало моихъ отношеній съ «кузеномъ Никки».

Ничто не можетъ изгладить изъ моей памяти образа жизнерадостнаго мальчика въ розовой рубашкѣ, который сидѣлъ на мраморныхъ ступенькахъ длинной Ливадійской лѣстницы и слѣдилъ, хмурясь отъ солнца, своими удивительной формы глазами, за далеко плывшими по морю кораблями. Я женился на его сестрѣ Ксеніи девятнадцать лѣтъ спустя.

На десятомъ году жизни я вступилъ въ третій годъ моего ученія, что означало, что новый курсъ наукъ и строевыхъ занятій будетъ прибавленъ къ моимъ прежнимъ обязанностямъ. Оставаясь все время въ обществѣ взрослыхъ и слыша отъ нихъ постоянно о тяжелой отвѣтственности, ожидающей великаго князя, я сталъ рано задумываться надъ вопросами, являющимися удѣломъ бо-

лѣе зрѣлаго возраста. Какъ это ни покажется страннымъ, но мое развитіе эмоціональное, духовное и умственное на нѣсколько лѣтъ опередило періодъ наступленія физической возмужалости. Она дала себя почувствовать только въ 1882 году, когда мои родители переѣхали въ С. Петербургъ окончательно, и я началъ посѣщать балетъ. До того времени, быть можетъ, вслѣдствіе строгаго воспитанія, я былъ цѣломудренъ и въ желаніяхъ и въ помыслахъ. Изученіе Ветхаго Завѣта, такъ легко поражающее воображеніе ребенка, имѣло на ходъ моихъ мыслей совершенно обратное дѣйствіе. Совершенно не сознавая сексуальнаго смысла нѣкоторыхъ событій, я испытывалъ величайшее волненіе по поводу грѣхопаденія Адама и Евы, не уясняя себѣ его строго детальнаго значенія. Я находилъ страшной несправедливостью изгнаніе этихъ двухъ невинныхъ людей изъ рая. Во-первыхъ, Господь Богъ долженъ былъ повелѣть діаволу оставить ихъ въ покоѣ, а во-вторыхъ, для чего Онъ сотворилъ этотъ злополучный плодъ, причинившій всему человѣчеству такія муки?

Отецъ Титовъ, относившійся нѣсколько подозрительно ко мнѣ со дня моей первой исповѣди, напрасно старался защитить въ моихъ глазахъ Ветхій Завѣтъ. Онъ оставилъ меня временно въ покоѣ, молясь о спасеніи моей души отъ тьмы невѣрія, но, въ концѣ концовъ, потерялъ терпѣніе и пригрозилъ доложить обо всемъ моему отцу. Послѣднее убило во мнѣ всякій интересъ къ урокамъ Закона Божія, и я перенесъ весь арсеналъ моихъ вопросовъ и сомнѣній на уроки географіи и естественной исторіи.

Какъ большинство моихъ сверстниковъ, я мечталъ о побѣгѣ въ Америку и выучилъ наизусть названія всѣхъ штатовъ, городовъ и рѣкъ С. Ш. С. А. Я не давалъ ни отдыха, ни срока адмиралу Веселаго, котораго считалъ экспертомъ по американскимъ дѣламъ, такъ какъ онъ принималъ участіе въ русской морской демонстраціи, произведенной, по повелѣнію Императора Александра II, въ 1863 г. въ американскихъ территоріальныхъ водахъ, какъ протестъ по поводу вмѣшательства Англіи въ американскую гражданскую войну. Меня болѣе всего интересовало, могъ ли мальчикъ безъ особаго вооруженія, безопасно разгуливать по улицамъ Нью-Іорка.

Полвѣка спустя, обмѣниваясь воспоминаніями дѣтства съ моимъ покойнымъ другомъ Мирономъ Геррикомъ,

я былъ глубоко тронутъ его разсказами о томъ впечатлѣніи, которое произвело на общественное мнѣніе западной Америки появленіе въ американскихъ водахъ русской эскадры.

— Я знаю, — разсказывалъ Геррикъ, — что это былъ самый трагическій моментъ въ исторіи нашего Союза. Я былъ слишкомъ молодъ, чтобы сознательно слѣдить за политическими событіями, но помню какъ мать моя ходила съ глазами, полными слезъ. Такъ какъ всѣ молодые люди ушли на войну, матери было трудно изъ за недостатка рабочихъ рукъ на фермѣ. Однажды утромъ я игралъ на заднемъ дворѣ нашей фермы и вдругъ услышалъ крикъ моей матери: «Миронъ, Миронъ, поди сюда сейчасъ же!» Я бросился на ея зовъ, думая, что произошло нѣчто ужасное. Моя мать стояла посреди комнаты съ газетой въ рукахъ. Слезы радости катились по ея щекамъ, и она безпрестанно повторяла: «Миронъ, мы спасены! Русскіе прибыли! Миронъ, мы спасены!» Въ то время я очень мало зналъ о народахъ, живущихъ внѣ Соединенныхъ Штатовъ. Существовали коварные англичане, которыхъ надо было остерегаться, потомъ были французы, написавшіе тѣ плохія книжки, о которыхъ говорилось у насъ въ главномъ магазинѣ. Но кто были русскіе? «Мама», спросилъ я: «они похожи на индѣйцевъ? Скальпируютъ ли они также людей?»

— Очень жаль, — заключилъ свою бесѣду Геррикъ: — что вамъ не удалось бѣжать въ Америку. Если бы вы добрались благополучно до Опо и застали бы меня на фермѣ, мы могли бы разсказать другъ другу массу интересныхъ вещей.

Начиная съ осени 1876 г. центромъ разговоровъ за нашимъ обѣденнымъ столомъ была неизбѣжность войны съ Турціей. Всѣ остальныя темы были позабыты, такъ какъ каждый сознавалъ, что близость къ турецкой границѣ поставитъ нашу кавказскую армію въ необходимость дѣйствовать быстро. Пріѣзжавшіе изъ Петербурга гости въ яркихъ краскахъ описывали турецкія звѣрства въ славянскихъ странахъ. Нѣсколько офицеровъ изъ свиты моего отца просили разрѣшенія зачислиться добровольцами въ болгарскую армію.

Наши средневѣковыя военныя упражненія получили для насъ новый смыслъ. Мы обсуждали, какъ бы намъ

пришлось дѣйствовать, если бы турки осадили Тифлисъ и дворецъ Намѣстника. Мы завидовали брату Николаю, потому что ему уже исполнилось восемнадцать лѣтъ — возрастъ, когда онъ могъ вступить въ дѣйствующую армію и покрыть себя славой героя. Намъ же внушали, что война и слава это одно и то же. Никто не говорилъ намъ о страданіяхъ нашей родины во время Отечественной и Крымской войны. Мы наизусть знали имена генераловъ, награжденныхъ орденами Св. Георгія Побѣдоносца, и мы дрожали, слушая повѣствованія о героизмѣ защитниковъ Севастополя. Наши наставники не считали при этомъ нужнымъ намъ сообщить о страданіяхъ раненыхъ въ госпиталяхъ, о нуждѣ въ перевязочномъ матеріалѣ, ни о тяжкихъ потеряхъ нашей арміи людьми, умершими отъ тифозныхъ эпидемій. Тема о смерти никогда не обсуждалась въ нашемъ присутствіи. Наши царственные предки никогда не «умирали». Они «почивали въ Бозѣ».

Въ это время въ Тифлисѣ произошло дерзкое убійство. Обоихъ бандитовъ, виновныхъ въ этомъ преступленіи, быстро поймали, судили и приговорили къ смертной казни. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе на пригоркѣ, невдалекѣ отъ дворца. Войдя въ утро казни въ нашу классную комнату, мы увидѣли всѣхъ нашихъ наставниковъ, которые въ крайнемъ возбужденіи, смотрѣли на что-то изъ окна. Вмѣсто того, чтобы приказать намъ удалиться, они подозвали насъ къ окну. Не сознавая, въ чемъ дѣло, мы подошли къ окну и увидѣли это страшное зрѣлище.

Густая толпа окружала висѣлицу, смотря на палача, занятаго послѣдними приготовленіями. Затѣмъ появились двѣ блѣдныя фигуры, которыхъ подталкивали сзади. Мгновеніе спустя въ воздухѣ мелькнули двѣ пары ногъ. Я закричалъ и отвернулся.

— Великій Князь Александръ никогда не будетъ хорошимъ солдатомъ! — строго замѣтилъ нашъ воспитатель.

Мнѣ хотѣлось закричать, броситься на него, избить его, но отвращеніе сковало всѣ мои чувства.

Прошло нѣсколько дней прежде, чѣмъ эта ужасная картина перестала меня преслѣдовать. Я ходилъ, какъ

въ дурманѣ, боясь смотрѣть чрезъ окна, чтобы не увидѣть снова двухъ повѣшенныхъ. Я готовилъ уроки и отвѣчалъ на поставленные мнѣ вопросы, но не могъ собраться съ мыслями.

Мнѣ казалось, что въ душѣ моей пронесся ураганъ, который оставилъ мнѣ обломки всего того, что было въ ней посѣяно тремя годами упорнаго труда и ученія.

ГЛАВА III.

Моя первая война.

1.

Январь мѣсяцъ 1877 г. принесъ съ собою давно ожидавшееся объявленіе войны между Россіей и Турціей. События 1877—78 г.г. кажутся теперь, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, совершенно непонятными: восхищаться ли предусмотрительностью Дизраэли или же сожалѣть о простодушіи русскаго Императорскаго Правительства? Быть можетъ, было бы правильнѣе, если бы мы не вмѣшивались въ балканскія дѣла, но какія-то темныя побужденія руководили Лордомъ Биконсфильдомъ, чтобы онъ могъ не повѣрить въ искренность всеобщаго возмущенія въ Россіи по поводу поведенія турокъ? — Вѣдь одного слова изъ Лондона было бы достаточно, чтобы сразу же прекратить рядъ убійствъ, подготовленныхъ турецкимъ правительствомъ въ славянскихъ странахъ. Вѣдь простая предусмотрительность, предвидѣніе ближайшаго будущаго показало бы англійскому министерству иностранныхъ дѣлъ тѣ ужасныя послѣдствія, которыя явились результатомъ англійскаго участія въ Балканской неразберихѣ! При сложившихся обстоятельствахъ, Императоръ Александр II счелъ своимъ долгомъ принять вызовъ Англіи, хотя онъ и былъ и душой, и свѣтлымъ своимъ разумомъ противъ войны.

Медленно продвигаясь въ теченіе почти двухъ лѣтъ черезъ полудикія балканскія земли, русская армія въ дѣйствительности вела жесточайшую кампанію противъ

британской имперіи. Турецкая армія была вооружена отличными англійскими винтовками новѣйшей системы. Генералы султана слѣдовали указаніямъ англійскихъ военачальниковъ, а флотъ Ея Величества королевы англійской угрожающе появился въ водахъ ближняго востока въ тотъ моментъ, когда взятіе Константинополя русской арміей являлось вопросомъ нѣсколькихъ недѣль. Русскіе дипломаты еще разъ подтвердили свою репутацію непревзойденной глупости, уговоривъ императора Александра II принять такъ называемое «дружественное посредничество» Бисмарка и такимъ образомъ покончить съ русско-турецкимъ конфликтомъ на конгрессѣ въ Берлинѣ.

«Старый еврей — большой человѣкъ», сказалъ Бисмаркъ, восторгаясь Дизраэли, когда послѣднему удалось заставить русскую делегацію принять условія мира, позорныя для Россіи, которыя впослѣдствіи неизбѣжно влекли за собой міровую войну. «Старый еврей» въ своемъ желаніи сохранить въ Европѣ турецкую имперію, поднялъ престижъ Берлина въ глазахъ Стамбула и, такимъ образомъ, положилъ фундаментъ для происковъ императора Вильгельма на ближнемъ востокѣ. Тысячи британскихъ солдатъ погибли, тридцать семь лѣтъ спустя въ Галлиполи только потому, что Дизраэли хотѣлъ причинить непріятность С. Петербургу въ 1878 году. Однако, нѣтъ оправданія и русской дипломатіи, которая, вмѣсто того, чтобы нейтрализовать шагъ Дизраэли русско-германскимъ союзомъ, стала способствовать безсмысленному, даже фатальному сближенію Россіи съ Франціей и Великобританіей.

2.

Мнѣ было въ тѣ дни одиннадцать лѣтъ, и я переживалъ всѣ волненія моей первой войны.

Отца назначили главнокомандующимъ Русской Арміи, и Тифлисъ — мирная столица Кавказа — сразу же принялъ грозный обликъ стратегическаго центра.

Мобилизованные солдаты, которые должны были перейти пѣшкомъ горный хребетъ, отдѣлявшій Европейскую Россію отъ южнаго Кавказа (въ то время еще не было прямого желѣзнодорожнаго сообщенія между Тифлисомъ и Москвой), ежедневно получали пищу въ большомъ пар-

къ нашего дворца, а въ его нижнемъ этажѣ былъ открытъ госпиталь.

Каждое утро мы сопровождали отца во время его обхода войскъ, съ замираніемъ сердца слушая его простыя, солдатскія слова, обращенныя къ войскамъ, по вопросу о причинахъ войны и о необходимости быстрыхъ дѣйствій.

Потомъ насталъ великій день и для меня, когда мой Шефскій 73 пѣхотный Крымскій полкъ проходилъ черезъ Тифлисъ на фронтъ и долженъ былъ мнѣ представиться на смотру.

Въ шесть часовъ утра я уже стоялъ предъ зеркаломъ и съ восторгомъ любовался моей блестящей формой, начищенными сапогами и внушительной саблей. Вокругъ себя я чувствовалъ зависть и недоброжелательство моихъ братьевъ, завидовавшихъ моему торжеству. Они проклинали свою судьбу, что движеніе ихъ Шефскихъ полковъ задерживалось на сѣверѣ. Они боялись, что каждая побѣда нашей арміи на Балканахъ будетъ ставиться въ заслугу «полка Сандро».

— Кажется твои солдаты здорово устали! — сказалъ мой братъ Михаилъ, глядя черезъ окно на четыре тысячи людей, вытянувшихся фронтомъ предъ дворцомъ вдоль всего Головинскаго проспекта.

Я не обратилъ вниманія на это его колкое замѣчаніе. Мнѣ мои люди показались замѣчательными. Я рѣшилъ что мнѣ слѣдовало произнести передъ моимъ полкомъ рѣчь, и я старался вспомнить подходящія выраженія, которыя вычиталъ въ исторіи отечественной войны.

— Мои дорогіе герои!..

Нѣтъ, это звучитъ какъ переводъ съ французскаго.

— Мои славные солдаты!..

Или еще лучше — мои славные братья!

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ отецъ, входя въ комнату и замѣтивъ мои позы.

— Онъ старается воодушевить свой полкъ, — отвѣтилъ Михаилъ.

Нужна была сильная рука моего отца, чтобы остановить справедливое негодованіе шефа 73 Крымскаго пѣхотнаго полка.

— Не ссорьтесь, дѣти! Не дразните Сандро! Никто не ожидаетъ отъ него рѣчей.

Я былъ разочарованъ.

— Но, папа, развѣ я не долженъ обратиться къ солдатамъ съ рѣчью?

— Пожелай имъ просто Божіей помощи. Теперь пойдемъ и помни, что, какъ бы ты ни былъ утомленъ, ты долженъ выглядѣть веселымъ и довольнымъ.

Къ полудню я понялъ предупрежденіе отца. Понадобилось четыре часа, чтобы осмотрѣть всѣ шестнадцать ротъ полка, который весь состоялъ изъ бородатыхъ великановъ, забавлявшихся видомъ своего молодого, полнаго собственнаго достоинства шефа. Шестнадцать разъ я повторилъ «Здорово, первая рота», «Здорово, вторая рота» и т. д. и слышалъ въ отвѣтъ оглушительный ревъ изъ двухсотъ пятидесяти грудей, которые кричали «здравія желаемъ». Я съ трудомъ поспѣвалъ за огромными шагами моего отца, который былъ на голову выше всѣхъ солдатъ, спеціально подобранныхъ въ Шефскій полкъ за свой высокій ростъ. Никогда въ жизни я еще не чувствовалъ себя такимъ утомленнымъ и счастливымъ.

— Ты бы отдохнулъ, — предложила мнѣ мать, когда мы вернулись во дворецъ.

Но развѣ я могъ думать объ отдыхѣ, когда четыре тысячи моихъ солдатъ шли походнымъ порядкомъ прямо на фронтъ?!

Я тотчасъ же подошелъ къ рельефной картѣ Кавказа и началъ внимательно изучать путь, по которому пойдетъ 73 Крымскій пѣхотный полкъ.

— Я никогда не слыхалъ, чтобы такъ звенѣли шпорами, — воскликнулъ братъ Михаилъ и съ презрѣніемъ вышелъ изъ комнаты. Хоть онъ и былъ на три года старше меня, я тѣмъ не менѣе переросъ его въ эту зиму на полтора дюйма, и это его очень безпокоило.

3.

Недѣлю спустя отецъ уѣхалъ на фронтъ. Мы завидовали отцу и не раздѣляли горя плакавшей матери. Мы очень гордились имъ, когда онъ сидѣлъ въ широкой коляскѣ, запряженной четверкой лошадей, съ шестью казаками, скакавшими сзади, и тремя спереди. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ значекъ Намѣстника Кавказскаго, съ большимъ православнымъ крестомъ на фонѣ бѣлыхъ, оранжевыхъ и черныхъ цвѣтовъ и надписью: «Съ

нами Богъ!» Древко было также украшено массивнымъ золотымъ крестомъ. Безчисленное количество экипажей съ генералами и чинами штаба слѣдовало за коляской отца подъ охраной сотни конвоя.. Величавые звуки національнаго гимна и громовыя привѣтствія толпы усиливали торжественность минуты.

Мы, конечно, не могли и думать о нашихъ правильныхъ ежедневныхъ занятіяхъ. Мы интересовались только войной. Намъ хотѣлось говорить только о войнѣ. Строя планы на будущее, мы надѣялись, что если война продлится еще два года, то мы сможемъ принять участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ.

Каждое утро приносило захватывающія новости. Кавказская армія взяла турецкую крѣпость. Дунайская армія, подъ командой нашего дяди Великаго Князя Николая Николаевича-старшаго, переправилась чрезъ Дунай и двигалась по направленію къ Плевнѣ, гдѣ должны были произойти самые кровопролитные бои. Императоръ Александръ II посѣтилъ главную квартиру, раздавая боевыя награды многочисленнымъ генераламъ и офицерамъ, имена которыхъ мы хорошо знали.

Первая партія турецкихъ плѣнныхъ прибыла въ Тифлисъ.

Имена многихъ сподвижниковъ моего отца, въ особенности имя генерала Лорисъ-Меликова повторялось безпрестанно. Было пріятно сознавать, что всѣ эти генералы, бывшіе нашими близкими друзьями, вдругъ стали отечественными героями. Съ радостью разстались мы съ нашимъ военнымъ воспитателемъ, который вскорѣ послѣ объявленія войны, долженъ былъ выѣхать на фронтъ, вслѣдствіе чего наступило значительное смягченіе режима нашего воспитанія. Какъ это ни стыдно признаваться, но я втайнѣ надѣялся, что шальная турецкая пуля освободитъ насъ навсегда отъ этого жестокаго человѣка. Однако, совѣсть моя можетъ быть спокойной: онъ возвратился съ фронта цѣлымъ и невредимымъ, украшенный боевыми отличіями, но его мѣсто при насъ уже было занято воспитателемъ съ менѣе суровымъ характеромъ.

Была установлена связь при помощи особыхъ курьеровъ между дворцомъ Намѣстника и ставкой командующаго фронтомъ въ Александрополѣ, что позволяло намъ быть всегда въ курсѣ всѣхъ военныхъ новостей. Еже-

дневно, по прибытіи сводки, мы бросались къ картѣ, чтобы передвинуть разноцвѣтные флажки, обозначавшіе положеніе на фронтѣ. Сводка не щадила красокъ, чтобы описать подвиги нашей арміи и дать подробныя цифры убитыхъ и плѣнныхъ турокъ. Турецкія потери звучали въ нашихъ ушахъ сладкой музыкой. Много лѣтъ спустя, командуя русскимъ воздушнымъ флотомъ во время міровой войны, я постигъ не совсѣмъ обычный механизмъ изданія офиціальныхъ военныхъ сводокъ и уже не могъ вновь пережить энтузіазма одиннадцатилѣтняго мальчика, слѣдившаго съ блестящими глазами за передвиженіями русской арміи въ Турціи, не думая о тѣхъ гекатомбахъ человѣческихъ жизней, которыя она составляла на своемъ пути продвиженія. Въ 1914 году я понялъ, что «тяжелыя потери», которыя понесъ «быстро отступающій противникъ», неизмѣнно сопровождались еще болѣе тяжелыми потерями нашей «славной побѣдоносной арміи». Мнѣ кажется, что никто не въ состояніи измѣнить оптимизма офиціальныхъ реляцій, а также психологіи военныхъ, способныхъ смотрѣть хладнокровно на горы труповъ въ отбитыхъ у противника окопахъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ признать, что этика войны значительно измѣнилась за послѣднія сорокъ лѣтъ. Тотъ налетъ рыцарства, который былъ еще замѣтенъ въ дѣйствіяхъ противниковъ въ войнѣ 1877—1878 г. г., уступилъ мѣсто звѣрскому взаимоистребленію людей. Достаточно вспомнить Верденъ, съ его 400 тыс. убитыхъ! Читая описанія кошмарныхъ условій, въ которыхъ протекала жизнь военноплѣнныхъ во время міровой войны, я всегда вспоминалъ о той симпатіи и уваженіи, съ которыми мы, русскіе, обращались въ 1877 году съ турецкими плѣнными. Александръ II счелъ долгомъ принять въ личной аудіенціи Османа-Пашу, командира турецкой арміи подъ Плевной, возвратилъ плѣнному пашѣ его саблю и его обласкалъ.

Тридцать семь лѣтъ спустя генералу Корнилову, взятому въ плѣнъ австрійцами, былъ оказанъ пріемъ, достойный преступника.

4.

Относительная свобода, которой пользовались я и мои братья за время пребыванія Намѣстника на фронтѣ

дала намъ, наконецъ, возможность ознакомиться съ различными классами тифлисскаго населенія и ихъ соціальнымъ бытомъ.

При нашихъ посѣщеніяхъ госпиталей, а также на прогулкахъ по улицамъ, мы сталкивались съ ужасающей нуждой. Мы видѣли нищету, страданія и непосильный трудъ, притаившіеся около самаго дворца. Мы слышали разсказы, которые разрушали всѣ наши прежнія иллюзіи и мечты. То, что я носилъ голубую шелковую рубашку и красные сафьяновые сапоги, казалось мнѣ теперь постыднымъ въ присутствіи мальчиковъ-однолѣтокъ, у которыхъ были рваныя рубашки ,а ноги — босы. Многіе изъ нихъ голодали; всѣ они проклинали войну, которая лишила ихъ отцовъ. Мы разсказали о нашихъ впечатлѣніяхъ воспитателямъ и просили, чтобы намъ дали возможность помочь этимъ бѣднымъ подросткамъ съ изнуренными, сѣрыми лицами. Намъ ничего не отвѣтили, но вскорѣ наши прогулки ограничились опять предѣлами дворцоваго парка, хотя эта мѣра и не стерла въ нашей памяти тяжести пережитыхъ впечатлѣній. Наше сознаніе вдругъ проснулось, и весь міръ принялъ другую окраску.

— Вамъ, сыновьямъ Великаго Князя, хорошо живется, — сказалъ одинъ изъ нашихъ новыхъ знакомыхъ, — вы все имѣете и живете въ роскоши.

Мы запомнили эту странную фразу и удивлялись, что такое роскошь? Развѣ это правда — что мы имѣемъ все, а тѣ, остальные — ровно ничего?

Передъ нашимъ дворцомъ мы часто видѣли одного часового, красиваго, веселаго парня, который привѣтствовалъ насъ по утрамъ широкой улыбкой, какъ-то не соотвѣтствовавшей серьезности момента отданія чести. Мы привыкли къ нему, и его внезапное исчезновеніе заставило насъ призадуматься, не послали ли и его на фронтъ? Какъ-то во время завтрака мы услышали разговоръ двухъ офицеровъ свиты: молодой часовой покончилъ самоубійствомъ и найденное при немъ письмо съ извѣстіемъ о смерти жены являлось единственнымъ объясненіемъ его смерти.

— Вы вѣдь знаете этихъ деревенскихъ парней — говорилъ одинъ изъ адъютантовъ, — они всегда хотятъ присутствовать при погребеніи своихъ близкихъ, и если имъ это не удается, то на нихъ нападаетъ тоска.

Это все, что было сказано про улыбающагося солдатика, стоявшаго на своемъ посту въ далекомъ Тифлисѣ и считавшаго дни, которые отдѣляли его отъ свиданія съ женой. Но эта одинокая смерть поразила меня болѣе, чѣмъ гибель десятковъ тысячъ русскихъ и турокъ, о которой говорила официальная сводка. Я постоянно ходилъ къ тому мѣсту, гдѣ солдатикъ стоялъ на часахъ. Его преемникъ — ветеранъ среднихъ лѣтъ, съ грудью, украшенной медалями, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня. Онъ взглянулъ сперва на свои сапоги, затѣмъ началъ считать пуговицы на мундирѣ, подозрѣвая, что въ его формѣ одежды что-либо не въ порядкѣ. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ и спросить, когда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ свою жену. Я зналъ, что съ часовыми разговаривать не полагается, а потому молча стоялъ предъ нимъ, и мы оба старались прочесть мысли другъ друга. Я старался разгадать его горе, онъ же терзался мыслью о томъ, не оторвалась ли у него на мундирѣ пуговица. Я увѣренъ что, если бы мнѣ теперь удалось какимъ-нибудь способомъ попасть въ Тифлисъ, я бы безъ труда нашелъ бы то мѣсто, гдѣ русскій солдатъ-часовой въ 1878 году оплакивалъ потерю своей жены.

5.

Миръ былъ подписанъ лѣтомъ 1878 г., а осенью мы отправились въ С. Петербургъ на свадьбу моей сестры Анастасіи Михайловны съ Великимъ Герцогомъ Фридрихомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ.

Такъ какъ это было мое первое путешествіе въ европейскую Россію, я волновался болѣе всѣхъ. Не отрываясь отъ окна вагона, я слѣдилъ за безконечной панорамой русскхъ полей, которыя показались мнѣ, воспитанному среди снѣговыхъ вершинъ и быстрыхъ потоковъ Кавказа, однообразными и грустными. Мнѣ не нравилась эта чуждая мнѣ страна, и я не хотѣлъ признавать ее своей родиной. Въ теченіе сутокъ, по нашемъ выѣздѣ изъ Владикавказа (до котораго мы добрались въ экипажахъ), я видѣлъ покорныя лица мужиковъ, бѣдныя деревни, захолустные, провинціальные города, и меня неудержимо тянуло въ Тифлисъ обратно. Отецъ замѣтилъ мое разочарованіе.

— Не суди обо всей Россіи по ея провинціи, — замѣтилъ онъ: — вотъ скоро ужъ увидишь Москву съ ея 1600 церквей и Петербургъ съ гранитными дворцами.

Я глубоко вздохнулъ. Мнѣ пришлось уже столько слышать о храмахъ Кремля и о роскоши императорскаго двора, что я заранѣе былъ увѣренъ, что они мнѣ не понравятся.

Мы остановились въ Москвѣ, чтобы поклониться чудотворной иконѣ Иверской Божіей Матери и мощамъ Кремльскихъ Святыхъ, что являлось офиціальнымъ долгомъ каждаго члена Императорской фамиліи, проѣзжавшаго черезъ Москву.

Иверская часовня, представлявшая собою старое, маленькое зданіе, была переполнена народомъ, который хотѣлъ посмотрѣть на Намѣстника и его семью. Тяжелый запахъ безчисленныхъ свѣчей и громкій голосъ діакона, читавшаго молитву, нарушили во мнѣ молитвенное настроеніе, которое обычно навѣваетъ на посѣтителей чудотворная икона. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы Господь Богъ могъ избрать подобную обстановку для откровенія своимъ чадамъ святыхъ чудесъ. Во всей службѣ не было ничего истинно христіанскаго. Она скорѣе напоминало мрачное язычество. Боясь, что меня накажутъ, я притворился, что молюсь, но былъ увѣренъ, что мой Богъ, Богъ золотистыхъ полей, дремучихъ лѣсовъ и журчащихъ водопадовъ, никогда не посѣтитъ Иверскую часовню.

Потомъ мы поѣхали въ Кремль и поклонились мощамъ святыхъ, почивавшихъ въ серебряныхъ ракахъ и окутанныхъ въ золотыя и серебряныя ткани. Пожилой монахъ въ черной рясѣ водилъ насъ отъ одной раки къ другой, поднимая крышки и показывая мѣсто, куда надлежало прикладываться. У меня разболѣлась голова. Еще немного въ этой душной атмосферѣ, и я упалъ бы въ обморокъ.

Я не хочу кощунствовать и еще менѣе оскорбить чувства вѣрующихъ православныхъ. Я просто описываю этотъ эпизодъ, чтобы показать, какое ужасное впечатлѣніе оставилъ этотъ средневѣковый обрядъ въ душѣ мальчика, искавшаго религіи красоты и любви. Со дня моего перваго посѣщенія Первопрестольной и въ теченіе послѣдовавшихъ сорока лѣтъ, я, по крайней мѣрѣ, нѣсколько

сотъ разъ цѣловалъ мощи кремлевскихъ святыхъ. И каждый разъ я не только не испытывалъ религіознаго экстаза, но переживалъ глубочайшее нравственное страданіе. Теперь, когда мнѣ исполнилось шестьдесятъ пять лѣтъ, я глубоко убѣжденъ, что нельзя почитать Бога такъ, какъ намъ это завѣщали наши языческіе предки.

Линія Москва—Петербургъ, протяженіемъ въ 605 верстъ, была оцѣплена войсками. Въ теченіе всего пути мы видѣли блескъ штыковъ и солдатскія шинели. Ночью тысячи костровъ освѣщали нашъ путь. Сперва мы думали, что это входило въ церемоніалъ встрѣчи Намѣстника кавказскаго, но потомъ мы узнали, что Государь Императоръ предполагалъ въ ближайшемъ будущемъ посѣтить Москву, а потому правительствомъ были приняты чрезвычайныя мѣры по охранѣ его поѣзда отъ покушеній злоумышленниковъ. Это несказанно огорчило насъ. Повидимому, политическая обстановка принимала крайне напряженный характеръ, если для поѣзда Императора Всероссійскаго необходимо было охранять каждый дюймъ дороги между двумя столицами. Это было такъ непохоже на то время, когда Императоръ Николай I путешествовалъ почти безъ охраны по самымъ глухимъ мѣстамъ своей необъятной Имперіи. Отецъ нашъ былъ очень огорченъ и не могъ скрыть своего волненія.

Мы пріѣхали въ Петербургъ какъ разъ въ періодъ тумановъ, которымъ позавидовалъ бы Лондонъ. Лампы и свѣчи горѣли по всему дворцу. Въ полдень становилось такъ темно, что я не могъ разглядѣть потолка въ моей комнатѣ.

— Ваша комната пріятна тѣмъ, — объяснилъ намъ нашъ воспитатель, — что, когда туманъ разсѣется, вы увидите напротивъ черезъ Неву Петропавловскую крѣпость, въ которой погребены всѣ русскіе государи.

Мнѣ стало грустно. Мало того, что предстояло жить въ этой столицѣ тумановъ, но еще недоставало сосѣдства мертвецовъ. Слезы показались на моихъ глазахъ. Какъ я ненавидѣлъ Петербургъ въ это утро. Даже и теперь, когда я тоскую по Родинѣ, то всегда стремлюсь увидѣть вновь Кавказъ и Крымъ, но я совершенно искренно надѣюсь никогда уже болѣе не посѣтить прежнюю столицу моихъ предковъ.

Мнѣ вспоминается, какъ я спорилъ на эту тему съ

моими родителями. Они любили Петербургъ, гдѣ провели первые счастливые годы своей супружеской жизни, но не могли, вмѣстѣ съ тѣмъ, порицать и моего пристрастія къ Кавказу. Они соглашались съ тѣмъ, что въ то время какъ Кавказъ своей величавой красотой успокаиваетъ и радуетъ душу, Петербургъ неизбѣжно навѣваетъ давящую тоску.

6.

Всѣ большія семьи страдаютъ отъ чрезмѣрнаго честолюбія ихъ мужскихъ представителей. Въ этомъ отношеніи русская Императорская семья не являлась исключеніемъ.

Два теченія были въ семьѣ во время моего перваго пребыванія при петербургскомъ дворѣ въ 1879 г.

У Императора Александра II было 6 сыновей: Александръ (будущій Императоръ Александръ III), Владиміръ, Алексѣй, Сергѣй и Павелъ.

Его братъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ (мой отецъ), имѣлъ шестерыхъ сыновей: Николая, Михаила, Георгія, Александра, Сергѣя и Алексѣя Михайловичей.

Его второй братъ Николай Николаевичъ имѣлъ двухъ сыновей: Николая (ставшаго въ 1914 году Верховнымъ Главнокомандующимъ) и Петра Николаевичей.

Его третій братъ Константинъ Николаевичъ имѣлъ четырехъ сыновей: Константина, Дмитрія, Николая и Вячеслава Константиновичей.

Два старшихъ сына Императора: Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ женились рано и у каждаго было по три сына. У Наслѣдника: Николай (Никки) — будущій Императоръ Николай II, Георгій, (умершій въ іюнѣ 1899 г. въ Аббасъ-Туманѣ), и Михаилъ, — отъ брака съ принцессой Дагмарой Датской, у Великаго Князя Владиміра Александровича отъ брака съ Маріей, герцогиней Мекленбургъ-Шверинской: Кириллъ, Борисъ и Андрей. Это были представители молодого поколѣнія династіи. За исключеніемъ Наслѣдника и его трехъ сыновей, наиболѣе близкихъ къ трону, остальные мужскіе представители Импраторской Семьи стремились сдѣлать карьеру въ арміи и флотѣ и соперничали другъ

съ другомъ. Отсюда — существованіе въ Императорской Семьѣ нѣсколькихъ партій и, несмотря на близкое родство, нѣкоторая взаимная враждебность. Въ началѣ мы, «кавказцы», держались нѣсколько особнякомъ отъ «сѣверянъ»; считалось, что мы пользовались особыми привилегіями у нашего дяди — Царя. Мы же обвиняли «сѣверянъ» въ смѣшномъ высокомѣріи. У насъ пятерыхъ были свои любимцы и враги. Мы всѣ любили будущаго Императора Николая II и его брата Георгія и не довѣряли Николаю Николаевичу. Вражда между моимъ старшимъ братомъ Николаемъ Михайловичемъ и будущимъ главнокомандующимъ русской арміи Николаемъ Николаевичемъ — вражда, начавшаяся со дня ихъ первой встрѣчи еще въ дѣтскіе годы, — внесла острую струю раздора въ отношенія между младшими членами Императорской Семьи. Нужно было выбирать между дружбой къ высокому Николашѣ или къ начитанному Николаю Михайловичу.

Хотя я и былъ новичкомъ въ области придворныхъ взаимоотношеній, еще задолго до нашей встрѣчи, которая произошла въ 1879 году, я началъ относиться непріязненно къ врагу моего старшаго брата. Когда же я его увидѣлъ впервые на одномъ изъ воскресныхъ семейныхъ обѣдовъ въ Зимнемъ Дворцѣ, то не нашелъ причины измѣнить свое отношеніе къ нему. Всѣ мои родные безъ исключенія сидѣли за большимъ столомъ, уставленнымъ хрусталемъ и золотою посудой. Императоръ Александръ II, мягкость доброй души котораго отражалась въ его большихъ, полныхъ нѣжности глазахъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ — мрачный и властный; съ крупнымъ тѣломъ, которое дѣлало его значительно старше его тридцати четырехъ лѣтъ; суровый, но изящный Великій Князь Владиміръ; Великій Князь Алексѣй — общепризнанный повѣса Императорской Семьи и кумиръ красавицъ Вашингтона, куда онъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить постоянно; Великій Князь Сергѣй, снобъ, который отталкивалъ всѣхъ скукой и презрѣніемъ, написанными на его юномъ лицѣ; Великій Князь Павелъ — самый красивый и самый демократическій изъ всѣхъ сыновей Государя.

Четыре Константиновича группировались вокругъ своего отца Великаго Князя Константина Николаевича, который изъ-за его либеральныхъ политическихъ взглядовъ былъ очень непопуляренъ въ семьѣ.

И наконецъ, нашъ «врагъ» Николаша. Самый высокій мужчина въ ЗимнемъДворцѣ, и это дѣйствительно было такъ, ибо средній ростъ мужскихъ представителей династіи былъ шесть футовъ съ лишкомъ. Въ немъ же было безъ сапогъ шесть футовъ пять дюймовъ, такъ какъ даже мой отецъ выглядѣлъ значительно ниже его. Въ точеніе всего обѣда Николаша сидѣлъ такъ прямо, словно каждую минуту ожидалъ исполненія національнаго гимна. Время отъ времени онъ бросалъ холодный взглядъ въ сторону кавказцевъ и потомъ быстро опускалъ глаза, такъ какъ мы всѣ, какъ одинъ, встрѣчали его враждебными взглядами.

Къ концу этого обѣда мои симпатія и антипатія установились: рѣшилъ завязать дружбу съ Никки и съ его братомъ Георгіемъ, съ которымъ былъ уже знакомъ во время нашего пребыванія въ Крыму. Точно также я былъ непрочь избрать товарищами моихъ игръ Великихъ Князей Павла Александровича и Дмитрія Константиновича. Что же касается остальныхъ Великихъ Князей, то я рѣшилъ держаться отъ нихъ подальше, насколько мнѣ позволитъ этикетъ и вѣжливость. Глядя на гордыя лица моихъ кузеновъ я понялъ, что у меня былъ выборъ между популярностью въ ихъ средѣ и независимостью моей личности. И произошло такъ, что не только осенью 1879 года, но и въ теченіе всей моей жизни въ Россіи, я имѣлъ очень мало общаго съ членами Императорской Семьи, за исключеніемъ Императора Николая II, и его сестеръ и моихъ братьевъ. Бѣдный Георгій умеръ отъ скоротечной чахотки у насъ подъ Боржомомъ. Великій Князь Павелъ (отецъ Великой Княгини Маріи Павловны младшей) заключилъ въ 1902 году морганатическій бракъ и долженъ былъ покинуть предѣлы Россіи. Что же касается Великаго Князя Дмитрія Константиновича, то въ немъ съ раннихъ лѣтъ развился интересъ исключительно къ лошадямъ и къ военной службѣ, что не могло способствовать установленію между нами интимныхъ отношеній, хотя мы и были хорошими друзьями.

Когда-нибудь романистъ, обладающій талантомъ Золя, который не побоится потратить долгіе годы на архивныя изысканія, изберетъ исторію послѣднихъ Романовыхъ въ качествѣ сюжета для большого романа хроники, и это будетъ произведеніемъ, не менѣе замѣчательнымъ, чѣмъ

«Исторія Рутонъ-Макаровъ». Отцы и сыновья, кузены и братья, дяди и племянники — мы были между собою такъ непохожи характерами, наклонностями и интересами, что почти невозможно повѣрить, что всего какія-нибудь сорокъ лѣтъ и два царствованія прошли между смертью желѣзнаго правителя Европы Николая I и вступленіемъ на престолъ его несчастнаго правнука, послѣдняго Императора Всероссійскаго Николая II.

7.

Бракъ моей сестры Анастасіи послужилъ какъ бы прологомъ къ расколу нашей личной семьи. Трое моихъ старшихъ братьевъ начали службу въ гвардіи, и нужно было принять рѣшеніе и о моей дальнѣйшей судьбѣ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ стало ясно, что мы скоро всѣ будемъ другъ съ другомъ разлучены. Анастасія первая начала взрослую, самостоятельную жизнь. Высокая, стройная и темноволосая, въ тяжеломъ платьѣ изъ серебряной парчи (традиціонномъ для Великихъ Княгинь) — она была изумительно хороша, когда Императоръ Александръ II повелъ ее, во главѣ свадебнаго шествія, въ которомъ приняли участіе представители всѣхъ царствующихъ домовъ Европы, чрезъ залы Зимняго Дворца въ дворцовую церковь. Сейчасъ же вслѣдъ за вѣнчаніемъ по православному обряду, состоялось второе — по протестантскому. Такимъ образомъ и Императоръ Всероссійскій и Императоръ Германскій были удовлетворены, и ихъ родственники — Великая Княжна Анастасія Михайловна и герцогъ Фридрихъ Мекленбургъ-Шверинскій были дважды въ теченіе сорока минутъ соединены брачными узами.

Семейный завтракъ, поданный послѣ второй брачной церемоніи, и большой торжественный обѣдъ заполнили программу дня. Слѣдующее утро было посвящено пріему иностранныхъ дипломатовъ, придворныхъ и представителей духовенства. Потомъ состоялся еще одинъ семейный обѣдъ. Только къ концу второго дня женихъ и невѣста могли сѣсть въ спеціальный поѣздъ, который долженъ былъ доставить ихъ въ Германію. Раздался свистокъ, почетный караулъ отдалъ честь, и мы потеряли изъ виду нашу Анастасію. Мать плакала, отецъ взволновано тере-

билъ перчатку. Суровый законъ, предписывавшій членамъ Царствующаго Дома вступать въ браки съ равными по крови членами иностранныхъ династій, впервые поразилъ нашу семью. Этотъ законъ тяготѣлъ надъ нами вплоть до 1894 года, когда я первый его нарушилъ, женившись на Великой Княжнѣ Ксеніи, дочери моего двоюроднаго брата, Императора Александра III.

Бракъ моей сестры Анастасіи былъ поводомъ отъѣзда моей матери весною заграницу. Офиціальнымъ предлогомъ этой поѣздки было ея желаніе, чтобы мы познакомились съ ея братомъ, Великимъ Герцогомъ баденскимъ, неофиціально — мать мечтала повидать свою любимую дочь. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ тысячи верстъ будутъ отдѣлять насъ отъ нашего любимаго Кавказа. Напрасно я пробовалъ прибѣгнуть ко всевозможнымъ хитростямъ, чтобы остаться въ Тифлисѣ, мои родители не хотѣли считаться съ моими желаніями. Такъ лѣтомъ 1880 года въ Баденѣ я впервые встрѣтилъ представителей націи, которымъ было суждено занять такое значительное мѣсто въ моей жизни. Невдалекѣ отъ герцогскаго дворца, въ паркѣ, играли въ теннисъ двѣ хорошенькія молодыя американки. Я влюбился въ обѣихъ сразу и не могъ рѣшить, которую изъ нихъ я предпочитаю. Однако, это не могло ни къ чему привести, такъ какъ мнѣ было строжайшимъ образомъ запрещено разговаривать съ кѣмъ-либо изъ американцевъ, и за этимъ строго слѣдилъ адъютантъ великаго герцога. Дѣвушки замѣтили мои влюбленные взгляды, и не имѣя представленія о суровомъ приказѣ моей матери, рѣшили, что я или застѣнчивъ или же глупъ. Каждый разъ, когда онѣ оканчивали трудный сэтъ, онѣ садились на скамейку неподалеку отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ. Громко разговаривая, онѣ дѣлали замѣчанія, которыя мало щадили мое мужское самолюбіе.

— Что такое съ этимъ мальчикомъ, — говорила болѣе высокая изъ нихъ — неужели онъ глухонѣмой? Можетъ быть, намъ придется изучить языкъ глухонѣмыхъ?

Я молилъ Бога, чтобы этотъ проклятый адъютантъ оставилъ бы меня хоть на минуу въ покоѣ, дабы я могъ опровергнуть убѣжденіе этихъ прелестныхъ барышенъ въ отсутствіи у меня дара рѣчи, но нѣмецкихъ офицеровъ учатъ въ точности исполнять приказанія. Въ случаѣ

надобности, онъ былъ способенъ простоять около меня, не отходя, круглыя сутки. Мои робкія попытки улыбнуться незнакомкамъ стали вскорѣ извѣстны во дворцѣ и явились поводомъ къ тому, что два моихъ брата и нѣмецкіе кузены, подъ предводительствомъ будущаго рейхсканцлера Макса Баденскаго, стали меня безпощадно дразнить. Я началъ находить подъ подушкой коротенькія записки, написанныя рукой Михаила или Георгія: «Любящія васъ американскія дѣвушки». Маленькіе американскіе флажки втыкались мнѣ на пальто или же, когда я входилъ въ гостиную, то меня встрѣчали звуками популярнаго американскаго марша, который игралъ одинъ изъ моихъ мучителей на роялѣ. Только послѣ двухъ недѣль молчаливой борьбы, я уступилъ и сталъ держаться въ отдаленіи отъ тенниса въ теченіе всего остального нашего пребыванія въ Баденъ-Баденѣ.

Къ началу осени мы возвратились въ Тифлисъ.

ГЛАВА IV.

Княгиня Юрьевская.

1.

Зимой 1880 года, въ одинъ изъ туманныхъ, тихихъ вечеровъ, сильный взрывъ потрясъ зданіе Зимняго Дворца. Было повреждено помѣщеніе, которое занималъ караулъ Л.-гв. Финляндскаго полка; было убито и ранено 40 человѣкъ офицеровъ и солдатъ. Это произошло какъ разъ въ тотъ моментъ, когда церемоніймейстеръ появился на порогѣ столовой и объявилъ: «Его Величество!»

Маленькая неточность въ расчетѣ адской машины, помѣщенной въ фундаментѣ дворца, спасла личные покои Царя отъ разрушенія. Было разбито только немного посуды и выбито нѣсколько стеколъ въ окнахъ.

Судебное разслѣдованіе обнаружило совпавшее съ взрывомъ внезапное исчезновеніе изъ дворца одного, недавно нанятаго камеръ-лакея. Послѣдній, повидимому, принадлежалъ къ партіи, которая получила названіе «нигилистовъ» — людей, задавшихся цѣлью уничтоженія, ниспроверженія существующаго строя и формъ жизни и являющихся, въ сущности, зародышемъ будущаго большевизма. Партія эта начала свою террористическую дѣятельность въ семидесятихъ годахъ и значительно усилила ее послѣ введенія Императоромъ Александромъ II суда присяжныхъ, который заранѣе обезпечивалъ этимъ господамъ полное оправданіе за ихъ преступленія и убійства. Такъ и послѣ покушенія Вѣры Засуличъ, пытавшейся убить въ 1878 году Петербургскаго генералъ-губернатора Трепова, русское общество впервые услышало, какъ пред-

ставитель судебной власти, въ своемъ резюме, произнесъ краснорѣчивую рѣчь въ защиту нигилизма.

Писатели, студенты, доктора, адвокаты, банкиры, купцы и даже крупные государственные дѣятели играли въ либерализмъ и мечтали объ установленіи республиканскаго строя въ Россіи, странѣ, въ которой только девятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ было уничтожено крѣпостное право.

Восемьдесять пять процентовъ русскаго народа было еще неграмотно, а наша нетерпѣливая интеллигенція требовала немедленнаго всеобщаго избирательнаго права для созыва Учредительнаго Собранія. Готовность Монарха пойти на уступки еще болѣе разыгрывала аппетиты будущихъ «премьеръ-министровъ», а пассивность полиціи поощряла развитіе самыхъ смѣлыхъ революціонныхъ плановъ.

Идея цареубійства носилась въ воздухѣ. Никто не чувствовалъ ея острѣе, чѣмъ Ф. М. Достоевскій, на произведенія котораго теперь можно смотрѣть, какъ на удивительныя пророчества грядущаго большевизма. Незадолго до его смерти, въ январѣ 1881 г., Достоевскій въ разговорѣ съ издателемъ «Новаго Времени» А. С. Суворинымъ замѣтилъ съ необычайной искренностью:

— Вамъ кажется, что въ моемъ послѣднемъ романѣ «Братья Карамазовы» было много пророческаго? Но подождите продолженія. Въ немъ Алеша уйдетъ изъ монастыря и сдѣлается анархистомъ. И мой чистый Алеша — убьетъ Царя...

2.

При извѣстіи о покушеніи въ Зимнемъ Дворцѣ отецъ сразу собрался въ Петербургъ. Въ такое время онъ не могъ оставаться вдали отъ своего любимаго царственнаго брата. Намъ было сказано готовиться провести эту зиму въ столицѣ.

Тяжелыя тучи висѣли надъ всей страною. Офиціальные пріемы, устроенные намъ властями по пути нашего слѣдованія на сѣверъ, не могли скрыть всеобщей тревоги. Всѣ понимали, что покушенія на Государя, ставшія хроническимъ явленіемъ, прекратятся лишь тогда, когда болѣе твердая рука станетъ у власти. Многіе предполага-

ли, что мой отецъ долженъ взять на себя полномочія диктатора, ибо всѣ уважали въ немъ твердость убѣжденій и безстрашіе солдата.

Но мало кто изъ русскаго общества сознавалъ, что даже самые близкіе и вліятельные члены Императорской семьи должны были въ то время считаться съ постороннимъ вліяніемъ женщины на Государя. Мы, дѣти, узнали объ ея существованіи наканунѣ прибытія нашего поѣзда въ Петербургъ, когда насъ вызвали въ салонъ-вагонъ къ отцу.

Войдя, мы тотчасъ же поняли, что между нашими родителями произошло разногласіе. Лицо матери было покрыто красными пятнами, отецъ курилъ, размахивая длинной, черной сигарой — что бывало чрезвычайно рѣдко въ присутствіи матери.

— Слушайте, дѣти, — началъ отецъ, поправляя на шеѣ ленту Ордена Св. Георгія Побѣдоносца, полученнаго имъ за покореніе западнаго Кавказа: — я хочу вамъ что-то сказать, пока мы еще не пріѣхали въ С. Петербургъ. Будьте готовы встрѣтить новую Императрицу на первомъ же обѣдѣ во дворцѣ.

— Она еще не Императрица! — горячо перебила моя мать: — не забывайте, что настоящая Императрица Всероссійская умерла всего только десять мѣсяцевъ тому назадъ!

— Дай мнѣ кончить... рѣзко перебилъ отецъ, повышая голосъ: — мы всѣ — вѣрноподданные нашего Государя. Мы не имѣемъ права критиковать его рѣшенія. Каждый Великій Князь долженъ такъ же исполнять его приказы, какъ послѣдній рядовой солдатъ. Какъ я уже началъ вамъ объяснять, дѣти, вашъ дядя Государь удостоилъ бракомъ княжну Долгорукую. Онъ пожаловалъ ей титулъ княгини Юрьевской до окончанія траура по вашей покойной тетушкѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Княгиня Юрьевская будетъ коронована Императрицей. Теперь же вамъ слѣдуетъ цѣловать ей руку и оказывать ей то уваженіе, которое этикетъ предписываетъ въ отношеніи супруги царствующаго Императора. Отъ второго брака Государя есть дѣти; трое: мальчикъ и двѣ дѣвочки. Будьте добры къ нимъ.

— Вы, однако, слишкомъ далеко заходите, — сказала

матушка по-французски, съ трудомъ сдерживая свой гнѣвъ.

Мы пятеро переглядывались. Тутъ я вспомнилъ, что во время нашего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ, намъ не позволили подходить къ ряду аппартаментовъ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ которыхъ, мы знали, жила одна молодая красивая дама, съ маленькими дѣтьми.

— Сколько лѣтъ нашимъ кузенамъ? — прервалъ вдругъ молчаніе мой братъ Сергѣй, который даже въ возрастѣ одиннадцати лѣтъ любилъ точность во всемъ.

Отцу этотъ вопросъ, повидимому, не понравился.

— Мальчику семь, дѣвочкамъ шесть и четыре года, — сухо сказалъ онъ.

— Какъ же это возможно?.. — началъ было Сергѣй, но отецъ поднялъ руку:

— Довольно, мальчики! Можете идти въ вашъ вагонъ.

Остатокъ дня мы провели въ спорахъ о таинственныхъ событіяхъ Зимняго Дворца. Мы рѣшили, что вѣроятно, отецъ ошибся и что, повидимому, Государь Императоръ женатъ на княгинѣ Юрьевской значительно дольше, чѣмъ 10 мѣсяцевъ. Но тогда неизбѣжно выходило, что у него были двѣ жены одновременно. Причину отчаянія моей матери я понялъ значительно позже. Она боялась, что вся эта исторія дурно повліяетъ на нашу нравственность: вѣдь ужасное слово «любовница» было до тѣхъ поръ совершенно исключено изъ нашего обихода.

3.

Самъ старый церемоніймейстеръ былъ замѣтно смущенъ, когда, въ слѣдующее послѣ нашего пріѣзда воскресенье вечеромъ, члены Императорской семьи собрались въ Зимнемъ Дворцѣ у обѣденнаго стола, чтобы встрѣтиться съ княгиней Юрьевской. Голосъ церемоніймейстера, когда онъ постучалъ три раза объ полъ жезломъ съ ручкой изъ слоновой кости, звучалъ неувѣренно:

— Его Величество и свѣтлѣйшая княгиня Юрьевская!

Мать моя смотрѣла въ сторону, цесаревна Марія Ѳеодоровна потупилась...

Императоръ быстро вошелъ, ведя подъ руку молодую, красивую женщину. Онъ весело кивнулъ моему отцу и

окинулъ испытующимъ взглядомъ могучую фигуру Наслѣдника. Вполнѣ расчитывая на полную лойяльность своего брата (нашего отца), онъ не имѣлъ никакихъ иллюзій относительно взгляда Наслѣдника на этотъ второй его бракъ. Княгиня Юрьевская любезно отвѣчала на вѣжливые поклоны Великихъ Княгинь и Князей и сѣла рядомъ съ Императоромъ въ кресло покойной Императрицы. Полный любопытства, я не спускалъ съ княгини Юрьевской глазъ. Мнѣ понравилось выраженіе ея грустнаго лица и лучистое сіяніе, идущее отъ свѣтлыхъ волосъ. Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась къ Императору, и онъ успокаивающе поглаживалъ ея руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всѣхъ мужчинъ, но за ними слѣдили женщины, и всякая ея попытка принять участіе въ общемъ разговорѣ встрѣчалась вѣжливымъ, холоднымъ молчаніемъ. Я жалѣлъ ее и не могъ понять, почему къ ней относились съ презрѣніемъ за то, что она полюбила красиваго, веселаго, добраго человѣка, который къ ея несчастію былъ Императоромъ Всероссійскимъ?

Долгая совмѣстная жизнь нисколько не уменьшила ихъ взаимнаго обожанія. Въ шестьдесятъ четыре года Императоръ Александръ II держалъ себя съ нею какъ восемнадцатилѣтній мальчикъ. Онъ нашептывалъ слова одобренія въ ея маленькое ушко. Онъ интересовался, нравятся ли ей вина. Онъ соглашался со всѣмъ, что она говорила. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ насъ съ дружеской улыбкой, какъ бы приглашая радоваться его счастью, шутилъ со мною и моими братьями, страшно довольный тѣмъ, что княгиня, очевидно, намъ понравилась.

Къ концу обѣда гувернантка ввела въ столовую ихъ троихъ дѣтей.

— А вотъ и мой Гога! — воскликнулъ гордо Императоръ, поднимая въ воздухъ веселаго мальчугана и сажая его на плечо. Скажи-ка намъ, Гога, какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ князь Георгій Александровичъ Юрьевскій, — отвѣтилъ Гога и началъ возиться съ бакенбардами Императора, теребя ручонками.

— Очень пріятно познакомиться, князь Юрьевскій! — шутилъ Государь. — А не хочется ли, молодой человѣкъ, вамъ сдѣлаться Великимъ Княземъ?

— Саша, ради Бога, оставь! — нервно сказала княгиня.

Этой шуткой Александръ II какъ бы пробовалъ почву среди своихъ родственниковъ по вопросу объ узаконенiи своихъ морганатическихъ дѣтей. Княгиня Юрьевская пришла въ величайшее смущенiе, и въ первый разъ забыла она объ этикетѣ Двора и назвала Государя — своего супруга во всеуслышанiе уменьшительнымъ именемъ.

Къ счастью, маленькiй Гога былъ слишкомъ занятъ исполненiемъ роли парикмахера Его Величества, чтобы задумываться надъ преимуществами императорскаго титула, да и Царь не настаивалъ на отвѣтѣ. Одно было ясно: Императоръ рѣшилъ игнорировать неудовольствiе членовъ Императорской фамилiи и хотѣлъ изъ этого перваго семейнаго обѣда устроить веселое воскресенье для своихъ дѣтей. Послѣ обѣда состоялось представленiе итальянскаго фокусника, а затѣмъ самые юные изъ насъ отправились въ сосѣднiй салонъ съ Гогой, который продемонстрировалъ свою ловкость въ ѣздѣ на велисопедѣ и въ катанiи на коврикѣ съ русскихъ горъ. Мальчуганъ старался подружиться со всѣми нами, и, въ особенности, съ моимъ двоюроднымъ племянникомъ Никки (будущимъ Императоромъ Николаемъ II), котораго очень забавляло, что у него, тринадцатилѣтняго, есть семилѣтнiй дядя.

На обратномъ пути изъ Зимняго Дворца мы были свидѣтелями новой ссоры между родителями:

— Что бы ты ни говорилъ, — заявила моя мать: — я никогда не признаю эту авантюристку. Я ее ненавижу! Она — достойна презрѣнiя. Какъ смѣетъ она въ присутствiи всей Императорской Семьи называть Сашей твоего брата.

Отецъ вздохнулъ и въ отчаянiи покачалъ головой.

— Ты не хочешь понять до сихъ поръ, моя дорогая, — отвѣтилъ онъ кротко: — хороша ли она или плоха, но она замужемъ за Государемъ. Съ какихъ поръ запрещено женамъ называть уменьшительнымъ именемъ своего законнаго мужа въ присутствiи другихъ? Развѣ ты называешь меня «Ваше Императорское Высочество»?

— Какъ можно дѣлать такiя глупыя сравненiя! — сказала моя мать со слезами на глазахъ. — Я не разбила ничьей семьи. Я вышла за тебя замужъ съ согласiя тво-

ихъ и моихъ родителей. Я не замышляю гибели Имперіи.

Тогда настала очередь отца разсердиться.

— Я запрещаю — онъ дѣлалъ при этомъ удареніе на каждомъ словѣ: — повторять эти позорныя сплетни! Будущей Императрицѣ Всероссійской вы и всѣ члены Императорской Семьи, включая Наслѣдника и его супругу, должны и будете оказывать полное уваженіе! Это вопросъ конченный!

Гдѣ я видѣлъ княгиню Юрьевскую? — спрашивалъ я себя, прислушиваясь къ разговору родителей. И въ моемъ воспоминаніи воскресла картина придворнаго бала въ одинъ изъ прошлыхъ нашихъ пріѣздовъ въ С.-Петербургъ.

Громадныя залы Зимняго Дворца были украшены орхидеями и другими тропическими растеніями, привезенными изъ императорскихъ оранжерей. Безконечные ряды пальмъ стояли на главной лѣстницѣ и вдоль стѣнъ галлерей. Восемьсотъ служащихъ и рабочихъ двѣ недѣли трудились надъ украшеніемъ дворца. Придворные повара и кондитеры старались перещеголять одинъ другого въ изготовленіи яствъ и напитковъ.

Мнѣ разрѣшили надѣть на балъ форму 73 Крымскаго пѣхотнаго полка, Шефомъ котораго я состоялъ отъ рожденія, и я важно выступалъ между кавалергардами въ каскахъ съ двуглавымъ орломъ, которые стояли при входѣ въ залъ.

Весь вечеръ я старался держаться подальше отъ моихъ родителй, чтобы какое-нибудь неумѣстное замѣчаніе не нарушило моего великолѣпія.

Высочайшій выходъ открылъ балъ. Согласно церемоніалу, балъ начинался полонезомъ. Государь шелъ въ первой парѣ рука объ руку съ Цесаревной Маріей Θеодоровной, за нимъ слѣдовали Великіе Князья и Великія Княгини въ порядкѣ старшинства. Такъ какъ Великихъ Княгинь, чтобы составить пары, было недостаточно, младшіе Великіе Князья, какъ я, должны были идти въ парѣ съ придворными дамами. Моя дама была стара и помнила дѣтство моего отца. Наша процессія не была, собственно говоря, танцемъ въ совершенномъ значеніи этого слова. Это было торжественное шествіе съ нѣсколькими камергерами впереди, которые возвѣщали наше прохожденіе черезъ всѣ залы Зимняго Дворца. Мы прошли три раза

черезъ залы, послѣ чего начались танцы. Кадриль, вальсъ и мазурка — были единственными танцами того времени, допущенными этикетомъ.

Когда пробила полночь, танцы прекратились, и Государь, въ томъ же порядкѣ, повелъ всѣхъ къ ужину. Танцующіе, сидящіе и проходящіе чрезъ одну изъ залъ часто поднимали глаза на хоры, показывали на молодую, красивую даму, и о чемъ-то перешептывались. Я замѣтилъ, что Государь часто смотрѣлъ на нее, ласково улыбаясь. Это и была княгиня Юрьевская.

Графъ Лорисъ-Меликовъ часто покидалъ залу. Возвращаясь, онъ каждый разъ подходилъ къ Государю и что-то докладывалъ ему. Повидимому, темой его докладовъ были тѣ чрезвычайныя мѣры охраны, которыя были приняты по случаю бала. Ихъ разговоръ заглушался пѣніемъ артистовъ Императорской Оперы, которые своей программой, составленной изъ красивыхъ, но грустныхъ мелодій, усиливали напряженность атмосферы и навѣвали тоску. Какъ бы то ни было, но низкимъ басамъ и высокимъ сопрано не удалось согнать бодрой улыбки съ лица Государя.

Государь удалился сейчасъ же послѣ ужина. Танцы возобновились, но моя дама заснула. Я пробѣжалъ по заламъ, чтобы поговорить по душѣ съ бывшимъ адъютантомъ моего отца, только что прибывшимъ изъ Тифлиса. Я жаждалъ услыхать новости о миломъ Кавказѣ, гдѣ можно было спать спокойно: двухмѣсячное пребываніе въ С.-Петербургѣ пріучило меня слышать взрывъ въ каждомъ подозрительномъ шорохѣ.

4.

Губительное вліяніе княгини Юрьевской явилось темой всѣхъ разговоровъ зимою 1880—1881 г. г. Члены Императорскаго Дома и представители петербургскаго общества открыто обвиняли ее въ намѣреніи передать диктаторскія полномочія ея любимцу графу Лорисъ-Меликову и установить въ Имперіи конституціонный образъ правленія.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, женщины были особенно безжалостны къ матери Гоги. Руководимыя уязвленнымъ самолюбіемъ и ослѣпленныя за-

вистью, онѣ спѣшили изъ одного великосвѣтскаго салона въ другой, распространяя самые невѣроятные слухи и поощряя клевету. Фактъ, что княгиня Юрьевская (Долгорукая) принадлежала по рожденію къ одному изъ стариннѣйшихъ русскихъ родовъ Рюриковичей, дѣлалъ ея положеніе еще болѣе труднымъ, ибо неугомонные сплетники распространяли фантастическіе слухи объ исторической враждѣ между Романовыми и Долгорукими. Они передавали легенду, какъ какой-то старецъ, 200 лѣтъ тому назадъ, предсказалъ преждевременную смерть тому изъ Романовыхъ, который женится на Долгорукой. Въ подтвержденіе этой легенды они ссылались на трагическую кончину Петра II. Развѣ онъ не погибъ въ день, назначенный для его бракосочетанія съ роковой княжной Долгорукой? И развѣ не было страннымъ то, что лучшіе доктора не могли спасти жизнь единственному внуку Петра Великаго?

Напрасно нашъ лейбъ-медикъ старался доказать суевѣрнымъ сплетникамъ, что медицинская наука въ восемнадцатомъ столѣтіи не умѣла бороться съ натуральной оспой, и что молодой Императоръ умеръ бы такъ же, если бы обручился съ самой счастливой дѣвушкой на свѣтѣ. Сплетники выслушивали мнѣніе медицинскаго авторитета, но продолжали свою кампанію.

Начало романа Государя съ княжной Долгорукой общественное мнѣніе связывало съ выступленіями нигилистовъ.

— Мой милый докторъ, — говорила одна титулованная дама съ большими связами, при всемъ уваженіи къ успѣхамъ современной науки, я право не вижу, какъ ваши коллеги могли бы воспрепятствовать нигилистамъ бросать бомбы въ направленіи, указанномъ нашимъ великимъ диктаторамъ?

Послѣднее относилось по адресу графа Лорисъ-Меликова, примиренческая политика котораго вызывала бурю негодованія у сановниковъ безъ постовъ и у непризнанныхъ спасителей отечества. Карьера и дѣятельность Лорисъ-Меликова являлись неисчерпаемой темой для разговоровъ въ свѣтскихъ и политическихъ салонахъ. Храбрый командиръ корпуса и помощникъ моего отца во время русско-турецкой войны 1877—78 г. г. графъ Лорисъ-Меликовъ, по мнѣнію своихъ враговъ, сталъ послушнымъ ору-

діемъ въ рукахъ княгини Юрьевской. Назначенный на постъ канцлера Имперіи, Лорисъ-Меликовъ пользовался полнымъ довѣріемъ Царя, и его глубокая привязанность къ Монарху была очевидна. Въ его страшной борьбѣ противъ террористовъ, предъ его глазами часто возникалъ образъ двухъ влюбленныхъ Зимняго Дворца, которые молили не нарушать ихъ идилліи. Классическая фраза про человѣка, который знаетъ хорошо дорогу, но предпочитаетъ идти по худшей, какъ нельзя болѣе подходила къ этому честному солдату. Послѣ долгихъ колебаній, онъ рѣшилъ внять мольбамъ влюбленной женщины и протянуть руку примиренія революціонерамъ, что и ускорило катастрофу. Революціонеры удвоили свои требованія и стали грозить открытымъ возстаніемъ. Люди, преданные престолу, возмущались и уклонялись отъ дѣятельности. А народъ — эти сто двадцать пять милліоновъ крестьянъ, раскинутыхъ по всему лицу земли русской, — говорилъ, что помѣщики наняли армянскаго генерала, чтобы убить царя за то, что онъ далъ мужикамъ волю.

Удивительное заключеніе, но оно представлялось вполнѣ логичнымъ, если принять во вниманіе, что, кромѣ С.-Петербурга, Москвы и нѣсколькихъ крупныхъ провинціальныхъ центровъ, въ которыхъ выходили газеты, вся остальная страна питалась слухами.

Правитель страны, обладавшій извѣстнымъ политическимъ цинизмомъ, могъ бы легко использовать эти народныя настроенія для поддержанія принципа абсолютной монархіи, но питомцы Военной Академіи никогда не изучали тонкое искусство политическаго цинизма. Наканунѣ новаго года 1881 г. Лорисъ-Меликовъ представилъ на утвержденіе Александра II проектъ коренной реформы русскаго государственнаго устройства, въ основу котораго были положены принципы англійской конституціи.

5.

Было бы слишкомъ слабымъ сравненіемъ, если бы я сказалъ, что мы всѣ жили въ осажденной крѣпости. На войнѣ друзья и враги извѣстны. Здѣсь мы ихъ не знали. Камеръ-лакей, подававшій утренній кофе, могъ быть на службѣ у нигилистовъ. Со времени ноябрьскаго взрыва,

каждый истопникъ, входящій къ намъ, чтобы вычистить каминъ, казался намъ носителемъ адской машины.

Въ виду значительности пространства, занимаемаго Петербургомъ, полиція не могла гарантировать безопасности всѣмъ членамъ Императорской семьи за предѣлами ихъ дворцовъ. Великія Князья просили Государя переселиться въ Гатчинскій дворецъ, но довѣрчивый Александръ II, унаслѣдовавшій отъ своего отца его храбрость, наотрѣзъ отказался покинуть столицу и измѣнить маршрутъ своихъ ежедневныхъ прогулокъ. Онъ категорически настаивалъ на неизмѣнности его обычнаго образа жизни, включая потулки въ Лѣтнемъ саду и воскресные парады войскамъ гвардіи. То, что мой отецъ долженъ былъ неизмѣнно сопровождать Государя во время этихъ воскресныхъ парадовъ, приводило мою матушку въ невѣроятный ужасъ, а отецъ подсмѣивался надъ ея страхами, ссылаясь на непоколебимую вѣрность арміи, но женскій инстинктъ оказался сильнѣе логики.

— Я не боюсь ни офицеровъ, ни солдатъ, — говорила мать, — но я не вѣрю полиціи, въ особенности въ воскресные дни. Путь къ Марсову полю достаточно длиненъ, чтобы всѣ мѣстные нигилисты могли видѣть вашъ проѣздъ по улицамъ. Я ни въ какомъ случаѣ не могу рисковать жизнью дѣтей, они должны оставаться дома и не ѣздить на парады.

Въ воскресенье, 1 марта 1881 года мой отецъ поѣхалъ по своему обыкновенію на парадъ въ половинѣ второго. Мы же, мальчики, рѣшили отправиться съ Никки и его матерью кататься на конькахъ. Мы должны были зайти за ними въ Зимній Дворецъ послѣ трехъ часовъ дня.

Ровно въ три часа раздался звукъ сильнѣйшаго взрыва.

— Это бомба! — сказалъ мой братъ Георгій.

Въ тотъ же моментъ еще болѣе сильный взрывъ потрясъ стекла оконъ въ нашей комнатѣ. Мы кинулись на улицу, но были остановлены воспитателемъ. Черезъ минуту въ комнату вбѣжалъ запыхавшійся лакей.

— Государь убитъ! — крикнулъ онъ: — и Великій Князь Михаилъ Николаевичъ тоже! Ихъ тѣла доставлены въ Зимній Дворецъ.

На его крикъ мать выбѣжала изъ своей комнаты. Мы всѣ бросились къ выходу въ карету, стоявшую у подъ-

ѣзда, и помчались въ Зимній Дворецъ. По дорогѣ насъ обогналъ батальонъ Л.-гв. Преображенскаго полка, который, съ ружьями на перевѣсъ, бѣжалъ въ томъ же направленіи.

Толпы народа собирались вокругъ Зимняго Дворца. Женщины истерически кричали. Мы вошли черезъ одинъ изъ боковыхъ входовъ. Вопросы были излишни: большія пятна черной крови указывали намъ путь по мраморнымъ ступенямъ и потомъ вдоль по коридору въ кабинетъ Государя. Отецъ стоялъ тамъ къ дверяхъ, отдавая приказанія служащимъ. Онъ обнялъ матушку, а она, потрясенная тѣмъ, что онъ былъ невредимъ, упала въ обморокъ.

Императоръ Александръ II лежалъ на диванѣ у стола. Онъ былъ въ безсознательномъ состояніи. Три доктора были около него, но было очевидно, что Государя нельзя было спасти. Ему оставалось нѣсколько минутъ жизни. Видъ его былъ ужасенъ: его правая нога была оторвана, лѣвая разбита, безчисленныя раны покрывали лицо и голову. Одинъ глазъ былъ закрытъ, другой — смотрѣлъ передъ собой безъ всякаго выраженія.

Каждую минуту входили одинъ за другимъ — члены Императорской Фамиліи. Комната была переполнена. Я схватилъ руку Никки, который стоялъ близко отъ меня, смертельно блѣдный, въ своемъ синемъ матросскомъ костюмчикѣ. Его мать, Цесаревна, была тутъ же и держала коньки въ дрожащихъ рукахъ.

Я нашелъ Цесаревича по его широкимъ плечамъ: онъ стоялъ у окна.

Княгиня Юрьевская вбѣжала полуодѣтая. Говорили, что какой-то чрезмѣрно усердный стражъ пытался задержать ее при входѣ. Она упала навзничь на тѣло Царя, покрывая его руки поцѣлуями и крича: «Саша! Саша!» Это было невыносимо. Великія Княгини разразились рыданіями.

Агонія продолжалась сорокъ пять минутъ. Всѣ, кто были во время ея, никогда не могл ея забыть. Изъ всѣхъ присутствовавшихъ никого, кромѣ меня, не осталось въ живыхъ. Большинство изъ нихъ погибло 37 лѣтъ спустя отъ руки большевиковъ. Комната была убрана въ стилѣ «ампиръ», съ драгоцѣнными бездѣлушками, разбросанными по столамъ, и многочисленными картинами по стѣнамъ. Надъ дверями была повѣшена наша увеличенная

фотографія моихъ братьевъ Николая, Михаила, Георгія и меня, снятыхъ на урокѣ артиллеріи у орудія въ Тифлисѣ. Видъ этой картины разрывалъ мое сердце.

— Спокойнѣе держись!—прошепталъ Наслѣдникъ, дотрагиваясь до моего плеча.

Прибывшій градоначальникъ сдѣлалъ подробный рапортъ о происшедшей трагедіи. Первая бомба убила двухъ прохожихъ и ранила казачьяго офицера, котораго злоумышленникъ принялъ за моего отца. Императоръ вышелъ изъ экипажа невредимъ. Кучеръ умолялъ его вернуться боковыми улицами обратно во дворецъ, но Государь сталъ оказывать помощь раненымъ. Въ это время какой-то незнакомецъ, который все время стоялъ на углу, бросилъ вторую бомбу подъ ноги Государю. Это произошло менѣе, чѣмъ за минуту до появленія моего отца; его задержалъ визитъ къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ. Задержка спасла ему жизнь.

— Тише! — возгласилъ докторъ: — Государь кончается!

Мы приблизились къ умирающему. Глазъ безъ всякаго выраженія попрежнему смотрѣлъ въ пространство. Лейбъ-хирургъ, слушавшій пульсъ Царя, кивнулъ головой и опустилъ окровавленную руку.

— Государь Императоръ скончался! — громко промолвилъ онъ.

Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала, какъ подкошенная на полъ. Ея розовый съ бѣлымъ рисункомъ пенюаръ былъ весь пропитанъ кровью.

Мы всѣ опустились на колѣни. Влѣво отъ меня стоялъ новый Императоръ. Странная перемѣна произошла въ немъ въ этотъ мигъ. Это не былъ тотъ самый Цесаревичъ Александръ Александровичъ, который любилъ забавлять маленькихъ друзей своего сына Никки тѣмъ, что разрывалъ руками колоду картъ или же завязывалъ узломъ желѣзный прутъ. Въ пять минутъ онъ совершенно преобразился. Что-то несоизмѣримо большее, чѣмъ простое сознаніе обязанностей монарха, освѣтило его тяжелую фигуру. Какой-то огонь святого мужества загорѣлся въ его спокойныхъ глазахъ. Онъ всталъ.

— Ваше Величество имѣете какія-нибудь приказанія? — спросилъ смущенно градоначальникъ .

— Приказанія? — переспросилъ Александръ III. Ко-

нечно! Но, повидимому, полиція совсѣмъ потеряла голову! Въ такомъ случаѣ армія возьметъ въ свои руки охрану порядка въ столицѣ! Совѣтъ министровъ будетъ собранъ сейчасъ же въ Аничковомъ дворцѣ.

Онъ далъ рукой знакъ Цесаревнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и они вышли вмѣстѣ. Ея миніатюрная фигура подчеркивала могучее тѣлосложеніе новаго Императора.

Толпа, собравшаяся предъ дворцомъ, громко крикнула «ура». Ни одинъ изъ Романовыхъ не подходилъ такъ близко къ народнымъ представленіямъ о Царѣ, какъ этотъ богатырь съ русой бородой.

Стоя у окна, мы видѣли, какъ онъ большими шагами шелъ къ коляскѣ, а его маленькая жена еле поспѣвала за нимъ. Онъ нѣкоторое время отвѣчалъ на привѣтствія толпы, затѣмъ коляска двинулась, окруженная сотнею Донскихъ казаковъ, которые скакали въ боевой готовности, и ихъ пики ярко блестѣли краснымъ отблескомъ въ послѣднихъ лучахъ багроваго мартовскаго заката.

Изъ комнаты почившаго выносили безчувственную княгиню Юрьевскую въ ея покои, и доктора занялись тѣломъ покойнаго Императора.

Гдѣ-то въ отдаленіи горько плакалъ маленькій Гога...

ГЛАВА V.

Императоръ Александръ III.

1.

Безчисленные огни высокихъ свѣчей. Духовенство въ траурномъ облаченіи. Хоры придворныхъ и митрополичьихъ пѣвчихъ. Сѣдыя головы колѣнопреклоненныхъ военныхъ. Заплаканныя лица великихъ княгинь. Озабоченный шопотъ придворныхъ. И общее вниманіе, обращенное на двухъ монарховъ: одного, лежащаго въ гробу съ кроткимъ, израненымъ лицомъ, и на другого, стоящаго у гроба, сильнаго, могучаго преодолѣвшаго свою печаль и ничего не страшащагося.

Въ теченіе семи дней мы присутствовали два раза въ день на торжественныхъ панихидахъ въ Зимнемъ Дворцѣ. На утро восьмого дня тѣло торжественно перенесли въ соборъ Петропавловской крѣпости. Чтобы дать возможность народу проститься съ прахомъ Царя-Освободителя, былъ избранъ самый длинный путь, и, такимъ образомъ, траурная процессія прошла по главнымъ улицамъ столицы.

Нервы наши были напряжены до послѣдней степени. Физическая усталость, въ соединеніи съ вѣчной тревогой, довела насъ, молодежь, почти до истерическаго состоянія. Ночью, сидя на нашихъ кроватяхъ, мы продолжали обсуждать катастрофу минувшаго воскресенья и спрашивали другъ друга, что же будетъ дальше? Образъ покойнаго Государя, склонившагося надъ тѣломъ раненаго казака и не думающаго о возможности вторичнаго покушенія, не

покидалъ насъ. Мы понимали, что что-то несоизмѣримо большее, чѣмъ нашъ любящій дядя и мужественный монархъ ушло вмѣстѣ съ нимъ невозвратимо въ прошлое. Идиллическая Россія съ Царемъ-Батюшкой и его вѣрноподданнымъ народомъ перестала существовать 1 марта 1881 г. Мы понимали, что Русскій Царь никогда болѣе не сможетъ относиться къ своимъ подданнымъ съ безграничнымъ довѣріемъ. Не сможетъ, забывъ цареубійство, всецѣло отдаться государственнымъ дѣламъ. Романтическія традиціи прошлаго и идеалистическое пониманіе русскаго самодержавія въ духѣ славянофиловъ — все это будетъ погребено, вмѣстѣ съ убитымъ Императоромъ, въ склепѣ Петропавловской крѣпости. Взрывомъ прошлаго воскресенья былъ нанесенъ смертельный ударъ прежнимъ принципамъ, и никто не могъ отрицать, что будущее не только Россійской Имперіи, но и всего міра зависѣло теперь отъ исхода неминуемой борьбы между новымъ русскимъ Царемъ и стихіями отрицанія и разрушенія.

2.

Къ счастью для Россіи, Императоръ Александръ III обладалъ всѣми качествами крупнаго администратора. Убѣжденный сторонникъ здоровой національной политики, поклонникъ дисциплины, настроенный къ тому же весьма скептически, Государь вступилъ на престолъ предковъ, готовый къ борьбѣ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ придворную жизнь, чтобы не испытывать презрѣнія къ бывшимъ сотрудникамъ своего отца, а его основательное знакомство съ правителями современной Европы внушило ему вполнѣ обоснованное недовѣріе къ ихъ намѣреніямъ. Императоръ Александръ III считалъ, что большинство русскихъ бѣдствій происходило отъ неумѣстнаго либерализма нашего чиновничества и отъ исключительнаго свойства русской дипломатіи поддаваться всякимъ иностраннымъ вліяніямъ.

Черезъ 24 часа послѣ погребенія Александра II, Александръ III особымъ манифестомъ далъ перечень намѣченныхъ имъ реформъ. Многое подлежало коренному измѣненію: методы управленія, взгляды, сами сановники, дипломаты и пр.... Графъ Лорисъ-Меликовъ и другіе министры были уволены въ отставку, а ихъ замѣнили люди

дѣла, взятые не изъ придворной среды, что вызвало немедленно возмущеніе въ петербургскихъ аристократическихъ салонахъ.

— Наступили дни «черной реакціи» — увѣряли безутѣшные сторонники либеральныхъ реформъ, но біографіи новыхъ министровъ, казалось бы, опровергали это предвзятое мнѣніе. Князь Хилковъ, назначенный министромъ путей сообщенія, провелъ свою полную приключеній молодость въ Соединенныхъ Штатахъ, работая въ качествѣ простого рабочаго на рудникахъ Пенсильваніи. Профессоръ Вышнеградскій — министръ финансовъ — пользовался широкой извѣстностью за свои оригинальныя экономическія теоріи. Ему удалось привести въ блестящее состояніе финансы Имперіи и немало содѣйствовать повышенію промышленности страны. Заслуженный герой русско-турецкой войны генералъ Ванновскій былъ назначенъ военнымъ министромъ. Адмиралъ Шестаковъ, высланный Александромъ II заграницу за безпощадную критику нашего военнаго флота, былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ морскимъ министромъ. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой былъ первымъ русскимъ администраторомъ, сознававшимъ, что забота о благосостояніи сельскаго населенія Россіи должна быть первой задачей государственной власти.

С. Ю. Витте, бывшій скромнымъ чиновникомъ управленія Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, обязанъ былъ своей головокружительной карьерой дальнозоркости Императора Александра III, который, назначивъ его товарищемъ министра, сразу же призналъ его талантъ.

Назначеніе Гирса, тонко воспитаннаго, но лишеннаго всякой инціативы человѣка, на постъ министра иностранныхъ дѣлъ вызвало немалое удивленіе какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Но Александръ III только усмѣхался. Охотнѣе всего онъ предпочелъ бы быть самолично русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, но такъ какъ онъ нуждался въ подставномъ лицѣ, то выборъ его палъ на послушнаго чиновника, который долженъ былъ слѣдовать намѣченному имъ, монархомъ, пути, смягчая рѣзкія выраженія русскаго Царя изысканнымъ стилемъ дипломатическихъ нотъ. Послѣдующіе годы доказали и несомнѣнный умъ Гирса. Ни одинъ «международный властитель думъ и сердецъ», ни одинъ «кумиръ европей-

скихъ столицъ» не могъ смутить Гирса въ его точномъ исполненіи приказаній Императора. И, такимъ образомъ, впервые послѣ вѣковыхъ ошибокъ, Россія нашла свою ярко-выраженную національную политику по отношенію къ иностраннымъ державамъ.

Сформировавъ совѣтъ министровъ и выработавъ новую политическую программу, Александръ III обратился къ важному вопросу обезпеченія безопасности Царской семьи. Онъ разрѣшилъ его единственнымъ логическимъ способомъ — именно переѣхавъ на постоянное жительство въ Гатчинскій дворецъ. Гордость Царя была задѣта: «Я не боялся турецкихъ пуль, и вотъ долженъ прятаться отъ революціоннаго подполья въ своей странѣ», говорилъ онъ съ раздраженіемъ. Но Императоръ Александръ III сознавалъ, что Россійская Имперія не должна подвергаться опасности потерять двухъ Государей въ теченіе одного года.

Что же касается его государственной работы, то она только выиграла отъ разстоянія, отдѣлявшаго Гатчину отъ С.-Петербурга. Это разстояніе дало Александру III предлогъ для того, чтобы сократить елико возможно, обязанности по представительству, а также уменьшить количество визитовъ родственниковъ. Императоръ томился на семейныхъ собраніяхъ. Онъ находилъ безцѣльной тратой времени — безконечные разговоры со своими братьями, дядями и двоюродными братьями. Онъ не имѣлъ ничего противъ самыхъ маленькихъ — Сергѣй и я почти ежедневно посѣщали Никки и Жоржа (Георгія Александровича), но для взрослыхъ, осаждавшихъ его вѣчными просьбами, у Царя не было ни терпѣнія, ни времени.

Въ продолженіе царствованія Александра III Гатчинскій дворецъ сталъ, наконецъ, тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть, — мѣстомъ трудовъ самаго занятого человѣка Россіи.

3.

Мы обязаны Британскому правительству тѣмъ, что Александръ III очень скоро выказалъ всю твердость своей внѣшней политики. Не прошло и года по восшествіи на престолъ молодого Императора, какъ произошелъ серьезный инцидентъ на русско-афганской границѣ. Подъ

вліяніемъ Англіи, которая со страхомъ взирала на ростъ русскаго вліянія въ Туркестанѣ, афганцы заняли русскую территорію по сосѣдству съ крѣпостью Кушкою. Командиръ военн. округа телеграфировалъ Государю, испрашивая инструкцій. «Выгнать и проучить какъ слѣдуетъ», былъ лаконическій отвѣтъ изъ Гатчины. Афганцы постыдно бѣжали, и ихъ преслѣдовали нѣсколько десятковъ верстъ наши казаки, которые хотѣли взять въ плѣнъ англійскихъ инструкторовъ, бывшихъ при афганскомъ отрядѣ. Но они успѣли скрыться.

Британскій Ея Королевскаго Величества посолъ получилъ предписаніе выразить въ С. Петербургѣ рѣзкій протестъ и потребовать извиненій.

— Мы этого не сдѣлаемъ,—сказалъ Императоръ Александръ III и наградилъ генерала Комарова, Начальника пограничнаго отряда, орденомъ Св. Георгія 3 степени.—Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорію, — заявилъ Государь.

Гирсъ задрожалъ.

— Ваше Величество, это можетъ вызвать вооруженное столкновеніе съ Англіей.

— Хотя бы и такъ, — отвѣтилъ Императоръ.

Новая угрожающая нота пришла изъ Англіи. Въ отвѣтъ на нее Царь отдалъ приказъ о мобилизаціи Балтійскаго флота. Это распоряженіе было актомъ высшей храбрости, ибо британскій военный флотъ превышалъ наши морскія вооруженныя силы по крайней мѣрѣ въ пять разъ.

Прошло двѣ недѣли. Лондонъ примолкъ, а затѣмъ предложилъ образовать комиссію для разсмотрѣнія русско-афганскаго инцидента.

Европа начала смотрѣть другими глазами въ сторону Гатчины. Молодой русскій монархъ оказался лицомъ, съ которымъ приходилось серьезно считаться Европѣ.

Виновницей второго инцидента оказалась Австрія. Вѣнское правительство противилось нашему «непрерывному вмѣшательству въ сферу вліянія Австро-Венгріи» на Балканахъ, и австро-венгерскій посолъ въ С. Петербургѣ угрожалъ намъ войною.

На большомъ обѣдѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, сидя за столомъ напротивъ Царя, посолъ началъ обсуждать докучливый балканскій вопросъ. Царь дѣлалъ видъ, что

не замѣчаетъ его раздраженнаго тона. Посолъ разгорячился и даже намекнулъ на возможность, что Австрія мобилизуетъ два или три корпуса. Не измѣняя своего полунасмѣшливаго выраженія, Императоръ Александръ III взялъ вилку, согнулъ ее петлей и бросилъ по направленію къ прибору австрійскаго дипломата:

— Вотъ, что я сдѣлаю съ вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами, — спокойно сказалъ Царь.

— Во всемъ свѣтѣ у насъ только 2 вѣрныхъ союзника, — любилъ онъ говорить своимъ министрамъ: — наша армія и флотъ. Всѣ остальные, при первой возможности, сами ополчатся противъ насъ.

Это мнѣніе Александръ III выразилъ однажды въ очень откровенной формѣ на обѣдѣ, данномъ въ честь прибывшаго въ Россію Князя Николая Черногорскаго, въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса. Поднявъ бокалъ за здоровье своего гостя, Александръ III провозгласилъ слѣдующій тостъ:

— Я пью за здоровье моего друга, князя Николая Черногорскаго, единаго искренняго и вѣрнаго союзника Россіи внѣ ея территоріи.

Присутствовавшій Гирсъ открылъ ротъ отъ изумленія; дипломаты поблѣднѣли.

Лондонскій «Таймсъ» писалъ на другое утро «объ удивительной рѣчи, произнесенной русскимъ Императоромъ, идущей вразрѣзъ со всѣми традиціями въ сношеніяхъ между дружественными державами».

Но въ то врмя, какъ Европа все еще обсуждала послѣдствія инцидента подъ Кушкой, русское императорское правительство сдѣлало новое заявленіе, заставившее лондонскій кабинетъ запросить по телеграфу Петербургъ о достовѣрности полученной въ Лондонѣ ноты. Не признавая условій позорнаго Парижскаго мира 1855 г., по которому Россіи было запрещено имѣть на Черномъ морѣ военный флотъ, Александръ III рѣшилъ спустить на воду нѣсколько военныхъ кораблей именно въ Севастополѣ, гдѣ коалиція европейскихъ державъ унизила русское имя въ 1855 году. Царь выбралъ для этого чрезвычайно благопріятный моментъ, когда никто изъ европейскихъ державъ, за исключеніемъ Англіи, не былъ склоненъ угрожать войною Россіи. Турція еще помнила урокъ 1877—78 г. г. Австрія была связана политикой Бисмарка,

который мечталъ заключить съ Россіей союзъ. Проектъ Желѣзнаго Канцлера былъ бы несомнѣнно осуществленъ, если бы Александръ III не чувствовалъ бы личной непріязни къ молодому неуравновѣшенному германскому императору, а Вильгельмъ II и его «Свенгалли» — Бисмаркъ — не могли понять характера русскаго Императора. Во время ихъ визита въ С.-Петербургъ они оба вели себя совершенно невозможно. Вильгельмъ II держалъ громкія рѣчи, а Бисмаркъ позволилъ себѣ прочесть Александру III цѣлую лекцію объ искусствѣ управленія Имперіей. Все это окончилось плохо. Бисмарку объявили выговоръ, а Вильгельма высмѣяли. Оба монарха — русскій и германскій — представляли своими личностями разительный контрастъ. Вильгельмъ — жестикулирующій, бѣгающій взадъ и впередъ, повышающій голосъ и извергающій цѣлый арсеналъ международныхъ плановъ; Александръ III — холодный, сдержанный, внѣшне, какъ бы забавляющійся экспансивностью германскаго императора, но въ глубинѣ души возмущенный его поверхностными сужденіями.

Тѣ изъ насъ, которымъ пришлось быть свидѣтелями событій 1914 года, склонны упрекать Александра III въ томъ, что въ немъ личныя чувства антипатіи къ Вильгельму II взяли перевѣсъ надъ трезвостью практическаго политика. Какъ могло случиться, что русскій монархъ, бывшій воплощеніемъ здраваго смысла, отклонилъ предложенія Бисмарка о русско-германскомъ союзѣ и согласился на рискованный союзъ съ Франціей? Этому можно найти очень простое объясненіе. Не будучи провидцемъ ошибокъ, допущенныхъ въ иностранной политикѣ въ царствованіе Николая II, и послѣдствій неудачной русско-японской войны и революціи 1905 г., Александръ III кромѣ того переоцѣнивалъ наше военное могущество.

Онъ былъ увѣренъ, что въ Европѣ воцарится продолжительный миръ, если Россія морально поддержитъ Французскую республику, предостерегая такимъ образомъ Германію отъ агрессивности 1870 г. Возможность вмѣшательства Франціи въ рѣшительную борьбу между Англіей и Германіей за міровое владычество на моряхъ — просто не приходила Царю въ голову. Если бы онъ остался бы долѣе у власти, онъ съ негодованіемъ отвергъ бы роль франко-англійскаго парового катка, сглаживающаго

малѣйшую неровность на ихъ пути, каковая роль была навязана Россіи въ 1914 году.

Онъ жаждалъ мира, сто лѣтъ ненарушимаго мира. Только открытое нападеніе на Россію заставило бы Александра III участвовать въ войнахъ. Горькій опытъ XIX вѣка научилъ Царя, что каждый разъ, когда Россія принимала участіе въ борьбѣ какихъ-либо европейскихъ коалицій, ей приходилась впослѣдствіи лишь горько объ этомъ сожалѣть. Александръ I спасъ Европу отъ Наполеона I, и слѣдствіемъ этого явилось созданіе на западныхъ границахъ Россійской Имперіи — могучихъ Германіи и Австро-Венргіи. Его дѣдъ Николай I послалъ русскую армію въ Венгрію для подавленія революціи 1848 г. и возстановленія Габсбурговъ на венгерскомъ престолѣ, и въ благодарность за эту услугу — императоръ Францъ-Іосифъ потребовалъ себѣ политическихъ компенсацій за свое невмѣшательство во время Крымской войны. Императоръ Александръ II остался въ 1870 году нейтральнымъ, сдержавъ такимъ образомъ слово, данное Императору Вильгельму I, а восемь лѣтъ спустя на Берлинскомъ конгрессѣ Бисмаркъ лишилъ Россію плодовъ ея побѣдъ надъ турками.

Французы, англичане, нѣмцы, австрійцы—всѣ въ разной степени дѣлали Россію орудіемъ для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей. У Александра III не было дружескихъ чувствъ въ отношеніи Европы. Всегда готовый принять вызовъ Александръ III, однако, при каждомъ удобномъ случаѣ давалъ понять, что интересуется только тѣмъ, что касалось благосостоянія 130 милліоновъ населенія Россіи.

4.

Двадцать шесть мѣсяцевъ, протекшихъ между убійствомъ Александра II и коронаціей Александра III, могли бы быть отмѣчены прямо магическимъ улучшеніемъ международнаго положенія Россіи. Мудрый гатчинскій самодержецъ нанесъ революціи сокрушительный ударъ. Большинство русскихъ революціонеровъ были арестованы и понесли наказаніе. Другіе спрятались въ подполье или же бѣжали заграницу. «Новая эпоха для крестьянъ», провоз-

глашенная съ высоты трона, означала, что Царь понималъ необходимость тѣснаго общенія съ русскимъ народомъ. Учрежденіе должности земскихъ начальниковъ въ 1882 г. заполнило пробѣлъ, оставленный освободительной реформою. Дѣйствуя въ качествѣ представителей власти на мѣстахъ, земскіе начальники значительно способствовали упорядоченію русскаго крестьянскаго быта. Они разрѣшали споры по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, отправляли функціи судей первой инстанціи по маловажнымъ дѣламъ, способствовали переселенію малоземельныхъ въ Сибирь и въ Туркестанъ и содѣйствовали развитію сельской кооперації. Но самое главное это то, что они повели безпощадную борьбу съ подсознательнымъ духомъ анархіи среди крестьянства, являвшемся послѣдствіемъ историческихъ процессовъ — какъ-то: татарскаго ига, пугачевщины и крѣпостного права. Чтобы оцѣнить эту реформу Александра III, нужно имѣть въ виду, что русское крестьянство любило монарха и относилось къ правительству съ недовѣріемъ. Еще не сознавая государственной необходимости какого бы то ни было правительства, наша деревня взирала на власть, какъ на аппаратъ принужденія, высасывающій изъ народа соки и ничего не дающій взамѣнъ. Правительство требовало рекрутовъ, взимало подати, поддерживало авторитетъ запретительныхъ мѣръ и мало поощряло народныя массы. Пока русскіе крестьяне находились въ крѣпостномъ состояніи, они сознавали, что помѣщики, какъ бы плохи они ни были, охраняли ихъ отъ нажима власти. Получивъ въ 1861 году вольную, русскіе крестьяне не могли больше надѣяться на опеку своихъ прежнихъ господъ и сдѣлались добычей революціонныхъ агитаторовъ, обѣщающихъ золотую эру свободы и безначалія по ниспроверженіи самодержавія. Вполнѣ понятно, что въ началѣ введеніе института земскихъ начальниковъ было встрѣчено въ лѣвыхъ русскихъ кругахъ враждебно. Русское «общественное мнѣніе» находило, что правительство, въ лицѣ земскихъ начальниковъ учредило на мѣстахъ новыя должности правительственныхъ шпіоновъ. Къ тому же задача новыхъ должностныхъ лицъ оказалась непосильно тяжелой: кромѣ большихъ знаній и опытности, должность земскаго начальника требовала отъ вновь посвященныхъ

большого такта и даже дипломатическихъ способностей. Шагъ за шагомъ должны были земскіе начальники завоевать довѣріе крестьянъ.

Императоръ Александръ III съ большимъ интересомъ слѣдилъ за успѣхами своихъ посланниковъ, аккредитованныхъ — при «Ихъ Величествахъ — Мужикахъ». Конечной цѣлью задуманной реформы было увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія. Къ сожалѣнію, преждевременная кончина государя помѣшала ему осуществить его завѣтную мечту созданія въ Россіи крѣпкаго класса крестьянъ — мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Тѣмъ не менѣе, введеніе института земскихъ начальниковъ имѣло для сельскаго населенія Россіи положительное значеніе, лучшимъ доказательствомъ чему явилась та враждебность, съ которой отнеслись къ реформѣ революціонные круги. Разговаривая съ делегаціей крестьянъ во время коронаціонныхъ торжествъ въ маѣ 1883 г. въ Москвѣ, Царь просилъ ихъ высказать свое откровенное мнѣніе объ учрежденіи должности земскихъ начальниковъ. Въ этой делегаціи участвовало свыше десяти тысячъ крестьянъ со всѣхъ концовъ необъятной Россіи. И вотъ и старые, и молодые — высказались всѣ единогласно въ пользу новыхъ царскихъ чиновниковъ, которые относились къ сельскому населенію съ большой заботой и дружелюбіемъ, причемъ крестьяне даже просили, чтобы судебныя функціи земскихъ начальниковъ были по возможности расширены.

5.

Ни одинъ очеркъ царствованія Императора Александра III не въ состояніи дать болѣе яркой характеристики новой эпохи русскаго самодержавія, чѣмъ описаніе коронованія Ихъ Величествъ въ 1883 г. Иностранные гости, проведшіе въ Москвѣ незабвенную недѣлю съ 10 по 17 мая, почувствовали, что они присутствовали при томъ, какъ создавалась исторія новой Россіи. Казалось, что новая Россія, со всѣми ея неограниченными возможностями, выявила свой полный новый обликъ въ древней столицѣ русскихъ царей. Съ конца апрѣля приливъ сотенъ тысячъ пріѣзжихъ изъ различныхъ губерній и областей, а также изъ за-границы, почти утроилъ населеніе Перво-

престольной. Экстренные поѣзда прибывали въ Москву почти каждый часъ и доставляли коронованныхъ особъ Европы, членовъ царствовавшихъ домовъ и представителей иностранныхъ государствъ. Министръ императорскаго двора, бывшій предсѣдателемъ комитета по пріему высокихъ гостей, буквально разрывался на части, съ трудомъ поспѣвая съ вокзала на вокзалъ, слѣдя за послѣдними приготовленіями и за строгимъ исполненіемъ служебнаго церемоніала. По установившемуся обычаю, прибывавшихъ высочайшихъ особъ должны были встрѣчать на вокзалѣ и сопровождать повсюду лица по положенію равныя, а это означало, что мы, великіе князья, должны были все наше время удѣлять прибывшимъ высокимъ гостямъ. Я долженъ былъ оказывать знаки гостепріимства эрцгерцогу Карлу-Людвигу австрійскому и его поразительно красивой женѣ Маріи Терезіи. Мы очень быстро подружились, хотя меня и утомляло сопровождать ихъ повсюду, давая безконечныя объясненія относительно церквей, музеевъ, историческихъ зданій и святыхъ Кремля. Должно быть, я хорошо справился съ моей не слишкомъ завидной миссіей, такъ какъ къ концу празднествъ мои высокіе гости выразили желаніе посѣтить С. Петербургъ и просили Царя, чтобы я ихъ сопровождалъ въ столицу.

Коронаціонныя празднества открылись торжественнымъ въѣздомъ Государя и его семьи въ Москву. Въ половинѣ девятаго утра великіе князья и иностранные принцы ожидали верхомъ на коняхъ у крыльца Троицкаго дворца выхода Александра III, чтобы сопровождать его при въѣздѣ въ Кремль. Ровно въ 10 час. утра Царь вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ, сѣлъ верхомъ на коня и подалъ знакъ къ отбытію. Онъ ѣхалъ одинъ, впереди насъ всѣхъ, Эскадронъ кавалергардовъ ѣхалъ впереди кортежа и возвѣщалъ его приближеніе народу и войскамъ, которыя стояли шпалерами вдоль всего пути слѣдованія. Длинный поѣздъ золотыхъ каретъ слѣдовалъ за нашей кавалькадой. Въ первомъ экипажѣ сидѣла Императрица Марія Федоровна съ восьмилѣтней великой княжной Ксеніей и королевой греческой Ольгой. Остальныя великія княгини, принцессы королевской крови и заслуженныя статсъ-дамы размѣстились въ остальныхъ каретахъ кортежа.

Громовое «ура» сопровождало насъ по всему пути

слѣдованія до Иверской часовни, гдѣ Императоръ сошелъ съ коня и, въ сопровожденіи Императрицы, вошелъ въ часовню, чтобы поклониться иконѣ Иверской Божіей Матери. Мы въѣхали въ Кремль черезъ Спасскія ворота и подъѣхали къ Архангельскому собору. Офиціальная программа дня закончилась молебствіемъ, отслуженнымъ митрополитомъ Московскимъ при участіи хора Придворно-Пѣвческой Капеллы. Вторая половина дня 12 мая и весь слѣдующій день были заняты обмѣномъ визитовъ между членами императорской фамиліи и иностранными высочайшими особами, а также различными развлеченіями, данными въ ихъ честь. 15 мая началось салютомъ въ 101 выстрѣлъ со стѣнъ Кремля. Мы собрались въ залѣ Большого дворца. На этотъ разъ мы представляли собою очень живописную группу, такъ какъ каждый изъ великихъ князей и иностранныхъ принцевъ былъ одѣтъ въ форму своего полка. Вспоминаю герцога Эдинбургскаго, младшаго сына королевы Викторіи, чрезвычайно элегантнаго въ формѣ адмирала британскаго флота. Русскіе великіе князья надѣли, ради торжественнаго случая, цѣпи ордена Св. Андрея Первозваннаго, украшенныя бриллiантами, съ бриллiантовыми же двуглавыми орлами. На великихъ княгиняхъ и иностранныхъ принцессахъ были великолѣпныя драгоцѣнности, и я думаю, что ни я, никто другой не видалъ такого количества роскошныхъ украшеній, какъ въ этотъ день 15 мая 1883 года.

Въ залѣ царила полная, какъ бы священная тишина. Все замерло въ теченіе нѣсколькихъ минутъ до выхода Государя и Государыни. Мы всѣ находились подъ впечатлѣніемъ предстоящаго таинства и понимали, что слова излишни въ такой день, когда русскій Самодержецъ получаетъ благословеніе Всевышняго и помазаніе на царство. Конечно, послѣдняя фраза можетъ показаться наивной многимъ убѣжденнымъ демократамъ, но многочисленныя сцены «народныхъ вотумовъ», которыя мнѣ приходилось наблюдать въ демократическихъ странахъ, заставляютъ меня относиться съ большимъ недовѣріемъ и къ демократіи, и къ ея всѣмъ формамъ.

Государь и Государыня появились, когда часы пробили девять. Привыкнувъ къ скромной жизни Гатчинскаго двора, Александръ III былъ явно недоволенъ окружавшей его пышностью. «Я знаю», — говорило выраженіе

его лица: «что мнѣ черезъ это надо пройти, но чѣмъ скорѣе все это будтъ окончено, тѣмъ для меня будетъ пріятнѣе». Императрица, повидимому, наоборотъ, наслаждалась. Ей было пріятно видѣть своихъ родныхъ. Она любила торжественныя церемоніи. Миніатюрная, по сравненію съ великаномъ — Царемъ, она расточала всѣмъ присутствовавшимъ свою ласковую чарующую улыбку. Залитая драгоцѣнностями, какъ нѣкое восточное божество, она двигалась впередъ маленькими шагами, и четыре камеръ-пажа несли ея длинный, вышитый золотомъ и отороченный горностаемъ шлейфъ. Послѣ традиціоннаго цѣлованія руки, въ которомъ приняли участіе всѣ присутствовавшіе и дамы въ томъ числѣ, во время котораго Государь стоялъ по серединѣ зала и наблюдалъ за происходящимъ изъ подъ своихъ густыхъ бровей, гофмаршалъ объявилъ, что все готово къ выходу. Государь подалъ руку Императрицѣ, и шествіе двинулось къ выходу, черезъ залы, наполненныя придворными, дипломатами, министрами и военными.

Слѣдуя церемоніалу, Императорская чета вышла на Красное Крыльцо, и по старинному обычаю, трижды земно поклонилась многотысячной толпѣ, стоявшей въ Кремлѣ. Оглушительные крики «ура» встрѣтили Высочайшій выходъ. Это былъ самый лучшій моментъ коронаціонныхъ торжествъ, заставившій насъ вспомнить о древнихъ русскихъ царяхъ: начиная съ Ивана III, всѣ русскіе Цари выражали свою готовность служить народу этими тремя земными поклонами со ступеней Краснаго Крыльца. Затѣмъ шествіе двинулось на спеціально сооруженный деревянный помостъ, покрытый краснымъ сукномъ, который велъ въ Успенскій соборъ. Съ своего мѣста я видѣлъ россійскія императорскія регаліи, которыя важно несли высшіе сановники Двора: государственное знамя, мечъ, скипетръ, державу, щитъ и замѣчательно красивую императорскую корону.

Восемь генералъ-адъютантовъ держали надъ Государемъ красный съ золотомъ балдахинъ; восемь камергеровъ держали такой же балдахинъ надъ Императрицей. Два фельдмаршала — мой отецъ и мой дядя Николай Николаевичъ шли непосредственно за Государемъ, остальные члены императорской фамиліи, а также иностранные принцы и принцессы слѣдовали за Императрицей.

Дворцовые гренадеры въ формахъ 1812 года и въ медвѣжьихъ шапкахъ стояли вдоль пути царскаго слѣдованія. Съ колокольни Ивана Великаго раздался тяжелый ударъ большого колокола, и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ сорокъ сороковъ московскихъ храмовъ начали торжественный перезвонъ. Раздались величавые звуки народнаго гимна, который исполнялъ хоръ въ пятьсотъ человѣкъ. Глядя съ высоты внизъ на океанъ мелькающихъ рукъ и непокрытыхъ головъ, я видѣлъ и лица, мокрыя отъ слезъ. Я самъ старался проглотить слезы, волненіе сдавило мнѣ горло, — Россія въ эту минуту во мнѣ побѣдила кавказца.

Три митрополита и сонмъ архіепископовъ и епископовъ встрѣтили Ихъ Величества при входѣ въ соборъ и проводили къ тронамъ, сооруженнымъ посреди храма. Большая ложа направо была предназначена для Царской фамиліи и иностранныхъ принцевъ, ложа налѣво — для высшихъ сановниковъ имперіи, военныхъ и иностранныхъ дипломатовъ.

Я съ нетерпѣніемъ прослушалъ длинную торжественную службу, которую служилъ Высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, митрополитъ С. Петербургскій, какъ старшій по посвященію митрополитъ.

Когда, наконецъ, наступилъ долгожданный моментъ, Митрополитъ взялъ съ красной бархатной подушки Императорскую корону и передалъ ее въ руки Царя. Александръ III возложилъ собственноручно корону на свою голову и затѣмъ, взявъ вторую корону Императрицы, повернулся къ колѣнопреклоненной Государынѣ и надѣлъ ей на голову корону. Этимъ обрядомъ символизировалась разница между правами Императора, данными ему свыше, и прерогативами Императрицы, полученными ею отъ Императора.

Императрица поднялась съ колѣнъ, и Царская чета повернулась лицомъ къ нашей ложѣ, олицетворяя собою гармонію суроваго могущества и граціозной красоты.

Затѣмъ Императоръ подошелъ къ иконостасу, чтобы принять Св. Причастіе. Такъ какъ русскій монархъ является главою русской православной церкви, то, причащаясь въ день коронаціи, онъ беретъ чашу изъ рукъ митрополита и причащается самъ. Послѣ этого причастили Императрицу, и коронованіе закончилось. Шествіе въ

томъ же порядкѣ возвратилось во дворецъ, колокола опять звонили, послышался пушечный салютъ, и народъ выражалъ криками еще большій восторгъ при видѣ коронованныхъ Государя и Государыни. Достигнувъ Краснаго Крыльца, Царь и Царица еще разъ трижды земно поклонились народу, послѣ чего направились въ самую древнюю часть дворца, въ такъ называемую Грановитою Палату, гдѣ на высокомъ помостѣ состоялась Высочайшая трапеза.

Остальные три дня празднествъ оставили во мнѣ только чувство пріятной усталости. Вѣрная традиціямъ гостепріимства, Москва и на этотъ разъ поразила всѣхъ своимъ хлѣбосольствомъ. Мы танцовали на балу, данномъ московскимъ дворянствомъ. Мы были въ числѣ восьми тысячъ приглашенныхъ на балу, въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ. Мы завтракали въ городской думѣ, обѣдали у земства и ужинали въ офицерскихъ собраніяхъ. Мы разъѣзжали по улицамъ, на которыхъ раздавались непрерывно музыка и пѣніе. Мы смотрѣли на раздачу подарковъ 500.000 рабочихъ и крестьянъ на Ходынскомъ полѣ. Мы отдали должное талантамъ повара митрополита Московскаго, извѣстнаго искуснымъ приготовленіемъ постнаго стола. Мы принимали делегаціи, присутствовали ежедневно на представленіяхъ императорскаго балета, провожали иностранныхъ принцевъ и принцессъ при отходѣ ихъ экстренныхъ поѣздовъ, причемъ гости и гостепріимные хозяева еле держались на ногахъ отъ усталости.

18 мая Императоръ отправился отдохнуть въ свою резиденцію подъ Москвой — Нескучное, расположенную на берегу Москвы-рѣки подъ сѣнью вѣкового парка.

Лежа въ высокой, сочной травѣ и слушая пѣніе соловьевъ надъ нашими головами, мы четверо — Никки, Жоржъ, Сергѣй и я — дѣлились между собою тѣмъ совершенно новымъ, поразительнымъ чувствомъ спокойствія, полной безопасности, которое было у насъ въ теченіе всѣхъ коронаціонныхъ празднествъ.

— Подумай, какой великой страной станетъ Россія къ тому времени, когда мы будемъ сопровождать Никки въ Успенскій соборъ, — мечтательно сказалъ братъ Сергѣй.

Никки улыбнулся своей обычной мягкой, робкой, чуть чуть грустной улыбкой.

ГЛАВА VI.

Юность и совершеннолѣтіе.

Десяти лѣтъ отъ роду я началъ задумываться надъ своимъ будущимъ.

— Что касается меня, то я бы хотѣлъ, чтобы мои дѣти были хорошими артиллеристами, — говаривалъ отецъ каждый разъ, когда я начиналъ строить планы на будущее, — Но, конечно, каждый изъ васъ долженъ слѣдовать своему призванію.

«Призваніе» — это звучало великолѣпно и означало, что въ день моего производства въ первый офицерскій чинъ мнѣ будетъ позволено сдѣлать самому окончательный выборъ среди «подходящихъ» полковъ Императорской гвардіи! Одна мысль о томъ, что одинъ изъ насъ могъ бы избрать какую-либо другую карьеру, кромѣ военной, могла бы показаться нашимъ родителямъ полнымъ абсурдомъ, ибо традиціи Дома Романовыхъ требовали, чтобы всѣ его члены были военными; личные вкусы и склонности никакой роли не играли.

Мысль о поступленіи во флотъ пришла мнѣ въ голову въ 1878 году, когда, по счастливому недоразумѣнію, въ число нашихъ наставниковъ попалъ веселый и покла-
Совершенно неспособный къ роли преподавателя или вос-
дистый лейтенантъ — Николай Александровичъ Зеленый.
питателя, онъ позволялъ намъ дѣлать съ собой все что угодно, и мы проводили наши, обычно столь унылые, утренніе часы, слушая разсказы Зеленаго о привольной жизни, которую вели моряки русскаго военнаго флота. Если вѣрить всѣмъ словамъ этого восторженнаго моряка, получалось впечатлѣніе, что флотъ Его Императорскаго Ве-

личества переходилъ отъ одного блестящаго приключенія къ другому, и жизнь, полная неожиданностей, выпадала на долю каждаго, кто былъ на борту русскаго военнаго корабля.

— Вотъ слушайте, — начиналъ обычно Зеленый, — случилось это въ Шанхаѣ...

Дальше онъ не могъ говорить, такъ какъ его упитанное тѣло начинало вздрагивать отъ взрывовъ безудержнаго смѣха. Но когда, насмѣявшись вдоволь, онъ разсказывалъ намъ, что же такое случилось въ Шанхаѣ, наступала наша очередь, и мы буквально катались по полу отъ смѣха, а Зеленый хохоталъ до слезъ.

Заражающая веселость Зеленаго опредѣлила мой выборъ. Я началъ мечтать о таинственныхъ женщинахъ, разъѣзжающихъ на рикшахъ по узкимъ улицамъ Шанхая. Я жаждалъ видѣть волшебное зрѣлище индусскихъ фанатиковъ, которые на зарѣ входили въ священныя воды Ганга. Я горѣлъ желаніемъ посмотрѣть на стадо дикихъ слоновъ, которые неслись по непроходимымъ дебрямъ Цейлонскихъ лѣсовъ. Я окончательно рѣшилъ сдѣлаться морякомъ.

— Морякомъ! мой сынъ будетъ морякомъ!

Матушка въ ужасѣ смотрѣла на меня.

— Ты вѣдь еще дитя и не понимаешь того, что говоришь. Твой отецъ тебѣ этого никогда не позволитъ.

Дѣйствительно, отецъ, услыхавъ о моемъ желаніи, сильно нахмурился. Флотъ не говорилъ ему ничего. Единственные два члена Императорской Фамиліи, служившіе во флотѣ, не сдѣлали въ немъ, по мнѣнію отца, никакой карьеры. На его брата моряка Константина Николаевича смотрѣли какъ на опаснаго либерала. Его племянникъ Алексѣй Александровичъ слишкомъ увлекался прекраснымъ поломъ.

Не имѣло никакого значенія, что русскій флотъ ни въ малѣйшей степени не былъ виноватъ ни въ либерализмѣ Константина Николаевича, ни въ развитіи романтическихъ наклонностей Алексѣя Александровича. Мои родители хотѣли, чтобы ихъ сынъ ничѣмъ не походилъ ни на одного изъ этихъ родственниковъ, служившихъ во флотѣ!

Но эти мнѣнія родителей не измѣнили моего рѣшенія. Въ моемъ характерѣ заложено значительное упор-

ство. Въ концѣ концовъ, родители мои сдались и обѣщали разрѣшить этотъ сложный вопросъ въ теченіе нашего осенняго пребыванія въ С. Петербургѣ. Они полагали, что жизнь въ атмосферѣ двора и великолѣпныхъ воскресныхъ парадовъ преисполнить мое сердце желаніемъ носить блестящую форму. Они забывали о петербургскихъ туманахъ, унылыхъ сумеречныхъ дняхъ, о вѣчной сырости и о напряженности политической обстановки. Сѣверная столица возымѣла на меня какъ разъ обратное дѣйствіе болѣе, чѣмъ что-либо обращая всѣ мои упованія въ сторону моря. То, что на Кавказѣ являлось плодомъ мечтательности маленькаго мальчика, въ С. Петербургѣ сдѣлалось необходимостью для юноши, рѣшившаго вырваться на свободу. Но все же я очень сомнѣваюсь, удалось ли бы мнѣ осуществить мой морской планъ, не явись неожиданной помощи мнѣ со стороны новаго Государя. Въ противоположность своему отцу, Императоръ Александръ III придавалъ большое значеніе военному флоту въ дѣлѣ обороны предѣловъ Россійской Имперіи. Имѣя широкіе планы относительно нашего флота, Александръ III считалъ, что поступленіе его двоюроднаго брата на морскую службу явится хорошимъ примѣромъ для русской молодежи. Его дружеское вмѣшательство спасло меня отъ прозябанія въ душной атмосферѣ столицы. Я обязанъ Александру III самыми большими радостями моей служебной карьеры, и до сихъ поръ содрагаюсь при мысли, что я могъ сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ самовлюбленныхъ гвардейскихъ офицеровъ, которые взирали на міръ чрезъ стекла бинокля, наведеннаго на рампу балета.

2.

По логикѣ и здравому смыслу я долженъ былъ поступить въ Морской Корпусъ. Но, по заведенному обычаю, Великіе Князья не могли воспитываться вмѣстѣ съ дѣтьми простыхъ смертныхъ. Вотъ почему я сталъ учиться дома, подъ наблюденіемъ наставника-спеціалиста, вѣроятно, самаго мрачнаго, котораго только могли разыскать во всей Россіи. Его пригласили, чтобы подготовить меня къ экзаменамъ, которые я долженъ былъ держать у цѣлой комиссіи профессоровъ. Мой наставникъ

имѣлъ очень низкое мнѣніе о моихъ умственныхъ способностяхъ, и каждый день, въ теченіе четырехъ лѣтъ, предсказывалъ мнѣ вѣрный провалъ.

— Вы никогда не выдержите экзаменовъ, — стало излюбленнымъ припѣвомъ моего флотскаго наставника.

И какъ бы добросовѣстно я ни готовилъ мои уроки, онъ только качалъ головой, и его усталые, измученные глаза отражали тоску. Иногда я сидѣлъ ночи напролетъ, стараясь вызубрить каждое слово моихъ учебниковъ. А онъ все-таки не сдавался:

— Вы только повторяете слово въ слово то, что другіе нашли цѣною долгихъ исканій, но вы не понимаете, что это значитъ. Вы никогдн не выдержите экзаменовъ.

Четырехлѣтняя программа, выработанная имъ, заключала въ себѣ астрономію, теорію девіаціи, океанографію, теоретическую и практическую артиллерію, теорію кораблестроенія, военную и морскую стратегію и тактику, военную и морскую администрацію и уставы, теорію кораблевожденія, политическую экономію, теоретическую и практическую фортификацію, исторію русскаго и главнѣйшихъ изъ иностранныхъ флотовъ... Мои преподаватели, все выдающіеся спеціалисты, не раздѣляли мнѣнія моего неумолимаго наставника. Поощренный ими, я заинтересовался моими новыми предметами. Теоретическія занятія дома сопровождались посѣщеніемъ военныхъ судовъ и портовыхъ сооруженій. Каждое лѣто я проводилъ три мѣсяца въ плаваніи на крейсерѣ, на которомъ плавали кадеты и гардемарины Морского Корпуса. Мои родители все еще надѣялись, что желѣзная дисциплина, царившая на кораблѣ, заставитъ меня въ послѣдній моментъ перемѣнить мое рѣшеніе.

Я ясно помню, какъ я покинулъ нашу лѣтнюю резиденцію въ Михайловскомъ дворцѣ, чтобы отправиться въ первое плаваніе. Маленькая дворцовая церковь была переполнена нашими родными, лицами свиты и дворцовыми служащими, и, когда священникъ по окончаніи молебна, далъ мнѣ приложиться ко кресту, моя мать заплакала. Слова особой молитвы «о плавающихъ и путешествующихъ» преувеличили въ ея глазахъ тѣ опасности, которыя ожидали ея сына.

«Ну пойдемте», нервно сказалъ мой отецъ, и всѣ мы поѣхали въ Петергофскій портъ, откуда яхта герцога

Евгенія Лейхтенбергскаго должна была доставить меня на бортъ «Варяга». Ощущая на лицѣ трепетаніе лентъ моей матросской фуражки и любуясь своими широкими черными штанами, я кое-какъ попрощался съ родителями. Мои мысли были далеко. Лица моихъ родителей и братьевъ казались неясными и отдаленными. Здѣсь еще, въ Петергофскомъ порту, они впервые какъ бы отошли изъ моей жизни и никогда не играли въ ней прежней значительной роли.

Я былъ веселъ, какъ узникъ въ послѣдній день тюремнаго заключенія. И даже присутствіе моего мрачнаго воспитателя, сопровождающаго меня во время моего перваго плаванія, не могло помѣшать моему счастью.

Къ вечеру мы прибыли въ Тверминэ — маленькій портовый городокъ на побережьи Финляндіи, гдѣ эскадра Морского Корпуса встала на якорь. Адмиралъ отдалъ приказъ, и на «Варягѣ» опустили паровой катеръ, управляемый кадетами моего возраста. Они съ любопытствомъ смотрѣли на меня, видимо, раздумывая, принесетъ ли пребываніе Высочайшей особы на борту ихъ корабля имъ лишнія хлопоты и нарушеніе заведеннаго распорядка жизни. Адмиралъ Брилкинъ обратился ко мнѣ съ нѣсколькими словами привѣтствія, и затѣмъ меня отвели въ мою каюту. Моимъ мечтамъ не суждено было цѣликомъ осуществиться: хотя съ этого момента я и вступилъ въ составъ русскаго флота, меня все же отдѣлили отъ остальныхъ кадетъ и не позволили спать вмѣстѣ съ ними на нижней палубѣ. Вмѣсто того, чтобы ѣсть вмѣстѣ съ кадетами въ ихъ общей каютъ-компаніи, я долженъ былъ завтракать и обѣдать въ обществѣ адмирала и его штаба. Съ точки зрѣнія образовательной, — это, конечно, было преимуществомъ для меня, такъ какъ, бывая постоянно въ обществѣ старшихъ офицеровъ, я могъ многому полезному научиться, но тогда мнѣ это очень не понравилось. Я боялся, что кадеты будутъ коситься на мое привилегированное положеніе и не захотятъ со мною дружить.

Первый обѣдъ прошелъ напряженно. Присутствующіе предпочитали молчать и бросали другъ на друга предостерегающіе взгляды. Прошло нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ мнѣ удалось убѣдить моихъ подозрительныхъ менторовъ въ моей полной дискретности съ перваго момента.

Я сознавалъ, что мнѣ предстояла серьезная борьба. Послѣ обѣда, вернувшись въ мою каюту, я нашелъ на койкѣ большую, жирную кошку. Она довольно мурлыкала и ожидала, что ее приласкаютъ. Безошибочный животный инстинктъ подсказывалъ ей, что она встрѣтитъ въ моемъ лицѣ друга, и это наполняло мое сердце безконечной благодарностью. Эту первую ночь на «Варягѣ» мы провели на койкѣ вмѣстѣ, свернувшись калачиками. Въ моей каютѣ пахло свѣжей смолой. Плескъ волны, которая ударялась о корму, дѣйствовалъ на мои натянутые нервы успокаивающе. Я лежалъ на спинѣ, прислушиваясь къ перезвону склянокъ на окружавшихъ насъ судахъ. Время отъ времени я слышалъ сонный голосъ вахтеннаго, кричавшаго въ темноту: «Кто гребетъ?» Я думалъ о новой жизни, которая начинается завтра. Я вспоминалъ лица кадетъ, которыхъ я увидѣлъ въ катерѣ, и строилъ различные планы о томъ, какъ бы ихъ расположить въ свою пользу. Широкія, желѣзныя перекладины надъ моей головой напоминали мнѣ о суровой дисциплинѣ во флотѣ, но мое дѣтство уже пріучило меня повиноваться и не ожидать поблажекъ. Я всталъ съ койки, открылъ чемоданъ и вынулъ иконку Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго — моего святого. Отнынѣ онъ долженъ былъ охранять меня на моемъ новомъ пути.

3.

Шумъ уборки палубы разбудилъ меня на разсвѣтѣ. Сперва я удивился, но потомъ вспомнилъ, что нахожусь на палубѣ корабля. Выглянувъ въ иллюминаторъ, я увидѣлъ многочисленные катера, бороздившіе поверхность моря. Я вскочилъ съ койки. Начинался интересный день. Палуба блестѣла, вычищенная пескомъ и камнемъ, и было прямо грѣшно ступать по ея еще невысохшей поверхности. Пробираясь на цыпочкахъ у кормы, я наткнулся на группу кадетъ на утреннихъ занятіяхъ. Я остановился, придумывая соотвѣтствующее привѣтствіе...

— Эй вы, — крикнулъ мнѣ стройный бѣлокурый мальчикъ: — вы хорошо выспались?

Я отвѣтилъ, что никогда еще въ жизни я не спалъ такъ хорошо. Кадеты мало по малу приблизились ко мнѣ. Ледъ былъ сломанъ.

Меня засыпали вопросами: до котораго часа мнѣ позволяли спать дома? Сколько комнатъ въ нашемъ дворцѣ? Правда ли, что я собираюсь сдѣлаться морякомъ? Часто ли я вижу Государя? Правда ли, что говорятъ о его физической силѣ? Собираются ли и другіе Великіе Князья поступить во флотъ?

Они жадно ловили мои отвѣты. Очень удивились, а потомъ обрадовались, узнавъ, что самъ Наслѣдникъ вставалъ въ шесть часовъ утра. Оказалось, что извѣстіе о моемъ поступленіи во флотъ произвело въ Морскомъ Корпусѣ сенсацію, и кадеты «Варяга» считали особой честью, что я буду плавать именно на ихъ суднѣ.

— Это заткнетъ тѣхъ гвардейскихъ офицеровъ, которые до сихъ поръ всегда хвастались, что всѣ Великіе Князья служатъ въ ихъ полкахъ, — вѣско заключилъ высокій кадетъ: — отнынѣ флотъ будетъ также имѣть своего представителя въ Императорской Семьѣ.

Я покраснѣлъ отъ удовольствія. Я заявилъ, что очень сожалѣю, что мнѣ не позволили спать и ѣсть вмѣстѣ съ остальными кадетами. Они увѣрили, что никто даже не обратилъ на это вниманія. По ихъ мнѣнію, было вполнѣ понятно, что адмиралъ предпринялъ особыя мѣры для моей безопасности.

Послѣдовали новые вопросы:

— Сколько прислуги имѣется въ Гатчинѣ? Сколько человѣкъ обѣдаетъ за Высочайшимъ столомъ?

До восьми часовъ я старался удовлетворить любопытство моихъ новыхъ товарищей, пока не раздался сигналъ къ поднятію флага.

Мы стояли въ строю съ непокрытыми головами, пока бѣлый флагъ съ Андреевскимъ крестомъ поднимался на гафелѣ. На безразличномъ лицѣ адмирала заигралъ румянецъ, а по моей спинѣ пробѣжалъ холодокъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ моей службы во флотѣ я никогда не могъ остаться равнодушнымъ къ этой красивой церемоніи и во время ея не переставалъ волноваться. Я часто вспоминалъ красивыя слова лаконической надписи, выгравированной французами на братскомъ памятникѣ французскихъ и русскихъ моряковъ, сражавшихся въ 1854 г.:

«Unis pour la gloire, réunis par la mort, des soldats c'est le devoir, des braves c'est le sort». *)

Послѣ церемоніи поднятія флага былъ отданъ приказъ: «Всѣмъ на шлюпки!» Я былъ назначенъ на шлюпку съ корвета «Гилякъ» вмѣстѣ съ кадетами моего класса. Въ теченіе часа мы плавали подъ парусами, и насъ учили грести. Нѣсколько разъ мы должны были пройти предъ адмираломъ, который за нами внимательно наблюдалъ. Нашимъ слѣдующимъ урокомъ было поднятіе парусовъ на корветѣ, причемъ на фокъ-мачтѣ и гротъ-мачтѣ работали матросы, а на бизани — кадеты. Наконецъ, отъ 10 час. до 11 былъ урокъ практическаго мореходства. Послѣ завтрака и короткаго отдыха слѣдовало еще четыре часа занятій. Обѣдъ подавался въ 6 час. веч. Въ восемь часовъ вечера мы должны были быть уже въ койкахъ.

Во время занятій мнѣ не оказывалось какого бы то ни было преимущества. Когда я дѣлалъ что-нибудь невѣрно, мнѣ на это указывалось съ тою же грубоватою искренностью какъ и остальнымъ кадетамъ. Объяснивъ мнѣ разъ навсегда мои обязанности, отъ меня ожидали чего-то большого, чѣмъ отъ остальныхъ кадетъ, и адмиралъ часто говорилъ мнѣ, что русскій великій князь долженъ быть всегда примѣромъ для своихъ товарищей. Это равенство въ обращеніи мнѣ очень нравилось. Я учился легко. Мое непреодолимое влеченіе къ морю увеличивалось съ каждымъ днемъ. Я проводилъ на вахтѣ всѣ часы, назначенные нашей смѣнѣ, находя лишь пріятнымъ провести четыре часа въ обществѣ мальчиковъ, ставшихъ моими друзьями, въ непосредственной близости моря, которое катило свои волны въ таинственныя страны моихъ сновидѣній.

Я никогда не могъ сходить на берегъ безъ моего воспитателя, такъ какъ моя матушка дала строжайшія инструкціи относительно сбереженія моей нравственности. Мнѣ очень хотѣлось часто удрать отъ моего воспитателя и послѣдовать за моими друзьями въ тѣ таинственныя мѣста, откуда они возвращались на разсвѣтѣ, пахнущіе виномъ, съ запасомъ разсказовъ о своихъ похожденіяхъ.

---

*) Объединенные во имя славы, спаянные смертью — это долгъ солдатъ, это участь **храбрыхъ**.

— Какъ вы провели вашъ отпускъ? — спрашивали они меня съ многозначительной улыбкой.

— Очень скромно. Просто погулялъ съ моимъ воспитателемъ.

— Бѣдный! мы провели наше время гораздо лучше. Если бы вы знали, гдѣ мы были!

Но поинтересоваться, гдѣ они были — мнѣ было также строго запрещено. Адмиралъ строжайше воспретилъ кадетамъ употреблять въ моемъ присутствіи «дурныя слова» или же описывать соблазнительныя сцены. Но мнѣ было тогда шестнадцать лѣтъ, и природа надѣлила меня пылкимъ воображеніемъ.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ мы крейсировали вдоль береговъ Финляндіи и Швеціи. Затѣмъ мы получили приказъ принять участіе въ императорскомъ смотру, и это вознаграждало меня за всѣ мои усилія. Я несказанно радовался случаю предстать въ роли моряка предъ Государемъ, Государыней и моими друзьями: Никки и Жоржемъ. Они прибыли къ намъ на крейсеръ съ большой свитой, среди которой были Великій Князь Алексѣй Александровичъ — будущій непримиримый противникъ моихъ реформъ во флотѣ, а также морской министръ. Стоя въ строю на моемъ мѣстѣ, я съ благодарностью смотрѣлъ на Государя. Онъ улыбнулся: ему было пріятно видѣть меня здоровымъ и возмужавшимъ. За завтракомъ Никки и Жоржъ, затаивъ дыханіе, слушали мои безконечные разсказы о флотской жизни. Поклоны, переданные ими мнѣ отъ моихъ старшихъ братьевъ, которые служили въ гвардіи, оставили меня равнодушнымъ. Я жалѣлъ несчастныхъ мальчиковъ, запертыхъ въ стѣнахъ душной столицы. Если бы они только знали, что потеряли они, отказавшись отъ карьеры моряковъ!

4.

Такъ провелъ я четыре года, чередуя свое пребываніе между Михайловскимъ дворцомъ въ С. Петербургѣ и крейсерами Балтійскаго флота. Въ сентябрѣ 1885 г. въ газетахъ было объявлено о моемъ производствѣ въ чинъ мичмана флота. Къ большому удивленію моего воспитателя, я получилъ высшія отмѣтки на экзаменахъ по

всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ судостроительства; я до сихъ поръ не вижу смысла въ желаніи дѣлать изъ моряковъ военнаго флота — инженеровъ-судостроителей. Поэтому я не былъ особенно огорченъ своимъ скромнымъ балломъ по судостроенію.

Наконецъ, я былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Впервые въ моей жизни я не смотрѣлъ на свѣтъ Божій глазами моихъ воспитателей и наставниковъ. Однако, моя матушка продолжала все еще смотрѣть на меня, какъ на ребенка, хотя самый значительный день въ жизни великаго князя — день его совершеннолѣтія — приближался. 1 апрѣля 1886 г. я сталъ совершеннолѣтнимъ. Въ восемь часовъ утра фельдъ-егерь доставилъ мнѣ форму флигель-адъютанта Свиты Его Величества. Въ Петергофскомъ дворцѣ состоялся пріемъ, на которомъ присутствовали Ихъ Величества, Члены Императорской фамиліи, министры, депутаціи отъ гвардейскихъ полковъ, придворные чины и духовенство. Послѣ молебствія на середину церкви вынесли флагъ Гвардейскаго Экипажа. Государь подалъ мнѣ знакъ. Я приблизился къ флагу, сопровождаемый священникомъ, который вручилъ мнѣ два текста присяги: первый присяги для Великаго Князя, въ которой я клялся въ вѣрности Основнымъ Законамъ Имперіи о престолонаслѣдіи и объ Учрежденіи Императорской Фамиліи, и второй — присяги вѣрноподданнаго. Держась лѣвой рукой за полотнище флага, а правую поднявъ вверхъ по уставу, я прочелъ вслухъ обѣ присяги, поцѣловалъ крестъ и библію, которые лежали на аналоѣ, подписался на присяжныхъ листахъ, передалъ ихъ министру Императорскаго Двора, обнялъ Государя и поцѣловалъ руку Императрицѣ. Вслѣдъ за этимъ мы возвратились во дворецъ, гдѣ насъ ожидалъ торжественный завтракъ, данный въ мою честь для ближайшихъ членовъ Императорской Семьи. Традиціи нашей семьи исключали мелодраматическіе эффекты, а потому никто не сталъ объяснять мнѣ значенія данныхъ мною присягъ. Да въ этомъ и не было надобности. Я рѣшилъ въ моей послѣдующей жизни въ точности исполнять все то, чему я присягнулъ. Тридцать одинъ годъ спустя я вспомнилъ это рѣшеніе моей юности, когда большинство изъ моихъ родственниковъ подписали обязательство, исторгнутое у нихъ Временнымъ Правительствомъ, объ от-

казѣ отъ своихъ правъ. Я родился Великимъ Княземъ, и никакія угрозы не могли заставить меня забыть, что я обязался: «служить Его Императорскому Величеству, не щадя живота своего до послѣдней капли крови».

Въ своихъ очень интересныхъ мемуарахъ племянникъ мой, германскій кронпринцъ разсказываетъ объ одномъ, чрезвычайно характерномъ разговорѣ, происшедшемъ 9 ноября 1918 г. между его отцомъ, Императоромъ германскимъ, и генераломъ Гренеромъ, б. министромъ германскаго демократическаго правительства, — въ ноябрѣ 1918 г. виднымъ офицеромъ германскаго генеральнаго штаба. Вильгельмъ хотѣлъ знать, могъ ли онъ расчитывать на преданность своихъ офицеровъ. «Навѣрное нѣтъ», отвѣтилъ Гренеръ: «они всѣ возстановлены противъ Вашего Величества». «Ну а какъ же присяга?» воскликнулъ Вильгельмъ II. «Присяга? Что такое въ концѣ концовъ присяга?» насмѣшливо сказалъ Гренеръ: «это вѣдь только слово!»

Долженъ сознаться, что въ данномъ случаѣ всѣ мои симпатіи на сторонѣ германскаго Императора.

5.

Достигнувъ двадцати лѣтъ, русскій Великій Князь становился независимымъ въ финансовомъ отношеніи. Обыкновенно назначался спеціальный опекунъ, по выбору Государя Императора, который въ теченіе пяти лѣтъ долженъ былъ научить Великаго Князя тратить разумно и осторожно свои доходы. Для меня въ этомъ отношеніи было допущено исключеніе. Для моряка, который готовился къ трехлѣтнему кругосвѣтному плаванію, было бы смѣшно имѣть опекуна въ Петербургѣ. Конечно, мнѣ пришлось для достиженія этого выдержать большую борьбу, но, въ концѣ концовъ, родители мои подчинились логикѣ моихъ доводовъ, и я сталъ обладателемъ годового дохода въ двѣсти десять тысячъ рублей, выдаваемыхъ мнѣ изъ Удѣловъ. О финансовомъ положеніи Императорской семьи я буду имѣть случай говорить еще въ дальнѣйшемъ. Въ данный моментъ я бы хотѣлъ лишь подчеркнуть ту разительную разницу между 210.000 руб. моего годового бюджета въ 1886 г. и 50 рублями, въ мѣ-

сяцъ, которыя я получалъ съ 1882 по 1886 г. отъ моихъ родителей. До 1882 г. я вообще не имѣлъ карманныхъ денегъ.

Однако, благодаря строгому воспитанію, полученному мною, я продолжалъ и послѣ своего совершеннолѣтія вести прежній скромный образъ жизни. Я еще не зналъ женщинъ, не любилъ азартныхъ игръ и очень мало пилъ. Единственно, кто получилъ выгоду отъ моихъ новопріобрѣтенныхъ богатствъ — это были книгопродавцы. Еще въ 1882 г. я началъ коллекціонировать книги, имѣвшія отношеніе къ исторіи флота, и это мое пристрастіе сдѣлалось извѣстнымъ какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Крупнѣйшіе книжные магазины С. Петербурга, Москвы, Парижа, Лондона, Нью-Іорка и Бостона считали своимъ долгомъ помогать мнѣ тратить мои доходы, и тяжелые пакеты приходили ежедневно на мое имя со всѣхъ концовъ міра. Мой отецъ поражался, когда входилъ въ мои комнаты, которыя были переполнены тяжелыми кожаными фоліантами отъ пола до потолка, но не дѣлалъ никакихъ замѣчаній. Его переѣздъ съ Кавказа (Намѣстничество на Кавказѣ было съ 1882 г. упразднено) въ С. Петербургъ на постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, заставилъ его примириться съ моей службой во флотѣ:

— Развѣ ты прочтешь всѣ эти книги, Сандро? — спокойно, но недовѣрчиво спросилъ онъ какъ-то.

— Не всѣ. Я просто хочу собрать библіотеку, посвященную военному флоту. Такой библіотеки въ Россіи еще не имѣется, и даже морской министръ, когда ему нужна какая-нибудь справка по морскимъ вопросамъ, долженъ выписывать соотвѣтствующую литературу изъ Англіи.

Отецъ остался очень доволенъ и обѣщалъ сдѣлать все, что было въ его силахъ, чтобы пополнить мою коллекцію. Въ послѣдующіе годы онъ убѣдился, какъ она умножилась въ сотни разъ. Наканунѣ революціи эта библіотека состояла изъ 20.000 томовъ и считалась самой полной библіотекой по морскимъ вопросамъ въ мірѣ. Совѣтское правительство превратило мой дворецъ въ клубъ коммунистической молодежи, въ которомъ, изъ за неисправности дымоходовъ, возникъ пожаръ. Огонь уничтожилъ всѣ мои книги до послѣдней. Это совершенно невознаградимая потеря, такъ какъ въ моей библіотекѣ

имѣлись книги, полученныя мною съ большимъ трудомъ отъ моихъ нѣмецкихъ и англійскихъ агентовъ послѣ долгихъ и упорныхъ поисковъ, и возстановить эти уники буквально не представляется возможнымъ.

6.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ все же не удалось избѣжать службы въ частяхъ петербургской гвардіи, и, пока нашъ корветъ «Рында» снаряжался въ кругосвѣтное плаваніе, я отбывалъ службу въ Гвардейскомъ Экипажѣ. Эта часть занимала среди петербургскаго гарнизона неопредѣленное положеніе. Армія смотрѣла на насъ, какъ на чужихъ. Флотъ называлъ насъ сухопутными увальнями. Въ наши обязанности входило нести лѣтомъ службу на императорскихъ яхтахъ, а зимой занимать караулы во дворцахъ и казенныхъ зданіяхъ наряду съ частями петербургской гвардіи. Назначенный командиромъ перваго взвода роты Его Величества, я проходилъ съ моими матросами строевыя занятія, занимался съ ними грамотой и «словесностью», уставами и держалъ съ ними караулы.

Разъ въ недѣлю мы должны были нести караульную службу круглыя сутки, что не любили ни офицеры, ни матросы. Командиръ Гвардейскаго Экипажа, адмиралъ старой николаевской школы, любилъ неожиданно провѣрять насъ по ночамъ, и это заставляло меня ходить по четыре часа подрядъ по глубокому снѣгу, обходя часовыхъ и наблюдая, чтобы эти рослые молодые парни, страдавшіе отъ холода, не задремали на часахъ. Чтобы самому не поддаться искушенію и не заснуть, я любилъ въ эти ночи подводить итоги тому, что я называлъ моимъ «умственнымъ балансомъ». Я составлялъ активы и пассивы, группируя мои многочисленные недостатки подъ рубрикой «долги безъ покрытія, которые необходимо ликвидировать при первой же возможности». Стараясь быть честнымъ съ собой самимъ, я пришелъ къ заключенію, что мой духовный активъ былъ отягощенъ страннымъ избыткомъ ненависти. Ненависти къ личностямъ и даже къ цѣлымъ націямъ. Я старался освободиться отъ первой: моя вражда противъ отдѣльныхъ личностей заключалась, главнымъ образомъ, въ ненависти къ моимъ наставникамъ, педагогамъ и опекунамъ. Но этой ненависти я долго преодолѣть не могъ.

Не моя вина была, что я ненавидѣлъ евреевъ, поляковъ, шведовъ, нѣмцевъ, англичанъ и французовъ. Я осуждалъ православную церковь и доктрину офиціальнаго патріотизма, которая вбивалась въ мою голову въ теченіе двѣнадцати лѣтъ ученія, — за мою неспособность относиться дружелюбно ко всѣмъ этимъ національностямъ, не причинившимъ мнѣ лично никакого зла.

До того, какъ войти въ общеніе съ офиціальной церковью, слово «еврей» вызывало въ моемъ сознаніи образъ стараго, улыбавшагося человѣка, который приносилъ къ намъ во дворецъ въ Тифлисѣ куръ, утокъ и всякую живность. Я испытывалъ искреннюю симпатію къ его доброму, покрытому морщинами лицу, и не могъ допустить мысли, что его праотецъ былъ Іуда. Но мой законоучитель ежедневно разсказывалъ мнѣ о страданіяхъ Христа. Онъ портилъ мое дѣтское воображеніе, и ему удалось добиться того, что я видѣлъ въ каждомъ евреѣ убійцу и мучителя. Мои робкія попытки ссылаться на Нагорную Проповѣдь съ нетерпѣніемъ отвергались: «Да, Христосъ заповѣдалъ намъ любить нашихъ враговъ», говаривалъ о. Георгій Титовъ: «но это не должно менять наши взгляды въ отношеніи евреевъ». Бѣдный о. Титовъ! Онъ неумѣло старался подражать князьямъ церкви, которые въ теченіе восемнадцати вѣковъ проповѣдовали антисемитизмъ съ высоты церковныхъ кафедръ. Католики, англиканцы, методисты, баптисты и другія вѣроисповѣданія одинаково способствовали насажденію религіозной нетерпимости, и равнымъ образомъ, антисемитское законодательство Россіи почерпало главныя свои основы въ умонастроеніи высшихъ іерарховъ православной церкви. Въ дѣйствительности евреи начали страдать отъ преслѣдованій въ Россіи съ момента прихода къ власти людей, слѣпое повиновеніе которыхъ велѣніямъ церкви оказалось сильнѣе пониманія ими духа Великой Имперіи.

— Императоръ Всероссійскій не можетъ дѣлать разницы между своими подданными не евреями и евреями, — писалъ Императоръ Николай I на всеподданнѣйшемъ докладѣ русскихъ іерарховъ, которые высказывались въ въ пользу ограниченій евреевъ въ правахъ: — онъ печется о благѣ своихъ вѣрноподданныхъ и наказываетъ предателей. Всякій другой критерій для него непріемлемъ. Къ

несчастію для Россіи, способность моего дѣда «мыслить по-царски» не была унаслѣдована его преемниками, и наступленіе моего совершеннолѣтія совпало съ введеніемъ опасныхъ и жестокихъ мѣръ, принятыхъ подъ вліяніемъ членовъ Святѣйшаго Синода. Между тѣмъ, если сравнить ограниченія правъ евреевъ, существовавшія въ прежней Россіи, съ теперешнимъ колоссальнымъ ростомъ антисемитизма въ Соединенныхъ Штатахъ, то это сравненіе окажется далеко не въ пользу якобы терпимыхъ американцевъ.

Такимъ образомъ мой прежній антисемитизмъ объясняется вліяніемъ на меня ученія православной церкви, но это чувство исчезло, какъ только я понялъ недочеты въ духѣ самой церкви. Мнѣ нужно было гораздо больше усилій, чтобы рѣшительно преодолѣть въ моемъ характерѣ ксенофобію, посѣянную въ моей душѣ преподавателями русской исторіи. Ихъ разборъ событій нашего прошлаго не принималъ во вниманіе пропасти, отдѣлявшей неизмѣнно народы отъ ихъ правительствъ и политиковъ. Французы порицались за многочисленныя вѣроломства Наполеона, шведы должны были расплачиваться за вредъ, причиненный Россіи Карломъ XII въ царствованіе Петра Великаго. Полякамъ нельзя было простить ихъ смѣшного тщеславія. Англичане были всегда «коварнымъ Альбіономъ». Нѣмцы были виноваты тѣмъ, что имѣли Бисмарка. Австрійцы несли отвѣтственность за политику Франца Іосифа, монарха, не сдержавшаго ни одного изъ своихъ многочисленныхъ обѣщаній, данныхъ имъ Россіи. Мои «враги» были повсюду. Офиціальное пониманіе патріотизма требовало, чтобы я поддерживалъ въ своемъ сердцѣ огонь «священной ненависти» противъ всѣхъ и вся.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Какъ могъ я примирить ограниченность навязанныхъ мнѣ воспитаніемъ взглядовъ съ зовами моря, которые сулили мнѣ радости грядущихъ скитаній?

Безконечныя петербургскія ночи медленно смѣняли одну другую. Въ той внутренней борьбѣ, которая происходила въ моей душѣ, человѣкъ слабѣлъ предъ Великимъ Княземъ.

ГЛАВА VII.

Плаваніе Великаго Князя.

Для ребенка, который увлекается картинками, —
Міръ такъ же великъ, какъ велико его любопытство.
О, сколь необъятенъ міръ при свѣтѣ лампы,
И какъ онъ малъ въ дымкѣ воспоминаній.

Бодлэръ.

1.

Еще одна зима; еще ночи размышленій. На этотъ разъ на разстояніи тысячи верстъ отъ С. Петербурга.

Канунъ Рождества 1886 г. «Рында» полнымъ ходомъ входитъ въ территоріальныя воды Бразиліи. Я стою на носу, — среди молочныхъ облаковъ блеститъ созвѣздіе Южнаго Креста, — я глубоко вдыхаю ароматъ тропическихъ лѣсовъ.

Склянки, пробившія четыре часа ночи, возвѣщаютъ окончаніе моей вахты, данной мнѣ въ качествѣ послѣдняго испытанія. Внизу въ каютъ-кампаніи меня ожидаетъ холодный ужинъ и графинъ замороженной водки.

Масло потрескиваетъ въ лампѣ, раздаются размѣренные шаги офицера на вахтѣ, — а вокругъ тишина... Чудесная тишинна военнаго корабля на разсвѣтѣ. Полная глубокаго значенія. Проникнутая величіемъ вселенной. Дарящая посвященнымъ прозрѣніе.

Трудно себѣ представить, что тамъ гдѣ-то есть Россія, что гдѣ-то позади остался Императоръ, Царская семья, дворцы, церкви, парады, казаки, величавая красота отягощенныхъ драгоцѣнностями женщинъ.

Я вынимаю изъ бокового кармана маленькій кон-

вертъ, въ которомъ находится карточка. «Лучшія пожеланія и скорое возвращеніе. Твой морякъ Ксенія». Я улыбаюсь. Она очаровательна. Когда-нибудь, можетъ быть... Конечно, если Императоръ не будетъ настаивать, чтобы его дочь вышла замужъ за иностраннаго принца. Во всякомъ случаѣ, Ксеніи еще нѣтъ двѣнадцати лѣтъ.

У насъ все впереди. Я только-что началъ кругосвѣтное плаваніе, которое будетъ длиться три года, послѣ чего я долженъ получить слѣдующій чинъ. Пока же я всего только мичманъ. То, что я великій князь и двоюродный братъ Государя, ставитъ меня въ особое положеніе и можетъ вызвать непріязнь моего начальника. На борту корабля — онъ мой неограниченный начальникъ, но на сушѣ онъ долженъ становиться предо мною во фронтъ. Двѣ очень элегантныя дамы въ одномъ американскомъ барѣ въ Парижѣ были поражены, когда увидѣли, какъ русскій «командантъ», внушавшій имъ страхъ, вскочилъ при появленіи въ залѣ молодого человѣка безъ всякихъ отличій. Мнѣ достаточно было намека, чтобы все общество подсѣло бы къ моему столу. Но я не пошевельнулся. Я былъ слишкомъ занятъ въ Парижѣ, чтобы слѣдить за Эбелингомъ. Мнѣ казалось, что онъ самъ опоздаетъ на поѣздъ въ Гавръ и проведетъ эти три года не въ плаваніи, а за кулисами театра «Фоли Бержэръ».

Эбелингъ—первый лейтенантъ на крейсерѣ «Рында». Въ день нашего отплытія онъ далъ честное слово моей матери, что не будетъ спускать съ меня глазъ во время нашего пребыванія въ такихъ современныхъ «Вавилонахъ», какъ Парижъ, Гонкъ-Конгъ или Шанхай. Надъ этимъ обѣщаніемъ у насъ подтрунивали всѣ офицеры, такъ какъ знали способность Эбелинга, что называется «садиться въ лужу». Его голубые глаза и «открытое» лицо вызвали довѣріе въ моей матери, но оказалось, что тѣ же самыя его свойства были причиною болѣе, чѣмъ радушнаго пріема во всѣхъ странахъ, у береговъ которыхъ бросала якорь «Рында»!

— Не забывайте, что я далъ слово Ея Императорскому Высочеству не спускать съ васъ глазъ, — говорилъ онъ мнѣ, заказывая пятую рюмку коньяку съ содовой; — поэтому вы должны быть около меня, куда я бы ни шелъ и что бы я ни дѣлалъ.

Въ отвѣтъ на это я усмѣхался. Пока что я могъ противостоять искушеніямъ Эбелинга. Ріо-де-Жанейро должно было быть нашей первой экзотической стоянкой.

2.

Гавань равная по красотѣ лишь портамъ Сиднея, Санъ-Франциско и Ванкувера... Сѣдобородый бразильскій императоръ, обсуждающій неизбѣжное торжество демократіи... Тропическая тайга, хранящая въ своихъ нѣдрахъ жизнь первыхъ дней сотворенія міра... Тоненькая дѣвушка, танцующая подъ звуки «Ла Палома», — Эти четыре образа будутъ для меня всегда связаны со словомъ «Бразилія».

— Тотъ, кто отвѣдалъ воды Бейкоса, вернется въ Истамбулъ, — утверждаютъ турки. Я съ этимъ не согласенъ. Я отвѣдалъ этой прославленной воды и не испытывалъ желанія вернуться въ этотъ вертепъ европейскаго порока и азіатской лѣни. Но я бы далъ многое, чтобы еще разъ пережить радость при видѣ прекраснаго Ріо.

На берегу меня ожидала каблограмма изъ С.-Петербурга, въ коей было приказаніе сдѣлать официальный визитъ Дому-Педро, императору бразильскому. Былъ январь — самый жаркій мѣсяцъ въ Южной Америкѣ, и императоръ жилъ въ своей лѣтней резиденціи Петрополисъ, высоко въ горахъ. Единственнымъ способомъ сообщенія туда былъ старомодный финикюлеръ, шедшій зигзагами по высокому склону горы.

Тропическая тайга охватывала насъ со всѣхъ сторонъ, пока мы, стоя, любовались гаванью. Далеко внизу потоки кристально-чистой воды шумѣли на днѣ пропастей, и окруженные гигантскими деревьями и кустами, были похожи на серебряныя змѣи. Пальмы, ліаны и другіе гиганты казались переплетенными другъ съ другомъ и были въ непрестанной борьбѣ за каждый атомъ воздуха и лучъ солнца между собой. Миріады изъ нихъ погибали на нашихъ глазахъ, но имъ на смѣну нарождались новые миріады, готовые вступить въ эту борьбу за существованіе. Нашъ миніатюрный поѣздъ медленно поднимался вверхъ, ломая на своемъ пути вѣтки, продираясь сквозь деревья и задѣвая высокую ядовитую траву, касавшуюся нашихъ лицъ. Кричали попугаи, извивались змѣи, птицы неслись

надъ нами громадными испуганными стаями, большія бабочки, цвѣта окружавшей насъ зелени, вились высоко надъ нами, словно радуясь своей безопасности.

Дорога длилась три часа, что было утомительно. Въ теченіе всего пути джунгля не мѣнялась ни на йоту. Все въ ней говорило о милліонахъ вѣковъ хаоса и о желаніи продолжать этотъ хаосъ и впредь.

Я дрожалъ съ головы до ногъ. Только теперь я понялъ истинное значеніе словъ Талмуда, утверждающаго, что нѣтъ ничего ужаснѣе, чѣмъ лицезрѣніе истиннаго облика Создателя. Мои спутники — два юныхъ лейтенанта съ «Рынды» — перекрестились, когда мы, достигнувъ, наконецъ, вершины горы, увидѣли нашего посланника въ Бразиліи Іонина. Мы уже перестали вѣрить, что въ этомъ мѣстѣ могли встрѣтиться живыя существа.

Окладистая, сѣдая борода императора Дома-Педро и его очки въ золотой оправѣ дѣлали его похожимъ на университетскаго профессора. Онъ сочувственно выслушалъ мои впечатлѣнія отъ джунгли. Отсутствіе политическихъ разногласій и неразрѣшимыхъ конфликтовъ между Россійской и Бразильской Имперіями позволяло намъ разговаривать непринужденно.

— Европейцы такъ часто говорятъ о такъ называемой молодости странъ Южной Америки, — сказалъ онъ не безъ горечи. — Но никто изъ нихъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что мы — безконечно стары. Мы старше самого міра. Отъ народовъ, жившихъ на этомъ материкѣ тысячи столѣтій тому назадъ, не осталось никакихъ слѣдовъ или, вѣрнѣе, они не открыты. Но одна вещь остается въ Южной Америкѣ неизмѣнной — это духъ безпокойной ненависти. Духъ этотъ — порожденіе окружающей насъ джунгли, которая властвуетъ надъ нашими умами. Политическія идеи сегодняшняго дня связаны съ требованіями завтрашняго ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ желаніемъ перемѣны. Никакое правительство не можетъ остаться у власти продолжительное время, ибо джунгля побуждаетъ насъ къ борьбѣ. Въ данную минуту требованіемъ дня у насъ является установленіе демократическаго строя. Бразильскій народъ получитъ его. Я слишкомъ хорошо знаю мой народъ, чтобы допустить безполезное кровопролитіе. Я усталъ. Пускай будущіе президенты попытаются поддержать гражданскій миръ въ Бразиліи.

Нѣсколько лѣтъ спустя Бразилія стала республикой. Донъ-Педро сдержалъ свое обѣщаніе: онъ добровольно и радостно отрекся, поставивъ своихъ импульсивныхъ подданныхъ въ тупикъ легкостью одержанной имъ побѣды. Память его чтутъ по сей день въ Бразиліи, и памятникъ, воздвигнутый по всенародной подпискѣ, увѣковѣчиваетъ спокойную мудрость этого добраго старика.

Мнѣ онъ очень понравился, и такъ какъ онъ никуда не торопился, то мы провели болѣе двухъ часовъ въ его скромномъ, комфортабельномъ кабинетѣ съ широкими окнами, выходившими въ большой садъ, въ которомъ щебетали безчисленныя птицы. Мы говорили по-французски. Его очень ясный, грамматически правильный хотя слегка нерѣшительный стиль придавалъ характеръ дружелюбной застѣнчивости этой бесѣдѣ между непоколебимымъ монархомъ тропическихъ странъ и представителемъ столь могущественнаго въ то время царствующаго дома далекаго сѣвера. Когда я съ нимъ прощался, то онъ прикрѣпилъ къ моей груди знаки высшаго ордена Бразильской Имперіи. Я поблагодарилъ его за оказанную мнѣ честь, но высказалъ о своемъ предпочтеніи бразильскому девятиконечному кресту въ вѣнкѣ изъ розъ.

Донъ-Педро разсмѣялся. — Орденъ Розы — одно изъ нашихъ самыхъ скромныхъ отличій, — сказалъ онъ. — Почти всѣ у насъ имѣютъ этотъ орденъ.

— Ну что же! — это лучше подходило къ моимъ понятіямъ о Бразиліи. Мы пошли на компромиссъ, и я принялъ оба ордена.

Остальные дни я провелъ въ атмосферѣ лѣнивой нѣги на «фазендѣ» русскаго коммерсанта, торговавшаго кофе и женатаго на очень состоятельной бразильянкѣ. Каждое утро мы ѣздили верхомъ осматривать его кофейныя плантаціи, расположенныя на нѣсколькихъ квадратныхъ миляхъ, и импровизированный оркестръ рабовъ-негровъ услаждалъ нашъ слухъ игрою на особыхъ инструментахъ, которыхъ я нигдѣ, кромѣ Бразиліи, не видѣлъ. По вечерамъ, послѣ обѣда мы сидѣли на верандѣ, слушая рѣзкіе шумы джунглей, которые прерывали монотонные звуки тамъ-тамовъ. Мы никогда не зажигали огня, такъ какъ миріады свѣтляковъ распространяли яркій свѣтъ. У жены моего хозяина въ фазендѣ гостили двѣ ея племянницы: молодыя, высокія, стройныя брюнетки. Обѣ казались мнѣ

красавицами. Впрочемъ, каждая дѣвушка, танцующая подъ звуки «Ла Палома» въ тропическомъ саду, пронизанномъ мерцающимъ свѣтомъ свѣтляковъ, могла показаться красавицей молодому человѣку, иззябшему въ туманахъ С. Петербурга. Меня покорили чары старшей дѣвушки. Возможно, что и я понравился ей, и ей хотѣлось испытать, какъ вліяетъ бразильянская атмосфера на русскаго великаго князя. Не могло быть ничего наивнѣе этого юношескаго флирта, полнаго застѣнчивой нѣжности. Если эта дама еще жива, ей въ настоящее время исполнилось 64 года. Я надѣюсь, что она вспоминаетъ вечера 1887 г. иногда съ тою же нѣжностью, что и я.

3.

Южная Африка. Бѣглый взглядъ на голландскихъ фермеровъ, изнуренныхъ тяжелой работой. Однообразный ландшафтъ, вдвойнѣ разочаровывающій человѣка, побывавшаго въ Бразиліи. Роскошные лѣтніе клубы британскихъ офицеровъ. Подсознательное высокомѣріе всесильнаго могущества. Частыя цитаты Сесиля Родса: «Мыслить имперіалистически».

И наконецъ, самый длинный періодъ нашего плаванія: переходъ изъ Каптоуна въ Сингапуръ. Сорокъ пять дней въ открытомъ морѣ безъ намека на берегъ. Командиръ въ восторгѣ. Онъ ненавидитъ заходы въ порты, когда онъ долженъ уступать свою власть лоцману. «Лоцманъ! Что можетъ быть невѣжественнѣе лоцмана»! Если бы нашему командиру дали волю, онъ никогда не заходилъ бы въ портъ.

Сингапуръ. Я желалъ бы, чтобы какая-нибудь пресыщенная лэди, пьющая чай на террасѣ своего красиваго имѣнія въ Англіи и жалующаяся на вѣчное отсутствіе мужа, находящагося на востокѣ, имѣла бы возможность осмотрѣть Сингапуръ и видѣть процессъ добыванія денегъ, на которыя покупаются ея драгоцѣнности, туалеты и виллы. «Бѣдный Фрэдди. Онъ все время очень много работаетъ. Я не знаю въ точности, что онъ дѣлаетъ, но это имѣетъ какое-то отношеніе къ этимъ забавнымъ китайцамъ въ Сингапурѣ!»

Китайскій кварталъ Сингапура. Главный источникъ дохода Фрэдди. Каждый второй домъ — курильня опіу-

ма. Развращенность на высшей степени развитія. Не тотъ развратъ, который подается на золотомъ блюдѣ въ европейскомъ кварталѣ Шанхая, но развратъ въ грязи и мерзости, запахи гніенія, развратъ голодающихъ кули, которые покупаютъ свой опіумъ у европейскихъ милліонеровъ. Голыя девятилѣтнія дѣвочки сидящія на колѣняхъ прокаженныхъ. Растрепанный бѣлый, старающійся войти въ курильню опіума. Тошнотворный запахъ опіума, отъ котораго нельзя отдѣлаться. А невдалекѣ отъ этого ада — очаровательныя лужайки роскошнаго британскаго клуба, съ одѣтыми во все бѣлое джентельменами, попивающими подъ сѣнью большихъ зонтовъ соду-виски.

Еще одна недѣля въ Сингапурѣ, и я бы опасно заболѣлъ. Я благословлялъ небо, когда каблограмма Морского Министерства предписала намъ отправиться немедленно въ Гонкъ-Конгъ. 1 апрѣля — въ день моего рожденія — мои соплаватели-офицеры рѣшили устроить празднованіе по этому поводу. Обычно мы пили мало на борту корабля, но на этотъ разъ офицеры сочли долгомъ возгласить многочисленные тосты за мое здоровье и за здоровье моихъ родныхъ. Постепенно наша бесѣда перешла, какъ это бываетъ обычно въ обществѣ молодыхъ людей, на тему о женщинахъ. Мой «опекунъ» ст. лейтенантъ Эбелингъ долго и обстоятельно разсказывалъ о своихъ новыхъ побѣдахъ въ Ріо-де-Жанейро и въ Сингапурѣ. Второй лейтенантъ восхвалялъ рустическія прелести южно-американскихъ голландокъ. Остальные восемь мичмановъ скромно признавались, что до сихъ поръ ихъ принимали одинаково хорошо во всѣхъ странахъ. Затѣмъ взоры всѣхъ обратились въ мою сторону. Моя невинность разжигала общее любопытство. Они имѣли обыкновеніе распространяться на эту тему съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули Россію. Но теперь, когда мнѣ исполнился 21 годъ, это казалось имъ прямо невѣроятнымъ. Они находили это противоестественнымъ и очень опасались за состояніе моего здоровья. Я никогда не былъ ни лицемѣромъ, ни недотрогой. Я просто не могъ привыкнуть къ ихъ манерѣ обсуждать открыто столь интимныя вещи. Моя манера держать себя лишь раззадорила ихъ, и въ теченіе всего перехода изъ Сингапура въ Гонкъ-Конгъ они только и дѣлали, что говорили объ ожидающихъ насъ красавицахъ.

Эбелингъ сказалъ мнѣ, что очень огорченъ за меня:

— Если бы вы только знали, что вы теряете! Въ чемъ смыслъ жизни безъ женщины! Я хочу дать вамъ хорошій совѣтъ — послушайте меня. Въ концѣ концовъ, вѣдь я гораздо старше васъ. Вы должны непремѣнно познакомиться съ кѣмъ-нибудь въ Гонкъ-Конгѣ. Я понимаю, что Сингапуръ произвелъ на васъ отталкивающее впечатлѣніе и что обстоятельства сложились въ Ріо неблагопріятно. Но Гонкъ-Конгъ! Женщины Гонкъ-Конга! Американскія дѣвушки. — Эбелинтъ съ восторгомъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ. — Лучшія въ мірѣ! Нигдѣ нѣтъ ничего подобнаго. Я не согласился бы промѣнять одну американскую, герльсъ, живущую въ Гонкъ-Конгѣ, на тысячу парижскихъ мидинетокъ! Будьте же умникомъ и послушайтесь моего совѣта. Я знаю одно мѣсто въ Гонкъ-Конгѣ ,гдѣ имѣются три такія американскія дѣвушки! Понимаете, я не повелъ бы васъ въ банальное, дешевое мѣсто. То, о чемъ я говорю, — очень уютная квартирка. Теперь дайте мнѣ немного припомнить: тамъ была по имени Бетти. Да, ее звали, кажется, Бетти, если конечно, я не путаю ее съ одной дѣвушкой, съ которой былъ знакомъ въ Шанхаѣ. Во всякомъ случаѣ, это высокая блондинка съ голубыми глазами. Прелестная. Потомъ тамъ была Джонъ, съ темными волосами и зелеными глазами. Вы бы сошли отъ нея съ ума. Но подождите пока. Лучшее еще впереди. Пэтси: Дѣвушка ростомъ въ пять съ половиною футовъ, съ цвѣтомъ лица... Подождите, съ чѣмъ я могу сравнить ея кожу? Она несовсѣмъ бѣлая, скорѣе цвѣта слоновой кости. А фигура... фигура! Вы, вѣроятно, видѣли въ Петербургскомъ Эрмитажѣ статую... Какъ же она называется...

Онъ такъ и не вспомнилъ названія этой статуи, такъ какъ познанія лейтенанта Эбелинта въ области достопримѣчательностей Эрмитажа были весьма слабы. Но такъ или иначе, мой покой былъ нарушенъ.

Ни одинъ юноша моего возраста не могъ бы противостоять сосредоточеннымъ атакамъ моихъ-искусителей-товарищей. Наканунѣ нашего прибытія въ Гонкъ-Конгъ я выразилъ согласіе принять участіе въ ихъ похожденіяхъ.

Войдя въ квартиру въ сопровожденіи двухъ изъ нашихъ офицеровъ, я былъ пріятно пораженъ отсутствіемъ

той вульгарности, которая составляетъ неизбѣжную атмосферу подобныхъ мѣстъ. Комнаты были обставлены съ большимъ вкусомъ. Три молодыя хозяйки были прелестны, чаруя своей непринужденностью. Французы назвали бы ихъ «дамами полусвѣта», а это слово такъ далеко отъ истиннаго опредѣленія самой старой профессіи міра.

Подали шампанское, и разговоръ завязался. Звукъ голосовъ всѣхъ троихъ былъ очень пріятенъ. Онѣ очень мило обсуждали текущія событія: ихъ несомнѣнный умъ позволялъ имъ обходиться безъ помощи нарочитой свѣтскости. Цѣль нашего посѣщенія не вызывала никакихъ сомнѣній, и вотъ наступило время, когда меня оставили наединѣ съ самой хорошенькой изъ трехъ. Она предложила мнѣ показать свою комнату — и то, что было неизбѣжно, произошло...

Съ этого вечера мы стали большими друзьями. Мы посѣщали съ нею рестораны и совершали продолжительныя прогулки въ горы, откуда открывался великолѣпный видъ на панораму Гонкъ-Конга. Она прекрасно держала себя, говоря по правдѣ, гораздо лучше такъ называемыхъ европейскихъ «дамъ общества», проживающихъ въ Китаѣ. Постепенно она разсказала мнѣ исторію своей жизни. Она никого не обвиняла и ни на кого не жаловалась. Жажда приключеній привела ее изъ родного Санъ-Франциско на Дальній Востокъ; непреодолимое желаніе имѣть «красивыя вещи» довершило остальное. Такова была жизнь: одни выигрывали, другіе проигрывали, но, чтобы вступить въ игру, нужно было имѣть какую-то точку опоры. Она говорила о мужчинахъ безъ горечи. Это были, по ея словамъ: трезвыя животныя, пьяные идеалисты, проходимцы или же широкіе сорви-головы. Въ ея жизни все зависѣло отъ удачи. Она любовалась картинами мимопроходящей жизни, хоть и сознавала, что сутолока жизни ее раздавила. Но ничего нельзя было сдѣлать, чтобы ея положеніе измѣнить.

Оттѣнки любви безчислены и многообразны. Безъ сомнѣнія многія формы любви продиктованы жалостью. Мнѣ было безконечно грустно покидать Гонкъ-Конгъ, и мы въ теченіе года переписывались потомъ съ нею. И каждый разъ, когда впослѣдствіе «Рында» возвращалась въ Гонкъ-Гонгъ, я садился въ рикшу и торопилъ его къ зна-

комому дому. Когда въ 1890 году я снова посѣтилъ Дальній Востокъ, ея друзья сообщили мнѣ, что она скончалась отъ туберкулеза.

4.

Въ каютъ-кампаніи снова царило большое оживленіе. Какъ только мы бросили якорь въ порту Нагасаки, офицеры русскаго клипера «Вѣстникъ» сдѣлали намъ визитъ. Они восторженно разсказывали о двухъ годахъ, проведенныхъ въ Японіи. Почти всѣ они были «женаты» на японкахъ. Браки эти не сопровождались офиціальными церемоніями ,но это не мѣшало имъ жить вмѣстѣ съ ихъ туземными женами въ миніатюрныхъ домикахъ, похожихъ на изящныя игрушки съ крошечными садами, карликовыми деревьями, маленькими ручейками, воздушными мостиками и микроскопическими цвѣтами. Они утверждали, что морской министръ неофиціально разрѣшилъ имъ эти браки ,такъ какъ понималъ трудное положеніе моряковъ, которые на два года были разлучены со своимъ домомъ. Конечно, надо было добавить, что все это происходило много лѣтъ задолго до того, какъ Пьеръ Лоти и композиторъ Пучини нашли неизсякаемый источникъ для извлеченія доходовъ изъ душераздирающихъ арій мадамъ Кризантемъ и мадамъ Беттерфлей. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ искусство никакъ не могло повліять на установленіе моральнаго критерія для скитающихся по свѣту моряковъ.

Въ то время одна вдова — японка по имени Омати-Санъ содержала очень хорошій ресторанъ въ деревнѣ Инасса вблизи Нагасаки. На нее русскіе моряки смотрѣли какъ на пріемную мать русскаго военнаго флота. Она держала русскихъ поваровъ, свободно говорила по-русски, играла на піанино и на гитарѣ русскія пѣсни, угощала насъ крутыми яйцами съ зеленымъ лукомъ и свѣжей икрой, и вообще ей удалось создать въ ея заведеніи атмосферу типичнаго русскаго ресторана, который съ успѣхомъ могъ бы занять мѣсто гдѣ-нибудь на окраинахъ Москвы. Но кромѣ кулинаріи и развлеченій, она знакомила русскихъ офицеровъ съ ихъ будущими японскими «женами». За эту услугу она не требовала никакого вознагражденія, дѣлая это по добротѣ сердца. Она полагала, что должна

сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы мы привезли въ Россію добрыя воспоминанія о японскомъ гостепріимствѣ.

Офицеры «Вѣстника» дали въ ея ресторанѣ обѣдъ въ нашу честь въ присутствіи своихъ «женъ», а тѣ, въ свою очередь, привели съ собою пріятельницъ, еще свободныхъ отъ брачныхъ узъ.

Омати-Санъ превзошла по этому случаю самое себя, и мы, впервые за долгое время, ѣли у нея превосходный русскій обѣдъ. Бутылки водки, украшенныя этикетами съ двуглавымъ орломъ, неизбѣжные пирожки, настоящій борщъ, синія коробки со свѣжей икрой, поставленныя въ ледяныя глыбы, огромная осетрина по серединѣ стола, русская музыка въ исполненіи хозяйки и гостей — все это создавало такую обстановку, что намъ съ трудомъ вѣрилось, что мы въ Японіи. Мы съ любопытствомъ наблюдали за тѣмъ, какъ держали себя игрушечныя японочки. Онѣ все время смѣялись, принимали участіе въ нашемъ пѣніи, но почти ничего не пили. Онѣ представляли собою странную смѣсь нѣжности съ невѣроятной разсудочностью. Ихъ сородичи не только не подвергали ихъ остракизму за ихъ связи съ иностранцами, но считали ихъ образъ жизни одною изъ формъ общественной дѣятельности, открытою для ихъ пола. Впослѣдствіи онѣ намѣревались выйти замужъ за японцевъ, имѣть дѣтей и вести самый буржуазный образъ жизни. Пока же онѣ были готовы раздѣлить общество веселыхъ иностранныхъ офицеровъ, конечно, только при условіи, чтобы съ ними хорошо и съ должнымъ уваженіемъ обходились. Всякая попытка завести флиртъ съ «женой» какого-нибудь офицера была бы признана нарушеніемъ существующихъ обычаевъ. Ихъ опредѣленное міросозерцаніе не носило никакихъ слѣдовъ западно-европейскаго мышленія; какъ всѣ обитатели востока, онѣ проповѣдывали моральную непорочность и духовную вѣрность, которая въ ихъ глазахъ цѣнилась гораздо выше физической невинности. Почти никто изъ европейскихъ или же американскихъ писателей не сумѣлъ истолковать эту черту японскаго раціонализма. Разбитое сердце «мадамъ Беттерфлей» вызвало взрывъ хохота въ Имперіи Восходящаго Солнца, потому что ни одна изъ носительницъ кимоно не была настолько глупа, чтобы предполагать, что она могла бы остаться съ «мужемъ» до гробовой доски. Обыч-

но «брачный контрактъ» заключался съ японками на срокъ отъ одного до трехъ лѣтъ, въ зависимости отъ того, сколько времени находилось военное судно въ водахъ Японіи. Къ моменту истеченія срока подобнаго контракта, появлялся новый офицеръ, или же, если предыдущій «мужъ» былъ въ достаточной мѣрѣ щедръ и его «жена» могла сэкономить достаточную сумму денегъ, то она возвращалась обратно въ свою семью.

Я часто навѣщалъ семьи моихъ «женатыхъ» друзей, и мое положеніе холостяка становилось прямо неудобнымъ. «Жены» не могли понять, почему этотъ молодой «самурай» — имъ объяснили, что «самурай» означало по русски «Великій Князь», — проводитъ вечера у чужого очага вмѣсто того, чтобы создать свой собственный уютный домъ. И, когда я снималъ при входѣ въ ихъ картонные домики, обувь, чтобы не запачкать на диво вычищенныхъ половъ, и входилъ въ однихъ носкахъ въ гостиную, недовѣрчивая улыбка на ярко накрашенныхъ губахъ хозяйки встрѣчала меня. «По всей вѣроятности, этотъ удивительно высокій самурай хотѣлъ испытать вѣрность японскихъ «женъ». Или же, быть можетъ, онъ былъ слишкомъ скупъ, чтобы содержать «жену»! — читалось въ ихъ глазахъ.

Я рѣшилъ «жениться». Эта новость вызвала сенсацію въ деревнѣ Инасса, и были объявлены «смотрины» дѣвицамъ и дамамъ, которыя желали бы занять роль домоправительницы русскаго великаго «самурая». Смотрины были назначены на опредѣленный день. Напрасно я старался избѣжать излишней пышности. Однако, мои друзья всецѣло поддержали желаніе г-жи Омати-Санъ дать возможность каждой дѣвушкѣ, которая подходила бы къ намѣченной роли, принять участіе въ конкурсѣ. Послѣ смотринъ долженъ былъ состояться торжественный свадебный обѣдъ всѣмъ офицерамъ съ шести военныхъ кораблей, стоявшихъ въ Нагасаки.

Выборъ моей будущей «жены» представлялъ большія трудности. Всѣ онѣ оказались одинаковыми. Все это были улыбающіяся, обмахивающіяся вѣерами куклы, которыя съ непередаваемой граціей держали чашечки съ чаемъ. На наше приглашеніе ихъ явилось не менѣе шестидесяти. Даже самые бывалые офицеры среди насъ встали втупикъ предъ такимъ изобиліемъ изящества. Я

не могъ смотрѣть спокойно на взволнованное лицо Эбелинта, но мой смѣхъ былъ бы неправильно истолкованъ «невѣстами». Въ концѣ концовъ, мое предпочтеніе къ синему цвѣту разрѣшило мои сомнѣнія; я остановилъ свой выборъ на дѣвушкѣ, одѣтой въ кимоно сапфироваго цвѣта, вышитое бѣлыми цвѣтами.

Наконецъ, у меня завелся свой собствнный домъ, правда очень скромный по размѣрамъ и убранству. Однако, командиръ «Рынды» строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы мы, молодежь, не слишкомъ разлѣнились, и заставлялъ насъ заниматься ежедневно до шести часовъ вечера. Но въ половинѣ седьмого я уже былъ «дома» за обѣденнымъ столомъ въ обществѣ миніатюрнаго существа. Веселость характера этой японочки была поразительна. Она никогда не хмурилась, не сердилась и всѣмъ была довольна. Мнѣ нравилось, когда она была одѣта въ кимоно различныхъ цвѣтовъ, и я постоянно приносилъ ей новые куски шелка. При видѣ каждаго новаго подарка японочка выскакивала, какъ сумасшедшая, на улицу и созывала нашихъ сосѣдей, чтобы показать имъ обновку. Уговорить ее дѣлать меньше шума — было бы напраснымъ трудомъ; она очень гордилась великодушіемъ своего «самурая». Она попробовала сшить кимоно и для меня, но, моя высокая фигура, закутанная въ это японское одѣяніе, дала ей поводъ къ новымъ восклицаніямъ и восторгамъ. Я поощрялъ ея любовь принимать моихъ друзей и не уставалъ любоваться, съ какимъ серьезнымъ достоинствомъ эта кукла разыгрывала роль гостепріимной хозяйки. По праздникамъ мы нанимали рикшу, ѣздили осматривать рисовыя плантаціи и старинные храмы, и обычно заканчивали вечеръ въ японскомъ ресторанѣ, гдѣ ей оказывалось неизмѣнно глубокое уваженіе. Русскіе офицеры называли ее въ шутку «нашей великой княгиней» — причемъ туземцы принимали этотъ титулъ всерьезъ. Почтенные японцы останавливали меня на улицѣ и интересовались, не было ли у меня какихъ-либо претензій въ отношеніи моей «жены». Мнѣ казалось, что вся деревня смотрѣла на мой «бракъ», какъ на извѣстнаго рода политическій успѣхъ.

Такъ какъ мнѣ предстояло остаться въ Нагасаки около двухъ лѣтъ, я рѣшилъ изучить японскій языкъ. Блестящее будущее Японіи не вызывало во мнѣ никакихъ

сомнѣній, а потому я считалъ весьма полезнымъ, чтобы хоть одинъ изъ членовъ Императорской Фамиліи говорилъ бы на языкѣ страны Восходящаго Солнца. Моя «жена» предложила мнѣ быть моей преподовательницей, и черезъ нѣкоторое время, несмотря на трудности японской грамматики, я научился столькимъ фразамъ, что могъ поддерживать разговоръ на простыя темы.

Въ одинъ прекрасный день была получена телеграмма отъ Государя Императора съ приказаніемъ сдѣлать официальный визитъ Микадо. Россійскій посланникъ при японскомъ дворѣ выработалъ сложную программу, состоявшую изъ торжественныхъ пріемовъ, обѣдовъ и ужиновъ, и которая должна была завершиться большимъ банкетомъ во дворцѣ. Нашъ посланникъ былъ очень озабоченъ, такъ какъ я долженъ былъ явиться первымъ представителемъ европейскихъ государствъ, котораго когда-либо принималъ японскій императоръ. Онъ объяснилъ мнѣ при этомъ, что въ своихъ бесѣдахъ съ микадо я долженъ буду пользоваться услугами переводчика, такъ какъ императоръ ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ японскаго, не говорилъ. Я глубокомысленно усмѣхнулся. Мнѣ казалось, что мое умѣніе говорить съ Микадо безъ переводчика явится для всѣхъ большимъ сюрпризомъ.

Жители деревни Инасса потеряли покой, когда узнали, что съ ними проживаетъ человѣкъ, котораго приметъ самъ великій Микадо. Мои японскіе друзья теряли даръ рѣчи въ моемъ присутствіи, и только подобострастно кланялись. Даже моя «жена» выглядѣла испуганной. Дѣло въ томъ, что въ мѣстныхъ газетахъ появился мой портретъ съ замѣткой, въ которой говорилось, что русскій морской офицеръ, проживающій уже третій мѣсяцъ инкогнито въ Японіи, приходится двоюроднымъ братомъ Императору Всероссійскому. Это породило въ моей «женѣ» сомнѣнія, должна ли она продолжать называть меня «Санъ» (японское уменшительное отъ «Сандро») или же избрать какую-то другую, болѣе официальную форму обращенія. Пришлось подарить пятьдесятъ ярдовъ розово-зеленаго шелка, чтобы возвратить ей душевное равновѣсіе.

Въ то врмя постъ завѣдующаго церемоніальной частью при японскомъ дворѣ занималъ бывшій камергеръ Германскаго Императора, а потому пріемъ мой въ Токіо

и Iокогамѣ былъ обставленъ съ большой торжественностью. Съ того момента, какъ въ Iокогамскомъ порту прогремѣлъ императорскій салютъ въ 101 выстрѣлъ, въ теченіе девяти послѣдующихъ дней я пересталъ быть скромнымъ мичманомъ съ крейсера «Рында», и со мною обращались точно такъ же, какъ принимали въ чопорномъ Потсдамѣ высочайшихъ особъ. Собственный поѣздъ Микадо ожидалъ меня въ Iокогамѣ, и всѣ члены правительства, во главѣ съ графомъ Ито, тогдашнимъ премьеръ-министромъ, встрѣчали меня въ Токіо на вокзалѣ. Я прослѣдовалъ въ императорскій дворецъ въ пышномъ экипажѣ, которому предшествовалъ эскадронъ гвардіи Микадо въ парадной формѣ.

Первая аудіенція у Императора длилась всего нѣсколько минутъ. Императоръ и Императрица приняли меня въ тронной залѣ, окруженные блестящей свитой принцевъ и принцессъ. Я произнесъ короткую рѣчь и передалъ привѣтствіе отъ Царя. Императоръ выразилъ свою радость по поводу моего пребыванія въ Токіо и вѣру въ русско-японскую дружбу. Обѣ рѣчи были переведены переводчикомъ посольства. Я испытывалъ нѣкоторое смущеніе въ обществѣ этихъ людей, одѣтыхъ въ полную парадную форму и едва достигавшихъ мнѣ до плеча, и старался казаться какъ можно ниже ростомъ.

Цѣлая недѣля была посвящена осмотру достопримѣчательностей столицы и военнымъ парадамъ; наконецъ, приблизился вечеръ торжественнаго банкета въ императорскомъ дворцѣ. Я сидѣлъ по правую руку отъ Императрицы. Выждавъ немного, набрался храбрости, улыбнулся очень любезно и заговорилъ съ нею по-японски. Сперва она выглядѣла чрезвычайно удивленной. Я повторилъ мою фразу. Она вдругъ разсмѣялась. Тогда я счелъ наиболѣе умѣстнымъ выразить ей по-японски мое восхищеніе по поводу достигнутыхъ Японіей успѣховъ. Это представляло большія трудности, такъ какъ я долженъ былъ вспомнить многія выраженія, употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ моими друзьями въ Iонасоса. Императрица издала странный, горловой звукъ. Она перестала ѣсть и закусила нижнюю губу. Ея плечи затряслись, и она начала истерически смѣяться. Японскій принцъ, сидѣвшій слѣва отъ нея и слышавшій нашъ разговоръ, опустилъ въ смущеніи голову. Крупныя слезы

катились по его щекамъ. Въ слѣдующій моментъ весь столъ кричалъ и смѣялся. Я очень удивился этой веселости, такъ какъ въ томъ, что я сказалъ, не было и тѣни юмористики. Когда смѣхъ немного улегся, императрица подала знакъ принцу, и онъ обратился ко мнѣ по-англійски:

— Позвольте узнать, гдѣ Ваше Императорское Высочество изволили научиться японскому языку? — вѣжливо спросилъ онъ съ глазами, полными слезъ.

— А что? Развѣ я говорю плохо?

— Совсѣмъ нѣтъ! Вы замѣчательно говорите, но видите ли вы употребляете особый мѣстный діалектъ, который... Какъ бы вамъ это объяснить?.. Можно узнать, какъ долго вы уже находитесь въ Нагасаки и не проживали ли въ округѣ Іонассы?

Нѣмецкій камергеръ былъ явно скандализованъ, такъ какъ это былъ, по всей вѣроятности, самый веселый придворный банкетъ въ исторіи Имперіи Восходящаго Солнца.

— Я бы очень хотѣлъ знать, какъ ее зовутъ? — сказалъ премьеръ-министръ, провожая меня до экипажа. Я бы выразилъ ей отъ имени Его Величества высочайшую благодарность за ея блестящій методъ въ преподованіи Іонасскаго нарѣчія. Сколько же вы, Ваше Высочество, всего взяли уроковъ японскаго языка?..

5.

Такъ какъ наша главная стоянка была въ Нагасаки, мы возвращались туда изъ нашихъ рейсовъ каждые три мѣсяца. «Рында» шла по намѣченному курсу и мы, такимъ образомъ, посѣтили Филиппинскіе острова, Индію, Австралію и различные острова, расположенные въ Великомъ и Индійскомъ океанахъ. Воспоминанія объ этихъ мѣстахъ возбуждаютъ во мнѣ острую тоску, которая одно время была даже причиной моего намѣренія отказаться отъ титула и остаться навсегда за-границей. Молукскіе острова, острова Фиджи, Цейлонъ и Дарилингъ въ Гималаяхъ — въ особенности пришлись мнѣ по сердцу.

Вспоминаю тропическій рай Молукскихъ острововъ. Широкая рѣка, катящая свои волны чрезъ пальмовыя ро-

щи. Острова Фиджи. Маленькій, тѣсный отель въ Дарилингѣ съ великолѣпнымъ видомъ на величественную Кэнчиненгу.

А вотъ раннее утро въ джунгляхъ Цейлона... Дождь лилъ всю ночь: свѣже сломанныя вѣтки; спецефическій острый запахъ и глубокіе слѣды на глинистой почвѣ говорятъ о близости дикихъ слоновъ. Мы медленно и осторожно продвигаемся впередъ верхомъ. Насъ предостерегаютъ крики развѣдчиковъ-туземцевъ: «Осторожно! Осторожно! Они готовятся къ нападенію» — говоритъ намъ англійскій эскортъ. Я переживаю въ первый разъ горделивое удовлетвореніе, принимая участіе въ охотѣ на слона...

Я часто вспоминаю обо всемъ этомъ послѣ революціи, и мнѣ кажется, что далекій островъ гдѣ-нибудь на Тихомъ океанѣ былъ бы самымъ подходящимъ мѣстомъ для человѣка, жизнь котораго была исковеркана колесами исторіи. Этими мыслями я дѣлился съ моею женой и сыновьями, но они рѣшили остаться въ Европѣ, которая не говорила ничего ни моему уму, ни сердцу даже въ годы моей молодости. Быть можетъ, когда-нибудь мои мечты сбудутся. Какъ ни грустно посѣтить снова мѣста, гдѣ я былъ счастливъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, я твердо вѣрю, что ни океанъ, ни тропическіе лѣса, ни горы мнѣ не — измѣнятъ. Измѣняютъ только люди...

— Путешествіе — это школа скептицизма, — справедливо сказалъ Монтэнь. Для меня путешествіе явилось «школой отучиванія», ибо въ каждой странѣ, куда по пути заходила «Рында», мнѣ удавалось освободиться отъ трюизмовъ и банальностей, привитыхъ мнѣ неправильнымъ воспитаніемъ. Фальшъ офиціальнаго христіанства въ особенности поразила меня на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ невѣжественные миссіонеры имѣли смѣлость обличать священныя видѣнія, которыя составляютъ сущность вѣрованія буддистовъ. Какое право мы, христіане, испытывающіе животный страхъ предъ смертью и въ отчаяніи рыдающіе надъ гробомъ умершихъ близкихъ, — имѣли смущать душевное равновѣсіе людей, чья безграничная вѣра въ загробную жизнь трогательно выражается въ тѣхъ чашечкахъ съ рисомъ, которыя поставлены на могилу усопшихъ? Каждый послѣдній изъ китайцевъ, японцевъ и индусовъ горѣлъ огнемъ той вѣры, которая поки-

нула христіанство въ день крестной смерти Спасителя и которая заставила Гете написать его самое глубокое четверостишіе:

Und sobald du das nicht hast,
Dieses „stirb und werde“,
Bist du nur ein trüber Gast
Auf der dunklen Erde *).

Народы западной цивилизаціи именно и являются печальными пришельцами, но тамъ, на «нецивилизованномъ» востокѣ никто еще не утратилъ надежду на лучшую жизнь за гробомъ...

6.

Весною 1889 года «Рында» возвратилась въ Европу черезъ Суэцкій каналъ и Египетъ. Послѣ непродолжительной остановки въ Греціи, гдѣ я, къ моей большой радости, имѣлъ свиданіе съ моей кузиной — Великой Княгиней Ольгой Константиновной — Королевой Эллиновъ, — затѣмъ въ Монте-Карло, гдѣ я видѣлъ моихъ родителей, брата Георгія и сестру Анастасію, — мы взяли курсъ къ берегамъ Великобританіи. Здѣсь мнѣ пришлось быть вторично представителемъ Государя Императора, который возложилъ на меня обязанность передать привѣтъ Королевѣ англійской Викторіи.

Такъ какъ отношенія между Россіей и Англіей были далеко не дружественныя, то я не слишкомъ радовался возложенному на меня высокому порученію. Я уже имѣлъ случай много слышать о холодности королевы Викторіи, и приготовился къ худшему.

Полученное изъ дворца приглашеніе съ лаконической припиской «къ завтраку» — только увеличило мои опасенія. Личная аудіенція была тѣмъ хороша, что должна была быть непродолжительной, но перспектива учана была быть непродолжительной, но перспектива участвовать въ продолжительной церемоніи высочайшаго завтрака съ монархиней, извѣстной своимъ недоброжела-

*) И, если ты утратилъ вѣру.
Въ смерть и въ воскресеніе,
Ты — печальный пришлецъ
На этомъ мрачномъ свѣтѣ...

тельствомъ къ Россіи, не предвѣщала ничего хорошаго. Я прибылъ во дворецъ до назначеннаго мнѣ времени, и меня ввели въ полутемную гостиную. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я сидѣлъ въ одиночествѣ и ждалъ выхода королевы. Наконецъ на порогѣ появились два высокихъ индуса: они низко мнѣ поклонились и открыли двухстворчатую дверь, которая вела во внутренніе покои. На порогѣ стояла маленькая, полная женщина. Я поцѣловалъ ей руку, и мы начали бесѣдовать. Меня поразила простота и сердечность ея манеръ. Сперва мнѣ показалось, не означаетъ ли эта задушевность коренную перемѣну политики Великобританіи въ отношеніи Россіи. Но объясненіе этому было другое.

— Я слышала о васъ много хорошаго, — сказала королева съ улыбкой. — Я должна васъ поблагодарить за ваше доброе отношеніе къ одному изъ моихъ друзей.

Я удивился, такъ какъ не могъ вспомнить никого изъ встрѣчавшихся мнѣ лицъ, которое могло бы похвастаться дружбой съ Ея Величествомъ Королевой Англійской.

— Неужели вы уже забыли его, — улыбаясь спросила королева: — Мунчи, моего учителя индусскаго языка?

Теперь я понялъ причину ея теплаго пріема, хотя индусъ Мунчи никогда не говорилъ мнѣ, что былъ учителемъ королевы англійской Викторіи. Я познакомился съ нимъ въ Агра, когда я осматривалъ Тай-Магалъ. Онъ высказывалъ очень много глубокихъ мыслей относительно религіозныхъ вѣрованій индусовъ, и я былъ очень обрадованъ, когда Мунчи пригласилъ меня къ обѣду. Я никогда не предполагалъ, что то, что я отвѣдалъ хлѣбъ-соли у Мунчи, очень подниметъ авторитетъ этого индуса въ глазахъ высокомѣрныхъ индусскихъ раджей, и что онъ напишетъ пространное письмо Королевѣ Викторіи, въ которомъ восхвалялъ мою поразительную «доброту».

Королева позвонила. Дверь открылась и на порогѣ появился мой другъ Мунчи собственной персоной. Мы поздоровались очень сердечно, а Королева радостно наблюдала за нашей бесѣды.

Къ моменту, когда завтракъ былъ уже поданъ, я чувствовалъ себя уже совершенно свободно и былъ въ состояніи отвѣтить на всѣ вопросы о политическомъ положеніи въ Южной Америкѣ, Японіи и Китаѣ. Британскій

народъ имѣлъ полное основаніе гордиться этой необычайной женщиной. Сидя за письменнымъ столомъ въ Лондонѣ, королева внимательно наблюдала за измѣнчивой картиной жизни въ далекихъ странахъ, и ея мѣткія замѣчанія свидѣтельствовали о ея остромъ, разборчивомъ умѣ и тонкомъ пониманіи дѣйствительности.

За столомъ присутствовали лишь ближайшіе родственники королевской семьи и между ними принцъ Уэльскій съ супругой (будущій король Эдруардъ VII и королева Александра). Принцесса горячо любила свою сестру Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну, и ея присутствіе и личное обаяніе дѣйствовали на меня ободряюще. Она была глуховата, и я долженъ былъ повышать голосъ, отвѣчая на ея вопросы относительно Императрицы, племянниковъ и племянницъ. Я взглянулъ въ сторону Королевы, чтобы убѣдиться, не мѣшаю ли я ей своимъ громкимъ голосомъ. Но она ободряющее кивнула мнѣ головой: всѣ дѣлали точно такъ же, когда разговаривали съ красивой принцессой Уэльской, и громче всѣхъ кричалъ при этомъ ея собственный супругъ — Эдуардъ. Если бы кто-либо посторонній вошелъ въ столовую, въ которой происходилъ высочайшій завтракъ, онъ могъ бы подумать, что происходила пренепріятная семейная сцена.

Два дня спустя меня опять пригласили на семейный обѣдъ. Съ каждымъ днемъ Королева оказывала мнѣ все болѣе и болѣе вниманія. (Я встрѣчался съ Королевой Викторіей и потомъ, но встрѣчи наши происходили въ отелѣ Симье въ Ниццѣ, гдѣ Королева проводила обычно каждую весну).

Для «морского волка», проведшаго почти три года въ дальнемъ плаваніи, свѣтскія обязанности, выпавшія на мою долю въ Лондонѣ, были, пожалуй, черезчуръ сложными. Привѣтствіе Государя Императора должно было быть передано мною всѣмъ членамъ англійской королевской семьи, что влекло за собою участіе въ цѣломъ рядѣ завтраковъ, чаевъ и обѣдовъ. Я возобновилъ мое знакомство съ герцогомъ Эдинбургскимъ-Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ, котораго я встрѣтилъ въ Москвѣ на коронаціи 1883 г. Онъ былъ женатъ на моей двоюродной сестрѣ, Великой Княгинѣ Маріи Александровнѣ, дочери Императора Александра II. Хоть ихъ четыре дочери и были еще очень молоды, но всѣ онѣ выказывали признаки ихъ по-

разительной будущей красоты. Самый строгій судья женской красоты затруднился бы, отдать ли пальму первенства «Мисси» — нынѣ вдовствующей Королевѣ румынской Мари, «Дэки» — Великой Княгинѣ Викторіи Федоровнѣ, супругѣ Великаго Князя Кирилла Владиміровича, «Сандрѣ» — Принцессѣ Александрѣ Гогенлоэ-Лангенбургъ, или же «Бэби» — Инфантѣ Испанской Беатрисѣ.

Въ Лондонѣ я познакомился съ мистеромъ Б., однимъ изъ послѣднихъ представителей исчезнувшей теперь породы эксцентричныхъ американскихъ милліонеровъ. Онъ жилъ на борту собственной океанской яхты «Лэди Торфрида», которая стояла на якорѣ невдалекѣ отъ Лондона. Эта яхта была дѣйствительно его постояннымъ мѣстожительствомъ, такъ какъ онъ не покидалъ ея уже въ теченіе 15 лѣтъ, проводя въ одной и той же гавани отъ трехъ до пяти лѣтъ подрядъ. Онъ никогда не сходилъ на берегъ и почти никого не принималъ. Русскій морской агентъ въ Лондонѣ очень сомнѣвался, удастся ли мнѣ столковаться съ мистеромъ Б. Онъ полагалъ, что мое намѣреніе пріобрѣсти «Лэди Торфриду» приведетъ американца въ такую ярость, что онъ отвѣтитъ мнѣ отборной руганью. Однако, я рѣшилъ попытать счастье и попросилъ мистера Б., чтобы онъ меня принялъ.

Я нашелъ Б. на ютѣ яхты въ обществѣ значительнаго количества всевозможныхъ бутылокъ. Онъ былъ раздраженъ и ворчалъ. Мое намѣреніе пріобрѣсти его яхту не вызывало въ немъ никакого сочувствія. Я объяснилъ ему, что хотѣлъ бы еще разъ посѣтить наиболѣе привлекательныя мѣста на востокѣ, путешествуя совершенно свободно, т. е. не будучи связанъ расписаніемъ пароходныхъ рейсовъ. Но, въ виду того, что я собираюсь отправиться въ путешествіе уже слѣдующей весной, я не имѣю времени заказать себѣ яхту.

— Что же вы хотите, чтобы я дѣлалъ, пока вы будете дьявольски хорошо проводить ваше время? — раздраженно крикнулъ онъ. — Ужъ не думаете ли вы, что я буду спать на набережной? Или же, быть можетъ, вы прикажете мнѣ залѣзть въ вонючій отель, полный людской рухляди и отвратительнаго шума?

Вовсе нѣтъ. Мысль превратить мистера Б. въ скитальца по землѣ — никогда не приходила мнѣ въ голову.

Я просто полагалъ, что онъ согласится продать мнѣ «Лэди Торфриду» и купить себѣ подобную же яхту, только значительно большаго тоннажа. Мои агенты къ его услугамъ.

— Кто изъ насъ двухъ богаче? — спросилъ онъ: — я или же вы? Чортъ возьми, та, новая яхта для васъ слишкомъ велика, а для меня моя яхта, по вашему, мала, и я изъ за вашихъ фантазій долженъ пожертвовать моимъ благороднымъ судномъ!

— Видите ли, — скромно сказалъ я: — человѣкъ вашего калибра долженъ обладать большей яхтой, чѣмъ «Лэди Торфрида».

Онъ насмѣшливо улыбнулся и сказалъ что-то въ томъ смыслѣ, что это соображеніе для него малоубѣдительно. Я продолжалъ настаивать. Повидимому, этотъ двухчасовой споръ утомилъ его, потому что онъ заявилъ, что долженъ хорошенько надъ этимъ дѣломъ подумать. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ у него погостить.

— Вы, я и эти бутылки, — и онъ сдѣлалъ многозначительный жестъ въ сторону стола...

Въ пять часовъ утра, въ слѣдующій понедѣльникъ, когда мы оба еле держались на ногахъ, между нами былъ подписанъ контрактъ, согласно которому я становился полновластнымъ владѣльцемъ «Лэди Торфридъ», а мистеръ Б. обязался перевезти свой виный погребъ на другое судно.

— Только помните, — добавилъ онъ, грозя пальцемъ: — сдѣлка будетъ дѣйствительной лишь въ томъ случаѣ, если вы пришвартуете мою новую яхту такъ близко къ борту «Лэди Торфридъ», что мнѣ не понадобится спускать шлюпку на воду. И еще одно условіе: вы не имѣете права называть ее впредь именемъ «Лэди Торфриды». «Лэди» остается со мною. Вы должны дать ей другое имя.

Я съ готовностью согласился.

— Я рѣшилъ назвать мою яхту именемъ «Тамары».

— Кто это такая?

— «Тамара» — это грузинская царица, которая имѣла обыкновеніе сбрасывать своихъ любовниковъ съ высоты дворцовой башни послѣ первой же ночи.

— Милая дама! Вы ее знали лично?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Она умерла очень давно.

— Онѣ всѣ слишкомъ рано умираютъ, — сказалъ мистеръ Б. и откупорилъ новую бутылку шампанскаго.

Въ бытность мою въ Лондонѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ попалась на глаза въ «Таймсѣ» короткая замѣтка, которая сообщала о внезапной кончинѣ мистера Б. на борту собственной яхты, которая по обыкновенію стояла на Темзѣ.

Вино и всѣ остальныя излишества ускорили его конецъ, хотя ему уже исполнилось тогда 82 года. Какъ выяснилось, «Торфридой» называлась его зеленоглазая невѣста, которая незадолго до свадьбы отправилась въ Парижъ, чтобы заказать приданое. Здѣсь она встрѣтила одного британскаго дворянина и вышла за него замужъ.

ГЛАВА VIII.

Женитьба.

1.

Лѣто 1889 г. «Рында» стоитъ разоруженная въ докѣ. Я — дома въ Михайловскомъ дворцѣ.

Сижу въ своихъ комнатахъ и скучаю. Въ Петербургѣ все осталось по старому. Та же рутина. Три раза въ день мы встрѣчаемся съ отцомъ въ столовой. Онъ ѣстъ наскоро, затѣмъ спѣшитъ на засѣданіе Государственнаго Совѣта. Разговоры все тѣ же, что и три года тому назадъ; тѣ же сплетни скучающихъ придворныхъ дамъ. Та же прислуга, ходящая на цыпочкахъ. Даже тотъ же самый поваръ.

Что творится со мной? Что является причиной моего томленія? Матушка страдаетъ сердечными припадками. Когда мы гуляемъ вмѣстѣ, она часто останавливается и хватается за грудь. Она, повидимому, очень рада моему возвращенію. Она мнѣ говоритъ, что каждый разъ очень волновалась, пока не получала извѣстія о томъ, что мы прибыли благополучно въ тотъ или иной портъ Дальняго Востока. Мнѣ такъ хочется отвѣтить лаской на ея любовь, но не моя вина, что, когда въ дѣтствѣ мнѣ болѣе всего была нужна ласки матери, я ея не имѣлъ...

Я встрѣчаюсь съ Ксеніей. Это уже не прежній сорванецъ, не «Твой морякъ Ксенія». Ей уже исполнилось 14 лѣтъ, и мы очень дружны.

Я бываю у Никки, въ лагеряхъ, въ Селѣ Капорскомъ, гдѣ онъ изучаетъ кавалерійское дѣло въ рядахъ

Лейбъ-Гусарскаго полка, которымъ командуетъ Великій Князь Николай Николаевичъ. Никки живетъ въ маленькой, для него построенной деревянной дачѣ. Онъ очень доволенъ своимъ производствомъ въ офицеры, и мы съ нимъ охотно обмѣниваемся впечатлѣніями: я — объ охотѣ въ Индіи на слоновъ, онъ — о полковой жизни. Его братъ, Георгій Александровичъ, не могъ противостоять соблазну моихъ писемъ, въ которыхъ я описывалъ ему жизнь подъ тропиками, и тоже отправился въ плаваніе.

А время идетъ, и эта жизнь дѣйствуетъ на меня угнетающе. Я долженъ во что бы то ни стало уѣхать.

— Пора... Поднимемъ якорь. Эта страна намъ надоѣла...

Мы отправляемся съ братомъ Михаиломъ Михайловичемъ въ Парижъ на Международную выставку.

Парижъ... Толпы иностранцевъ и провинціаловъ, глазѣющихъ на только что выстроенную Эйфелеву башню и на прочія выставочныя диковинки. 20.000 мэровъ Франціи поѣдаютъ безплатный обѣдъ на Марсовомъ полѣ, боясь оставить недопитой бутылку вина или неиспробованнымъ какое-нибудь пирожное. Вся эта сутолока мнѣ быстро надоѣдаетъ.

Мы ѣдемъ въ Біаррицъ, гдѣ нашъ братъ Георгій оправляется отъ недавней болѣзни. Океанъ, песокъ и закаты солнца...

Вечера, полные лѣнивой нѣги... Легкій флиртъ съ двумя красивыми русскими барышнями, съ которыми мы никогда бы не могли встрѣться въ Петербургѣ, ибо онѣ — «не нашего круга». Я вспоминаю Мунчи и индійскихъ набобовъ. Мнѣ опять скучно.

— Посмотрите на нашего Будду, — подтруниваетъ братъ Михаилъ: ему въ цивилизованномъ обществѣ не по себѣ.

Новое прозвище льститъ моему самолюбію, хотя и не дѣлаетъ большой чести божественному учителю.

Снова Петербургъ... «Блестящій зимній сезонъ». Большой балъ въ Зимнемъ Дворцѣ и цѣлая серія баловъ въ великосвѣтскихъ домахъ. Я считаю дни, которые отдѣляютъ меня отъ весны, когда мистеръ Б. обѣщалъ прислать мою яхту въ Россію. На балахъ я танцую только съ Ксеніей.

Слава Богу, «Тамара», наконецъ, прибыла. Ея гордыя

очертанія вырисовываются у пристани за Николаевскимъ мостомъ. Я устраиваю на борту завтракъ для моихъ родныхъ.

— Сандро, — говоритъ мой отецъ: — ты съ ума сошелъ! Ты собираешься отправиться въ кругосвѣтное путешествіе на этой скорлупкѣ!

Отецъ мой никогда не понималъ притятательной силы моря. Мы, конечно, говорили съ нимъ на разныхъ языкахъ. Только Государь Императоръ, любящій морское дѣло, хвалитъ «Тамару». Каждое лѣто онъ плаваетъ въ водахъ Финскаго залива на своей великолѣпной «Царевнѣ». Этимъ лѣтомъ онъ выразилъ пожеланіе, чтобы я на «Тамарѣ» сопровождалъ его въ плаваніи.

Наступаютъ блаженные дни. Насъ окружаетъ строгая красота шхеръ. Я обѣдаю въ семьѣ Государя рядомъ съ Ксеніей. Это недѣли отдыха Государя. По вечерамъ мы играемъ въ глупую карточную игру, которая называется «Волки».

Въ сентябрѣ я прощаюсь съ Петербургомъ, по крайней мѣрѣ, на два года. «Тамара» гордо спускается по Невѣ, имѣя цѣлью... берега Индіи. Я убѣдилъ моего брата Сергѣя меня сопровождать. Мы должны были встрѣтиться въ одномъ изъ портовъ Дальняго Востока съ Цесаревичемъ Георгіемъ, который совершаетъ кругосвѣтное путешествіе.

Адмиралтейскій шпицъ становится все тоньше... Мое сердце бьется радостнѣе.

2.

Сама судьба была противъ насъ. Едва мы прибыли на Дальній Востокъ, какъ начали приходить изъ дома дурныя вѣсти. Во-первыхъ, братъ Михаилъ женился на прелестной, но не принадлежавшей, однако, ни къ одной изъ царствовавшихъ фамилій дѣвушкѣ, и возбудилъ этимъ противъ себя гнѣвъ Государя и всей семьи. Потомъ заболѣлъ Георгій Александровичъ. Доктора нашли у него туберкулезъ обоихъ легкихъ, что потребовало его немедленнаго отъѣзда на Кавказъ, въ Аббасъ-Туманъ. И, наконецъ, въ то время, когда мы путешествовали по Индіи, пришло извѣстіе о смерти нашей матери. Она умерла отъ разрыва сердца, заболѣвъ въ поѣздѣ по доро-

гѣ въ наше имѣніе въ Крыму Ай-Тодоръ, гдѣ каждое деревцо, каждый цвѣтокъ были посажены подъ ея наблюденіемъ. Оставивъ «Тамару» въ порту Бомбея, мы пересѣли на быстроходный пассажирскій пароходъ и поспѣшили обратно въ Россію. Съ тѣхъ поръ моя нога не ступала больше на священную почву Индіи.

Михайловскій дворецъ былъ полонъ глубокой скорбью. Отецъ безцѣльно бродилъ изъ одной комнаты въ другую. Въ теченіе долгихъ часовъ онъ сидѣлъ безмолвный, куря одну за другой толстыя сигары и пристально глядя вдоль длинныхъ полуосвѣщенныхъ коридоровъ, какъ бы ожидая услышать оттуда ласковый голосъ матушки, который бы напомнилъ ему, что нельзя курить въ гостиной. Онъ упрекалъ Михаила за его женитьбу, такъ какъ видѣлъ въ ней причину обостренія болѣзни матери, и не могъ себѣ простить, что отпустилъ ее одну въ Крымъ. Отцу исполнилось 59 лѣтъ. Скоропостижная смерть его вѣрной подруги напомнила ему о его годахъ. Смысломъ всей его жизни были Кавказъ и его жена. Послѣ того, какъ завистливые люди и воля Всевышняго отняли у него и то, и другое, жизнь потеряла для него всякій интересъ. Конечно, оставались дѣти, насъ было семеро, но мы выросли въ преклоненіи предъ отцомъ, какъ предъ человѣкомъ сильной воли и долга, бывшимъ для насъ олицетвореніемъ великолѣпной эпохи Императора Николая I. Говоря о немъ, мы называли отца между собою Михаиломъ Николаевичемъ; бесѣдуя съ нимъ, мы взвѣшивали каждое слово и сдерживали свои чувства. Въ его горѣ — всѣ наши сердца раздѣляли его скорбь, но мы не знали, какъ выразить ему словами наши симпатіи. Мы сидѣли молча около него и въ моихъ ушахъ звучали слова Библіи: «И такъ сидѣли они съ нимъ на землѣ семь дней и семь ночей, и никто не говорилъ ему ни слова, такъ какъ они видѣли, что горе его безмѣрно».

Въ тѣ дни Петербургъ показался мнѣ болѣе, чѣмъ когда-либо ненавистнымъ. Я выпросилъ у Государя должность въ Черноморскомъ флотѣ, и былъ назначенъ вахтеннымъ начальникомъ на броненосецъ «Синопъ». Въ теченіе двухъ лѣтъ я очень много работалъ тамъ и только разъ взялъ въ февралѣ 1892 года отпускъ, на двѣ недѣли, чтобы навѣстить Георгія Александровича въ Аб-

басъ-Туманѣ. Онъ жилъ тамъ въ полномъ одиночествѣ, и единственнымъ его развлеченіемъ являлось сметеніе снѣга съ крыши домовъ. Доктора полагали, что холодный горный воздухъ подѣйствуетъ на его больныя легкія благотворно. Мы спали въ комнатѣ при открытыхъ окнахъ при температурѣ въ 9 градусовъ ниже нуля, подъ грудой теплыхъ одѣялъ. Георгій Александровичъ зналъ о моей любви къ его сестрѣ Ксеніи и это, въ соединеніи съ нашей старой дружбой и общимъ интересомъ къ военному флоту, сблизило насъ, какъ братьевъ. Мы безъ устали бесѣдовали, то вспоминая наше дѣтство, то стараясь разгадать будущее Россіи и обсуждая характеръ Никки. Мы надѣялись, что Императоръ Александръ III будетъ царствовать еще долгіе годы, и оба опасались, что полная неподготовленность Никки къ обязанностямъ Вѣнценосца явится большимъ препятствіемъ къ его вступленію на престолъ въ ближайшемъ будущемъ.

Той же весной 1892 г. меня перевели во флотъ Балтійскаго моря. Государь выразилъ свое полное удовлетвореніе по поводу моихъ служебныхъ успѣховъ. Послѣ двухмѣсячнаго командованія миноноской «Ревель» въ сто тоннъ, я былъ назначенъ командиромъ миннаго отряда въ двѣнадцать миноносцевъ. Во время лѣтняго морского смотра, я получилъ приказъ «атаковать» крейсеръ, на которомъ находился Государь Императоръ. Я еще никогда не испытывалъ такого полнаго удовлетворенія, какъ во время этой операціи, и атаковалъ съ громаднымъ мужествомъ и рѣшимостью. Морской министръ поздравилъ меня «съ блестяще проведенной операціей» и самъ чувствовалъ мой большой тріумфъ: дома мой сумрачный наставникъ, который десять лѣтъ тому назадъ предсказывалъ мнѣ полную неудачу на флотской службѣ, прислалъ мнѣ письмо, въ коемъ писалъ о томъ, что я сдѣлалъ бо̀льшіе успѣхи, чѣмъ онъ ожидалъ, и онъ надѣется, что со временемъ я стану хорошимъ морскимъ офицеромъ.

* * *

Въ январѣ 1893 г. одинъ изъ наиболѣе новыхъ русскихъ крейсеровъ «Дмитрій Донской» долженъ былъ, возвращаясь изъ Китая, отправиться въ Соединенные

Штаты, чтобы поблагодарить американцевъ за оказанную ими минувшимъ лѣтомъ во время недорода на юго-востокѣ Россіи продовольственную помощь. Для меня представился единственный случай посѣтить страну моихъ юношескихъ мечтаній. Я рѣшилъ просить объ откомандированіи меня на «Дмитрій Донской», но, такъ какъ я долженъ былъ ходатайствовать объ этой милости лично у Государя, то я полагалъ, что могу просить его еще кое-о чемъ. Это «кое-что» было рукою его дочери Великой Княжны Ксеніи.

Императоръ принялъ меня съ обычной сердечностью. Взрослый офицеръ, я былъ для него все тѣмъ же «маленькимъ кузеномъ» Сандро, который когда-то игралъ съ его сыновьями, Никки и Жоржи, въ садахъ Ливадійскаго дворца.

— У тебя какой-то секретъ, — съ улыбкой спросилъ онъ меня: — развѣ ты не видишь меня достаточно часто дома, чтобы тебѣ понадобилась офиціальная аудіенція.

Признаюсь, что я высказалъ причину моего визита не слишкомъ краснорѣчиво. Пристальный, слегка насмѣшливый взглядъ Государя лишалъ меня всякаго мужества. Я заикался и бормоталъ. Фразы, которыя звучали такъ краснорѣчиво, когда я произносилъ ихъ предъ собой дома, не производили въ этомъ маленькомъ уютномъ кабинетѣ, наполненномъ портретами и картинами, ожидаемаго эффекта.

— Дѣло относительно перевода на крейсеръ «Дми... Донской» обстоитъ весьма просто, — рѣшилъ Государь послѣ минутнаго размышленія: — мнѣ кажется, что это будетъ очень хорошо, если представитель нашей семьи передастъ мою личную благодарность президенту Соединенныхъ Штатовъ. Что же касается твоей просьбы руки Ксеніи, то мнѣ кажется, что до меня, ты бы долженъ былъ переговорить съ нею.

— Я уже говорилъ съ нею, и мы рѣшили, что я долженъ просить у Вашего Величества аудіенціи.

— Понимаю. Ну что же, принципіально я не противъ этого. Я тебя люблю. Если ты любишь Ксенію и она тебя любитъ, то я не вижу никакихъ препятствій, чтобы вамъ пожениться. Но придется немного подождать. Императрица не хочетъ, чтобы Ксенія выходила слишкомъ рано замужъ. Мы окончимъ этотъ разговоръ не ранѣе, чѣмъ черезъ годъ.

Я горячо поблагорилъ Государя и бросился къ Ксеніи, чтобы сообщить ей результатъ нашего разговора. Мы надѣялись получить согласіе Императрицы ранѣе, чѣмъ черезъ годъ.

Я отправился въ Америку со спокойнымъ сердцемъ.

3.

Мнѣ исполнилось ровно 27 лѣтъ въ тотъ туманный весенній день, когда крейсеръ «Дмитрій Донской» бросилъ якорь въ Гудзоновомъ заливѣ.

Официально я пріѣхалъ выразить благодарность президенту Клевелэнду отъ имени моего кузена, Императора Александра III за помощь, оказанную Соединенными Штатами Россіи во время неурожая. Неофиціально я хотѣлъ бросить взглядъ на эту страну будущаго и надѣялся, что и она опредѣлитъ мою судьбу.

Всемірная выставка должна была открыться приблизительно ко времени нашего прибытія, и вся страна находилась въ большомъ напряженіи. Никогда еще до того времени столько націй не посылали своихъ флотовъ къ берегамъ Соединенныхъ Штатовъ. Великобританія, Франція, Германія, Италія, Россія, Австро-Венгрія, Аргентина — всѣ были представлены на блестящемъ международномъ смотру въ Нью-Іоркскомъ порту въ маѣ мѣсяцѣ 1893 г.

Посѣщеніе инфанты испанской Евлаліи явилось сенсаціей выставки. Императоръ Вильгельмъ послалъ самаго выдающагося дипломата Германіи фонъ-Бюлова для противодѣйствія этой «испанской интригѣ». Шотландскіе горцы играли на волынкахъ, а французы были представлены спеціальнымъ оркестромъ Республиканской Гвардіи. И тотъ фактъ, что всѣ великія державы боролись за расположеніе и дружбу Соединенныхъ Штатовъ — былъ весьма знаменателенъ. Однажды жаркой іюльской ночью, проѣзжая по декорированному пятому авеню въ резиденцію Джона Джакоба Астора и глядя на ряды освѣщенныхъ домовъ, я внезапно ощутилъ нарожденіе новой эпохи.

Я думалъ о моемъ дѣдѣ, дядѣ и двоюродномъ братѣ. Они управляли страной, которая была больше этой новой страны, наталкиваясь на тѣ же самыя проблемы, какъ громадное населеніе Америки, заключающее въ себѣ нѣ-

сколько десятковъ національностей и вѣроисповѣданій, колоссальныя разстоянія между промышленными центрами и районами земледѣлія, требовавшія желѣзнодорожныхъ линій большого протяженія. Трудности, стоявшія предъ американскимъ правительствомъ, были не меньше нашихъ, но нашъ активъ былъ больше. Россія имѣла золото, мѣдь, уголь, желѣзо; ея почва, если бы удалось поднять урожайность русской земли, могла бы прокормить весь міръ. Чего же не хватало Россіи? Почему мы не могли слѣдовать американскому примѣру? Намъ не было рѣшительно никакого дѣла до Европы и намъ не было никакого основанія подражать націямъ, которыя были вынуждены къ тѣмъ или инымъ методамъ управленія въ силу своей бѣдности.

Европа! Европа! — это вѣчное стремленіе идти въ ногу съ Европой задерживало наше національное развитіе Богъ знаетъ на сколько лѣтъ.

Здѣсь, въ разстояніи четырехъ тысячъ миль отъ европейскихъ пѣтушиныхъ боевъ, взору наблюдателя являлся живой примѣръ возможностей страны въ условіяхъ, сходныхъ съ россійскими. Намъ слѣдовало вложить только немного болѣе здраваго смысла въ нашу политику.

И тутъ же, въ тѣ нѣсколько минутъ, пока длилась моя прогулка въ этотъ вечеръ, въ головѣ моей созрѣлъ широчайшій планъ американизаціи Россіи.

Меня увлекала молодость и жизнь. Было радостно думать и повторять снова и снова, что старый, покрытый кровью девятнадцатый вѣкъ близится къ концу, оставляя арену свободной для новой работы грядущихъ поколѣній. Таковы были мои переживанія въ ту достопамятную ночь, и на эту тему были мои разговоры за столомъ у мистера Астора.

Хозяинъ и его друзья посмотрѣли на меня удивленно. Развѣ я не прочелъ утреннихъ газетъ? Неужели я не знаю печальныхъ новостей?

«Нэшіонэль Кэрдэджъ Компэни» перестала платить по векселямъ, что, въ свою очередь, заставило «Генри Олленъ Ко», а также другія банковскія фирмы прекратить свои платежи.

— Чортъ знаетъ, что происходитъ на биржѣ, — сказалъ мистеръ Асторъ. — Къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что вся наша страна находится на краю пропасти...

Одинъ господинъ, весьма извѣстный своей компетентностью въ области финансовъ, попросилъ номеръ одной изъ главныхъ Нью-Іоркскихъ газетъ и протянулъ его мнѣ.

— Пожалуйста, — вѣско сказалъ онъ: — взгляните на эту пессимистическую передовицу. Она вамъ облегчитъ пониманіе того, что теперь происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Что касается меня, то я считаю долгомъ просить своихъ кліентовъ воздержаться отъ какихъ бы то ни было биржевыхъ операцій.

Это происходило 13 іюня 1893 г.

Трагическій экземпляръ этой газеты до сихъ поръ находится въ моихъ рукахъ. Его листы пожелтѣли и едва держутся, но зловѣщія строки еще видны. Для меня это — хорошій показатель. Когда мои друзья выражаютъ страхъ за будущее Соединенныхъ Штатовъ, я читаю имъ газету отъ 13 іюня 1893 г. и совѣтую рѣшить самимъ, стоитъ ли имъ безпокоиться о переживаемыхъ затрудненіяхъ и не имѣли ли они прецедентовъ въ исторіи.

Въ концѣ лѣта я долженъ былъ вернуться въ Россію. Но я далъ себѣ слово, что въ ближайшемъ будущемъ непремѣнно навѣщу Соединенные Штаты еще разъ.

4.

— Когда же твоя свадьба? — спросилъ меня отецъ, когда я возвратился въ С. Петербургъ.

— Я долженъ ждать окончательнаго отвѣта Ихъ Величествъ.

— Находиться въ ожиданіи и путешествовать, кажется, двѣ вещи, которыя ты въ состояніи дѣлать,—нетерпѣливо сказалъ отецъ. — Это становится уже смѣшнымъ. Ты долженъ, наконецъ, создать свой домашній очагъ. Прошелъ цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ ты говорилъ съ Государемъ. Пойди къ Его Величеству и испроси окончательный отвѣтъ.

— Я не хочу утруждать Государя, чтобы не навлечь его неудовольствія.

— Хорошо, Сандро. Тогда мнѣ придется самому заняться этимъ дѣломъ.

И не говоря ни слова, отецъ мой отправился въ Аничковъ дворецъ, чтобы переговорить съ Государыней окон-

чательно, оставивъ меня въ состояніи крайняго волненія. Я зналъ, что отецъ мой обожаетъ Великую Княжну Ксенію и сдѣлаетъ все, что въ его силахъ, чтобы получить согласіе ея царственныхъ родителей на нашъ бракъ. Но я зналъ также и Императрицу. Она не переносила, чтобы ее торопили или же ей противорѣчили, и я опасался, что она сгоряча дастъ отрицательный отвѣтъ, и отрѣжетъ возможность дальнѣйшихъ попытокъ.

Я помню, что сломалъ въ своемъ кабинетѣ по крайней мѣрѣ дюжину карандашей, ожидая возвращенія моего отца. Мнѣ казалось, что съ тѣхъ поръ какъ онъ ушелъ, прошла цѣлая вѣчность.

Вдругъ раздался звонокъ въ комнатѣ его камердинера, и вслѣдъ затѣмъ я услыхалъ его знакомые, твердые шаги. Онъ никогда не поднимался быстро по лѣстницѣ. На этотъ разъ онъ поднимался прямо бѣгомъ. Лицо его сіяло. Онъ чуть не задушилъ меня въ своихъ объятіяхъ.

— Все устроено, — сказалъ онъ входя: — ты долженъ отправиться сегодня къ Ксеніи въ половинѣ пятого.

— Что сказала Императрица? Она разсердилась?

— Разсердилась? — Нѣтъ словъ, чтобы описать ея гнѣвъ. Она ужасно меня бранила. Говорила, что хочу разбить ея счастье. Что не имѣю права похитить у нея ея дочь. Что она никогда не будетъ больше со мною разговаривать. Что никогда не ожидала, что человѣкъ моихъ лѣтъ будетъ вести себя столь ужаснымъ образомъ. Грозила пожаловаться Государю и попросить его покарать все наше семейство.

— Что же ты отвѣтилъ?

— Ахъ — цѣлую уйму разныхъ вещей! Но къ чему теперь все это. Мы вѣдь выиграли нашу борьбу. А это главное. Мы выиграли, и Ксенія — наша.

Его адъютантъ, который завтракалъ съ нами, говорилъ потомъ, что никогда еще не видѣлъ Великаго Князя Михаила Николаевича въ столь торжественномъ настроеніи.

— Я не знаю, — прошепталъ мнѣ этотъ офицеръ за столомъ: — кто изъ васъ двоихъ собирается жениться?

Если посторонній наблюдалъ въ этотъ день за нашимъ поведеніемъ, то выходило, что счастливымъ женихомъ былъ мой отецъ, такъ какъ, пока онъ произносилъ свои тирады, я сидѣлъ неподвижно, будучи не въ состоя-

ніи что-либо проглотить. Получивъ, послѣ стольких лѣтъ робкой надежды, согласіе на бракъ съ Ксеніей, я былъ буквально ошеломленъ отъ той внезапности, съ которой мечты мои превратились въ дѣйствительность. И потомъ я не могъ отдѣлаться отъ мысли о моемъ братѣ Сергѣѣ. Вѣдь онъ былъ также влюбленъ въ Великую Княжну Ксенію. По взаимному уговору мы никогда не упоминали въ нашихъ разговорахъ ея имени, но какъ отнесется теперь онъ къ факту нашей помолвки? Онъ не могъ обвинять меня въ чемъ-либо, такъ какъ Ксеніи принадлежало право выбора между нами, и она предпочла меня, но я сознавалъ, что съ сегодняшняго дня наши братскія отношенія коренным образомъ измѣнятся. Я жалѣлъ Сергѣя и хотѣлъ, чтобы что-нибудь облегчило бы ему его душевныя страданія, но принести въ жертву брату свою любовь къ Ксеніи я, по совѣсти говоря, не могъ.

Четверть пятаго я входилъ въ ограду вестибюля Аничкова дворца. Долѣе я ждать былъ не въ состояніи. Взглянувъ на рослаго гвардейца, стоявшаго на часахъ, я покраснѣлъ. Мнѣ казалось, что всѣ уже знаютъ о моемъ счастьѣ. Чтобы не видѣть казачка при подъемной машинѣ, я сталъ медленно подниматься по длинной лѣстницѣ.

Гофъ-фурьеръ Ксеніи Александровны Березинъ сидѣлъ на стулѣ и читалъ газету.

— Доложите, пожалуйста, обо мнѣ Ея Императорскому Высочеству.

Березинъ удивленно посмотрѣлъ на меня. Такая офиціальность была для него новостью—я всегда входилъ безъ доклада. Онъ улыбнулся или же мнѣ это такъ показалось, и повелъ меня въ салонъ Великой Княгини. Еще вчера мы пили веселой компаніей чай въ этой чудесно обставленной комнатѣ, но сегодня мнѣ уже все казалось другимъ. Я стоялъ и смотрѣлъ на дверь въ спальную Ксеніи.

— Какъ странно, — подумалъ я: — что она такъ долго не идетъ...

И вдругъ она вошла съ опущенными глазами, въ простой бѣлой шелковой блузѣ и синей юбкѣ. Она остановилась у окна въ выжидательной позѣ. Я взялъ ее за руку и повелъ къ двумъ мягкимъ кресламъ. Мы говорили

почти шопотомъ, и мнѣ казалось, что мы говорили одновременно. Раньше мы обмѣнивались поцѣлуями, но это были поцѣлуи кузеновъ. Теперь я поцѣловалъ ее, какъ ея будущій супругъ...

— Пойдемъ къ папа и мама, — сказала Ксенія — Будь осторожнѣе съ мама. Она еще сердится. Она прямо хотѣла уничтожить твоего отца за его настойчивость добиться ея согласія.

Я разсмѣялся. Въ этотъ моментъ я былъ готовъ бороться противъ всѣхъ императрицъ міра.

Стараясь выглядѣть не разсерженной, Императрица поцѣловала меня и сказала:

— Я не должна была бы тебя цѣловать. Ты вѣдь отнимаешь у меня дочь. Но что я могу подѣлать? Пожалуйста, передай своему отцу, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года не показывался бы мнѣ на глаза.

Императоръ привѣтливо кивнулъ мнѣ. Онъ уже успѣлъ позвонить по телефону къ моему отцу, прося немедленно прибыть въ Аничковъ дворецъ. И черезъ пять минутъ главный виновникъ происшествія вошелъ въ салонъ Императрицы невозмутимо улыбаясь. Александръ III отдалъ приказаніе прислугѣ предупредить всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи о томъ, что сегодня въ половинѣ девятаго состоится обѣдъ, на которомъ будетъ объявлено о нашей помолвкѣ.

За столомъ Ксенію и меня посадили рядомъ. Государь выглядѣлъ довольнымъ, и царило приподнятое настроеніе. Послѣ ряда тостовъ, поздравленій и родственныхъ поцѣлуевъ, я взглянулъ на Сергѣя. Онъ мнѣ улыбнулся. Онъ понималъ мои опасенія и не хотѣлъ омрачить нашего счастья. Его лицо не выдавало его внутреннихъ страданій — онъ велъ себя, какъ истый спортсменъ.

5.

День нашей свадьбы былъ назначенъ на конецъ іюля. Я попробовалъ протестовать противъ этой отсрочки почти что въ шесть мѣсяцевъ, но меня попросилъ помолчать и лишь молить Провидѣніе, чтобы портнихи успѣли къ тому времени сшить приданое Ксеніи. Мы должны были провести нашъ медовый мѣсяцъ въ моемъ любимомъ Ай-Тодорѣ, который матушка оставила мнѣ

по духовному завѣщанію. Мой старый другъ, поручикъ Шателэнъ взялъ на себя заботу по приведенію дома въ надлежащій для нашего пріема видъ. Въ мои холостые годы я никогда не заботился объ Ай-Тодорскомъ дворцѣ. Вступая въ бракъ, я долженъ былъ привести все въ порядокъ. Двѣ придворныя дамы, завѣдующій дворомъ и мой личный адъютантъ — вотъ то минимальное количество лицъ свиты, которыя должны были насъ сопровождать. Меньшее число свидѣтелей нашего счастья могло бы вызвать неудовольствіе министра двора.

Въ началѣ мая Ксенія и я сопровождали Императрицу въ Аббасъ-Туманъ. Предстоящая свадьба дочери обостряла еще болѣе ея тоску по поводу болѣзни ея любимаго сына Георгія. Онъ былъ очень радъ насъ видѣть, но его блѣдное, болѣзненное лицо говорило объ ухудшеніи его роковой болѣзни. Мы провели четыре недѣли вмѣстѣ, катаясь въ горахъ, устраивая пикники, смѣясь шуткамъ молодости и танцуя. Мы дѣлали все, что было въ нашихъ силахъ, чтобы подбодрить Жоржа. Онъ же слабѣлъ съ каждымъ днемъ, и у него было предчувствіе, что онъ никогда уже болѣе не увидитъ Петербурга. Наше веселое настроеніе не могло его обмануть. Видъ двухъ здоровыхъ, счастливыхъ людей, вѣроятно, доставлялъ ему лишь страданія, хоть внѣшне онъ оставался все тѣмъ же благороднымъ, добрымъ и преданнымъ мнѣ Жоржемъ. Я считалъ неумѣстнымъ строить планы на будущее въ его присутствіи, прислушиваясь къ его тяжелому, неровному дыханію. Мы занимали смежныя комнаты, и когда я ложился въ постель ,то не могъ заснуть и задыхался отъ горечи и сознанія своего безсилія. Въ чемъ былъ смыслъ нашей жизни, если ничто въ мірѣ не было въ состояніи спасти Жоржа?

Въ іюнѣ мѣсяцѣ мы прибыли на бортъ «Царевны», на которой плавалъ въ финскихъ водахъ Государь. За наше отсутствіе онъ очень похудѣлъ и жаловался на значительное утомленіе. Доктора, эти всегда оптимистически настроенные лейбъ-медики, говорили, что недомоганіе Государя — послѣдствіе его усиленныхъ трудовъ. Они предписали отдыхъ и свѣжій воздухъ. Зачарованные его богатырскимъ сложеніемъ, они просмотрѣли его смертельный недугъ почекъ.

Какъ и предыдущіе годы, мы посѣтили наши любимыя мѣста, удили рыбу, принимали гостей и играли въ «волковъ». 20 іюля мы возвратились въ столицу, чтобы посѣтить выставку приданаго, которая была устроена въ одной изъ дворцовыхъ залъ.

Въ концѣ зала стоялъ столъ покрытый приданымъ жениха. Я не ожидалъ, что обо мнѣ позаботятся также, и былъ удивленъ. Оказалось, однако, что, по семейной традиціи, Государь дарилъ мнѣ извѣстное количество бѣлья. Среди моихъ вещей оказались четыре дюжины дневныхъ рубахъ, четыре ночныхъ и т. д. — всего по четыре дюжины. Особое мое вниманіе обратилъ на себя ночной халатъ и туфли изъ серебряной парчи. Меня удивила тяжесть халата.

— Этотъ халатъ вѣситъ шестнадцать фунтовъ, — объяснилъ мнѣ церемоніймейстеръ.

— Шестнадцать фунтовъ? — Кто же его надѣнетъ?

Мое невѣжество смутило его. Церемоніймейстеръ объяснилъ мнѣ, что этотъ халатъ и туфли по традиціи долженъ надѣть новобрачный, предъ тѣмъ, какъ войти въ день вѣнчанія въ спальную своей молодой жены. Этотъ забавный обычай фигурировалъ въ перечнѣ правилъ церемоніала нашего вѣнчанія наряду съ еще болѣе нелѣпымъ запрещеніемъ жениху видѣть невѣсту наканунѣ свадьбы. Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ вздыхать и подчиняться. Домъ Романовыхъ не собирался отступать отъ выработанныхъ вѣками традицій ради автора этихъ строкъ.

Сутки полнаго одиночества и безсильныхъ проклятій по адресу охранителей традицій, и наконецъ долгожданный день наступилъ. Наша свадьба должна была состояться какъ разъ въ той же церкви Петергофскаго Большого Дворца, въ которой я присягалъ въ день моего совершеннолѣтія. Эта церковь была избрана мною, въ виду моей суевѣрной непріязни къ столицѣ.

За обрядомъ одѣванія невѣсты наблюдала сама Государыня при участіи наиболѣе заслуженныхъ статсъ-дамъ и фрейлинъ. Волосы Ксеніи были положены длинными локонами, и на головѣ укрѣплена очень сложнымъ способомъ драгоцѣнная корона.

Я помню, что она была одѣта въ такое же серебряное платье, что и моя сестра Анастасія Михайловна и какъ

всѣ Великія Княжны въ день ихъ вѣнчанія. Я помню также бриллiантовую корону на ея головѣ, нѣсколько рядовъ жемчута вокругъ шеи и нѣсколько бриллiантовыхъ украшеній на ея груди.

Наконецъ, мнѣ показали невѣсту, и процессія двинулась. Самъ Государь Императоръ велъ къ вѣнцу Ксенію. Я слѣдовалъ подъ руку съ Императрицей, а за нами вся остальная Царская фамилія въ порядкѣ старшинства. Миша и Ольга, младшіе братъ и сестра Ксеніи, мнѣ подмигивали, и я долженъ былъ прилагать всѣ усилія, чтобы не разсмѣяться. Мнѣ разсказывали впослѣдствіи, что «хоръ пѣлъ божественно». Я же былъ слишкомъ погруженъ въ мои мысли о предстоящемъ свадебномъ путешествіи въ Ай-Тодоръ, чтобы обращать вниманіе на церковную службу и пѣніе придворныхъ пѣвчихъ.

Когда я былъ еще ребенкомъ моя матушка пріобрѣла Ай-Тодорскую полосу земли на южномъ берегу Крыма. Я и Ай-Тодоръ выросли, какъ бы, вмѣстѣ. Съ годами Ай-Тодоръ превратился въ цвѣтущій уголокъ, покрытый садами, виноградниками, полянами и прорѣзанный по берегу бухтами. На берегу былъ выстроенъ маякъ, который позволялъ намъ оріентироваться на морѣ въ туманныя ночи. Для насъ, дѣтей, — этотъ ярко сіявшій снопъ свѣта Ай-Тодорскаго маяка сталъ символомъ счастья. Я думалъ о томъ, будетъ ли Ксенія это чувствовать такъ же, какъ и мои братья въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ.

Мы возвращались во дворецъ въ томъ же порядкѣ, съ тою лишь разницей, что я помѣнялся мѣстомъ съ Государемъ и шелъ впереди подъ руку съ Ксеніей.

Я не могу дождаться минуты, когда можно будетъ освободиться отъ этого дурацкаго платья, — шопотомъ пожаловалась мнѣ моя молодая жена.— Мнѣ кажется, что оно вѣситъ прямо пуды. Какъ бы я хотѣла поскорѣе встать изъ за стола. Посмотри на папа, — онъ прямо безъ силъ...

Всѣ мы видѣли, какимъ утомленнымъ выглядѣлъ Государь, но даже онъ самъ не могъ прервать ранѣе положеннаго часа утомительный, свадебный обѣдъ.

Только въ 11 час. вечера мы могли переодѣться и уѣхать въ придворныхъ экипажахъ въ пригородный Ропшинскій дворецъ, гдѣ должны были провести нашу брачную ночь. По дорогѣ намъ пришлось перемѣнить лошадей, такъ какъ кучеръ не могъ съ ними справиться.

Роппинскій дворецъ и сосѣднее село были такъ сильно иллюминованы, что нашъ кучеръ, ослѣпленный непривычнымъ свѣтомъ, не замѣтилъ маленькаго мостика черезъ ручей, и мы всѣ — три лошади, карета и новобрачные упали въ ручей. Къ счастью, Ксенія упала на дно экипажа, я на нее, а кучеръ и камеръ-лакей упали прямо въ воду. Къ счастью, никто не ушибся, и къ намъ на помощь подоспѣла вторая карета, въ которой находилась прислуга Ксеніи. Большая шляпа съ страусовыми перьями Ксеніи и пальто, отдѣланное горностаемъ, — были покрыты грязью, мои лицо и руки были совершенно черны. Князь Вяземскій, встрѣчавшій насъ при входѣ въ Роппинскій дворецъ, какъ опытный царедворецъ, не проронилъ ни одного слова...

Насъ оставили однихъ... Это было впервые со дня нашего обрученія, и мы едва вѣрили своему счастью. Можетъ ли это быть, что никто не помѣшаетъ намъ спокойно поужинать!

Мы подозрительно покосились на двери и затѣмъ... расхохотались. — Никого! Мы были дѣйствительно совсѣмъ одни. Тогда я взялъ ларецъ съ драгоцѣнностями моей матери и преподнесъ его Ксеніи. Хотя она и была равнодушна къ драгоцѣннымъ камнямъ, она все же залюбовалась красивой бриллiантовой діадемой и сапфирами.

Мы разстались въ часъ ночи, чтобы надѣть наши брачныя одежды. Проходя въ спальную къ женѣ, я увидѣлъ въ зеркалѣ отраженіе моей фигуры, задрапированной въ серебряную парчу, и мой смѣшной видъ заставилъ меня снова расхохотаться. Я былъ похожъ на опернаго султана въ послѣднемъ актѣ...

На слѣдующее утро мы возвратились въ С. Петербургъ для окончанія свадебнаго церемоніала, который заключался въ пріемѣ поздравленій дипломатическаго корпуса въ Зимнемъ Дворцѣ, въ посѣщеніи усыпальницы нашихъ царственныхъ предковъ въ Петропавловскомъ соборѣ и поклоненіи чудотворной иконѣ Спасителя въ домикѣ Петра Великаго. На вокзалѣ насъ ожидалъ экстренный поѣздъ. Быстро промчались семьдесятъ два часа пути, и новая хозяйка водворилась въ Ай-Тодорѣ. Здѣсь мы строили планы на многіе годы впередъ и расчитывали прожить жизнь, полную безоблачнаго счастья.

Кто могъ думать въ этотъ блѣдно-синій іюльскій вечеръ въ 1894 году, что только три мѣсяца отдѣляютъ насъ отъ самой страшной катастрофы въ исторіи Россійской Имперіи. Кто могъ предвидѣть, что Императоръ Александръ III умретъ въ возрастѣ 49 лѣтъ отъ роду, оставивъ незавершеннымъ монаршій трудъ свой и вручивъ судьбу шестой части міра въ дрожащія руки растерявшагося юноши.

ГЛАВА IX.

Царская фамилія.

Преждевременная кончина Императора Александра III приблизила вспышку революціи по крайней мѣрѣ на четверть вѣка. Марксистскіе историки, вѣроятно, съ этимъ утвержденіемъ не согласятся. Но не слѣдуетъ забывать, что чѣмъ сильнѣе государственная власть, тѣмъ въ меньшей поддержкѣ она нуждается.

Начиная со дня смерти Императора Александра III въ 1894 году три силы приняли участіе во внутренней борьбѣ за власть въ Россіи: Монархъ, Царская Фамилія и адепты революціоннаго подполья. Симпатіи же остального стопятидесятимилліоннаго русскаго народа дѣлились между этими двумя лагерями, между престоломъ и анархіей, и находились въ зависимости отъ искусства каждой изъ боровшихся сторонъ заручиться поддержкой народныхъ массъ.

Я начну съ Царской Фамиліи, что представляется болѣе логичнымъ, ибо, по причинѣ своей неопытности, Императоръ Николай II въ трудныя минуты жизни имѣлъ обыкновеніе спрашивать совѣта у своихъ родственниковъ. Нѣсколько разъ въ жизни мнѣ приходилось имѣть дѣловыя сношенія съ нѣкоторыми членами Императорской Семьи, а потому я попробую дать краткую характеристику тѣхъ изъ нихъ, которые въ 1894 году достигли уже зрѣлаго возраста.

У Императора Николая II было трое внучатыхъ дя-

дей, братьевъ его дѣда Императора Александра II: Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который къ этому времени удалился въ свое помѣстье въ Крыму и проводилъ время въ обществѣ своей второй жены, бывшей балерины; Великій Князь Николай Николаевичъ-старшій, занимавшій постъ генерала-инспектора русской кавалеріи, который былъ очень популяренъ среди офицерства, но не могъ, въ виду своего преклоннаго возраста, принимать близкое участіе въ государственныхъ дѣлахъ; Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, мой отецъ — бывшій предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и генералъ-инспекторомъ артиллеріи. Изъ нихъ трехъ наиболѣе опытнымъ былъ мой отецъ, такъ какъ его двадцатидвухлѣтняя служба во главѣ администраціи на Кавказѣ научила его искусству управленія. Онъ былъ бы идеальнымъ совѣтникомъ молодого Императора, если бы не былъ столь непреклоннымъ сторонникомъ строгой дисциплины. Вѣдь его внучатый племянникъ былъ его Государемъ, и какъ таковому, ему, надлежало оказывать безпрекословное повиновеніе. Когда Николай II говорилъ ему: «Я полагаю, дядя Миша, что необходимо послѣдовать совѣту министра иностранныхъ дѣлъ», мой отецъ кланялся и «слѣдовалъ совѣту» министра иностранныхъ дѣлъ. Привыкнувъ видѣть во главѣ Россіи людей зрѣлаго ума и непреклонной воли, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ никогда не сомнѣвался въ конечной мудрости рѣшеній своего внучатаго племянника, что аннулировало потенціальную цѣнность его всесторонняго пониманія вопросовъ управленія Имперіей.

Слѣдующими по старшинству шли четыре дяди Государя, четыре брата покойнаго Императора. Великій Князь Владиміръ Александровичъ — отецъ старшаго, по первородству изъ нынѣ здравствующихъ членовъ Императорской Семьи Великаго Князя Кирилла Владиміровича — обладалъ несомнѣннымъ художественнымъ талантомъ. Онъ рисовалъ, интересовался балетомъ и первый финансировалъ заграничныя балетныя турнэ С. Дягилева. Собиралъ старинныя иконы, посѣщалъ два раза въ годъ Парижъ и очень любилъ давать сложные пріемы въ своемъ изумительномъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ. Будучи по натурѣ очень добрымъ, онъ, по причинѣ нѣкоторой

экстравагантности характера, могъ произвести впечатлѣніе человѣка недоступнаго. Человѣкъ, встрѣчавшій Великаго Князя Владиміра въ первый разъ, поразился бы рѣзкости и громкому голосу этого русскаго grand seigneur'a. Онъ относился очень презрительно къ молодымъ Великимъ Князьямъ. Съ нимъ нельзя было говорить на другія темы, кромѣ искусства или тонкостей французской кухни. Его поѣздки въ Парижъ причиняли массу хлопотъ и непріятностей кухоннымъ шефамъ и метръ д-отелямъ «города свѣточа». Но, послѣ того, какъ онъ вдоволь отводилъ душу за критикой обѣденнаго меню, его щедрыя чаевыя сыпались всѣмъ, кто только протягивалъ руку. Онъ занималъ, сообразно своему происхожденію и возрасту, отвѣтственный постъ командира Гвардейскаго Корпуса, хотя исполненіе этихъ обязанностей и являлось для него большой помѣхой въ его любви къ искусству. Его супруга, Великая Княгиня Марія Павловна принадлежала къ царствовавшему дому герцоговъ Мекленбургъ-Шверинскихъ. Ея братъ Фридрихъ былъ мужемъ моей сестры Анастасіи. Она была очаровательною хозяйкой, и ея пріемы вполнѣ заслужили репутацію блестящихъ, которыми они пользовались при европейскихъ дворахъ. Александръ III не любилъ ее за то, что она не приняла православія, что породило легенду о ея «нѣмецкихъ симпатіяхъ». Послѣ смерти мужа, она, въ концѣ концовъ, все же перешла въ православіе, хотя злые языки и продолжали упорствовать, обвиняя ее въ недостаткѣ русскаго патріотизма.

Затѣмъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, который пользовался репутаціей самаго красиваго члена Императорской Семьи, хотя его колоссальный вѣсъ послужилъ бы значительнымъ препятствіемъ къ успѣху у современныхъ женщинъ. Свѣтскій человѣкъ съ головы до ногъ, le «Beau Brummell», котораго баловали женщины, Алексѣй Александровичъ много путешествовалъ. Одна мысль о возможности провести годъ вдали отъ Парижа заставила бы его подать въ отставку. Но онъ состоялъ на государственной службѣ и занималъ должность не болѣе не менѣе, какъ Адмирала Россійскаго Императорскаго флота. Трудно было себѣ представить болѣе скромныя познанія, которыя были по морскимъ дѣламъ у этого

Адмирала могущественной державы. Одно только упоминаніе о современныхъ преобразованіяхъ въ военномъ флотѣ вызывало болѣзненную гримасу на его красивомъ лицѣ. Не интересуясь рѣшительно ничѣмъ, что бы не относилось къ женщинамъ, ѣдѣ или же напиткамъ, онъ изобрѣлъ чрезвычайно удобный способъ для устройства засѣданій Адмиралтействъ-совѣта. Онъ приглашалъ его членовъ къ себѣ во дворецъ на обѣдъ и, послѣ того, какъ наполеоновскій коньякъ попадалъ въ желудокъ его гостей, радушный хозяинъ открывалъ засѣданіе Адмиралтействъ-совѣта традиціоннымъ разсказомъ о случаѣ изъ исторіи русскаго парусного военнаго флота. Каждый разъ, когда я сидѣлъ на этихъ обѣдахъ, я слышалъ изъ устъ Великаго Князя повтореніе разсказа о гибели фрегата «Александръ Невскій», происшедшей много лѣтъ тому назадъ на скалахъ датскаго побережья вблизи Скагена. Я выучилъ наизусть всѣ подробности этого запутаннаго повѣствованія и всегда изъ предосторожности отодвигался немного со стуломъ отъ стола въ тотъ моментъ, когда слѣдуя сценарію дядя Алексѣй долженъ былъ ударить кулакомъ по столу и воскликнуть громовымъ голосомъ:

— И только тогда, друзья мои, узналъ этотъ суровый командиръ очертанія скалъ Скагена.

Его поваръ былъ настоящимъ артистомъ. Генералъ-Адмиралъ ничего бы не имѣлъ противъ того, чтобы ограничить дебаты Адмиралтействъ-совѣта въ предѣлахъ случая съ «Александромъ Невскимъ».

Это беззаботное существованіе было омрачено, однако, трагедіей: несмотря на всѣ признаки приближающейся войны съ Японіей, Генералъ-Адмиралъ продолжалъ свои празднества и, проснувшись въ одно прекрасное утро, узналъ, что нашъ флотъ потерпѣлъ позорное пораженіе въ битвѣ съ современными дредноутами Микадо. Послѣ этого Великій Князь подалъ въ отставку и вскорѣ скончался.

Дядя Сергѣй — Великій Князь Сергѣй Александровичъ сыгралъ роковую роль въ паденіи Имперіи и былъ отчасти отвѣтственъ за катастрофу во время празднованія коронаціи Николая II на Ходынскомъ полѣ, въ 1896 году. При всемъ желаніи отыскать хотя бы одну поло-

жительную черту въ его характерѣ, я не могу ея найти. Будучи очень посредственнымъ офицеромъ, онъ тѣмъ не менѣе командовалъ Л.-Гв. Преображенскимъ полкомъ — самымъ блестящимъ полкомъ гвардейской пѣхоты. Совершенно невѣжественный въ вопросахъ внутренняго управленія, Великій Князь Сергѣй былъ тѣмъ не менѣе Московскимъ генералъ-губернаторомъ, постъ, который могъ бы быть ввѣренъ лишь государственному дѣятелю очень большого опыта. Упрямый, дерзкій, непріятный, онъ бравировалъ своими недостатками, точно бросая въ лицо всѣмъ вызовъ и давая такимъ образомъ врагамъ богатую пищу для клеветы и злословія. Нѣкоторые генералы,которые какъ-то посѣтили офицерское собраніе Л. Гв. Преображенскаго полка, остолбенѣли отъ изумленія, услыхавъ любимый цыганскій романсъ Великаго Князя въ исполненіи молодыхъ офицеровъ. Самъ августѣйшій командиръ полка иллюстрировалъ этотъ любезный романсъ, откинувъ назадъ тѣло и обводя всѣхъ блаженнымъ взглядомъ!

Императоръ Николай II не долженъ былъ допускать, чтобы Великій Князь Сергѣй сохранилъ бы свой постъ генералъ-губернатора послѣ катастрофы на Ходынскомъ полѣ. Какъ бы для того, чтобы еще болѣе подчеркнуть свою непріятную личность, онъ женился на старшей сестрѣ Государыни Великой Княгинѣ Елисаветѣ Федоровнѣ. Трудно было придумать большій контрастъ чѣмъ между этими двумя супругами! Рѣдкая красота, замѣчательный умъ, тонкій юморъ, ангельское терпѣніе, благородное сердце — таковы были добродѣтели этой удивительной женщины. Было больно, что женщина ея качествъ связала свою судьбу съ такимъ человѣкомъ, какъ дядя Сергѣй. Съ того момента, какъ она прибыла въ С. Петербургъ изъ родного Гессенъ-Дармштадта, всѣ влюбились въ «тетю Эллу». Проведя вечеръ въ ея обществѣ и вспоминая ея глаза, цвѣтъ лица, смѣхъ, ея способность создавать вокругъ себя уютъ, мы приходили въ отчаяніе при мысли о ея близкой помолвкѣ. Я отдалъ бы десять лѣтъ жизни, чтобы она не вошла въ церковь къ вѣнцу объ руку съ высокомѣрнымъ Сергѣемъ. Мнѣ было пріятно думать о себѣ, какъ о ея «cavaliere servente», и я презиралъ снисходительную манеру Сергѣя обращаться

къ «тетѣ Эллѣ», преувеличенно грасируя по-петербургски и называя ее «мое дитя». Слишкомъ гордая, чтобы жаловаться, она прожила съ нимъ около двадцати лѣтъ. Не поза или рисовка, а истинное милосердіе побудило ее навѣстить убійцу ея мужа въ его камерѣ предъ казнью въ Московской тюрьмѣ. Ея послѣдовавшій вслѣдъ за тѣмъ уходъ въ монастырь, ея героическіе хотя и безуспѣшныя попытки руководить Царицей, и наконецъ ея мученичество въ плѣну большевиковъ — все это даетъ достаточно основаній, чтобы причислить Великую Княгиню Елизавету Федоровну къ лику святыхъ. Нѣтъ болѣе благородной женщины, которая оставила отпечатокъ своего облика на кровавыхъ страницахъ русской исторіи.

Дядя Павелъ, Великій Князь Павелъ Александровичъ былъ самымъ симпатичнымъ изъ четырехъ дядей Царя, хотя и былъ нѣсколько высокомѣренъ — черта характера, заимствованная имъ у брата Сергѣя, благодаря ихъ близости. Онъ хорошо танцовалъ, пользовался успѣхомъ у женщинъ и былъ очень интересенъ въ своемъ темно-зеленомъ, съ серебромъ, доломанѣ, малиновыхъ рейтузахъ и ботикахъ Гродненскаго гусара. Беззаботная жизнь кавалерійскаго офицера его вполнѣ удовлетворяла, Великій Князь Павелъ никогда не занималъ отвѣтственнаго поста. Его первая супруга — принцесса греческая — умерла въ молодости, и во второй разъ онъ женился на разведенной женѣ одного полковника, дважды нарушивъ традиціи Царской Фамиліи, такъ какъ Великіе Князья не могли жениться на особахъ неравнородныхъ, т. е. не принадлежавшихъ къ владѣтельнымъ домамъ Европы, а женщины, состоявшія въ разводѣ, не имѣли пріѣзда ко двору. Въ виду этого онъ долженъ былъ покинуть предѣлы Россіи и переселиться на неопредѣленное время въ Парижъ. Мнѣ, лично, думается, что Великій Князь Павелъ, встрѣчаясь въ своемъ вынужденномъ изгнаніи съ выдающимися людьми, отъ этого только выигралъ. Это отразилось на складѣ его характера, и обнаружило въ немъ человѣческія черты, скрытыя раньше подъ маской высокомѣрія. Во время міровой войны онъ командовалъ Гвардейскимъ Корпусомъ на германскомъ фронтѣ, но на государственныя дѣла никакого вліянія не имѣлъ.

Ничего болѣе нельзя прибавить ко всему тому, что я уже имѣлъ случай говорить о Великихъ Князьяхъ Георгіи и Михаилѣ Александровичахъ — двухъ братьяхъ Императора Николая II. Георгій былъ самымъ одареннымъ изъ всѣхъ троихъ, но умеръ слишкомъ молодымъ, чтобы успѣть развить свои блестящія способности. Михаилъ былъ на одиннадцать лѣтъ моложе Государя. Онъ очаровывалъ всѣхъ подкупающей простотой своихъ манеръ. Любимецъ родныхъ, однополчанъ-офицеровъ и безчисленныхъ друзей, онъ обладалъ методическимъ умомъ и выдвинулся бы на любомъ посту, если бы не заключилъ своего морганатическаго брака. Это произошло тогда, когда Великій Князь Михаилъ Александровичъ уже достигъ зрѣлости, и поставило Государя въ очень трудное положеніе. Императоръ желалъ своему брату полнаго счастья, но, въ качествѣ Главы Императорской Семьи, долженъ былъ слѣдовать предписаніямъ Основныхъ Законовъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ женился на госпожѣ Вульфертъ (разведенной женѣ капитана Вульферта) въ Вѣнѣ и поселился въ Лондонѣ. Такимъ образомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, предшествовавшихъ войнѣ, Михаилъ Александровичъ былъ въ разлукѣ съ своимъ братомъ и, въ силу этого, никакого отношенія къ дѣламъ управленія не имѣлъ.

Перехожу къ двоюроднымъ дядямъ Государя.

Ихъ было одиннадцать. Это, во-первыхъ, два сына Великаго Князя Константина Николаевича, третій — Вячеславъ скончался въ молодости, а четвертый — Николай провелъ свою жизнь въ ссылкѣ въ Туркестанѣ. Старшій изъ нихъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ былъ талантливымъ поэтомъ и очень религіознымъ человѣкомъ, что, до извѣстной степени, какъ бы суживало и расширяло его кругозоръ. Онъ былъ авторомъ лучшаго перевода Шекспировскаго «Гамлета» на русскій языкъ и любилъ театръ, выступая въ главныхъ роляхъ на любительскихъ спектакляхъ въ Эрмитажномъ Театрѣ Зимняго Дворца. Онъ съ большимъ тактомъ несъ обязанности Президента Императорской Академіи Наукъ и былъ первымъ, который призналъ геній біолога Павлова. Онъ писалъ поэмы, драматическія произведенія и разсказы, подписываясь псевдонимомъ К. Р., и его талантъ призна-

вался даже органами печати, враждебными существовавшему въ Россіи строю. Въ Л. Гв. Измайловскомъ полку онъ создалъ свои знаменитые «Измайловскіе Досуги» и, такимъ образомъ, замѣнилъ обычные кутежи офицерскихъ собраній интересными вечерами, посвященными современной русской литературѣ. Хорошо разбираясь въ тайникахъ души русскаго простолюдина, Великій Князь Константинъ Константиновичъ значительно преобразовалъ методы воспитанія молодыхъ солдатъ. Для него не было большаго удовольствія, какъ провести утро въ казармахъ, гдѣ онъ занимался съ ними «словесностью». Будучи въ теченіе многихъ лѣтъ Начальникомъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, онъ сдѣлалъ многое, чтобы смягчить суровые методы нашей военной педагогіи.

Все это слѣдовало также привѣтствовать. Казалось бы, что такой гуманный и просвѣщенный человѣкъ, какъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ былъ бы неоцѣнимымъ помощникомъ Государя въ дѣлахъ управленія Имперіей. Но, къ сожалѣнію, Константинъ Константиновичъ ненавидѣлъ политику и чуждался всякаго соприкосновенія съ политическими дѣятелями. Онъ искалъ прежде всего уединенія въ обществѣ книгъ, драматическихъ произведеній, ученыхъ, солдатъ, кадетъ и своей счастливой семьи, состоявшей изъ жены — Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны (принцессы Саксенъ-Веймарской), шести сыновей и двухъ дочерей. Въ этомъ отношеніи воля Великаго Князя была непреклонна, и потому Престолъ лишался въ его лицѣ цѣнной опоры.

Его младшій братъ — Великій Князь Дмитрій Константиновичъ былъ убѣжденнымъ женоненавистникомъ и страстнымъ кавалеристомъ. «Берегись юбокъ», «Война съ Германіей неизбѣжна», «Я хотѣлъ бы, чтобы вы посмотрѣли моихъ годовиковъ». Другія темы Дмитрія Константиновича не интересовали. Всю свою жизнь онъ остался холостякомъ, но зато имѣлъ превосходныхъ лошадей. Что же касается войны съ Германіей, которую онъ предсказывалъ за пятнадцать лѣтъ, то его слабость зрѣнія, перешедшая къ 1914 году въ почти полную слѣпоту, заставила его остаться въ тылу, проклиная свою судьбу и занимаясь подготовкой кавалеріи.

Изъ всѣхъ членовъ Императорской Семьи Великій Князь Николай Николаевичъ, старшій сынъ моего дяди Великаго Князя Николая Николаевича-старшаго, имѣлъ самое большое вліяніе на наши государственныя дѣла. Два важнѣйшіе акта въ исторіи Россіи — манифестъ 17 октября 1905 года и отреченіе Императора Николая II 2 марта 1917 года — слѣдуетъ приписать полнѣйшей аберраціи политическаго предвидѣнія Великаго Князя Николая Николаевича. Когда я пишу эти строки, мною руководятъ отнюдь не горькія чувства. Вражда между нимъ и моимъ братомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ относится къ потонувшему уже міру. Оба они умерли и вошли въ исторію. Я далекъ отъ мысли умалять его рѣдкую честность и добрыя намѣренія. Людьми типа Великаго Князя Николая Николаевича можно было бы пользоваться съ большимъ успѣхомъ въ любомъ, хорошо организованномъ государствѣ, при условіи, чтобы Монархъ сознавалъ бы ограниченность ума этого рода людей.

Мой двоюродный братъ Великій Князь Николай Николаевичъ былъ превосходнымъ строевымъ офицеромъ. Не было равнаго ему въ искусствѣ поддерживать строевую дисциплину, обучать солдатъ и готовить военные смотры. Тотъ, кому случалось присутствовать на парадахъ Петербургскаго гарнизона, имѣлъ возможность видѣть безукоризненное исполненіе воинскихъ уставовъ въ совершенствѣ вымуштрованной массой войскъ: каждая рота одѣта строго по формѣ, каждая пуговица на своемъ мѣстѣ, каждое движеніе радовало сердце убѣжденныхъ фронтовиковъ. Если бы Великій Князь Николай Николаевичъ оставался бы на посту Командующаго войсками гвардіи и Петроградскаго Военнаго Округа до февраля 1917 года, онъ всецѣло оправдалъ бы всѣ ожиданія и сумѣлъ бы предупредить февральскій солдатскій бунтъ. Оглядываясь на двадцатитрехлѣтнее правленіе Императора Николая II, я не вижу логическаго объясненія тому, почему Государь считался съ мнѣніемъ Николая Николаевича въ дѣлахъ государственнаго управленія. Какъ всѣ военные, привыкшіе имѣть дѣло съ строго опредѣленными заданіями, Николай Николаевичъ терялся во всѣхъ

сложныхъ политическихъ положеніяхъ, гдѣ его манера повышать голосъ и угрожать наказаніемъ не производила желаемаго эффекта. Всеобщая забастовка въ октябрѣ 1905 года поставила его втупикъ, такъ какъ кодексъ излюбленной имъ военной мудрости не зналъ никакихъ средствъ противъ коллективнаго неповиновенія. Нельзя же было арестовать нѣсколько милліоновъ забастовщиковъ! По его мнѣнію, единственное, что можно было сдѣлать — это выяснить требованія «командировъ возстанія». Попытка объяснить Николаю Николаевичу, что возстаніе 1905 года носило анархическій характеръ, и что не было «командировъ», съ которыми можно было вести переговоры, оказалась бы безрезультатной. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, всѣ арміи, въ томъ числѣ и революціонныя, находились подъ предводительствомъ командировъ. И вотъ 17 октября 1905 года, предъ угрозой всеобщей забастовки, руководимой штабомъ большевицкой секціи соціалъ-демократической партіи, и аграрныхъ безпорядковъ крестьянъ, которые требовали земельнаго передѣла, Николай Николаевичъ убѣдилъ Государя подписать злополучный манифестъ, который могъ бы удовлетворить только болтливыхъ представителей русской интеллигенціи. Манифестъ этотъ не имѣлъ отношенія ни къ большевикамъ, ни къ крестьянамъ.

Забастовки продолжались, и крестьяне, недовольные созывомъ первой Государственной Думы, которая состояла изъ никчемныхъ говоруновъ, продолжали сжигать имѣнія своихъ помѣщиковъ. Государь долженъ былъ отдать приказъ подавить возстаніе вооруженной силой, но русскій монархическій строй уже никогда болѣе не оправился отъ униженія, порожденнаго тѣмъ фактомъ, что Россійскій Самодержецъ капитулировалъ предъ толпой.

«Николай II никогда бы не подписалъ октябрьскаго манифеста», пишетъ Витте въ своихъ мемуарахъ: «если бы на этомъ не настоялъ Великій Князь Николай Николаевичъ».

Печальный опытъ 1905 г. не отучилъ Императора Николая II обращаться въ критическія минуты за совѣтомъ къ Великому Князю Николаю Николаевичу. Двѣнадцать

лѣтъ спустя, готовясь принять одно изъ самыхъ важныхъ рѣшеній въ исторіи Россіи, Государь снова обратился къ автору знаменитаго манифеста 17 октября 1905 г. Если бы Великій Князь посовѣтовалъ бы Государю 2 марта 1917 года остаться на фронтѣ и принять вызовъ революціи, товарищъ Сталинъ не принималъ бы въ 1931 году въ Кремлѣ мистера Бернарда Шоу! Но бывшій Верховный Главнокомандующій искалъ попрежнему «командировъ революціи», и ему казалось, что онъ нашелъ одного изъ нихъ въ лицѣ г. Керенскаго. Всю истинную трагедію создавшагося положенія Николай Николаевичъ понялъ только недѣлю спустя, когда, пріѣхавъ въ Ставку въ Могилевъ, чтобы занять свой высокій постъ, онъ узналъ, что Петроградскій Совдепъ запретилъ г. Керенскому пользоваться его услугами.

Можно только удивляться простодушію этого человѣка, который проѣзжаетъ по Россіи, охваченной возстаніемъ, отъ Кавказа до Могилева, и не замѣчаетъ ни толпъ народа, ни демонстрацій, ни мятяжей и остается непоколебимымъ въ своей вѣрѣ, что «новые камандиры» оцѣнятъ его безупречный патріотизмъ и военный опытъ!

Не соблазняясь великолѣпіемъ разнообразныхъ титуловъ Великаго Князя Николая Николаевича, его младшій братъ Великій Князь Петръ Николаевичъ велъ скромный образъ жизни въ рядахъ офицеровъ Л. Гв. Драгунскаго полка. Его серьезная болѣзнь — туберкулезъ легкихъ — заставила его жить продолжительное время въ Египтѣ. Онъ бросилъ службу и началъ заниматься архитектурой. Это былъ застѣнчивый молчаливый человѣкъ, и разговоры за его семейнымъ столомъ поддерживались его супругой, Великой Княгиней Милицей Николаевной (дочерью Князя Николая Черногорскаго), Милица и ея сестра Стана (супруга Великаго Князя Николая Николаевича) имѣли дурное вліяніе на Императрицу. Суевѣрныя, простодушныя, легко возбудимыя, эти двѣ черногорскія Княжны представляли собою легкую добычу для всякаго рода заѣзжихъ авантюристовъ.

Каждый разъ, когда онѣ встрѣчали «замѣчательнаго» человѣка, онѣ вели его въ Императорскій дворецъ, какъ

это было съ пресловутымъ докторомъ Папюсомъ или же съ Григоріемъ Распутинымъ. Въ своихъ разговорахъ онѣ были совершенно безотвѣтственны. Во время послѣдняго пріѣзда Президента Французской Республики Пуанкаррэ въ Петербургъ въ іюлѣ 1914 года, Милица Николаевна напала самымъ нетактичнымъ образомъ на Австро-Венгрію и заявила, что «радуется» предстоящей войнѣ. Царь сдѣлалъ ей тогда строгое замѣчаніе, но ничто не могло остановить «черногорокъ» отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла и не выступать въ роляхъ передатчицъ пожеланій различныхъ балканскихъ интригановъ.

Продолжая свое повѣствованіе объ особахъ Императорской Фамиліи въ порядкѣ ихъ близости къ трону, я подхожу въ моимъ пяти братьямъ. Выросши и получивъ воспитаніе вдали отъ столицы, мы, Михайловичи, были очень мало похожи на нашихъ дядей и двоюродныхъ братьевъ. Хоть мы и были строгими вѣрноподданными нашего Государя, мы, тѣмъ не менѣе, далеко не были согласны со всѣмъ, что происходило при Дворѣ. Мы всегда говорили то, что думали, и не стѣснялись въ критическихъ сужденіяхъ. Насъ называли «опасными радикалами»; первая часть прозвища «опасные» отражала досаду придворныхъ круговъ, вторая — «радикалы», быть можетъ, и соотвѣтствовала истинѣ, но зависѣла всецѣло отъ смысла, придаваемаго этому слову, которымъ нерѣдко злоупотребляютъ.

Мой старшій братъ Николай Михайловичъ былъ несомнѣнно самымъ «радикальнымъ» и самымъ одареннымъ членомъ нашей семьи. Моя мать мечтала о его блестящей военной карьерѣ, и, чтобы доставить ей удовольствіе, братъ Николай мой окончилъ военное училище съ отличіемъ. Однако, истинное его призваніе было въ отвлеченныхъ историческихъ изысканіяхъ. Онъ служилъ въ Кавалергардскомъ полку только вслѣдствіе его дружескихъ отношеній съ Императрицей Маріей Федоровной (моей тещей) и носилъ званіе командира этого полка. Онъ былъ настолько выше въ смыслѣ умственнаго развитія своихъ товарищей-однополчанъ, что это лишало его всякаго удовольствія въ общеніи съ ними. Постепенно онъ отдалился отъ связей съ военнымъ міромъ и проводилъ все свое

время въ историческихъ архивахъ С. Петербурга и Парижа. Его монументальная біографія Императора Александра I, написанная послѣ долгихъ лѣтъ собиранія матеріаловъ и провѣрки датъ, останется непревзойденной въ исторической русской литературѣ. Ни одинъ студентъ начала двадцатаго столѣтія не могъ не знать анализа событій и обозрѣнія періода, описаннаго Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Книга, которая была переведена на французскій языкъ, произвела сенсацію въ средѣ французскихъ наполеонистовъ, заставивъ ихъ пересмотрѣть, исправить и даже пересоставить цѣлый рядъ историческихъ трактатовъ. Французская Академія избрала его своимъ членомъ — честь, которой почти никогда не удостаивались иностранцы, и его всегда осыпали приглашеніями прочесть лекціи во французскихъ историческихъ обществахъ. Его глубокія познанія въ области французской культуры и его зрѣлое пониманіе римской цивилизаціи помогло ему завязать дружбу со многими выдающимися французскими писателями и учеными. Въ Парижѣ онъ чувствовалъ себя, какъ дома, хотя большинство парижанъ и удивлялось при видѣ того, что русскій Великій Князь предпочитаетъ направлять свои стопы въ сторону Коллежъ де Франсъ, а не по направленію Монмартра, и его скромная привычка жить въ старомъ Отелѣ Вандомъ, заставляла мэтръ-д-отелей и владѣльцевъ гостиницъ высказывать опасенія, что дѣла Великаго Князя пошатнулись. Николаю Михайловичу было, повидимому, опредѣленно непріятно объяснять многое изъ того, что происходило въ Россіи, своимъ друзьямъ въ Коллежъ де Франсъ и въ Палатѣ депутатовъ. Не могу сказать, чтобы я былъ вполнѣ согласенъ съ его «офранцуженными» политическими симпатіями. Будучи горячимъ поклонникомъ парламентарнаго строя и убѣжденнымъ почитателемъ словесныхъ дуэлей Клемансо-Жореса, онъ не хотѣлъ допустить того, что созданіе въ Россіи конституціоннаго строя по образцу III французской республики закончилось бы полнымъ проваломъ. Истина заключалась въ томъ, что онъ родился не въ той странѣ, гдѣ ему слѣдовало бы родиться. Въ гвардіи ему дали прозвище «Филиппа Эгалитэ», но авторы этого прозвища не подозрѣва-

ли, что ихъ царственный однополчанинъ шелъ въ своемъ демократизмѣ гораздо дальше, нежели братъ французскаго короля, который мечталъ воспользоваться революціей, какъ трамплиномъ для достиженія собственныхъ честолюбивыхъ плановъ. Мой братъ Николай обладалъ всѣми качествами лойяльнѣйшаго президента цивилизованной республики, что заставляло его часто забывать, что Невскій проспектъ и Елисейскія поля — это далеко не одно и то же. Пространное письмо, адресованное имъ въ іюлѣ 1916 года Государю Императору, содержало въ себѣ нѣсколько абзацовъ, написанныхъ по-французски. «Дорогой Никки», объяснялъ Великій Князь Николай Михайловичъ въ постъ-скриптумѣ: «извини меня за французскую рѣчь, но мнѣ кажется, что на этомъ языкѣ я нахожу болѣе удачныя выраженія, чтобы высказать мои мысли...» Блестящій стилистъ, обладавшій талантомъ художественной прозы, онъ, вѣроятно, сознавалъ, что его «галлицизированныя мысли» будутъ звучать по-русски по меньшей мѣрѣ странно.

Къ моему старшему брату можно было бы легко примѣнить пушкинскую эпиграмму, посвященную Чаадаеву:

Онъ вышней волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской:
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ —
Периклесъ,
А здѣсь онъ — офицеръ гусарскій!

Я не знаю никого другого, кто могъ бы съ большимъ успѣхомъ нести обязанности русскаго посла во Франціи или же въ Великобританіи. Его ясный умъ, европейскіе взгляды, врожденное благородство, его пониманіе міросозерцанія иностранцевъ, его широкая терпимость и искреннее миролюбіе стяжали бы ему лишь любовь и уваженіе въ любой міровой столицѣ. Низменная зависть и глупые предразсудки не позволили ему занять выдающагося положенія въ рядахъ русской дипломатіи, и вмѣсто того, чтобы помочь Россіи на томъ поприщѣ, на которомъ она болѣе всего нуждалась въ его помощи, онъ былъ обреченъ

на бездѣйствіе людьми, которые не могли ему простить его способностей, ни забыть его презрѣнія къ ихъ невѣжеству. Съ этой точки зрѣнія жизнь его была прожита безъ пользы. Въ ранней молодости онъ влюбился въ принцессу Викторію Баденскую — дочь нашего дяди Великаго Герцога Баденскаго. Эта несчастная любовь разбила его сердце, такъ какъ православная церковь не допускала браковъ между двоюроднымъ братомъ и сестрою. Она вышла замужъ за будущаго шведскаго короля Густава-Адольфа, онъ же остался всю свою жизнь холостякомъ и жилъ въ своемъ слишкомъ обширномъ дворцѣ, окруженный книгами, манускриптами и ботаническими коллекціями.

Мой второй братъ Михаилъ Михайловичъ не обладалъ талантами Николая Михайловича. Онъ обожалъ военную службу и чувствовалъ себя превосходно въ рядахъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка. Его располагающая внѣшность, благородное сердце и способности танцора сдѣлали его любимцемъ петербургскаго большого свѣта. Очень скоро «Мишъ-Мишъ» сдѣлался общимъ любимцемъ петербургскихъ салоновъ. Къ несчастью, у него слишкомъ рано проснулась склонность къ семейной жизни. Достигнувъ совершеннолѣтія въ 20 лѣтъ и получивъ право распоряженія своими средствами, онъ началъ постройку роскошнаго дворца.

— У насъ долженъ быть приличный домъ... сказалъ онъ архитектору.

Подъ словомъ «мы» надо было понимать его и его будущую жену. Онъ еще не зналъ, на комъ онъ женится, но онъ во что бы то ни стало собирался жениться на комъ-нибудь и какъ можно скорѣе. Въ постоянныхъ поискахъ «царицы своихъ грезъ», онъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ жениться на дѣвушкахъ, не равнаго съ нимъ происхожденія. Это создавало тяжелыя осложненія между нимъ и нашими родителями и ни къ чему не привело. Въ концѣ концовъ, онъ все-таки вступилъ въ морганатическій бракъ съ дочерью отъ морганатическаго же брака герцога Нассаускаго, дѣдушкой которой со стороны матери былъ А. С. Пушкинъ. Это положило конецъ всѣмъ планамъ разнообразныхъ увеселеній въ новомъ

дворцѣ Мишъ-Миша. Его попросили выѣхать изъ Россіи, и онъ провелъ всю свою жизнь въ Лондонѣ. Одна изъ его дочерей, которая извѣстна въ обществѣ по ея теперешнему титулу лэди Мильфордъ-Хэвенъ, вышла замужъ за принца Баттенберта, двоюроднаго брата королевы испанской.

Мой третій братъ Георгій Михайловичъ проявлялъ въ дѣтствѣ способности къ рисованію. Онъ раздѣлялъ мою любовь къ Кавказу и собирался служить въ рядахъ Грузинскаго гренадерскаго полка въ Тифлисѣ. Переѣздъ нашего отца въ С. Петербургъ разрушилъ всѣ планы Великаго Князя Георгія Михайловича. Онъ вышелъ въ офицеры въ Лейбъ-Гвардіи Конную Артиллерійскую бригаду и близко сошелся въ Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ, что дурно повліяло на развитіе его индивидуальныхъ качествъ. Подражая своему двоюродному брату Петру Николаевичу, Георгій Михайловичъ утратилъ индивидуальныя черты характера и находилъ удовлетвореніе отъ жизни въ атмосферѣ манежа, лошадей и кавалерійскихъ офицеровъ. Вернувшись изъ поѣздки на Дальній Востокъ, я нашелъ совершенно другого человѣка, вмѣсто моего стараго тифлисскаго друга. Этотъ ставшій чужимъ для меня человѣкъ пересталъ меня интересовать, и наши отношенія потеряли прежній характеръ взаимнаго обожанія. У Георгія Михайловича было двѣ дочери отъ брака съ принцессой Маріей Греческой. Старшая изъ нихъ Ксенія вышла замужъ и потомъ развелась съ мистеромъ Вильямомъ Лидсъ-младшимъ изъ Нью-Іорка; младшая — Нина Георгіевна замужемъ за княземъ Павломъ Чавчавадзе и живетъ также въ Америкѣ.

Мой четвертый братъ — Великій Князь Сергѣй Михайловичъ (онъ былъ на три года моложе меня) радовалъ сердце моего отца тѣмъ, что вышелъ въ артиллерію и въ тонкости изучилъ артиллерійскую науку. Въ качествѣ генерала-инспектора артиллеріи, онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ для того, чтобы, въ предвидѣніи неизбѣжной войны съ Германіей, воздѣйствовать на тяжелое на подъемъ русское правительство въ вопросѣ перевооруженія нашей артиллеріи. Его совѣтовъ никто не слушалъ, но впослѣдствіи на него указывали въ оппозиціон-

ныхъ кругахъ Государственной Думы, какъ на «человѣка, отвѣтственнаго за нашу неподготовленность». Эта манера бросанія ножа въ спину мало удивляла Сергѣя Михайловича. Въ качествѣ воспитанника полковника Гельмерсена, бывшаго адъютанта моего отца, мой братъ Сергѣй избралъ своимъ жизненнымъ девизомъ слова: «тѣмъ хуже» «tant pis», которыя были излюбленной поговоркой этого желчнаго потомка балтійскихъ бароновъ. Когда Гельмерсену что-нибудь не нравилось, онъ пожималъ плечами и говорилъ «тѣмъ хуже» съ видомъ человѣка, которому все, въ сущности говоря, было безразлично. Воспитатель и воспитанникъ продолжительное время поддерживали эту позу, и понадобилось довольно много времени, чтобы отучить моего брата на все обижаться — манера, которая дала ему прозвище: «Monsieur Tant-Pis». Какъ и я, онъ былъ интимнымъ другомъ Императора Николая II въ теченіе болѣе сорока лѣтъ, и слѣдовало только пожалѣть, что ему не удалось передать долю критическаго отношенія къ дѣйствительности полковника Гельмерсена своему высокому другу изъ Царскаго Села. Сергѣй Михайловичъ никогда не женился, хотя его вѣрная подруга, извѣстная русская балерина, сумѣла окружить его атмосферой семейной жизни.

Мой младшій братъ Алексѣй Михайловичъ умеръ отъ туберкулеза двадцати лѣтъ отъ роду.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ владѣтельныхъ принцахъ — Лейхтенбергскомъ, Ольденбургскомъ и Мекленбургъ-Стрелицкомъ.

Изъ трехъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ, сыновей Великой Княгини Маріи Николаевны отъ ея брака съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, въ Россіи былъ извѣстенъ только герцогъ Евгеній, благодаря красотѣ его жены Зинаиды Дмитріевны, родной сестры генерала Скобелева, получившей титулъ графини Богарнэ. Когда я упоминаю ея имя, я отдаю себѣ отчетъ въ полной невозможности описать физическія качества этой удивительной женщины. Я никогда не видѣлъ подобной ей во время всѣхъ моихъ путешествій по Европѣ, Азіи, Америкѣ и Австраліи, что является большимъ счастьемъ, такъ какъ такія женщины не должны попадаться часто на глаза. Когда

она входила, я не могъ оставаться съ нею въ одной комнатѣ. Я зналъ ея манеру подходить въ разговорѣ очень близко къ людямъ, и я сознавалъ, что въ ея обществѣ я становлюсь не отвѣтственнымъ за свои поступки. Всѣ молодые Великіе Князья мнѣ въ этомъ отношеніи вполнѣ сочувствовали, такъ какъ каждый страдалъ при видѣ ея такъ же, какъ и я. Находясь въ обществѣ очаровательной Зины, единственное, что оставалось сдѣлать — это ее обнять, предоставивъ церемоніймейстеру дѣлать, что угодно, но мы, молодежь, никогда не могли собраться съ духомъ, чтобы рѣшиться на этотъ единственно логическій поступокъ. Дѣло осложнялось тѣмъ, что нашъ «Beau Brummell» Великій Князь Алексѣй Александровичъ былъ неразлучнымъ спутникомъ четы Лейхтенбергскихъ, и его любовь къ герцогинѣ уже давно была предметомъ скандала. Въ обществѣ эту троицу называли «ménage royal à trois», и всѣ усилія Императора Николая II воздѣйствовать на своего темпераментнаго дядю, не имѣли никакого успѣха. Я полагаю, что Великій Князь Алексѣй пожертвовать бы всѣмъ русскимъ флотомъ, только бы его не разлучали съ Зиной.

Слабое здоровье двухъ братьевъ герцога Евгенія — Николая и Георгія — вынуждало ихъ большую часть года проживать заграницей. Георгій занималъ видное положеніе въ парижскомъ обществѣ, блистая отраженнымъ свѣтомъ величія Романовыхъ и имѣя общепризнанную репутацію наиболѣе щедраго гостя французской столицы. Его вторая жена — Стана Черногорская съ нимъ развелась, и вышла замужъ за Великаго Князя Николая Николаевича.

Глава Ольденбургскаго дома принцъ Петръ Георгіевичъ прибылъ въ Россію въ царствованіе Императора Николая I, женился на русской Великой Княжнѣ и ему такъ понравилась русская столица, что окончательно остался въ Россіи. Его старшая дочь вышла замужъ за Великаго Князя Николая Николаевича-старшаго, перешла въ православіе и получила титулъ Великой Княгини Александры Петровны. Какъ это обычно бываетъ съ неофитами, Великая Княгиня сдѣлалась ревностной поборницей православной церкви, всю свою жизнь посвятила поклоненію русскимъ святынямъ и общенію съ духовен-

ствомъ и закончила жизнь постриженіемъ въ монастырь.

Ея братъ принцъ Александръ Петровичъ былъ тѣмъ самымъ командиромъ Гвардейскаго Корпуса, который вызывалъ во всѣхъ такой страхъ. Его строгость граничила съ сумасбродствомъ. Вѣсть о его приближеніи во время инспекторскихъ смотровъ вызывала среди офицерскаго состава нервные припадки, а на солдатъ наводила панику. Съ этой маніакальной строгостью въ видимомъ противорѣчіи находилась его благоговѣйная преданность наукамъ. Онъ оказывалъ щедрую матеріальную поддержку всевозможнымъ просвѣтительнымъ и благотворительнымъ начинаніямъ, а также научнымъ экспедиціямъ и изысканіямъ. Онъ покровительствовалъ молодымъ, подающимъ надежду ученымъ, а они относились снисходительно къ его неуравновѣшенности и чудачествамъ. Его назначеніе во время войны на постъ Начальника санитарной и эвакуаціонной части заставило подтянуться весь русскій медицинскій міръ, и на этотъ разъ русская армія оцѣнила благодѣтельную строгость принца Александра Петровича.

Принцы Георгій и Михаилъ Мекленбургъ-Стрелицкіе были сыновьями моей тети Великой Княгини Екатерины Николаевны отъ ея брака съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ. Полунѣмцы по своему рожденію, но совершенно русскіе душой, они поступили въ Россіи на военную службу, по полученіи докторскихъ степеней въ германскихъ университетахъ. Никто изъ нихъ не занималъ отвѣтственныхъ постовъ.

2.

Вотъ всѣ Романовы, которые окружали русскій Императорскій тронъ въ его самые критическіе годы. При всѣхъ ихъ погрѣшностяхъ, ихъ преданность династіи и врожденный патріотизмъ могли бы быть использованы Государемъ, если бы онъ понялъ, что его родственники должны были имѣть право выбирать себѣ карьеру, помимо военной службы. Но даже наименѣе одаренные изъ нихъ могли бы съ большимъ успѣхомъ занимать административные посты въ Имперіи, чѣмъ тѣ бюрократическіе работы-измѣнники, которые во второй половинѣ царствованія

Николая II захватили министерскіе и губернаторскіе портфели. Тотъ же дядя Алексѣй — эта непревзойденная карикатура на Генералъ-Адмирала съ успѣхомъ подошелъ бы къ роли, которая требовала бы отъ своего исполнителя знанія чужихъ странъ и его способности «ассимиляціи».

Ни одинъ правитель, будь онъ императоромъ, президентомъ, первымъ министромъ или же диктаторомъ, не можетъ себѣ позволить роскоши пренебречь своими ближайшими сподвижниками въ распредѣленіи отвѣтственныхъ государственныхъ постовъ. Невозможно вообразить себѣ Сталина, который отдавалъ бы предпочтеніе постороннимъ людямъ, неопредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, и отстранялъ отъ власти старыхъ вождей большевицкой партіи.

Въ этомъ моемъ сопоставленіи нѣтъ никакой утрировки. Отдѣльный человѣкъ не можетъ быть сильнѣе своей партіи, и ни одинъ человѣкъ не можетъ править безъ помощи своихъ сторонниковъ. Послѣдній русскій Царь долженъ былъ вести себя, какъ глава партіи господствовавшаго режима, когда напоръ революціи требовалъ отъ министровъ не столько особыхъ способностей и талантовъ, сколько беззавѣтной преданности престолу. Взирая на толпу двуличныхъ дворянъ, изнѣженныхъ придворныхъ и плохихъ бюрократовъ, Царь долженъ былъ понять, что онъ могъ расчитывать только лишь на преданность своихъ ближайшихъ родственниковъ для выполненія его предначертаній и передачи приказаній своимъ вѣрноподданнымъ, которые, потерявъ вѣру въ министровъ, еще сохраняли вѣру въ крѣпость императорскаго трона. Конечно, нельзя было требовать, чтобы Государь образовалъ бы совѣтъ министровъ изъ Великихъ Князей; я далекъ отъ этой мысли. Мы просто хотѣли, чтобы намъ позволили занимать должности въ различныхъ казенныхъ учрежденіяхъ и преимущественно въ провинціи, гдѣ мы могли бы быть полезны тѣмъ, что служили бы связующимъ звеномъ между Царемъ и русскимъ народомъ.

Въ отвѣтъ на это Государь указывалъ намъ на традиціи династіи Романовыхъ.

— Въ продолженіе трехсотъ лѣтъ мои отцы и дѣды

предназначали своихъ родныхъ къ военной карьерѣ. Я не хочу порывать съ этой традиціей. Я не могу позволить моимъ дядямъ и кузенамъ вмѣшиваться въ дѣла управленія.

Это рѣшеніе Царя было отчасти продиктовано нашептываніемъ министровъ, частью же было принято подъ вліяніемъ поведенія его дядей. Какъ всегда бывало съ Императоромъ Николаемъ II, государственный здравый смыслъ былъ въ немъ затемненъ эмоціональными комплексами, но большая часть его поступковъ была неразрѣшимой загадкой для каждаго, кто не былъ знакомъ съ всѣми обстоятельствами его дѣтства, воспитанія и первыхъ десяти лѣтъ его царствованія.

Однако, прежде, чѣмъ мы обратимся къ характеристикѣ Государя Императора Николая II, мы должны сдѣлать небольшую экскурсію въ область финансовъ: слишкомъ многіе еще продолжаютъ думать, что содержаніе Императорской Семьи было непосильнымъ бременемъ для русскаго государственнаго бюджета.

ГЛАВА X.

„Царскіе милліоны“.

1.

Финансовые авторитеты и наивные обыватели всегда полагали, что Россійскій Монархъ былъ однимъ изъ десяти самыхъ богатыхъ людей міра. Даже теперь, тринадцать лѣтъ послѣ трагической гибели Царской семьи, время отъ времени приходится читать въ газетахъ, что «англійскій государственный банкъ хранитъ громадное состояніе династіи Романовыхъ».

Еще не такъ давно въ Нью-Іоркъ прибыла несчастная, нормальная дѣвушка, которую повсюду принимали за младшую дочь Императора Николая II Великую Княжну Анастасію, причемъ она заявила о своихъ претензіяхъ на причитающуюся ей долю милліоновъ «ея отца». Въ дѣйствительности же послѣ лѣта 1915 года ни въ Англійскомъ банкѣ, ни въ другихъ заграничныхъ банкахъ на текущемъ счету Государя Императора не оставалось ни одной копейки. Двадцать милліоновъ стерлинговъ царскихъ денегъ, которые со времени царствованія Императора Александра II (1856—81) держали въ Лондонскомъ банкѣ, были истрачены Николаемъ II на содержаніе госпиталей и различныхъ иныхъ благотворительныхъ учрежденій, находившихся во время послѣдней войны подъ личнымъ покровительствомъ Царской семьи. Фактъ этотъ не былъ извѣстенъ широкой публикѣ по той простой причи-

нѣ, что не въ правилахъ покойнаго Государя было сообщать во всеобщее услышаніе о своихъ добрыхъ дѣлахъ. Если бы Императоръ Николай II продолжалъ царствовать, то, къ концу великой войны, у него не осталось бы никакихъ личныхъ средствъ. Но и до войны онъ не могъ бы состязаться въ богатствѣ ни съ Рокфеллерами, ни съ Ротшильдами и ни съ остальными архимилліонерами. Когда же Государь истощилъ свой англійскій запасъ, онъ не могъ бы даже сравниться по богатству ни съ Императоромъ Вильгельмомъ, ни съ Королемъ Альфонсомъ Испанскимъ.

Личные доходы Императора Николая II слагались изъ слѣдующихъ трехъ источниковъ:

1) ежегодныя ассигнованія изъ средствъ Государственнаго Казначейства на содержаніе Императорской семьи. Эта сумма достигала одиннадцати милліоновъ рублей;

2) доходы отъ удѣльныхъ земель;

3) проценты съ капиталовъ, хранившихся заграницей въ англійскихъ и германскихъ банкахъ.

Въ удѣльныя имѣнія входили сотни тысячъ десятинъ земли, виноградники, охоты, промыслы, рудники, фруктовые сады и пр., пріобрѣтенные главнымъ образомъ во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія прозорливой Екатериной II. Порядокъ управленія удѣльными имѣніями былъ регламентированъ Императоромъ Павломъ I. Общая стоимость этихъ имуществъ достигала ста милліоновъ рублей золотомъ и не соотвѣтствовала ихъ сравнительно скромной доходности, едва достигавшей 2.500.000 руб. въ годъ. Дѣло въ томъ, что въ управленіи этими имуществами играли извѣстную роль рядъ привходящихъ обстоятельствъ дипломатическаго и политическаго свойства. Напримѣръ, министерство удѣловъ всегда воздерживалось дѣлать надлежащую пропаганду удѣльному шампанскому Абрау-Дюрсо, такъ какъ опасались, что это могло бы вызвать неудовольствіе во Франціи, которая была союзницей Россіи. Или же откладывали постройку желѣзной дороги по южному побережью Крыма, чтобы наша лѣвая печать не усмотрѣла въ этомъ желанія вывозить изъ императорскихъ имѣній фрукты, и послѣдніе приходилось продавать на мѣстѣ за минимальную цѣну.

Такое же приблизительно положеніе наблюдалось и съ доходами отъ вкладовъ въ иностранныхъ банкахъ. Министру Двора и главноуправляющему удѣлами было категорически запрещено вкладывать деньги въ какія бы то ни было иностранныя или же русскія частныя предпріятія, чтобы не дать пищи разговорамъ о томъ, что Государь Императоръ заинтересованъ въ той или иной отрасли промышленности.

«Мертвый капиталъ» императорской семьи оцѣнивался въ суммѣ 160.000.000 руб., соотвѣтствующей стоимости драгоцѣнностей Романовыхъ, пріобрѣтенныхъ за триста лѣтъ ихъ царствованія.

Большая Императорская корона была сдѣлана знаменитымъ Позье, придворнымъ ювелиромъ Императрицы Екатерины II, въ 1762 году; она представляла собою митру и была увѣнчана крестомъ изъ пяти громадныхъ бриллiантовъ, соединенныхъ вмѣстѣ неграненымъ рубиномъ. Поясъ, окружавшій голову, состоялъ изъ двадцати большихъ бриллiантовъ. Одиннадцать большихъ бриллiантовъ находились въ чешуйчатомъ изгибѣ, которымъ поддерживался крестъ, а въ обручахъ съ каждой стороны находилось по тридцати восьми розовыхъ жемчужинъ.

Императорская діадема, законченная въ царствованіе Императора Александра I, состояла изъ тринадцати старинныхъ жемчужинъ, 113 розовыхъ жемчужинъ, 500 алмазовъ разной величины и 84 бриллiантовъ.

Среди другихъ цѣнностей упоминанія заслуживаютъ: знаменитый бриллiантъ Орлова въ 19½ каратъ вѣсомъ, купленный графомъ Орловымъ въ Амстердамѣ въ 1776 году и имъ поднесенный Екатеринѣ Великой; «Горная Луна» — нешлифованный бриллiантъ (около 120 каратъ), бриллiантъ Шаха (около 85 каратъ) и «Полярная Звѣзда» — превосходный блѣдно красный рубинъ сорока каратъ вѣсомъ.

Было бы безполезнымъ трудомъ пытаться опредѣлить, какую приблизительно сумму можно было бы выручить отъ продажи этихъ знаменитыхъ драгоцѣнностей. Эксперты всегда придерживались того мнѣнія, что никто, кромѣ Императоровъ Всероссійскаго, Германскаго или же

Австро-Венгерскаго, не были заинтересованы въ покупкѣ столь большихъ драгоцѣнныхъ камней. Вотъ почему гибель этихъ трехъ монархій поставила теперешнихъ обладателей русскихъ коронныхъ драгоцѣнностей въ парадоксальное положеніе купцовъ, которымъ удалось получить товаръ путемъ уничтоженія единственныхъ возможныхъ его покупателей.

2.

Государь Императоръ могъ расчитывать получить въ началѣ каждаго года сумму, равную 20 милліонамъ рублей. Для каждаго частнаго лица, съ самыми взыскательными вкусами — это была, конечно, громадная сумма, но тѣмъ не менѣе сумма эта совсѣмъ не находилась въ соотвѣтствіи съ требованіями, которыя предъявляла жизнь къ царской казнѣ.

Русскій монархъ долженъ былъ заботиться о содержаніи Царской фамиліи и поддержаніи дворцовъ и дворцовыхъ музеевъ и парковъ. Каждому Великому Князю полагалась ежегодная рента въ 200.000 руб. Каждой изъ Великихъ Княженъ выдавалось при замужествѣ приданое въ размѣрѣ одного милліона рублей. Каждый изъ князей или княженъ Императорской крови получалъ при рожденіи капиталъ въ милліонъ рублей, и этимъ всѣ выдачи ему исчерпывались. Эти значительныя суммы очень часто разстраивали всѣ смѣтныя предположенія, такъ какъ выдача ихъ зависѣла отъ непостояннаго числа Великихъ Князей, отъ числа браковъ и рожденій въ Императорской фамиліи.

Помимо малыхъ Императорскихъ резиденцій, которыя были разбросаны по всей Россіи, министерству двора приходилось содержать пять большихъ дворцовъ.

Зимній дворецъ въ С. Петербургѣ, громадное зданіе, построенное при Императрицѣ Елисаветѣ на берегу Невы знаменитымъ архитекторомъ Растрелли. Его обслуживалъ персоналъ въ 1200 человѣкъ придворныхъ служителей и лакеевъ. Хотя въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ царствованія Государь въ немъ не жилъ, и въ немъ устраивались только торжественные пріемы и при-

дворные балы, дворецъ этотъ необходимо было содержать въ образцовомъ порядкѣ изъ за множества художественныхъ драгоцѣнностей и художественныхъ коллекцій, выставленныхъ въ Бѣломъ залѣ.

Самъ Государь проводилъ большую часть года въ Царскосельскомъ Александровскомъ и Екатерининскомъ дворцахъ. Екатерининскій дворецъ былъ выстроенъ Императрицей Екатериной I и впослѣдствіи въ царствованіе Елисаветы и Екатерины II значительно увеличенъ. Дворецъ этотъ представлялъ собою городокъ посреди парка, расположеннаго на пространствѣ въ нѣсколько сотъ десятинъ. Личный составъ Царскосельскаго дворцоваго управленія достигалъ шестисотъ человѣкъ.

Лѣто Государь Императоръ проводилъ или въ Петергофскомъ дворцѣ и тамъ же на дачѣ «Александрія», или же въ Крыму въ Ливадійскомъ дворцѣ, или же въ плаваніи на яхтѣ «Штандартъ» въ Финскомъ заливѣ или же въ Черномъ морѣ. Петергофъ и Крымскія имѣнія требовали большого персонала, а главное значительное количество садовниковъ. Петергофъ нѣкоторые сравниваютъ съ Версалемъ изъ за фонтановъ, водопадовъ, прудовъ и каналовъ, но надо сознаться, что Петергофъ, расположенный на берегу моря, производитъ болѣе грандіозное впечатлѣніе, чѣмъ б. резиденція Короля-Солнца.

Вдовствующая Императрица Марія Федоровна проживала въ большомъ Аничковомъ дворцѣ. Содержаніе Гатчинскаго и Большого Кремлевскаго дворца въ Москвѣ требовали также большихъ расходовъ. Тремъ тысячамъ дворцовыхъ служащихъ нужно было платить ежемѣсячно жалованіе, давать столъ, обмундированіе, а вышедшимъ въ отставку — пенсіи.

Гофмаршалъ, церемоніймейстеры, егеря, скороходы, гофъ- и камеръ-фурьеры, кучера, конюхи, метръ-д-отели, шофферы, повара, камеръ-лакеи, камеристки и пр. — всѣ они ожидали два раза въ годъ подарковъ отъ Царской семьи: на Рождествѣ и въ день тезоименитства Государя. Такимъ образомъ, ежегодно тратилось цѣлое состояніе на золотые часы съ Императорскимъ вензелемъ изъ брилліантовъ, золотые портсигары, брошки, кольца и другіе драгоцѣнные подарки.

Затѣмъ шли Императорскіе театры: три въ Петербургѣ и два въ Москвѣ. Несмотря на свое міровое имя и неизмѣнный успѣхъ, Императорскій балетъ отнюдь не являлся доходнымъ театральнымъ предпріятіемъ, и всѣ пять Императорскихъ театровъ приносили убытки. Этотъ дефицитъ покрывался изъ средствъ министерства двора и удѣловъ. Чтобы высоко поддерживать знамя русскаго искусства, Императорской семьѣ надо было ежегодно расходовать 2 милл. рублей. Въ 1905 г. къ числу субсидируемыхъ министерствомъ двора театровъ прибивилась еще и балетная труппа С. Дягилева. Его блестящія представленія въ Парижѣ и Лондонѣ были возможны только благодаря щедрости Государя.

Такую же значительную матеріальную поддержку требовала и Императорская Академія Художествъ. Хотя оффиціально она и содержалась за счетъ Государственнаго Казначейства, Академія эта никогда не сводила концы съ концами, и члены Императорской семьи, числившіеся ея попечителями, считали своимъ долгомъ поддерживать матеріально ея нуждавшихся учениковъ.

Далѣе шла самая разнообразная благотворительность, ложившаяся на личныя средства Государя: Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Общество Краснаго Креста собиралось достроить отдѣленіе госпиталя въ большомъ торгово-промышленномъ центрѣ, но ему не хватало средствъ.

Директоръ Пажескаго корпуса докладывалъ Царю о молодомъ пажѣ, который имѣлъ всѣ данныя, чтобы стать офицеромъ одного изъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ, но нуждался въ ежегодной рентѣ въ 10.000 руб.

Любимый флигель-адъютантъ находился въ критическомъ положеніи: онъ проигралъ въ карты всего только 25 тыс. руб., ему дали 24 часа, чтобы уплатить проигрышъ.

Внукъ одного заслуженнаго генерала обратился на Высочайшее имя съ просьбой о выдачѣ 1500 руб. на окончаніе образованія.

Русскій художникъ, имѣвшій большой «моральный» успѣхъ въ Парижѣ, прибылъ въ Россію и устроилъ вы-

ставку картинъ. Онъ былъ увѣренъ, что его художественная карьера зависѣла отъ продажи Царской фамиліи одного изъ своихъ полотенъ.

Молодца-городового убили при исполненіи его служебныхъ обязанностей, оставивъ его семью безъ средствъ. И т. д. И т. д.

Еще въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Императоръ Николай II получилъ отъ своей прабабушки наслѣдство въ 4 милл. рублей. Государь рѣшилъ отложить эти деньги въ сторону и употребить доходы отъ этого капитала спеціально на нужды благотворительности. Однако, весь этотъ капиталъ былъ израсходованъ чрезъ три года.

Если принять во вниманіе расходы Императорской семьи, то деньги, которыя расходовались на увеселенія и представительство, покажутся весьма незначительными. Сравнительно незначительная стоимость придворныхъ баловъ и обѣдовъ, которые давались нѣсколько разъ въ годъ, объяснялась тѣмъ, что для ихъ устройства не требовалось дѣлать спеціальныхъ покупокъ и не надо было нанимать въ помощь особой прислуги. Вино доставлялось Главнымъ управленіемъ удѣловъ, цвѣты — многочисленными оранжереями дворцоваго вѣдомства, оркестръ музыки содержался постоянно министерствомъ двора. То, что болѣе всего поражало пріѣзжавшихъ иностранцевъ, которые получали приглашеніе на придворные балы, это скорѣе окружавшая ихъ пышность, нежели значительность произведенныхъ расходовъ.

Крайне скромный и простой въ своей частной жизни, Царь долженъ былъ въ такихъ случаяхъ подчиняться требованіямъ этикета. Правитель одной шестой части земного шара могъ принимать своихъ гостей только въ атмосферѣ расточительной пышности.

Громадныя залы, украшенныя зеркалами въ золотыхъ рамахъ, были переполнены сановниками, придворными чинами, иностранными дипломатами, офицерами гвардейскихъ полковъ и восточными владыками. Ихъ блестящія формы, шитыя серебромъ и золотомъ, являлись великолѣпнымъ фономъ для придворныхъ нарядовъ, и драгоцѣнностей дамъ. Кавалергарды и конногвардейцы

въ каскахъ съ Императорскимъ двуглавымъ орломъ и казаки Собственнаго Его Величества конвоя въ красныхъ черкескахъ стояли вдоль лѣстницы и при входѣ въ Николаевскій залъ. Залы украшались безчисленными пальмами и тропическими растеніями, доставленными изъ придворныхъ оранжерей. Ослѣпительный свѣтъ большихъ люстръ, отраженный многочисленными зеркалами, придавалъ всей картинѣ какой-то волшебный характеръ. Глядя на переполненный Николаевскій залъ, можно было позабыть дѣловое двадцатое столѣтіе и перенестись въ великолѣпный Екатерининскій вѣкъ.

И вдругъ вся толпа замирала. Появлялся оберъ-церемоніймейстеръ и три раза ударялъ объ полъ своимъ жезломъ, чтобы возвѣстить начало Высочайшаго выхода.

Тяжелая дверь Гербоваго зала открывалась, и на порогѣ показывались Государь и Государыня въ сопровожденіи членовъ Императорской фамиліи и свиты. Самодержецъ открывалъ балъ всегда полонезомъ, послѣ чего начинались общіе танцы. Императоръ и Императрица наблюдали за ними, но не принимали въ нихъ участія. Царь покидалъ залы сейчасъ же послѣ ужина, чтобы дать молодежи возможность веселиться съ большой свободой.

3.

На личныя нужды Государю оставалось ежегодно около 200 тыс. руб., послѣ того, какъ были выплачены ежегодныя пенсіи родственникамъ, содержаніе служащимъ, оплачены счета подрядчиковъ по многолѣтнимъ ремонтамъ во дворцахъ, покрытъ дефицитъ императорскихъ театровъ и удовлетворены нужды благотворительности. Къ счастью для дѣтей Государя пенсіи ихъ оставались нетронутыми въ теченіе ихъ дѣтства и достигали довольно внушительныхъ капиталовъ, когда они становились совершеннолѣтними. Но съ послѣдней Императорской семьей дѣло вышло нѣсколько иначе. .Осмотрительный министръ Императорскаго двора графъ Б. В. Фредериксъ, вопреки приказаніямъ Государя, незадолго до войны перевелъ заграницу, принадлежавшее Государевымъ

дѣтямъ состоянiе. Въ качествѣ мѣста храненiя Фредериксъ избралъ Берлинъ, и такимъ образомъ семь миллiоновъ рублей оставались въ Берлинскихъ банкахъ въ теченiе всей мiровой войны и во время инфляцiи были обезцѣнены. Корректные берлинскiе банкиры предложили расчитаться съ наслѣдниками Царскихъ дѣтей, когда бы они этого ни пожелали. Они предлагали на выборъ семь миллiоновъ бумажныхъ Романовскихъ рублей или же шестнадцать миллiоновъ германскихъ бумажныхъ марокъ 1923 г.!

Какъ это ни покажется маловѣроятнымъ, Самодержецъ Всероссiйскiй испытывалъ матерiальныя затрудненiя регулярно каждый годъ задолго до конца смѣтнаго перiода. Это происходило оттого, что ему на непредвидѣнные расходы нужно было значительно болѣе 200 тыс. руб. ежегодно. Для разрѣшенiя этихъ затрудненiй у него было два пути. Или же расходовать 200 мил. руб. хранившихся на текущемъ счету въ Англiйскомъ банкѣ, или же прибѣгнуть къ помощи министра финансовъ. Государь предпочиталъ обычно избѣгать эти оба пути и просто говорилъ: «Мы должны жить очень скромно послѣднiе два мѣсяца».

Выросши и будучи въ сознаванiи своихъ обязанностей по отношенiю къ Россiи, Царь, ни минуты не колеблясь, пожертвовалъ во время войны всѣ эти 200 мил. рублей на нужды раненыхъ и увѣчныхъ и ихъ семьи, но никто не могъ его убѣдить взять для себя въ мирное время хотя бы копейку изъ этого громаднаго состоянiя. Когда въ Россiи появились автомобили, Государь однимъ изъ первыхъ высказывался съ большимъ энтузiазмомъ объ этомъ изобрѣтенiи. И тѣмъ не менѣе онъ въ теченiе многихъ лѣтъ не могъ получить денегъ, чтобы устроить подобавшiй Русскому Императору автомобильный гаражъ. Въ Царскосельскихъ и Петербургскихъ конюшняхъ было нѣсколько сотъ лошадей, за которыми ходило значительное количество конюховъ, тренеровъ, кучеровъ, конюшенныхъ мальчиковъ и пр. Для того, чтобы перейти на автомобильный способъ передвиженiя нельзя было ликвидировать сразу ни лошадей, ни тѣхъ, кто за ними смотрѣли. Въ концѣ концовъ, Царь заказалъ два автомобиля французской фир-

мѣ Делонэ-Бельвиль и выписалъ изъ Бельгіи шоффера Кегреса. И до самаго начала войны Государь отказывался увеличить количество принадлежащихъ ему машинъ.

Оглядываясь назадъ на жизнь, которую вела Императорская семья, я долженъ признать, что этотъ образъ жизни ни въ какое сравненіе съ жизнью магнатовъ капитала идти не могъ. Сомнѣваюсь, удовольствовались ли бы короли стали, автомобилей или же нефти такой скромной яхтой, которая принадлежала Государю, и я убѣжденъ, что ни одинъ глава какого-либо крупнаго предпріятія не удалился бы отъ дѣлъ такимъ бѣднякомъ, какимъ былъ Государь въ день его отреченія. Если бы его дворцы, имѣнія и драгоцѣнности были бы національизированы, то у него бы просто не осталось никакой личной собственности. И если бы ему удалось переѣхать съ семьей въ Англію, то ему пришлось бы, чтобы существовать, работать подобно каждому рядовому эмигранту.

ГЛАВА XII.

Императоръ Николай II.

1.

Какъ и его отецъ, Императоръ Александръ III, Императоръ Николай II не былъ предназначенъ для царствованія. Стройная линія преемственности отъ отца къ старшему сыну была нарушена преждевременной кончиной старшаго сына Императора Александра II, Цесаревича Николая, и такимъ образомъ Великій Князь Александръ Александровичъ сдѣлался Наслѣдникомъ, затѣмъ Императоромъ Александромъ III, а его сынъ Николай Александровичъ — Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ. Будущій Императоръ Николай II росъ въ напряженной атмосферѣ вѣчныхъ разговоровъ о заговорахъ и неудавшихся покушеніяхъ на жизнь его дѣда Императора Александра II. Пятнадцати лѣтъ онъ присутствовалъ при его мученической кончинѣ, что оставило неизгладимый слѣдъ въ его душѣ. Николай II былъ мальчикомъ общительнымъ и веселымъ. Дѣтство его протекало въ скромномъ Гатчинскомъ дворцѣ въ семейной обстановкѣ, среди природы, которую онъ очень любилъ. Его воспитатели были сухой, замкнутый генералъ, швейцарецъ-гувернеръ и молодой англичанинъ, болѣе всего любившій жизнь на лонѣ природы. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ представленія объ обязанностяхъ, которыя ожидали будущаго Императора Всероссійскаго. Они учили его тому, что знали сами, но этого оказалось недостаточнымъ.

Накануне окончанія образованія, передъ выходомъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ, будущій Императоръ Николай II могъ ввести въ заблужденіе любого оксфордскаго профессора, который принялъ бы его, по знанію англійскаго языка, за настоящаго англичанина. Точно также зналъ Николай Александровичъ французскій и нѣмецкій языки. Остальныя его познанія сводились къ разрозненнымъ свѣдѣніямъ по разнымъ отраслямъ, но безъ всякой возможности ихъ примѣнить въ практической жизни. Воспитатель-генералъ внушилъ, что чудодѣйственная сила таинства миропомазанія во время Св. Коронованія способна была даровать будущему Россійскому Самодержцу всѣ необходимыя познанія.

Въ Николаѣ II рано начала развиваться большая любовь къ военной службѣ. Эта служба, какъ нельзя лучше, отвѣчала складу его характера. Онъ былъ командиромъ эскадрона Лейбъ-Гусарскаго полка. Два года прослужилъ онъ офицеромъ въ Гвардейской Конно-Артиллерійской бригадѣ. Ко всѣмъ своимъ обязанностямъ относился серьезно и добросовѣстно. Смерть отца застала его командиромъ батальона Л.-Гв. Преображенскаго полка въ чинѣ полковника, и всю свою жизнь онъ остался въ этомъ сравнительно скромномъ чинѣ. Это напоминало ему его беззаботную молодость, и онъ никогда не выражалъ желанія произвести себя въ чинъ генерала. Онъ считалъ недопустимымъ пользоваться прерогативами своей власти для повышенія себя въ чинахъ.

Его скромность создала ему большую популярность въ средѣ офицеровъ-однополчанъ. Онъ любилъ принимать участіе въ ихъ вечерахъ, но разговоры офицерскихъ собраній не могли расширить его умственнаго кругозора. Общество здоровыхъ, молодыхъ людей, постоянной темой разговоровъ которыхъ были лошади, балерины и примадонны французскаго театра, могло быть очень пріятно для полковника Романова, но будущій Россійскій монархъ въ этой атмосферѣ могъ пріобрѣсти весьма мало полезнаго.

Въ семейной обстановкѣ онъ помогалъ отцу строить дома изъ снѣга, рубить лѣсъ и сажать деревья, такъ какъ доктора предписали Александру III побольше движенія. Разговоры велись или на тему о проказахъ его младшаго

брата Михаила, или же о моихъ успѣхахъ въ ухаживанiи за его сестрой Ксенiей. Всѣ темы о политикѣ были исключены. Поэтому не было случая увеличить запасъ знанiй. Въ Царской Семьѣ существовало молчаливое соглашенiе насчетъ того, что царственныя заботы Царя не должны были нарушать мирнаго теченiя его домашняго быта. Самодержецъ нуждался въ покоѣ. Монархъ, который сумѣлъ обуздать темпераментъ Вильгельма II, не могъ удержаться отъ смѣха, слушая бойкiе отвѣты своихъ младшихъ дѣтей. Ему доставляло большое удовольствiе, что называется, окатить ушатомъ холодной воды юнаго Михаила Александровича, но Великiй Князь не оставался въ долгу и уже за обѣдомъ готовилъ отцу новый сюрпризъ.

Черезъ годъ лѣтомъ Царская Семья ѣздила въ Копенгагенъ для встрѣчи съ нашей англiйской, датской и греческой родней. Всѣ нѣжно обнимали другъ друга и вздыхали о протекшемъ со дня послѣдняго свиданiя времени. Тетя Александра — будущая королева Англiи — разсказывала о женитьбѣ своего сына Георга. Тетя Ольга — бывшая королева греческая, съ сокрушенiемъ вздыхала: ей казалось, что еще вчера носила она Георга на рукахъ.

Въ 1890 г., за четыре года до своего вошествiя на престолъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ предпринялъ съ образовательными цѣлями кругосвѣтное плаванiе. Я встрѣтился съ нимъ на Коломбо. Извѣстiе о его прiѣздѣ застало меня въ джунгляхъ, гдѣ я охотился за слонами. Должно быть моя трехнедѣльная борода, мои разсказы о приключенiяхъ и трофеи, разбросанные на палубѣ «Тамары», произвели на Никки большое впечатлѣнiе, и я показался ему прямо дикаремъ. Тишина тропической ночи, изрѣдка нарушаемая криками испуганныхъ обезьянъ, располагала насъ къ задушевной бесѣдѣ. Николай Александровичъ завидовалъ моему восхитительному времяпровожденiю. Онъ не находилъ никакого удовольствiя путешествовать на борту военнаго крейсера, шедшаго подъ брейдъ-вымпеломъ Наслѣдника Цесаревича.

— Моя поѣздка безсмысленна, — съ горечью сказалъ онъ: — дворцы и генералы одинаковы во всемъ мiрѣ, а это

единственное, что мнѣ показываютъ. Я съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы остаться дома.

На слѣдующій день мы разстались: я вернулся къ прерванной охотѣ, а Николай Александровичъ продолжалъ свой путь въ Японію. На вокзалѣ въ мѣстечкѣ Отцу какой-то изувѣръ ударилъ его саблей по головѣ, и если бы принцъ Георгъ Греческій не ослабилъ силу удара, Наслѣдникъ Цесаревичъ поплатился бы жизнью. На обратномъ пути Наслѣдникъ Цесаревичъ проѣхалъ по Сибири, вдоль будущаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути.

Онъ мечталъ вернуться обратно въ Гатчино, гдѣ за могучей спиной отца, Николай Александровичъ чувствовалъ себя въ безопасности. Физическія качества Александра III казались верхомъ человѣческаго достиженія робкому Цесаревичу, и безъ сомнѣнія было много обаянія въ зрѣлищѣ, какъ серебряный рубль сгибался въ желѣзныхъ пальцахъ Императора. Послѣ покушенія въ Боркахъ 17 октября 1888 года весь русскій народъ создалъ легенду, что Александръ III спасъ своихъ дѣтей и родныхъ, удержавъ на плечахъ крышу разрушеннаго вагона ресторана, во время покушенія революціонеровъ на Императорскій поѣздъ. Весь міръ ахнулъ.

20 октября 1894 г. Никки и я стояли на верандѣ чудеснаго Ливадійскаго дворца съ мѣшками кислорода въ рукахъ: мы присутствовали при послѣднихъ минутахъ Александра III.

Даже соленое дыханіе южнаго моря не могло вернуть къ жизни человѣка, поставившаго себѣ цѣлью жизни предотвратить безпощадный ходъ революціи. Кончина Алекандра III была подобна его жизни. Являясь убѣжденнымъ врагомъ звучныхъ фразъ и мелодраматическихъ эффектовъ, Царь при приближеніи послѣдней минуты, лишь пробормоталъ короткую молитву и простился съ Императрицей.

Люди умираютъ ежеминутно, и мы не должны были бы придавать особаго значенія смерти тѣхъ, кого мы любимъ. Но тѣмъ не менѣе смерть Императора Александра III окончательно рѣшила судьбу Россіи. Каждый въ толпѣ присутствовавшихъ при кончинѣ Але-

ксандра III родственниковъ, врачей, придворныхъ и прислуги, собравшихся вокругъ его бездыханнаго тѣла, сознавалъ, что наша страна потеряла въ лицѣ Государя ту опору, которая препятствовала Россіи свалиться въ пропасть. Никто не понималъ этого лучше самого Никки. Въ эту минуту въ первый и въ послѣдній разъ въ моей жизни я увидѣлъ слезы на его голубыхъ глазахъ. Онъ взялъ меня подъ руку и повелъ внизъ въ свою комнату. Мы обнялись и плакали вмѣстѣ. Онъ не могъ собраться съ мыслями. Онъ сознавалъ, что онъ сдѣлался Императоромъ, и это страшное бремя власти давило его.

— Сандро, что я буду дѣлать! — патетически воскликнулъ онъ. — Что будетъ теперь съ Россіей? Я еще не подготовленъ быть Царемъ! Я не могу управлять Имперіей. Я даже не знаю, какъ разговаривать съ министрами. Помоги мнѣ, Сандро!

Помочь ему? Мнѣ, который въ вопросахъ государственнаго управленія зналъ еще меньше, чѣмъ онъ! Я могъ дать ему совѣтъ въ области дѣлъ военнаго флота, но въ остальномъ...

Я старался успокоить его и перечислялъ имена людей, на которыхъ Николай II могъ положиться, хотя и сознавалъ въ глубинѣ души, что его отчаяніе имѣло полное основаніе, и что всѣ мы стояли предъ неизбѣжной катастрофой.

2.

Невѣста новаго Императора, принцесса Алиса Гессенъ-Дармштадтская, прибыла изъ Германіи наканунѣ кончины Александра III. Министръ Двора былъ настолько потрясенъ болѣзнью Государя, что забылъ отдать распоряженіе о высылкѣ на границу императорскаго поѣзда, и будущая Императрица Всероссійская путешествовала по Россіи, какъ простая смертная. Въ церкви Ливадійскаго дворца состоялось ея крещеніе по православному обряду. Бракосочетаніе молодого Царя состоялось менѣе, чѣмъ черезъ недѣлю послѣ похоронъ Александра III. Ихъ медовый мѣсяцъ протекалъ въ атмосферѣ панихидъ и траурныхъ визитовъ. Самая нарочи-

тая драматизація не могла бы изобрѣсти болѣе подходящаго пролога для исторической трагедіи послѣдняго русскаго Царя.

Молодая Императрица съ трудомъ говорила по-русски. Въ этомъ отношеніи ея предшественница была въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ: между помолвкой принцессы Дагмаръ съ будущимъ русскимъ Царемъ и его коронованіемъ протекло семнадцать лѣтъ. Принцесса Аликсъ должна была въ теченіе короткаго срока изучить языкъ своей новой Родины и привыкнуть къ ея быту и нравамъ.

Еще далекая отъ сложныхъ взаимоотношеній придворной жизни, молодая Императрица дѣлала ошибки, незначительныя сами по себѣ, но равносильныя страшнымъ преступленіямъ въ глазахъ петербургскаго высшаго свѣта. Это запугало ее и создало извѣстную натянутость въ ея обращеніи съ окружающими. Это въ свою очередь послужило достаточнымъ поводомъ для сравненій между обаятельностью Вдовствующей Императрицы и «холоднымъ снобизмомъ» молодой Царицы. Эти сравненія между матерью и женой Императоръ Николай II принималъ очень близко къ сердцу, и очень скоро отношенія между дворомъ и обществомъ приняли очень натянутый характеръ.

Наступилъ день, когда всѣ мы поѣхали въ Москву на коронацію.

Приближался день катастрофы на Ходынскомъ полѣ. Иностранцамъ причины трагедіи могли бы показаться непонятными, но опытные русскіе администраторы еще задолго до этого событія ожидали худшаго. То, что дядя Государя, Великій Князь Сергѣй Александровичъ, занимавшій постъ Московскаго генералъ-губернатора сумѣетъ организовать должнымъ образомъ празднества, въ которыхъ должны были принять участіе милліоны русскихъ людей — вызывало со всѣхъ сторонъ сомнѣнія.

Первые два дня въ Москвѣ не оправдали мрачныхъ предсказаній. Чудесные весенніе дни, историческій городъ, разукрашенный флагами, звонъ колоколовъ съ высоты тысячи шестисотъ колоколенъ, толпы народа, кричащія ура, коронованная молодая Царица, сіяющая красо-

той, европейскія царствующія особы въ золоченыхъ каретахъ — никакой строгій церемоніалъ не могъ породить въ толпѣ большого энтузіазма, чѣмъ лицезрѣніе всей этой картины.

Согласно программѣ празднествъ, раздача подарковъ народу должна была имѣть мѣсто въ 11 час. утра на третій день коронаціонныхъ торжествъ. Въ теченіе ночи все увеличивавшіяся толпы московскаго люда собрались въ узкихъ улицахъ, которыя прилегали къ Ходынкѣ. Ихъ сдерживалъ только очень незначительный нарядъ полиціи. Когда взошло солнце, не менѣе пятисотъ тысячъ человѣкъ занимали сравнительно небольшое пространство и, проталкиваясь впередъ, напирали на сотню растерявшихся казаковъ. Въ толпѣ вдругъ возникло предположеніе, что правительство не расчитывало на такой наплывъ желающихъ получить подарки, а потому большинство вернется домой съ пустыми руками.

Блѣдный разсвѣтъ освѣтилъ пирамиды жестяныхъ кубковъ съ императорскими орлами, которые были воздвигнуты на спеціально построенныхъ деревянныхъ подмосткахъ.

Въ одну секунду казаки были смяты и толпа бросилась впередъ.

— Ради Бога, осторожнѣе, — кричалъ командовавшій офицеръ: — тамъ ямы...

Его жестъ былъ принятъ за приглашеніе. Врядъ ли кто изъ присутствовавшихъ зналъ, что Ходынское поле было мѣстомъ ученія сапернаго батальона. Тѣ, кто были впереди, поняли свою роковую ошибку, но нуженъ былъ, по крайней мѣрѣ цѣлый корпусъ, чтобы остановить своевременно этотъ безумный потокъ людей. Всѣ они попадали въ ямы, другъ на друга, женщины, прижимая къ груди дѣтей, мужчины, отбиваясь и ругаясь.

Пять тысячъ человѣкъ было убито, еще больше ранено и искалѣчено. Въ три часа дня мы поѣхали на Ходынку. По дорогѣ насъ встрѣчали возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальникъ старался отвлечь вниманіе Царя привѣтствіями толпы. Но каждое «ура» звучало въ моихъ глазахъ, какъ оскорбленіе. Мои братья не могли сдержать своего негодованія, и всѣ мы едино-

душно требовали немедленной отставки Великаго Князя Сергѣя Александровича, и прекращенія коронаціонныхъ торжествъ. Произошла тяжелая сцена. Старшее поколѣніе Великихъ Князей всецѣло поддерживало Московскаго Генералъ-Губернатора.

Мой братъ Великій Князь Николай Михайловичъ отвѣтилъ дѣльной и ясной рѣчью. Онъ объяснилъ весь ужасъ создавшагося положенія. Онъ вызвалъ образы французскихъ королей, которые танцовали въ Версальскомъ паркѣ, не обращая вниманія на приближающуюся бурю. Онъ взывалъ къ доброму сердцу молодого Императора.

— Помни, Никки, — закончилъ онъ, глядя Николаю II прямо въ глаза: — кровь этихъ пяти тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей останется неизгладимымъ пятномъ на твоемъ царствованіи. Ты не въ состояніи воскресить мертвыхъ, но ты можешь проявить заботу о ихъ семьяхъ. Не давай повода твоимъ врагамъ говорить, что молодой Царь пляшетъ, когда его погибшихъ вѣрноподданныхъ везутъ въ мертвецкую.

Вечеромъ Императоръ Николай II присутствовалъ на большомъ балу, данномъ французскимъ посланникомъ. Сіяющая улыбка на лицѣ Великаго Князя Сергѣя заставляла иностранцевъ высказывать предположенія, что Романовы лишились разсудка. Мы, четверо, покинули бальную залу въ тотъ моментъ, когда начались танцы, и этимъ тяжко нарушили правила придворнаго этикета.

3.

Стройный юноша, ростомъ въ пять футовъ и семь дюймовъ, Николай II провелъ первыя десять лѣтъ своего царствованія, сидя за громаднымъ письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ и слушая съ чувствомъ, скорѣе всего приближающимся къ ужасу, совѣты и указанія своихъ дядей. Онъ боялся оставаться наединѣ съ ними. Въ присутствіи постороннихъ, его мнѣнія принимались дядями за приказанія, но стоило племяннику и дядямъ остаться съ глазу на глазъ, ихъ старшинство давало себя чув-

ствовать, а потому послѣдній Царь Всея Руси глубоко вздыхалъ, когда, во время утренняго пріема высшихъ сановниковъ Имперіи, ему возвѣщали о приходѣ съ докладомъ одного изъ его дядей.

Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевичъ воображалъ себя великимъ полководцемъ. Алексѣй Александровичъ повелѣвалъ морями. Сергѣй Александровичъ хотѣлъ бы превратить Московское генералъ-губернаторство въ собственную вотчину. Владиміръ Александровичъ стоялъ на стражѣ искусствъ.

Всѣ они имѣли, каждый, своихъ любимцевъ среди генераловъ и адмираловъ, которыхъ надо было производить и повышать внѣ очереди, своихъ балеринъ, которыя желали бы устроить «русскій сезонъ» въ Парижѣ, своихъ удивительныхъ миссіонеровъ, жаждущихъ спасти душу Императора, своихъ чудодѣйственныхъ медиковъ, просящихъ аудіенціи, своихъ ясновидящихъ старцевъ, посланныхъ свыше . . . и т. д.

Къ шести часамъ вечера молодой Императоръ былъ безъ силъ, подавленный и оглушенный. Онъ съ тоскою смотрѣлъ на портретъ своего отца, жалѣя, что не умѣлъ говорить языкомъ этого грознаго перваго хозяина Россіи.

Александра III всѣ боялись, какъ огня.

— Перестань разыгрывать Царя, — телеграфировалъ Александръ III тому же самому Сергѣю Александровичу въ Москву.

— Выкинуть эту свинью, — написалъ Царь на всеподданнѣйшемъ докладѣ, въ которомъ описывались скандальныя дѣйствія одного сановника, занимавшаго отвѣтственный постъ, который ухаживалъ за чужой женой.

— Когда Русскій Царь удитъ рыбу, Европа можетъ подождать, — отвѣтилъ онъ одному министру, который настаивалъ въ Гатчинѣ, чтобы Александръ III принялъ немедленно посла какой-то великой державы.

Однажды какой-то чрезмѣрно честолюбивый министръ угрожалъ отставкой Самодержцу. Въ отвѣтъ на эти угрозы Царь взялъ его за шиворотъ и, тряся, какъ щенка, замѣтилъ:

— Придержите ка вашъ языкъ! Когда я захочу

васъ выбросить, вы услышите отъ меня объ этомъ въ очень опредѣленныхъ выраженіяхъ.

Когда Вильгельмъ II предложилъ Александру III «подѣлить міръ между Россіей и Германіей», Царь отвѣтилъ:

— Не веди себя, Вилли, какъ танцующій дервишъ. Полюбуйся на себя въ зеркало.

Часть этихъ изреченій доподлинно исторична, другая прибавлена и разукрашена людской молвой.

Трагедія Россіи заключалась въ томъ, что такому волевому человѣку было суждено умереть въ возрастѣ сорока девяти лѣтъ. Богъ свидѣтель, что Николай II не очень стремился взойти на престолъ. Если бы мой отецъ былъ бы на двадцать или на тридцать лѣтъ моложе, быть можетъ, все въ Россіи было бы иначе... Все, включая моихъ самоувѣренныхъ дядей и даже импульсивнаго кузена Вилли...

4.

Я старался всегда обратить вниманіе Николая II на навязчивость нашихъ родныхъ. На правахъ его двоюроднаго дяди и старшаго, я иногда говорилъ съ Государемъ о государственныхъ дѣлахъ, но я ничего не пріукрашалъ. Я ссылался на исторію, экономику, русскіе и иностранные прецеденты. Но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Мои призывы не достигали цѣли. Я былъ «Сандро», товарищемъ его дѣтскихъ игръ, мужемъ его любимой сестры Ксеніи. Онъ зналъ, какъ меня парировать, переходя на шутливый тонъ нашей молодости. Онъ подмѣтилъ, что я тогда дѣлаюсь въ моемъ креслѣ какъ-то меньше ростомъ. Меня онъ не боялся. Какъ часто, когда я спорилъ о полной реорганизаціи флота, которымъ управлялъ дядя Алексѣй, согласно традиціямъ XVIII вѣка, я видѣлъ, какъ Государь въ отчаяніи пожималъ плечами и говорилъ монотонно:

— Я знаю, что ему это не понравится. Говорю тебѣ, Сандро, что онъ этого не потерпитъ.

— Въ такомъ случаѣ, Никки, ты заставишь его это потерпѣть. Это твой долгъ предъ Россіей.

— Но что я могу съ нимъ сдѣлать?

— Ты вѣдь Царь, Никки. Ты можешь поступить такъ, какъ это необходимо для защиты нашихъ національныхъ интересовъ.

— Все это такъ, но я знаю дядю Алексѣя. Онъ будетъ внѣ себя. Я увѣренъ, что всѣ во дворцѣ услышатъ его крикъ.

Въ этомъ я не сомнѣваюсь, но тѣмъ лучше. Тогда у тебя будетъ прекрасный поводъ уволить его немедленно въ отставку и отказать ему въ дальнѣйшихъ аудіеніяхъ.

— Какъ я могу уволить дядю Алешу? Любимаго брата моего отца! Знаешь, что Сандро, я думаю, что съ моими дядями у меня все обойдется, но за время твоего пребыванія въ Америкѣ, ты самъ сталъ большимъ либераломъ.

Въ этихъ спорахъ проходили мѣсяцы и годы. Я пригрозилъ, что выйду въ отставку, если моими совѣтами будутъ пренебрегать. Въ отвѣтъ на это Государь только улыбался. Онъ былъ увѣренъ, что я-то никогда не рѣшусь причинить ему такого огорченія. Когда я въ концѣ концовъ все-таки ушелъ, дядя Алексѣй выразилъ свое удовлетвореніе тѣмъ, что цѣлую недѣлю въ кабинетѣ Государя его голоса не было слышно.

14 мая 1905 г. флотъ нашъ былъ разбитъ подъ Цусимой японцами, но это не имѣло вліянія на Николая II. Слава его царствованія еще не пріобрѣла опредѣленныхъ очертаній. Онъ проходилъ чрезъ стадіи своей жизни и вѣрными шагами шелъ въ томъ направленіи, которое было указано его многочисленными комплексами. Онъ потерялъ во все вѣру. Хорошія и дурныя вѣсти имѣли на него одинаковое дѣйствіе: онъ оставался безразличнымъ. Единственной цѣлью его жизни было здоровье его сына. Французы нашли бы, что Николая II представлялъ собою типъ человѣка, который страдалъ отъ его добродѣтелей, ибо Государь обладалъ всѣми качествами, которыя были цѣнны для простого гражданина, но которыя являлись роковыми для Монарха. Если бы Николай II родился въ средѣ простыхъ смертныхъ, онъ прожилъ бы жизнь, пол-

ную гармоніи, поощряемый начальствомъ и уважаемый окружающими. Онъ благоговѣлъ предъ памятью отца, былъ идеальнымъ семьяниномъ, вѣрилъ въ незыблемость данной имъ присяги, и прилагалъ всѣ усилія, чтобы остаться честнымъ, обходительнымъ и доступнымъ со всѣми до послѣднихъ дней своего царствованія. Не его вина была въ томъ, что рокъ превращалъ его хорошія качества въ смертоносныя орудія разрушенія. Онъ никогда не могъ понять, что правитель страны долженъ подавить въ себѣ чисто человѣческія чувства...

5,

Императора Николая II всегда мучилъ одинъ и тотъ же вопросъ: «Какъ поступилъ бы въ данномъ случаѣ на его мѣстѣ его отецъ»? Часто я хотѣлъ замѣтить, что тѣ мѣры, которыя были мудрыми въ девятнадцатомъ столѣтіи, совершенно не подошли бы къ данной эпохѣ. Но въ области чувствъ доводы разсудка безполезны: и вотъ высшіе сановники проводили часы надъ разгадываніемъ того, каково было бы рѣшеніе Императора Александра III при подобномъ стеченіи обстоятельствъ?

К. П. Побѣдоносцевъ — оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода — обыкновенно предсѣдательствовалъ на этихъ совѣщаніяхъ. Его циничный умъ вліялъ на молодого Императора въ томъ направленіи, чтобы пріучить его бояться всѣхъ нововведеній.

— Кого, Константинъ Петровичъ, вы бы рекомендовали на постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ? — спрашивалъ Николай II, когда въ началѣ девятисотыхъ годовъ революціонеры начали проявлять новую дѣятельность: — Я долженъ найти сильнаго человѣка. Я усталъ отъ пѣшекъ.

— Хорошо, — говорилъ «Мефистофель»: — дайте мнѣ подумать. Есть два человѣка, которые принадлежатъ къ школѣ вашего августѣйшаго отца. Это Плеве и Сипягинъ. Никого другого я не знаю.

— На комъ же изъ двухъ остановиться?

— Это безразлично. Оба одинаковы, Ваше Величество. Плеве — мерзавецъ, Сипягинъ — дуракъ.

Николай II нахмурился.

— Не понимаю васъ, Константинъ Петровичъ. Я не шучу.

— Я тоже, Ваше Величество. Я сознаю, что продленіе существующаго строя зависитъ отъ возможности поддерживать страну въ замороженномъ состояніи. Малѣйшее теплое дуновеніе весны, и все рухнетъ. Задача эта можетъ быть выполнена только людьми такого калибра, какъ Плеве и Сипягинъ.

Когда Сипягинъ на основаніи этой единственной рекомендаціи былъ назначенъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ былъ убитъ революціонерами 2 апрѣля 1902 г. Его замѣстителя Плеве постигла та же судьба 3 іюня 1904 г. К. П. Побѣдоносцевъ помолился объ упокоеніи ихъ душъ; ему предстояло рѣшить, не подходитъ ли на этотъ высокій постъ Витте.

— Витте подкупленъ революціей, Ваше Величество. Онъ мечтаетъ сдѣлаться первымъ президентомъ россійской республики. Онъ спорщикъ и крикунъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ достойный ученикъ школы вашего отца.

Его крупнѣйшей заслугой является введеніе у насъ золотого денежнаго обращенія, и у него масса друзей въ средѣ финансовыхъ тузовъ Парижа. Быть можетъ, ему удастся возстановить заграницей нашъ кредитъ.

Витте получилъ едва ли не диктаторскія полномочія. Въ теченіе менѣе, чѣмъ полутора лѣтъ, онъ заставилъ Царя подписать миръ съ Японіей, встать на путь либеральныхъ реформъ и созвать первую русскую Государственную Думу. И дѣйствительно Витте удалось получить во Франціи заемъ въ два съ половиной милліарда франковъ, но революціонная дѣятельность настолько усилилась во время его пребыванія у власти, что основы существующаго строя были сильно поколеблены.

8 іюля 1906 г. предсѣдателемъ Совѣта Министровъ былъ назначенъ П. А. Столыпинъ, замѣчательный человѣкъ, въ которомъ трезвый реализмъ сочетался съ высокой одаренностью. Онъ понималъ, что методы управленія современной Россіей должны быть уже не тѣ, чѣмъ въ эпоху, когда революціонное движеніе проявляло себя только въ столицахъ. При Столыпинѣ въ Россіи наступило на

нѣсколько лѣтъ успокоеніе, и это дало громадный толчокъ росту русской промышленности. 14 сентября 1911 года Богровъ стрѣлялъ въ П. А. Столыпина въ Кіевскомъ Городскомъ Театрѣ во время спектакля въ Высочайшемъ присутствіи и ранилъ смертельно министра.

На допросѣ Богровъ сознался, что въ теченіе долгихъ лѣтъ состоялъ одновременно агентомъ охраннаго отдѣленія и террористической организаціи въ Парижѣ. Его присутствіе на спектаклѣ въ непосредственной близости съ Царской ложей объяснялось тѣмъ, что Богровъ долженъ былъ охранять особу Царя.

Еще разъ Николай II обратился къ тѣнямъ далекаго прошлаго и назначилъ преемникомъ Столыпина одного почтеннаго бюрократа. Пятнадцать милліоновъ мирныхъ русскихъ крестьянъ должны были оставить въ 1914 г. домашній очагъ, потому что Александръ II и Александръ III считали необходимымъ защищать балканскихъ славянъ отъ притязаній Австріи. Вступительныя слова манифеста, изданнаго Царемъ въ день объявленія войны, свидѣтельствовали о послушномъ сынѣ, распятомъ на крестѣ своей собственной лойяльности. «Вѣрная своимъ историческимъ традиціямъ, наша Имперія не можетъ равнодушно смотрѣть на судьбу своихъ славянскихъ братьевъ...» — Трудно добиться большаго нагроможденія нелогичности на протяженіи этой коротенькой фразы. Самая могущественная Имперія перестанетъ быть таковой въ тотъ моментъ, когда сентиментальная вѣрность традиціямъ прошлаго отклоняетъ ее отъ побѣдоноснаго шествія впередъ.

Императоръ Николай II былъ обаятеленъ. Я полагаю, что онъ былъ самымъ обаятельнымъ человѣкомъ въ Европѣ. Поэтому скептически настроенные сановники часто оставляли его въ увѣренности, что въ Государѣ подъ непроницаемой маской обаятельности скрывалась иногда иронія.

— Государь — восточный человѣкъ, типичный византіецъ, — сказалъ про Николая II Витте вскорѣ послѣ своей отставки въ 1906 году. Мы говорили съ нимъ добрыхъ два часа; онъ пожалъ мнѣ руку, онъ меня обнялъ. Желалъ мнѣ много счастья. Я вернулся домой, не помня подъ со-

бой ногъ, и въ тотъ же день получилъ указъ о моей отставкѣ.

Вильгельмъ II и Великій Князь Николай Николаевичъ подписались бы обѣими руками подъ этимъ мнѣніемъ Витте. Оба подпали подъ обаяніе Царя и оба за это поплатились.

11 іюля 1905 года Императоръ Николай II пригласилъ Германскаго Императора къ завтраку на борту Императорской яхты «Полярная Звѣзда», которая стояла въ Бьеркэ. Кузенъ Вилли рѣшилъ соединить пріятное съ полезнымъ и захватилъ съ собою подробно разработанный проектъ русско-германскаго союза. Но, бросивъ взглядъ на этотъ серьезный документъ, Государь смутился.

— Если ты интересуешься моимъ мнѣніемъ, — сказалъ Вильгельмъ: — то долженъ тебѣ сказать, что это очень высокая политика. Этотъ актъ принесетъ благо не только нашимъ странамъ, но и всему міру.

— Да, это очень хорошій проектъ, — вѣжливо согласился хозяинъ.

— Ты подпишешь его, Никки?

— Я подумаю. Оставь мнѣ его. Я, конечно, долженъ буду показать его моему министру иностранныхъ дѣлъ.

— Слушай, Никки, — началъ Вильгельмъ II, и Государь опустилъ голову. Краснорѣчіе Вильгельма пользовалось міровой извѣстностью. Государь попробовалъ перемѣнить тему разговора. Эффекта не послѣдовало. «Потсдамскій ораторъ» произнесъ блестящую рѣчь, послѣ которой оставалось или же высказаться о договорѣ отрицательно или же подписать договоръ. Вѣжливость Николая II превозмогла въ немъ стремленіе подражать во всемъ отцу, онъ протянулъ руку за перомъ.

— Вотъ и прекрасно, — обрадовался Вильгельмъ II. — Еще одна маленькая формальность, и величайшій въ исторіи договоръ будетъ реальностью. Но кто засвидѣтельствуетъ твою подпись? Кто-нибудь изъ твоихъ министровъ есть на борту?

— Я попрошу завтра это сдѣлать министра иностранныхъ дѣлъ графа Ламздорфа.

— Но, если я не ошибаюсь, я видѣлъ по дорогѣ въ твой кабинетъ морского министра, адмирала Бирилева?

— Да, онъ тутъ, но я предпочелъ бы подпись Ламздорфа.

Послѣдовалъ новый взрывъ краснорѣчія Вильгельма II, и адмирала Бирилева вызвали въ кабинетъ. Николай II былъ настолько увѣренъ, что аннулируетъ этотъ импровизированный договоръ, какъ только вернется въ Царское Село, что даже не разрѣшилъ морскому министру ознакомиться съ содержаніемъ документа.

— Адмиралъ, — сказалъ, краснѣя Царь: — вы мнѣ вѣрите?

— Ваше Величество, можете быть увѣреннымъ, что я сдѣлаю все для престола и родины.

— Хорошо. Тогда скрѣпите вашей подписью этотъ документъ. Я не могу вамъ дать его для ознакомленія. На это у меня есть свои причины.

Адмиралъ Бирилевъ поклонился и скрѣпилъ Бьеркскій договоръ.

А потомъ въ Берлинъ была отправлена нота, въ которой указывалось, что, въ силу договоровъ, заключенныхъ до сего времени съ Франціей, Россія не могла вступить въ какія-либо новыя договорныя отношенія съ Германіей. Императоръ Вильгельмъ рвалъ и металъ по адресу вѣроломства русскаго Царя и поклялся не вѣрить ему впредь.

Можно съ увѣренностью сказать, что своевременный обмѣнъ телеграммами между обоими царственными кузенами въ іюлѣ 1914 года предотвратилъ бы міровую войну, не будь у Вильгельма II на душѣ того запаса горечи, которая накопилась у него за эти девять лѣтъ.

Эпизодъ вынужденной отставки Великаго Князя Николая Николаевича также весьма характеренъ. Въ началѣ войны Царь не хотѣлъ ввѣрить верховное командованіе русской арміей дядѣ Николашѣ, прекрасно сознавая, что его военный диллетантизмъ быстро поблекнетъ предъ военнымъ геніемъ Людендорфа и Макензена. Стремительное отступленіе русскихъ войскъ лѣтомъ 1915 года, которымъ мы были обязаны ошибкамъ верховнаго командованія, требовало немедленной перемѣны въ Ставкѣ, такъ какъ необходимо было возможно скорѣе возстановить пошатнувшееся довѣріе пятнадцати милліоновъ русскихъ

солдатъ. Николай II старался вызвать Великаго Князя Николая Николаевича на добровольный отказъ отъ Верховнаго командованія, но его намеки и учтивость не были поняты. Тогда 23 августа 1915 года Царь подписалъ приказъ объ отставкѣ Великаго Князя и о принятіи на себя Верховнаго командованія русской арміей.

7.

Личность Распутина захватила воображеніе всего цивилизованнаго міра. Серьезные историки и легковѣрные романисты посвятили томы описаніямъ той роли, которую сыгралъ въ гибели Россіи этотъ неграмотный мужикъ.

«Правда о Распутинѣ» — достаточно проста. Секретъ его могущества заключался въ одной чертѣ характера Государя, которая накладывала на него печать столь же неизгладимую, какъ и его учтивость.

Царь былъ идеальнымъ мужемъ и любящимъ отцомъ. Онъ хотѣлъ имѣть сына. Отъ его брака съ принцессой Алисой Гессенъ-Дармштадтской у него родились въ теченіе семи лѣтъ четыре дочери. Это угнетало его. Онъ почти что упрекалъ меня за то, что у меня въ тотъ же промежутокъ времени родилось пятеро сыновей. Какъ это ни покажется малоправдоподобнымъ, но мои отношенія съ Императрицей были далеки отъ сердечности по причинѣ той же разницы пола нашихъ дѣтей!

Однажды во дворцѣ появился таинственный господинъ — «докторъ Филиппъ» изъ Парижа. Онъ былъ представленъ Царской четѣ «черногорками» — Великими Княгинями Милицей и Анастасіей Николаевными. Французскій посланникъ предостерегалъ русское правительство противъ этого вкрадчиваго иностранца, но Царь и Царица придерживались другого мнѣнія. Люди, которые хотятъ быть обманутыми, попадаютъ впросакъ. Псевдонаучное краснорѣчіе д-ра Филиппа достигло цѣли. Онъ утверждалъ, что обладаетъ силой внушенія, которая можетъ оказать вліяніе на полъ развивающагося въ утробѣ матери ребенка. Онъ не прописывалъ никакихъ лекарствъ, которыя могли бы быть провѣрены придворными медика-

ми. Секретъ его искусства заключался въ серіяхъ гипнотическихъ пассовъ. Послѣ двухъ мѣсяцевъ леченія, онъ объявилъ, что Императрица находится въ ожиданіи ребенка. Всѣ придворныя празднества были отмѣнены. Европейскія газеты писали о приближеніи великаго событія въ семьѣ русскаго Царя. Прошло шесть мѣсяцевъ. Императрица вдругъ заболѣла острымъ нервнымъ разстройствомъ и, несмотря на упорные протесты д-ра Филиппа, къ постели больной были приглашены врачи. Они быстро и рѣшительно постановили діагнозъ; они не нашли и слѣдовъ беременности у Александры Федоровны. Докторъ Филиппъ уложилъ свои чемоданы и уѣхалъ въ Парижъ.

Прошло два года и 30 іюля 1904 г. Императрица разрѣшилась отъ бремени долгожданнымъ сыномъ.

Трехъ лѣтъ отъ роду, играя въ паркѣ, Цесаревичъ Алексѣй упалъ и получилъ раненіе, вызвавшее кровотеченіе. Вызвали придворнаго хирурга, который примѣнилъ всѣ извѣстныя медицинѣ средства для того, чтобы остановить кровотеченіе, но они не дали результата. Царица упала въ обморокъ. Ей не нужно было слышать мнѣнія спеціалистовъ, чтобы знать, что означало это кровотеченіе: это была ужасная гемофилія — наслѣдственная болѣзнь мужского поколѣнія ея рода въ теченіе трехъ столѣтій. Здоровая кровь Романовыхъ не могла побѣдить больной крови Гессенъ-Дармштадтскихъ, и невинный ребенокъ долженъ былъ страдать отъ той небрежности, которую проявилъ русскій дворъ въ выборѣ невѣсты Николая II.

За одну ночь Государь состарѣлся на десять лѣтъ. Онъ не могъ перенести мысли, что его единственный сынъ, его любимый Алексѣй былъ обреченъ медициной на преждевременную смерть или же на прозябаніе инвалида.

— Неужели въ Европѣ нѣтъ спеціалиста, который можетъ вылечить моего сына? Пусть онъ потребуетъ что угодно, пусть онъ даже на всю жизнь останется во дворцѣ. Но Алексѣй долженъ быть спасенъ!

Доктора молчали. Они могли дать только отрицательный отвѣтъ. Они не могли вводить Императора въ

заблужденіе. Они должны были отвѣтить, что даже самые извѣстные міровые специалисты не въ состояніи бороться противъ подтачивающей силы Наслѣдника гемофиліи.

— Ваше Величество должны быть освѣдомлены, — сказалъ одинъ изъ лейбъ-хирурговъ: — что Наслѣдникъ Цесаревичъ никогда не излѣчится отъ своей болѣзни. Припадки гемофиліи будутъ время отъ времени повторяться. Необходимо принять самыя строгія мѣры, чтобы предохранить Его Высочество отъ паденій, порѣзовъ и даже царапинъ, потому что каждое незначительное кровотеченіе можетъ для людей, страдающихъ гемофиліей, оказаться роковымъ.

Громадный матросъ получилъ приказаніе слѣдить за безопасностью Алексѣя Николаевича и носить его на рукахъ во всѣхъ случаяхъ, когда мальчику предстояло оставаться продолжительное время на ногахъ.

Для его царственныхъ родителей жизнь потеряла всякій смыслъ. Мы боялись улыбнуться въ ихъ присутствіи. Посѣщая Ихъ Величества, мы вели себя во дворцѣ, какъ въ домѣ, въ которомъ кто-то умеръ. Императоръ старался найти забвеніе въ неустанномъ трудѣ, но Императрица не захотѣла подчиниться судьбѣ. Она непрестанно говорила о невѣжествѣ врачей, отдавая явное предпочтеніе шарлатанамъ. Всѣ свои помыслы обратила она въ сторону религіи, и ея религіозность получила истерическій характеръ. Такимъ образомъ почва для появленія чудотворца была подготовлена, и вотъ обѣ «черногорскія княгини» безъ особаго труда убѣдили Императрицу принять Распутина.

— Это удивительный человѣкъ. Святой. Онъ исцѣляетъ всѣ болѣзни. Это простой сибирскій мужикъ, но ты вѣдь знаешь, Аликсъ, что Богъ никогда не надѣляетъ способностями творить чудеса дѣтей цивилизаціи.

Остальную эпопею Распутина врядъ ли надо разсказывать. Остается подъ вопросомъ, совпадало ли улучшеніе въ состояніи здоровья Наслѣдника съ посѣщеніемъ дворца Распутинымъ, или же этому старцу были дѣйствительно извѣстны какіе-то темные методы языческихъ знахарей его родной Сибири? Что касается Императрицы, то она вѣрила въ то, что старецъ спасъ ея сына отъ смер-

ти. Государь презиралъ Распутина, былъ противъ его посѣщеній дворца. Незадолго до начала войны Распутинъ уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ одна крестьянка, говорятъ, его бывшая любовница, ранила его ударомъ ножа. Припадки гемофиліи начали повторяться. Царица плакала и умоляла Государя вызвать изъ Сибири въ Царское Село «спасителя Алексѣя». Распутинъ возвратился тріумфаторомъ. На этотъ разъ онъ рѣшилъ извлечь большую пользу изъ своихъ способностей врачеванія. Онъ заключилъ дѣловой союзъ съ рядомъ безсовѣстныхъ авантюристовъ. Рекомендательныя письма, написанныя его безграмотной рукой, появились на столахъ у высшихъ сановниковъ Имперіи и видныхъ банкировъ. То же самое общество, которое немного лѣтъ спустя требовало крови старца, приглашало его на свои пріемы и искали его милости.

25 декабря 1916 года, девять дней послѣ того, какъ во дворцѣ моего зятя князя Ф. Юсупова Распутинъ былъ убитъ, я послалъ Царю длинное письмо, въ которомъ предсказывалъ революцію и настаивалъ на немедленныхъ перемѣнахъ въ составѣ правительства. Мое письмо заканчивалось слѣдующими словами.

«Какъ это ни странно, но мы являемся свидѣтелями того, какъ само правительство поощряетъ революцію. Никто другой революціи не хочетъ. Всѣ сознаютъ, что переживаемый моментъ слишкомъ серьезенъ для внутреннихъ безпорядковъ. Мы ведемъ войну, которую необходимо выиграть во что бы то ни стало. Это сознаютъ всѣ, кромѣ твоихъ министровъ. Ихъ преступныя дѣйствія, ихъ равнодушіе къ страданіямъ народа, и ихъ безпрестанная ложь вызовутъ народное возмущеніе. Я не знаю, послушаешься ли Ты моего совѣта, или же нѣтъ, но я хочу, чтобы ты понялъ, что грядущая русская революція 1917 года явится прямымъ продуктомъ усилій твоего правительства. Впервые въ современной исторіи революція будетъ произведена не снизу, а сверху, не народомъ противъ правительства, но правительствомъ противъ народа» *).

---

*) Такъ какъ всѣ мои документы были конфискованы большевиками во время моего заключенія въ Крыму въ 1918 году, я

8.

Я былъ не единственный, который опредѣлялъ положеніе подобнымъ образомъ. За два мѣсяца предъ этимъ, 1 ноября 1916 года мой старшій братъ Великій Князь Николай Михайловичъ представилъ Царю записку на шестнадцати страницахъ, классифицируя всѣ преступленія, совершенныя главою правительства Штюрмеромъ.

11 ноября 1916 года другой мой братъ, Великій Князь Георгій Михайловичъ написалъ о своихъ впечатлѣніяхъ, собранныхъ имъ во время посѣщенія ставки генерала Брусилова.

«Милый Никки», писалъ Георгій Михайловичъ: «если въ теченіе ближайшихъ двухъ недѣль не будетъ создано новое правительство, отвѣтственное въ своихъ дѣйствіяхъ предъ Государственной Думой, мы всѣ погибнемъ» ...

15 ноября 1916 года еще одинъ изъ моихъ братьевъ, Великій Князь Михаилъ Михайловичъ, проживавшій съ 1891 года въ Лондонѣ, присоединилъ свой голосъ къ хору предостереженій: «Я только что возвратился изъ Бэкингэмскаго дворца. Жоржи (англійскій король Георгъ) очень огорченъ политическимъ положеніемъ въ Россіи. Агенты Интеллидженсъ Сервисъ обычно очень хорошо освѣдомленные, предсказываютъ въ ближайшемъ будущемъ въ Россіи революцію. Я искренно надѣюсь, Никки, что ты найдешь возможнымъ удовлетворить справедливыя требованія народа, пока еще не поздно».

— Что это: глупость или измѣна? — восклицалъ лидеръ кадетской партіи П. Милюковъ съ трибуны Государственной Думы.

Увы — это было и то, и другое. Это было что-то гораздо болѣе глубокое и опасное: Николай II, Царь всея Руси, Верховный Главнокомандующій пятнадцати милліоновъ русскихъ солдатъ со всѣмъ усердіемъ пассивнаго

привожу это и послѣдующія письма изъ книги «Краснаго Архива», изданной совѣтскимъ правительствомъ.

христіанина избралъ своимъ девизомъ слова — «Да будетъ воля Твоя».

— Кто научилъ тебя, Никки, почитать подобнымъ образомъ волю Бога? Ты называешь, Никки, это христіанствомъ, но это звучитъ скорѣе, какъ магометанскій фатализмъ турецкаго аскера, который не боится смерти, такъ какъ его ждутъ за гробомъ широко открытыя ворота рая. Истинное христіанство — заключается гораздо больше въ дѣйствіи, чѣмъ въ молитвѣ. Господь Богъ довѣрилъ тебѣ сто шестьдесятъ милліоновъ жизней. Богъ ожидаетъ отъ тебя, чтобы ты ни предъ чѣмъ не остановился, чтобы улучшить ихъ участь и обезпечить ихъ счастье. Ученики Христовы никогда не сидѣли сложа руки. Они шли изъ края въ край проповѣдуя слово Божье языческому міру!

— На все воля Божья, — медленно сказалъ Никки. — Я родился 6 мая, въ день поминовенія многострадальнаго Іова. Я готовъ принять мою судьбу.

Это были его послѣднія слова. Никакія предостереженія не имѣли на него дѣйствія. Онъ шелъ къ пропасти, полагая, что такова воля Бога. Онъ былъ все еще подъ обаяніемъ божественнаго ритма строкъ, которыя говорили о стадальцѣ, память котораго прославляетъ ежегодно 6 мая христіанская церковь :

«Былъ человѣкъ въ землѣ Уцъ, имя его Іовъ; и былъ человѣкъ этотъ непороченъ, справедливъ и богобоязненъ и удалился отъ зла».

За исключеніемъ этихъ послѣднихъ словъ, Николай II во всѣхъ отношеніяхъ походилъ на свой идеалъ. Онъ забылъ, что онъ былъ Монархомъ. И вмѣсто того, чтобы окончить свои дни въ старости и почетѣ, онъ встрѣтилъ свой послѣдній часъ въ темномъ погребѣ въ Сибири, тщетно стараясь воздѣйствовать на кровожадныхъ большевиковъ. Насколько я его зналъ, я увѣренъ, что его судьба была ему безразлична, но онъ надѣялся, что убійцы пощадятъ жизнь его жены и дѣтей...

ГЛАВА XIII.

Оловянные боги.

1.

За стѣнами царскихъ дворцовъ простиралась Россія — «ледяная пустыня, по которой бродилъ Человѣкъ», по выраженію К. П. Побѣдоносцева.

Достаточно краткаго перечня событій 1894—1917 г. г., чтобы составить себѣ представленіе о «дѣлахъ» этого «Лихого Человѣка».

Май 1896 г. — катастрофа на Ходынкѣ.

1897—1901 г.г.—частичныя забастовки въ Петербургѣ, Москвѣ и въ провинціи; безчисленныя покушенія на жизнь министровъ, губернаторовъ и чиновъ полиціи; чрезвычайныя мѣры, принимаемыя для охраны молодого Царя.

1902 г. — убійство министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина.

1904 г. — убійство министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве.

1905 г. — начало несчастной русско-японской войны.

9 января 1905 г. — революціонные вожаки, вопреки категорическому приказу, запрещавшему устройство уличныхъ демонстрацій, ведутъ петербургскихъ рабочихъ по направленію къ Зимнему Дворцу, чтобы подать Царю петицію, хотя имъ и извѣстно, что Государь находится въ Царскомъ Селѣ. Послѣ многократныхъ предостереженій,

войска открываютъ по толпѣ огонь. Въ результатѣ — двѣсти рабочихъ убито и ранено.

5 февраля 1905 г.—убійство въ Москвѣ Великаго Князя Сергѣя Александровича. Въ виду переполненія Москвы террористами, полиція проситъ Царскую фамилію не присутствовать на похоронахъ.

6 іюня 1905 г. — возстаніе въ Черноморскомъ флотѣ.

12 октября 1905 г. — петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ объявляетъ всеобщую забастовку.

17 октября 1905 г.—Великій Князь Николай Николаевичъ и предсѣдатель совѣта министровъ С. Ю. Витте убѣждаютъ Государя уступить требованіямъ революціонеровъ.

Объявленіе манифеста о созывѣ Государственной Думы.

Декабрь 1905 г. — Правительство вынуждено принять чрезвычайныя мѣры для благополучнаго возвращенія арміи съ японскаго фронта и предохраненія Сибирской желѣзной дороги отъ покушеній революціонеровъ.

Декабрь 1905 г.—Для подавленія Московскаго возстанія изъ Петербурга командируется Л.-Гв. Семеновскій полкъ.

27 апрѣля 1906 г.—открытіе первой Государственной Думы...

Весна-лѣто 1906 г. — Такъ называемыя «иллюминаціи» — по всей европейской Россіи, т. е. мужики жгутъ помѣщичьи усадьбы.. Убитъ рядъ губернаторовъ, военныхъ и чиновъ полиціи.

7 іюля 1906 т. — роспускъ первой Государственной Думы. Нѣкоторые депутаты отказываются подчиниться приказу о роспускѣ, отправляются въ Выборгъ и выпускаютъ воззваніе, въ которомъ предлагаютъ народу не платить Царскому правительству податей. П. А. Столыпинъ, назначенный предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, организуетъ планомѣрную борьбу съ революціонерами.

12 августа 1906 г. — взрывъ бомбы на дачѣ Столыпина на Аптекарскомъ островѣ.. Ранены дѣти Столыпина и убито и ранено много должностныхъ лицъ.

Зима 1906-1907 г. г. — серія экспропріацій, органи-

зованныхъ революціонерами для пополненія партійной кассы, вынуждаетъ правительство объявить военное положеніе во многихъ крупныхъ центрахъ

3 іюня 1907 г. — роспускъ второй Государственной Думы, которая была еще болѣе оппозиціонной, чѣмъ первая: съ думской трибуны была оскорблена русская армія..

Осень 1907 г. — выборы въ Государственную Думу проходятъ по новому избирательному закону, который обезпечивалъ болѣе широкое участіе въ законодательной дѣятельности представителей земской Россіи.

1908—1911 г. г. — мѣры, предпринятыя Столыпинымъ, возстанавливаютъ порядокъ. Расцвѣтъ промышленности и банковскаго дѣла достигаетъ невиданныхъ до той поры размѣровъ. Вводятся законы о «Столыпинскомъ» землеустройствѣ, направленные къ ликвидаціи сельской общины, къ разверстанію крестьянскихъ земель на хутора и отруба и къ развитію переселенческаго дѣла.

14 сентября 1911 г. — убійство Столыпина Богровымъ въ Кіевскомъ городскомъ театрѣ..

30 іюля 1914 года — С. Д. Сазоновъ и Великій Князь Николай Николаевичъ оказываютъ все свое вліяніе на Государя, чтобы онъ подписалъ приказъ о всеобщей мобилизаціи.

1915—1916 г.г.—противники существующаго строя занимаютъ преобладающее вліяніе въ Земскомъ, Городскомъ и Военно-Промышленномъ комитетахъ. Петербургъ переполненъ пораженческой литературой, которая используетъ вліяніе на Распутина, какъ средство для разложенія тыла.

Февраль 1917 г. — германскіе агенты ведутъ пропаганду въ хвостахъ за хлѣбомъ въ С. Петебургѣ и организуютъ забастовки на фабрикахъ, работающихъ на оборону.

Мартъ 1917 г. — отреченіе Императора Николая II.

2.

Этого лаконическаго перечня, однако, недостаточно, чтобы охарактеризовать невѣроятное легкомысліе и безконечную безотвѣтственность тѣхъ общественныхъ круговъ,

которые въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ прилагали все усилія для того, чтобы расшатать устои Имперіи. Знаменательно то, что ни одному изъ лидеровъ русскаго освободительнаго движенія 1894—1917 г. не удалось пережить въ Россіи грозу 1917—1918 г. г. Всѣ они были или же убиты большевиками или же находятся нынѣ въ эмиграціи. Только шатающееся правительство Николая II могло уступить ихъ напору. Я привожу слова одного изъ публицистовъ освободительнаго движенія Михаила Гершензона: «Русская интеллигенція должна быть благодарна царскому правительству, что оно своими тюрьмами и штыками защищаетъ ее отъ народнаго гнѣва; горе всѣмъ намъ, если мы доживемъ до того времени, когда падетъ Царь». Это было напечатано въ сборникѣ «Вѣхи» (П. Б. Струве, Изгоева, Франка, Гершензона и др.) въ 1907 г.

Но кто же были эти люди, которые съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія, составляли заговоры противъ существующаго строя? Какое странное самоослѣпленіе заставляло ихъ вѣрить въ то, что разразившійся хаосъ революціи, въ своемъ неистовствѣ разрушенія, ограничится территоріей императорскихъ дворцовъ? То, что они состояли членами различныхъ политическихъ партій: соціалъ-революціонной, соціалъ-демократической, народно-соціалистической или конституціонно-демократической, имѣло очень мало значенія для человѣка, знающаго русскую исторію. Блестящій лидеръ партіи соціалъ-демократовъ, большевиковъ и интимный другъ Ленина, Малиновскій получалъ ежемѣсячно содержаніе отъ департамента полиціи.

Попробуемъ смыть блестящій слой политической фразеологіи съ лица русскаго революціоннаго движенія, и мы получимъ истинный обликъ его «оловянныхъ боговъ», фанатиковъ, авантюристовъ, которые претендовали на министерскіе посты, столбовыхъ дворянъ-революціонеровъ и др. разрушителей Имперіи.

Левъ Толстой, безъ какого бы то ни было основанія, если не считать нѣсколькихъ вышедшихъ изъ подъ его пера неудачныхъ политическихъ памфлетовъ, а также наивной враждебности къ православной церкви, величай-

шій литературный геній современной Россіи, почитался нашей молодежью апостоломъ революціи. Ученые и крестьяне-ходоки дѣлали тысячи верстъ, чтобы побывать въ аристократическомъ помѣстьи графа Ясной Поляны, и его проповѣдь новаго христіанства была воспринята, какъ призывъ къ немедленному возстанію. Время отъ времени, когда душа Толстого была растрогана всеобщимъ обожаніемъ, онъ писалъ вызывающія письма Царю. Онъ страстно хотѣлъ, чтобы правительство начало его преслѣдовать, арестовало и сослало въ Сибирь. Но ни Александру III, ни Николаю II и въ голову не приходило сдѣлать подобную глупость: ихъ глубокое восхищеніе по адресу автора «Войны и Мира» помогало имъ игнорировать пафосъ этого мудреца, трогательнаго въ желаніи пользоваться своимъ геніальнымъ перомъ для того, чтобы писать статьи и памфлеты, изобличавшіе «тирана». Толстой спеціализировался въ разоблаченіяхъ «жестокостей» Императора Николая I. Однажды братъ мой, историкъ, Николай Михайловичъ въ длинномъ, строго обоснованномъ и очень учтивомъ письмѣ указалъ Толстому на неосновательность его безсмысленныхъ обвиненій. И получилъ изъ Ясной Поляны курьезный отвѣтъ: Толстой признавалъ свое «глубочайшее уваженіе предъ патріотической политикой» нашего дѣда и благодарилъ моего брата за «интересныя историческія свѣдѣнія». А тѣмъ временемъ никто не мѣшалъ продажѣ памфлета Толстого, традиціи же нашей семьи не позволяли издать полемику Великаго Князя Николая Михайловича съ владѣльцемъ Ясной Поляны.

Немедленно по полученіи извѣстія о смерти Толстого, Императоръ Николай II послалъ дружескую телеграмму его вдовѣ, выражая свои искреннія соболѣзнованія и глубокую печаль по поводу кончины великаго писателя. Однако, наша интеллигенція выразила крайнее неудовольствіе по поводу этого, вполнѣ естественнаго образа дѣйствій россійкаго Самодержца, опасаясь, что телеграмма эта могла бы сорвать грандіозную демонстрацію, которая должна была быть устроена въ день похоронъ Толстого. Въ день похоронъ писателя, которыя состоялись ноябрьскимъ днемъ 1910 г., были произнесены без-

конечныя рѣчи, порицавшія существующій строй, а также на темы, не имѣвшія никакого отношенія къ событію. Если бы графиня С. А. Толстая не присутствовала на похоронахъ съ заплаканнымъ лицомъ, всѣ участники этого революціоннаго митинга забыли бы, что находятся на погребеніи человѣка, котораго весь міръ чтилъ исключительно, какъ геніальнаго романиста, и который родился въ семьѣ, своимъ титуломъ, положеніемъ и богатствомъ всецѣло обязанной этому самому, имъ столь жестоко ненавидимому Царю Россіи. — «Дорогой Левъ Николаевичъ, память о васъ будетъ вѣчно жить въ сердцахъ благородныхъ крестьянъ Ясной Поляны» гласила надпись на колоссальномъ плакатѣ, который несли на похоронахъ его почитатели. — Семь лѣтъ спустя «благородные крестьяне Ясной Поляны» осквернили могилу «дорогого Льва Николаевича» и сожгли его имѣніе. На этотъ разъ яснополянскіе мужики внимали рѣчамъ представителя мѣстнаго совдепа, и послѣдній объяснилъ, что, несмотря на все, Толстой былъ «аристократомъ и помѣщикомъ», т. е. «врагомъ народа».

Послѣ Толстого въ рядахъ «угодниковъ» революціи слѣдуетъ отмѣтить князя Петра Крапоткина, Вѣру Засуличъ, Брешко-Брешковскую (такъ называемую «бабушку русской революціи») и многочисленныхъ политическихъ убійцъ, отбывавшихъ сроки наказанія въ Шлиссельбургской крѣпости. Князь Крапоткинъ проповѣдовалъ свою, довольно безобидную теорію анархизма, на розовой водѣ, изъ собственнаго камфортабельнаго дома въ Лондонѣ. Далѣе къ лику «угодниковъ революціи» принято причислять цѣлый рядъ женщинъ за содѣянные ими, главнымъ образомъ, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія террористическіе акты. Убѣжденный феминистъ могъ бы радоваться этому преобладанію слабаго пола въ русскомъ революціонномъ движеніи, однако, біографы Шарлотты Кордэ нашли бы мало привлекательнаго въ образахъ русскихъ кровожадныхъ старыхъ дѣвъ, которыя были скорѣе объектами для наблюденій Крафта или Фрейда, чѣмъ подлинными героинями. Тѣмъ не менѣе революціонный хорошій тонъ требовалъ отъ каждаго уважающаго себя либерала, чтобы онъ вставалъ при упоминаніи имени Вѣры Фигнеръ. Вѣдь эта почтенная дама принимала ближай-

шее участіе въ покушеніи на жизнь Царя-Освободителя, и «жестокій» Императоръ Александръ III осмѣлился засадить въ тюрьму убійцу своего отца! Какъ это, однако, ни странно, но большевики отказались признать божественную сущность «оловянныхъ боговъ» революціи, и первая годовщина совѣтскаго режима застала ихъ въ тюрьмѣ или же въ изгнаніи. Можно смѣло сказать, что законъ возмездія избралъ въ лицѣ большевиковъ неожиданныхъ эмиссаровъ для исполненія своей воли.

Убійцу В. Плеве — Сазонова и полуумнаго юношу Каляева, который бросилъ бомбу въ карету Великаго Князя Сергѣя Александровича, нужно отнести къ разряду революціонныхъ фанатиковъ. Они и ему подобные служили пушечнымъ мясомъ для Бориса Савинкова — этого «спортсмена революціи». — «Принцъ Гамлетъ, старавшійся быть Цезаремъ Борджіа», сказалъ про Савинкова Радекъ во время суда надъ первымъ въ Москвѣ, въ 1925 году. Ландскнехтъ, поэтъ, «великій любовникъ», блестящій разсказчикъ, любитель поѣсть, мастеръ и рабъ громкихъ словъ, Борисъ Савинковъ боролся со всѣми строями только во имя борьбы. Онъ подготовилъ убійство Великаго Князя Сергѣя Александровича, онъ былъ въ числѣ заговорщиковъ на жизнь Императора Николая II, онъ занимался интригами противъ Временнаго Правительства совмѣстно съ генераломъ Корниловымъ, онъ «продалъ» того же генерала Корнилова Временному Правительству, онъ работалъ какъ тайный агентъ союзниковъ противъ большевиковъ, онъ призывалъ къ священному походу противъ совѣтовъ, онъ явился къ большевикамъ съ повинной и предалъ имъ ихъ противниковъ, онъ претендовалъ на роль диктатора крестьянской Россіи и окончилъ свою безпокойную жизнь, выбросившись изъ окна Лубянской тюрьмы въ Москвѣ.

— Революція и контръ-революція — мнѣ безразличны, сознался онъ одному моему знакомому въ 1918 году. — Я жажду дѣйствія! Единственное мое желаніе, это дать работу самодовольнымъ бездѣльникамъ, которые слоняются на задворкахъ безъ толка и отбить у нихъ охоту заниматься любовными похожденіями.

Народное воображеніе, не подозрѣвая, что представ-

ляла собою на самомъ дѣлѣ личность Савинкова, причисляло его къ лику «святыхъ революціи» и приписывало ему всѣ политическія убійства, происшедшія въ первомъ десятилѣтіи двадцатаго вѣка. А говоря по правдѣ, убилъ онъ собственноручно всего одного стараго городового, оказавшагося безоружнымъ. Онъ умѣлъ разыскивать истерическихъ молодцовъ, падкихъ до его краснорѣчія и готовыхъ умереть за революцію. И они дѣйствительно погибали, а тѣмъ временемъ Савинковъ благополучно выбирался въ Парижъ, чтобы продолжать свою пріятную жизнь. Тамъ онъ боролся со всѣми существовавшими правительствами, сидя ежедневно отъ 12 до 2 въ ресторанѣ Ларю и запивая воспоминанія о своихъ чудесныхъ побѣгахъ бутылкой превосходнаго бордосскаго «Мутонъ-Ротшильдъ». Разсказывая исторію покушенія на жизнь Великаго Князя Сергѣя Александровича, Савинковъ приводилъ трогательный мотивъ, почему покушеніе совершилъ не онъ.

— Я убилъ бы Великаго Князя собственными руками, когда его карета обогнула уголъ, за которымъ я стоялъ съ бомбой, но я замѣтилъ, что съ нимъ въ экипажѣ сидятъ двое дѣтей.

Эта занимательная исторія производила у Ларю фуроръ. Но фактъ остается фактомъ, и смертоносная бомба была брошена въ Сергѣя Александровича Каляевымъ въ то время, какъ «другъ дѣтей» благополучно возвратился на рю Руаяль.

Савинковъ былъ выдающимся романистомъ, и русское Императорское правительство косвеннымъ образомъ финансировало его террористическіе акты, великодушно разрѣшивъ продавать въ Россіи савинковскіе романы, а также печатать его еженедѣльныя корреспонденціи на страницахъ московскихъ газетъ. Министру внутреннихъ дѣлъ и во снѣ не снилось, что добрая половина русскихъ революціонеровъ и, въ томъ числѣ, Савинковъ, Троцкій, Черновъ и др. имѣли возможность продолжать свою террористическую дѣятельность только благодаря гонорару, который они получали отъ русскихъ издателей! Труд-
ляла собою на самомъ дѣлѣ личность Савинкова, причисляло его къ лику «святыхъ революціи» и приписывало ему всѣ.

ти, который поддерживалъ бы матеріально завѣдомыхъ убійцъ членовъ правительства. И несмотря на это, весь міръ упрекалъ Россію за ея «гнетъ печати»!

Баснословные побѣги Савинкова, изъ которыхъ нѣкоторые затмили даже похожденія Казановы, были возможны только благодаря его тѣсному сотрудничеству съ небезызвѣстнымъ Азефомъ, который офиціально былъ лидеромъ террористовъ, а неофиціально — агентомъ департамента полиціи. Революціонеры считаютъ его «агентомъ-провокаторомъ» чистѣйшей воды; департаментъ полиціи обвинялъ его въ приверженности къ революціи. Во всякомъ случаѣ установлено, что Азефъ не предупредилъ департаментъ полиціи о заговорѣ на жизнь Плеве и Великаго Князя Сергѣя Александровича, хотя ему и были извѣстны всѣ детали готовящихся покушеній за недѣлю впередъ. Страхъ мести Савинкова, вѣроятно, превозмогъ въ Азефѣ его жадность къ деньгамъ, а потому секретныя донесенія Азефа изъ Парижа даже не упоминали, гдѣ находится его болтливый сообщникъ. Давая показанія предъ комитетомъ парижскихъ революціонеровъ, Савинковъ сначала грозилъ убить собственноручно того «мерзавца», который посмѣетъ набросить малѣйшую тѣнь на имя его «дорогого друга» Азефа. Онъ заявилъ, что, если бы не преданность Азефа, его арестовала бы полиція въ ночь предъ убійствомъ Великаго Князя. Савинковъ могъ бы еще добавить къ своимъ показаніямъ, что списокъ тайныхъ агентовъ русскаго охраннаго отдѣленія былъ переполненъ именами выдающихся лидеровъ революціоннаго подполья, и потому даже не было особой надобности такъ негодовать по поводу личности Азефа.

— Мы могли бы купить очень многихъ изъ революціонеровъ, — если бы сошлись съ ними въ цѣнѣ, — писалъ бывшій директоръ департамента полиціи Васильевъ, въ своихъ посмертныхъ мемуарахъ.

Это совершенно справедливо. Недаромъ въ мартѣ 1917 года въ обѣихъ столицахъ революціонеры поторопились сжечь всѣ архивы охранныхъ отдѣленій нѣсколько часовъ спустя послѣ того, какъ выяснилось, что революція побѣдила по всей линіи...

3.

Императорскій строй могъ бы существовать до сихъ поръ, если бы «красная опасность» исчерпывалась такими людьми, какъ Толстой и Крапоткинъ, террористами, какъ Ленинъ или Плехановъ, старыми психопатками, какъ Брешко-Брешковская или же Фигнеръ или авантюристами типа Савинкова и Азефа. Какъ это бываетъ съ каждой заразительной болѣзнью, настоящая опасность революціи заключалась въ многочисленныхъ носителяхъ заразы: мышахъ, крысахъ и насѣкомыхъ... Или же, выражаясь болѣе литературно, слѣдуетъ признать, что большинство русской аристократіи и интеллигенціи составляло армію разносчиковъ заразы. Тронъ Романовыхъ палъ не подъ напоромъ предтечъ совѣтовъ или же юношей-бомбистовъ, но носителей аристократическихъ фамилій и придворныхъ званій, банкировъ, издателей, адвокатовъ, профессоровъ и др. общественныхъ дѣятелей, жившихъ щедротами Имперіи. Царь сумѣлъ бы удовлетворить нужды русскихъ рабочихъ и крестьянъ; полиція справилась бы съ террористами. Но было совершенно напраснымъ трудомъ пытаться угодить многочисленнымъ претендентамъ въ министры, революціонерамъ, записаннымъ въ шестую книгу россійскаго дворянства, и оппозиціоннымъ бюрократамъ, воспитаннымъ въ русскихъ университетахъ.

Какъ надо было поступить съ тѣми великосвѣтскими русскими дамами, которыя по цѣлымъ днямъ ѣздили изъ дома въ домъ и распространяли самые гнусные слухи про Царя и Царицу? Какъ надо было поступить въ отношеніи тѣхъ двухъ отпрысковъ стариннѣйшаго рода князей Долгорукихъ, которые присоединились къ врагамъ монархіи? Что надо было сдѣлать съ ректоромъ Московскаго университета, который превратилъ это старѣйшее русское высшее учебное заведеніе въ разсадникъ революціонеровъ? Что слѣдовало сдѣлать съ графомъ Витте, возведеннымъ Александромъ III изъ простыхъ чиновниковъ въ министры, спеціальностью котораго было снабжать газетныхъ репортеровъ скандальными исторіями, дискредитировавшими Царскую семью? Что нужно было сдѣлать съ про-

фессорами нашихъ университетовъ, которые провозглашали съ высоты своихъ кафедръ, что Петръ Великій родился и умеръ негодяемъ? Что слѣдовало сдѣлать съ нашими газетами, которыя встрѣчали ликованіями наши неудачи на японскомъ фронтѣ? Какъ надо было поступить съ тѣми членами Государственной Думы, которые съ радостными лицами слушали сплетни клеветниковъ, клявшихся, что между Царскмъ Селомъ и ставкой Гинденбурга существовалъ безпроволочный телеграфъ? Что слѣдовало сдѣлать съ тѣми командующими ввѣренныхъ имъ Царемъ армій, которые интересовались наростаніемъ антимонархическихъ стремленій въ тылу армій, болѣе, чѣмъ побѣдами надъ нѣмцами на фронтѣ? Какъ надо было поступить съ тѣми ветеринарными врачами, которые, собравшись для обсужденія мѣръ борьбы съ эпизоотіями, внезапно вынесли резолюцію, требовавшую образованія радикальнаго кабинета?

Описанія противоправительственной дѣятельности русской аристократіи и интеллигенціи могло бы составить толстый томъ, который слѣдовало бы посвятить русскимъ эмигрантамъ, оплакивающимъ на улицахъ европейскихъ городовъ «доброе старое время». Но рекордъ глупой тенденціозности побила, конечно, наша дореволюціонная печать. Личныя качества человѣка не ставились ни во что, если онъ устно или печатно не выражалъ своей враждебности существующему строю. Объ ученомъ или же писателѣ, артистѣ или же музыкантѣ, художникѣ или инженерѣ судили не по ихъ даровитости, а по степени радикальныхъ убѣжденій. Чтобы не идти далеко за примѣрами, достаточно сослаться на философа В. В. Розанова, публициста М. О. Меньшикова и романиста Н. С. Лѣскова.

Всѣ трое по различнымъ причинамъ отказались слѣдовать указкѣ радикаловъ. Розановъ — потому что выше всего ставилъ независимость творческой мысли; Лѣсковъ — потому что утверждалъ, что литература не имѣетъ ничего общаго съ политикой. Меньшиковъ — потому что сомнѣвался въ возможности существованія Россійской Имперіи безъ Царя. Всѣ трое подверглись безпощадному гоненію со стороны наиболѣе вліятельныхъ газетъ и из-

дательствъ. Рукописи Лѣскова возвращались ему непрочитанными, надъ его именемъ смѣялись самые ничтожные изъ газетныхъ репортеровъ, а нѣсколько его замѣчательныхъ романовъ, изданныхъ на его же собственный счетъ, подверглись бойкоту со стороны предубѣжденной части нашего общества. Нѣмцы и датчане, подъ предводительствомъ Георга Брандеса, были первые, которые открыли Лѣскова и провозгласили его выше Достоевскаго.

Меньшиковъ всю свою жизнь прожилъ въ полнѣйшей изоляціи, подобно прокаженному, поносимый всѣми современными авторитетами и избѣгаемый сотрудниками его же газеты «Новое Время». Имя этого величайшаго русскаго журналиста являлось символомъ всего самаго низкаго, подлаго и презрѣннаго. Тираннія самочинныхъ цензоровъ россійскаго общественнаго мнѣнія была настолько сильна, что на сорокалѣтній юбилей писательской дѣятельности Меньшикова ни одинъ писатель не рѣшился послать ему поздравительной телеграммы, изъ боязни, что этотъ его поступокъ сдѣлается извѣстнымъ публикѣ. И этотъ старикъ сидѣлъ одинокій, всѣми покинутый въ редакціи и писалъ еще одно изъ своихъ блестящихъ, но увы мало кѣмъ оцѣненныхъ «Писемъ къ ближнимъ»!

Что же касается В. Розанова, то даже его единственная по своей оригинальности философія и его общепризнанный геній не спасли его отъ остракизма. Его не признавали ни газеты, ни журналы, ни клубы, ни литературныя объединенія. Его обширное литературно-философское наслѣдіе получило распространеніе только послѣ его смерти, когда, послѣ прихода къ власти большевиковъ, всѣ старые споры стали казаться смѣшными. При жизни человѣкъ этотъ, который опередилъ въ своихъ психологическихъ откровеніяхъ на цѣлое поколѣніе Фрейда, былъ обреченъ на писаніе маленькихъ, незначительныхъ статей въ «Новомъ Времени». Незадолго до войны Сытинъ, возмущенный тѣмъ, что такой талантъ, какъ Розановъ, пропадаетъ зря, принялъ писателя въ свою газету «Русское Слово», гдѣ онъ долженъ былъ писать подъ псевдонимомъ Варварина. Но стаду овецъ легко почуять приближающагося льва. Первая же статья Варварина-Розанова произвела переполохъ среди сотрудниковъ «Русскаго Слова». Делегація сотрудниковъ явилась къ

храброму издателю и предложила ультиматумъ: онъ долженъ былъ выбрать между ними и Розановымъ-Варвариным.

— Но, господа, господа, — просилъ издатель — вы вѣдь не можете отрицать генія Розанова?

— Мы не интересуемся тѣмъ, геній ли онъ или же нѣтъ, — отвѣтила делегація. — Розановъ — реакціонеръ, и мы не можемъ съ нимъ работать въ одной и той же газетѣ!

Въ очаровательной пьесѣ, которая называлась «Революція и Интеллигенція» и была написана сейчасъ же послѣ прихода большевиковъ къ власти, Розановъ описываетъ положеніе россійскихъ либераловъ слѣдующимъ образомъ:

«Насладившись въ полной мѣрѣ великолѣпнымъ зрѣлищемъ революціи, наша интеллигенція приготовилась надѣть свои мѣхомъ подбитыя шубы и возвратиться обратно въ свои уютныя хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы были сожжены».

ГЛАВА XIII

Гроза надвигается...

I.

Провидѣнію было угодно, чтобы событія моей личной жизни, въ теченіе двадцатитрехлѣтняго царствованія Императора Николая II, находились въ тѣсной связи съ трагическими датами русской исторіи.

Вначалѣ я мирился съ событіями и старался создать мой семейный очагъ на фонѣ хаоса. Этимъ я обязанъ былъ моей женѣ, такъ какъ мною руководила любовь къ ней.

Нашъ медовый мѣсяцъ былъ прерванъ смертью ея отца, и мы возвратились въ Петербургъ, желая помочь Ники и Аликсъ въ ихъ первыхъ шагахъ. Едва ли можно было бы найти двѣ другія пары молодоженовъ, которые были болѣе близки другъ къ другу, чѣмъ мы четверо. Вначалѣ мы занимали смежные апартаменты въ Аничковомъ дворцѣ, такъ какъ хотѣли быть ближе къ вдовствующей Императрицѣ Маріи. Потомъ мы всѣ переѣхали въ Зимній Дворецъ, который подавлялъ своими размѣрами, съ громадными, неуютными спальными. Весной мы жили въ Гатчинѣ, лѣтомъ въ Петергофѣ. Осенью ѣздили въ Аббасъ-Туманъ, чтобы навѣстить Жоржа, и въ Крымъ, гдѣ наше имѣніе Ай-Тодоръ примыкало къ Ливадійскому дворцу. Мы были такимъ образомъ всегда

вмѣстѣ, никогда не утомляясь ни другъ другомъ, ни нашей дружбой. Когда въ 1895 году родилась моя дочь Ирина, Никки и Аликсъ дѣлили со мною мою радость и проводили часами время у постели Ксеніи, восхищаясь красотой будущей княгини Юсуповой.

Вполнѣ понятно, что Александра Федоровна, прибывъ въ Россію недавно, стремилась проводить время въ обществѣ людей, которымъ она всецѣло довѣряла и которыхъ понимала. Это способствовало тому, что наша дружба достигла рѣдкой въ отношеніяхъ между родственниками сердечности. Послѣ обѣда мы долго еще оставались вмѣстѣ, просматривая представленныя Государю его министрами доклады. Горя желаніемъ принести пользу престолу, я преувеличивалъ въ то время значеніе постройки большого русскаго военнаго флота. Десять лѣтъ, проведенныхъ на службѣ во флотѣ, открыли мнѣ глаза на многіе недостатки нашей морской обороны. Я могъ похвастаться большими познаніями въ моей спеціальности и могъ представить Государю всѣ необходимыя данныя. Онъ рѣшилъ, что я долженъ составить краткую записку, которую надо было отпечатать въ количествѣ ста экземпляровъ и раздать высшимъ морскимъ начальникамъ. Это былъ, такъ сказать, «заговоръ» между мною и Никки противъ морского министра адмирала Чихачева и генералъ-адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича. До тѣхъ поръ, пока мои дѣйствія соотвѣтствовали намѣреніямъ Государя, я былъ готовъ принять все неудовольствіе заинтересованныхъ лицъ на себя. Государыня принимала въ осуществленіи нашего «заговора» самое дѣятельное участіе. Я помню, какъ она тихо спросила меня во время короткаго завтрака въ апрѣлѣ 1896 года: «Вы отправили записку адмираламъ». — «Да, сегодня утромъ», прошепталъ я въ отвѣтъ, нагнувшись, чтобы поцѣловать ея руку. Наши сосѣди за столомъ навострили уши и выглядѣли весьма заинтересованными. На слѣдующее утро Аликсъ позвала меня къ себѣ, чтобы сообщить, что дядя Алексѣй и Чихачевъ угрожали подать Государю прошеніе объ отставкѣ, если я не принесу офиціальныхъ извиненій. Я пошелъ прямо къ Государю.

— Я надѣюсь, что ты помнишь, что я написалъ эту записку съ твоего разрѣшенія и благословенія?

— Конечно, конечно, — вздохнулъ Никки.— Но развѣ ты не видишь, Сандро, что въ томъ, что говоритъ дядя Алексѣй, есть большая доля правды? Не могу же я позволить моему зятю подрывать дисциплину во флотѣ!

Я былъ ошеломленъ.

— Ради Бога, Никки! Развѣ не тебѣ первому я прочелъ эту записку въ еще необработанномъ видѣ?

— Конечно, конечно. Но я обязанъ заботиться о мирѣ въ нашей семьѣ, Сандро. Будь благоразуменъ и согласись съ предложеніемъ дяди Алексѣя.

— Что ж онъ предлагаетъ?

— Онъ предлагаетъ назначить тебя командиромъ броненосца «Императоръ Николай I», который плаваетъ въ китайскихъ водахъ.

— Понимаю. Значитъ я долженъ отправиться въ изгнаніе за то, что я исполнилъ твои приказанія?

Его лицо передернулось.

— Это просто вопросъ поддержанія дисциплины.

— А если я не приму этого назначенія?

— Тогда я, право, не знаю, что мы будемъ дѣлать. Я полагаю, что дядя Алексѣй будетъ настаивать, чтобы тебя исключили изъ флота.

— Благодарю тебя, Никки,—сказалъ я: — молю Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ удержать власть надъ собой. Я предпочитаю принять твое второе предложеніе.

Онъ сразу весь прояснился и обнялъ меня.

— Я зналъ, Сандро, что ты будешь благоразуменъ. Оставь на нѣкоторое время въ покоѣ дядю Алешу, а потомъ черезъ годъ или два мы посмотримъ, что можно будетъ предпринять для твоего полнаго удовлетворенія. Подумай только, какъ счастлива будетъ Ксенія, когда узнаетъ, что теперь ты будешь нераздѣльно съ нею.

Ксенія была дѣйствительно счастлива. Изъ за нежеланія Никки принять въ «Петергофской битвѣ» мою сторону, мы провели съ моей женой самые счастливые годы нашей супружеской жизни. Дѣти рождались одинъ за другимъ. Мой сынъ Андрей — старшій изъ шести мальчиковъ — родился въ январѣ 1897 года, рожденіе остальныхъ слѣдовало въ промежуткѣ времени между 1899 и 1906 годами. Я никогда не симпатизировалъ

отцамъ, терявшимъ въ день рожденія дѣтей голову. Самъ я неизмѣнно оставался при Ксеніи, пока все не было благополучно окончено. Чтобы облегчить ей родовыя муки, придворный докторъ давалъ ей обычно небольшую дозу хлороформа. Это заставляло ее смѣяться и говорить разныя забавныя вещи, такъ что наши дѣти рождались въ атмосферѣ радости. Каждый разъ, при рожденіи ребенка, я считалъ своимъ долгомъ слѣдовать старинному русскому обычаю. Онъ заключался въ томъ, что при первомъ крикѣ ребенка, отецъ долженъ зажечь двѣ свѣчи, которыя онъ и его жена держали во время обряда вѣнчанія, а потомъ онъ долженъ завернуть новорожденнаго въ ту рубашку, которую онъ надѣвалъ предыдущей ночью. Это, быть можетъ глупое суевѣріе, но мнѣ казалось, что это придавало больше увѣренности Ксеніи.

Увличеніе моего семейства сопровождалось расширеніемъ Ай-Тодорскаго имѣнія. Я испытывалъ громадное наслажденіе, сажая новыя деревья, работая на виноградникахъ и наблюдая за продажей моихъ фруктовъ, винъ и цвѣтовъ. Было что-то необыкновенно ободряющее въ возможности встать съ восходомъ солнца и говорить самому себѣ, скача верхомъ по узкой тропинкѣ, окаймленной непроходимыми насажденіями розъ: — «Вотъ это реально! Это все — мое! Это никогда мнѣ не измѣнитъ! Здѣсь мое мѣсто и здѣсь я хотѣлъ бы остаться на всю жизнь».

Скоро для нормальнаго расширенія и увеличенія моего имѣнія возникла необходимость прикупить сосѣднія земли у крымскихъ татаръ. Покупка каждой новой десятины земли доставляла мнѣ такое же наслажденіе, какъ рожденіе сына. Живописная дорога, построенная мною чрезъ мои новыя владѣнія, и соединявшая Ай-Тодоръ съ Ливадіей, получила впослѣдствіи названіе «Императорской дороги», такъ какъ Никки и Аликсъ шли по ней при своихъ ежедневныхъ визитахъ къ намъ. Я никогда не упрекалъ Никки за мое отчисленіе изъ флота. Я огорчался неустойчивостью его характера, но мнѣ не хотѣлось портить ему крымской идилліи разговорами, которые могли быть непріятными намъ обоимъ.

Княгиня Зинаида Юсупова часто дѣлила наше общество во время нашихъ пикниковъ и увеселеній. Наша дружба началась еще въ семидесятыхъ годахъ, въ С. Пе-

тербургѣ, когда мы по воскресеньямъ катались вмѣстѣ на конькахъ. Женщина рѣдкой красоты и глубокой духовной культуры, она мужественно переносила тяготы своего громаднаго состоянія, жертвуя милліоны на дѣла благотворительности и стараясь облегчить человѣческую нужду. Она вышла замужъ за нѣсколько лѣтъ до моей свадьбы и пріѣхала въ Ай-Тодоръ въ сопровожденіи своего красавца сына Феликса. Тогда я не предполагалъ, что восемнадцать лѣтъ спустя моя маленькая Ирина будетъ его женой.

Прошло три года. Я былъ счастливъ въ моей семейной жизни. Къ сожалѣнію, я не могъ, живя въ Петербургѣ, оставаться празднымъ, и я посвятилъ свое время изданію Морского Ежегодника, а также сотрудничеству въ другихъ изданіяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ военно-морскимъ вопросамъ. Это было тяжело, такъ какъ лишній разъ доказывало, что нельзя превратить моряка въ сухопутнаго человѣка. Мнѣ кажется, что я бы съ удовольствіемъ остался навсегда въ Ай-Тодорѣ, вполнѣ удовлетворенный путешествіями на моей яхтѣ «Тамарѣ» и созерцаніемъ отблеска лучей нашего маяка на волнахъ. Но страсть моряка была у меня въ крови. Напрасно я пробовалъ заинтересоваться общей политикой и предпринять что-либо внѣ области военнаго флота. Но тотчасъ же въ моемъ мозгу возникала карта, съ намѣченнымъ на ней маршрутомъ плаванія воображаемаго крейсера, или же я съ увлеченіемъ игралъ въ морскую игру, изобрѣтенную мною въ 1897 году и принятую въ Морскомъ училищѣ.

Въ 1899 году я болѣе не могъ уже выдержать. Я попросилъ Никки выяснить настроеніе дяди Алексѣя. Я надѣялся, что три года обильныхъ возліяній и общества хорошенькихъ женщинъ заставили Генералъ-Адмирала забыть нанесенную ему обиду.

Въ отвѣтъ на вопросъ Государя, дядя Алексѣй любезно улыбнулся.

— Наконецъ-то нашъ «кавказскій мятежникъ» и сѣятель раздора Сандро понялъ свои ошибки!

— Да, дядя Алексѣй, подтвердилъ Никки — я не сомнѣваюсь, что Сандро раскаялся.

— Хорошо! Хорошо! Спасибо за добрыя вѣсти! Скажи ему, что я согласенъ забыть его невозможное поведеніе три года тому назадъ. Я назначу его помощникомъ командира судна береговой обороны.

Лѣтомъ того же года мы потеряли Жоржа (Георгія Александровича). У него случилось внутреннее кровоизліяніе въ то время, какъ онъ предпринималъ свою обычную утреннюю поѣздку на мотоциклетѣ, и онъ скончался въ избѣ одной крестьянки въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Аббасъ-Тумана. Это была третья жертва туберкулеза въ Императорской семьѣ. Отъ той же болѣзни умеръ мой младшій братъ Алексѣй Михайловичъ въ 1895 году и мой двоюродный братъ Вячеславъ Константиновичъ въ 1882 году

2.

Въ новомъ 1900 году мечта моей жизни — мечта каждаго моряка — наконецъ осуществилась. Я былъ произведенъ въ чинъ капитана I ранга и назначенъ командиромъ броненосца Черноморскаго флота «Ростиславъ». Это назначеніе, совпавъ съ началомъ новаго столѣтія, когда мнѣ исполнилось тридцать четыре года, казалось счастливымъ предзнаменованіемъ въ моей предстоящей карьерѣ. Вѣроятно, это и было бы такъ, если бы меня оставили въ покоѣ съ моимъ кораблемъ и моей семьей.

Когда я вернулся въ С. Петербургъ послѣ одного изъ моихъ лѣтнихъ плаваній на «Ростиславѣ», Никки просилъ меня совмѣщать мои обязанности командира броненосца съ предсѣдательствованіемъ въ одномъ значительномъ предпріятіи, которое замышлялось на Дальнемъ Востокѣ. Дѣло въ томъ, что группа предпринимателей изъ Владивостока получила отъ Корейскаго правительства концессію на эксплоатацію корейскихъ лѣсовъ расположенныхъ между нашей границей и р. Ялу. Испытывая нужду въ оборотныхъ средствахъ, они обратились къ министру двора съ ходатайствомъ о финансированіи этого дѣла Государемъ. Свѣдущіе люди, посланные въ Корею министромъ двора, не скупились на похвалы, излагая всѣ преимущества, которыя выпадаютъ на долю Россіи, если она

пріобрѣтеть эту концессію. На основаніи добытыхъ ими свѣдѣній, можно было также предположить, что область по обѣимъ сторонамъ р. Ялу заключала въ себѣ и золотоносныя земли. Это предложеніе представлялось чрезвычайно заманчивымъ, но, конечно, требовало, при осуществленіи, большой осторожности и такта. Разговаривая по этому поводу съ Никки, я сдѣлалъ особое удареніе на словѣ «тактъ». Я опасался безтактности нашей дипломатіи, которая, преклоняясь передъ западными державами, относилась къ Японіи высокомѣрно. Совершенно не отдавая себѣ отчета о военной силѣ Имперіи Восходящаго Солнца, русскіе дипломаты, возсѣдая за столами своихъ петербургскихъ кабинетовъ, мечтали о подвигахъ Гастингса и Клайва. Планъ ихъ сводился къ тому, чтобы сдѣлать изъ Манджуріи для Россіи то, чѣмъ была Индія для Великобританіи. Подъ давленіемъ этихъ дипломатовъ, наше правительство за нѣсколько лѣтъ до того рѣшило оккупировать Квантунскій полуостровъ и проводить Сибирскую магистраль прямо чрезъ Манджурію. Этотъ дерзкій захватъ китайской территоріи и порта, занятаго японцами въ 1894 году, но уступленнаго ими китайцамъ, вызвалъ негодующіе протесты Токійскаго кабинета. Графъ Ито прибылъ въ С. Петербургъ и предложилъ уладить конфликтъ мирнымъ путемъ. Это ему не удалось, и ему оставалось только заключить союзъ съ Великобританіей, направленный противъ Россіи. Въ дипломатическомъ мірѣ не было секретомъ, что Государь Императоръ далъ свое согласіе на рядъ авантюръ на Дальнемъ Востокѣ, потому что слушался вѣроломныхъ совѣтовъ Вильгельма II. Ни въ комъ также не вызвало сомнѣній, что если Россія будетъ продолжать настаивать на своихъ притязаніяхъ на Манджурію, то война между Россіей и Японіей неизбѣжна.

— Развѣ мы хотимъ войны съ Японіей?—спросилъ я у Никки.—Если мы ея дѣйствительно хотимъ, то мы должны немедленно начать постройку второй колеи Сибирскаго пути, сосредоточить наши войска въ Восточной Сибири и построить значительное количество современныхъ военныхъ судовъ.

Государь только покачалъ головой и отвѣтилъ, что я придаю слишкомъ много значенія слухамъ. Нѣтъ, пока

онъ былъ на престолѣ, онъ, конечно, не ожидалъ войны ни съ Японіей, ни съ какимъ-либо другимъ государствомъ. Его отвѣты звучали очень увѣренно. Я принялъ предложеніе встать во главѣ дѣла по эксплуатаціи лѣсной концессіи на Ялу.

Прошелъ годъ. Я получилъ свѣдѣнія, что русская дипломатія рѣшилась на новую авантюру. На этотъ разъ она собиралась продолжить Сибирскій путь до границы Кореи и объявить эту страну аннексированной Россійской Имперіей. Я сѣлъ и написалъ очень рѣзкое письмо министру двора барону Фредериксу, въ которомъ сообщалъ ему, что слагаю съ себя полномочія по руководству дѣломъ концессіи на Ялу и предсказываю въ ближайшемъ будущемъ войну съ Японіей. Я не пожалѣлъ словъ, чтобы выразить свое крайнее неудовольствіе. Я заявилъ, что, какъ «вѣрноподданный Государя и человѣкъ, не утратившій здраваго смысла, я отказываюсь имѣть что-либо общее съ планами, которые ставятъ подъ угрозу сотни тысячъ невинныхъ русскихъ людей». Фредериксъ пожаловался Государю. Никки былъ очень огорченъ моими рѣзкими словами и просилъ меня измѣнить мое рѣшеніе. Я отвѣтилъ довольно запальчиво «нѣтъ».

Во всякомъ иномъ случаѣ уходъ отъ дѣла его главнаго руководителя дѣлается всегда достояніемъ гласности, но баронъ Фредериксъ полагалъ, что, если мое разногласіе съ Царемъ получитъ огласку, то это можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на ходъ дѣла на Дальнемъ Востокѣ. Внѣ небольшого круга нашихъ родственниковъ и друзей никто такъ и не узналъ, что Великій Князь Александръ Михайловичъ пересталъ участвовать въ работахъ комиссіи по эксплоатаціи лѣсной концессіи на Ялу. Это случилось въ 1902 г. Два года спустя въ политическихъ кругахъ утверждали, что виновникъ русско-японской войны былъ зять Государя съ его «авантюрой» на Ялу! Только послѣ того, какъ большевики опубликовали документы, найденные въ архивахъ министерства двора, роль, которую я сыгралъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ русско-японской войнѣ, перестала быть секретомъ.

3.

Я искалъ снова утѣшенія на борту «Ростислава» и на виноградникахъ Ай-Тодора, но все же согласился еще разъ принять на себя офиціальный постъ. На этотъ разъ въ своемъ рѣшеніи былъ виноватъ исключительно я самъ.

Во время моихъ частыхъ бесѣдъ съ Никки, я просилъ его сдѣлать что-нибудь для развитія нашего коммерческаго флота и улучшенія русскихъ торговыхъ портовъ. Я предложилъ, чтобы Государь создалъ особое управленіе торговаго мореплаванія, изъявъ эту важную отрасль государственной жизни изъ вѣдѣнія Министерства Финансовъ. Государь наконецъ рѣшилъ, что я буду начальникомъ главнаго управленія торговаго мореплаванія на правахъ министра. 6 декабря 1902 г. я былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и, по своей новой должности, занялъ мѣсто въ совѣтѣ министровъ, какъ самый молодой членъ правительства въ исторіи Имперіи.

До этого дня я былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ министромъ финансовъ С. Ю. Витте. Онъ былъ ко мнѣ расположенъ, а мнѣ нравилась широта его взглядовъ и оригинальность методовъ управленія. Мы часто съ нимъ видѣлись и вели продолжительныя бесѣды. Все это внезапно оборвалось въ день моего назначенія. Созвучіе слова порты съ русскимъ простонароднымъ выраженіемъ, изображающимъ извѣстную часть мужского гардероба, дало поводъ столичнымъ острякамъ говорить, что «Великій Князь Александръ Михайловичъ снялъ съ Витте порты».

Какъ это ни странно, но этотъ выдающійся человѣкъ палъ жертвой собственной боязни сдѣлаться смѣшнымъ. Еще нѣсколько бойкихъ статей въ столичныхъ газетахъ на ту же тему, и Витте началъ ненавидѣть меня. Я думаю, что, если бы Витте имѣлъ возможность объявить мнѣ открытую войну, онъ чувствовалъ бы себя лучше. Но необходимость относиться ко мнѣ со всѣмъ уваженіемъ, котораго требовало мое положеніе Великаго Князя, причиняла ему невыразимыя страданія. Въ совѣтѣ министровъ онъ мнѣ никогда не противорѣчилъ. Онъ смо-

трѣлъ на меня съ любезной улыбкой, но эта мина никогда не могла скрыть отъ меня его враждебности. Онъ боролся со мною всѣми тайными способами, которыми располагалъ министръ финансовъ. Онъ представлялъ Государю одинъ докладъ за другимъ, жалуясь на «непосильныя тяготы, которыя обременяли русскій бюджетъ дорого стоющія начинанія начальника главнаго управленія портовъ и торговаго мореплаванія».

Въ газетахъ начали появляться статьи, инспирированныя Витте, съ рѣзкой критикой по адресу моего вѣдомства. Остальные члены совѣта министровъ, за исключеніемъ военнаго и морского министровъ, сплотились вокругъ своего всесильнаго коллеги и раздѣляли его ненависть къ втершемуся въ ихъ среду Великому Князю. На мою долю выпадала тяжелая борьба. Мнѣ пришлось бы вести ее одному, если бы не горячая поддержка, оказанная мнѣ тѣми кругами, которые были заинтересованы въ развитіи нашей внѣшней торговли. Мнѣ удалось добиться отъ нашего тяжелаго на подъемъ правительства, чтобы была организована новая пароходная линія, соединявшая наши южные порты съ Персидскимъ заливомъ и обезпечена значительная субсидія отъ правительства четыремъ русскимъ пароходнымъ обществамъ, которыя начали успѣшно конкурировать съ нѣмцами и англичанами.

Эта первая моя побѣда придала мнѣ храбрости, и я могъ приступить къ осуществленію моего «десятилѣтняго плана», который устанавливалъ бюджетъ нашего торговаго мореплаванія на десять лѣтъ впередъ и страховалъ русскихъ пароходовладѣльцевъ отъ измѣнчивости настроеній въ средѣ совѣта министровъ.

Между тѣмъ проблема развитія нашей нефтяной промышленности требовала отъ насъ новыхъ усилій. Я предложилъ Государю, чтобы наше правительство создало общество для эксплоатаціи нефтяныхъ промысловъ, находившихся въ Баку. Мнѣ безъ особаго труда удалось доказать, что прибыль, полученная отъ продажи нефтяныхъ продуктовъ, легко покроетъ расходы по осуществленію широкой программы коммерческаго судостроенія и даже дастъ значительный излишекъ для различныхъ усовершенствованій. Это простое и вполнѣ логическое предложе-

ніе вызвало бурю протестовъ. Меня обвиняли въ желаніи втянуть императорское правительство въ спекуляцію. Про меня говорили, что я «соціалистъ», «разрушитель основъ», «врагъ священныхъ прерогативъ частнаго предпринимателя» и т. д.

Большинство министровъ было противъ меня. Нефтеносныя земли были проданы за безцѣнокъ предпріимчивымъ армянамъ. Тотъ, кто знаетъ довоенную цѣнность предпріятій «армянскаго треста» въ Баку, пойметъ, какія громадныя суммы были потеряны для русскаго государственнаго казначейства безвозвратно.

4.

22 января 1903 г. «весь» Петербургъ танцовалъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Я точно помню эту дату, такъ какъ это былъ послѣдній большой придворный балъ въ исторіи Имперіи.

Почти четверть столѣтія прошло съ той достопамятной ночи, когда я и Никки смотрѣли на появленіе Царя Освободителя подъ руку съ княгиней подъ сводами этихъ залъ, отражавшихъ въ своихъ зеркалахъ семь поколѣній Романовыхъ. Внѣшность кавалергардовъ оставалась все та же, но лицо Имперіи рѣзко измѣнилось. Новая, враждебная Россія смотрѣла чрезъ громадныя окна дворца. Я грустно улыбнулся, когда прочелъ приписку въ текстѣ приглашенія, согласно которому всѣ гости должны были быть въ русскихъ костюмахъ XVII вѣка. Хоть на одну ночь Никки хотѣлъ вернуться къ славному прошлому своего рода.

Ксенія была въ нарядѣ боярыни, богато вышитомъ, сіявшемъ драгоцѣнностями, который ей очень шелъ. Я былъ одѣтъ въ платье сокольничьяго, которое состояло изъ бѣлаго съ золотомъ кафтана, съ нашитыми на груди и спинѣ золотыми орлами, розовой шелковой рубашки, голубыхъ шароваръ и желтыхъ сафьяновыхъ сапогъ. Остальные гости слѣдовали прихоти своей фантазіи и вкуса, оставаясь, однако, въ рамкахъ эпохи XVII вѣка. Государь и Государыня вышли въ нарядахъ Московскихъ

Царя и Царицы временъ Алексѣя Михайловича. Аликсъ выглядѣла поразительно, но Государь для своего роскошнаго наряда былъ недостаточно великъ ростомъ. На балу шло соревнованіе за первенство между Великой Княгиней Елисаветой Федоровной (Эллой) и княгиней Зинаидой Юсуповой. Сердце мое ныло при видѣ этихъ двухъ «безумныхъ увлеченій» моей ранней молодости. Я танцовалъ всѣ танцы съ княгиней Юсуповой до тѣхъ поръ, пока очередь не дошла до «русской». Княгиня танцовала этотъ танецъ лучше любой заправской балерины, на мою же долю выпали аплодисменты и молчаливое восхищеніе.

Балъ прошелъ съ большимъ успѣхомъ и былъ повторенъ во всѣхъ деталяхъ чрезъ недѣлю въ домѣ богатѣйшаго графа А. Д. Шереметева.

Это замѣчательное воспроизведеніе картины XVII вѣка, вѣроятно, произвело странное впечатлѣніе на иностранныхъ дипломатовъ. Пока мы танцовали, въ Петербургѣ шли забастовки рабочихъ, и тучи все болѣе и болѣе сгущались на Дальнемъ Востокѣ. Даже наше близорукое правительство пришло къ заключенію, что необходимо «что-то» предпринять для того, чтобы успокоить всеобщія опасенія. Тогдашній военный министръ генералъ Куропаткинъ произвелъ «инспекторскій смотръ» нашихъ азіатскихъ владѣній. Конечно, онъ возвратился изъ командировки и доложилъ, что «все обстоитъ благополучно». Если ему можно было вѣрить, то наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ представлялось совершенно неуязвимымъ. Японская армія не являлась для насъ серьезной угрозой, продуктомъ пылкаго воображенія британскихъ агентовъ. Портъ-Артуръ могъ выдержать десятилѣтнюю осаду. Нашъ флотъ покажетъ микадо, «гдѣ раки зимуютъ». А наши фортификаціонныя сооруженія, воздвигнутыя нами на Кинджоускомъ перешейкѣ, были положительно неприступны.

Не было никакой возможности спорить съ этимъ слѣпымъ человѣкомъ. Я спокойно выслушалъ его докладъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда онъ его окончитъ, чтобы немедленно ѣхать въ Царское Село. «Къ чорту — церемоніи!» думалъ я по дорогѣ къ Никки: «русскій Царь долженъ знать всю правду!»

Я началъ съ того, что попросилъ Никки отнестись серьезно ко всему тому, что я буду говорить.

— Куропаткинъ или взбалмошный идіотъ, или безумецъ, или же и то, и другое вмѣстѣ. Здравомыслящій человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ прекрасныхъ боевыхъ качествахъ японской арміи. Портъ-Артуръ былъ очень хорошъ, какъ крѣпость, при старой артиллеріи, но предъ атакой современныхъ дальнобойныхъ орудій онъ не устоитъ. То же самое слѣдуетъ сказать относительно нашихъ Кинджоускихъ укрѣпленій. Японцы снесутъ ихъ, какъ карточный домикъ. Остается нашъ флотъ. Позволю себѣ сказать, что въ прошломъ году, во время нашей морской игры въ Морскомъ Училищѣ, я игралъ на сторонѣ японцевъ и, хотя я не обладаю опытомъ адмираловъ микадо, я разбилъ русскій флотъ и сдѣлалъ успѣшную вылазку у Портъ-Артурскихъ фортовъ.

— Что даетъ тебѣ основаніе думать, Сандро, что ты болѣе компетентенъ въ оцѣнкѣ вооруженныхъ силъ Японіи, чѣмъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ военачальниковъ? — съ оттѣнкомъ сарказма спросилъ меня Государь.

— Мое знаніе японцевъ, Никки. Я изучалъ ихъ армію не изъ оконъ салонъ-вагона и не за столомъ канцеляріи военнаго министерства. Я жилъ въ Японіи въ теченіе двухъ лѣтъ. Я наблюдалъ японцевъ ежедневно, встрѣчаясь съ самыми разнообразными слоями общества. Смѣйся, если хочешь, но Японія — это нація великолѣпныхъ солдатъ.

Никки пожалъ плечами.

— Русскій Императоръ не имѣетъ права противопоставлять мнѣніе своего зятя мнѣнію общепризнанныхъ авторитетовъ.

Я вернулся къ себѣ, давъ себѣ словъ никогда не давать болѣе совѣтовъ.

Ранней весною мы переѣхали въ Гатчину, а въ іюнѣ — въ Петергофъ, по заведенному разъ навсегда обычаю, какъ будто все было въ полномъ порядкѣ.

Однажды утромъ — это было въ іюлѣ — позвонили по телефону изъ Михайловскаго дворца. Моего отца постигъ ударъ, и онъ былъ найденъ лежащимъ въ безсознательномъ состояніи на полу спальной.

Въ теченіе трехъ недѣль онъ находился между жизнью и смертью, и мы ухаживали за нимъ днемъ и ночью. Было безконечно тяжело смотрѣть на этого гиганта, который вдругъ оказался безпомощнымъ, какъ ребенокъ, и потерялъ даръ рѣчи. Въ возрастѣ семидесяти одного года, переживъ трехъ Императоровъ, онъ невыразимо страдалъ отъ мысли, что ему приходится умирать въ столь тяжелый для Россіи часъ. Однако, его нечеловѣческая воля къ жизни спасла его: въ серединѣ августа онъ сталъ говорить, и въ его правой половинѣ появились признаки улучшенія. Въ сопровожденіи двухъ докторовъ и трехъ адъютантовъ онъ поѣхалъ въ спеціальномъ поѣздѣ въ Канны. Судьбѣ было угодно, чтобы онъ прожилъ еще шесть лѣтъ и увидѣлъ разгромъ русской арміи.

5.

Сентябрь я провелъ въ Ай-Тодорѣ и вернулся обратно въ Петербургъ въ октябрѣ. Я проводилъ много времени на службѣ. Засѣданія Государственнаго Совѣта протекали какъ-то странно не подъ предсѣдательствомъ моего отца. Мои дѣти подрастали. Я долженъ былъ снова нанять уже для нихъ моихъ прежнихъ враговъ — преподавателей и наставниковъ. Веселье наступившаго свѣтскаго сезона носило натянутый характеръ. Наступилъ канунъ Новаго 1904 года, но пожеланія счастья на Новый Годъ звучали какъ-то саркастически.

Я рѣшилъ провести январь въ Каннахъ, чтобы лично убѣдиться въ улучшеніи состоянія здоровья моего отца. Въ день своего отъѣзда я видѣлся съ Никки. Чтобы уѣхать за-границу, мы, Великіе Князья, офиціально должны были испрашивать разрѣшенія Государя. Неофиціально же все сводилось къ прощальному свиданію въ дружественной обстановкѣ обѣденнаго стола.

Императрица была беременна, и Никки надѣялся, что на этотъ разъ родится мальчикъ. Мы сидѣли послѣ завтрака въ кабинетѣ Государя, курили и разговаривали о незначительныхъ вещахъ. Онъ ни слова не говорилъ о положеніи на Дальнемъ Востокѣ и казался веселымъ.

Это была его обычная манера избѣгать разговоровъ на неприятныя темы.

Я насторожился.

— Въ народѣ идутъ толки о близости войны, — сказалъ я.

Государь продолжалъ курить.

— Ты все еще намѣренъ избѣгнуть войны во что бы то ни стало?

-- Нѣтъ никакого основанія говорить о войнѣ, — сухо отвѣтилъ онъ.

— Но какимъ способомъ надѣешься ты предотвратить объявленіе японцами войны Россіи, если ты не соглашаешься на ихъ требованія?

— Японцы намъ войны не объявятъ.

— Почему?

— Они не посмѣютъ.

— Что же ты примешь требованія Японіи?

— Это становится наконецъ скучнымъ, Сандро. Я тебя увѣряю, что войны не будетъ ни съ Японіей, ни съ кѣмъ бы то ни было.

— Дай-то Богъ!

— Это такъ и есть!

Нелѣпый и дикій разговоръ! Я уѣхалъ въ Канны. Три недѣли спустя, на моемъ обратномъ пути выйдя изъ поѣзда на Ліонскомъ вокзалѣ въ Парижѣ, я прочелъ въ газетѣ громадный заголовокъ:

«Японскіе миноносцы произвели внезапную атаку на русскую эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура».

Вѣрные своимъ восточнымъ обычаямъ, они сперва нанесли ударъ, а потомъ объявили намъ войну.

ГЛАВА XIV.

Тысяча девятьсотъ пятый годъ.

1.

Я видѣлъ Никки въ день моего возвращенія изъ Каннъ въ С. Петербургъ. Онъ стоялъ, угрюмый и разстроенный въ кабинетѣ своего отца у окна въ Аничковомъ дворцѣ. Глаза его были устремлены невидящимъ взглядомъ на большія окна. Казалось, онъ слѣдилъ за каплями падавшаго дождя.

Мое появленіе смутило его. Лицо его подернула судорога. Онъ ждалъ тяжелаго объясненія, града упрековъ за прошлое. Я поторопился всѣ его опасенія устранить.

— Я пришелъ къ тебѣ, Никки, — сказалъ я спокойно: — чтобы получить у тебя разрѣшеніе на отъѣздъ въ Портъ-Артуръ. Надѣюсь, что ты сочувствуешь моему вполнѣ естественному желанію быть въ настоящее время вмѣстѣ съ моими соплавателями.

Лицо его прояснилось.

— Я всецѣло понимаю тебя, но я не могу отпустить тебя. Ты мнѣ будешь нуженъ въ Петербургѣ. Я хочу воспользоваться твоимъ опытомъ. Ты долженъ немедленно повидаться съ дядей Алексѣемъ и морскимъ министромъ.

Въ теченіе часа я старался ему доказать, что я могъ бы принести гораздо большую пользу въ Портъ-Артурѣ,

чѣмъ въ столицѣ, но Государь не соглашался. Я подозрѣвалъ, что на него повліяли его мать и Ксенія, которыя не хотѣли подвергать меня непосредственно опасности.

Въ тотъ же день я встрѣтилъ адмирала Авелана, моего бывшаго командира по «Рындѣ», превосходнаго моряка, который, однако, совершенно не подходилъ для административнаго поста морского министра. Ни онъ, ни начальникъ главнаго морского штаба адмиралъ Рождественскій не могли мнѣ объяснить, что же теперь произойдетъ и какимъ образомъ мы съ нашими сорока пятью боевыми единицами, составлявшими Тихоокеанскую эскадру, сможемъ одержать побѣду надъ японскими судами, построенными на англійскихъ судостроительныхъ верфяхъ?

Отъ волненія налитые кровью глаза Авелана лѣзли буквально на лобъ. Рождественскій же заявилъ, что готовъ немедленно отправиться въ Портъ-Артуръ и встрѣтиться съ японцами лицомъ къ лицу. Его почти Нельсоновская рѣчь звучала комично въ устахъ человѣка, которому была ввѣрена почти вся власть надъ нашимъ флотомъ. Я напомнилъ ему, что Россія въ правѣ ожидать отъ своихъ морскихъ начальниковъ чего-нибудь болѣе существеннаго, чѣмъ готовности пойти ко дну.

— Что я могу сдѣлать, — воскликнулъ онъ: — общественное мнѣніе должно быть удовлетворено. Я знаю это. Я вполнѣ отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго шанса побѣдить въ борьбѣ съ японцами.

— Отчего вы не думали объ этомъ раньше, когда высмѣивали моряковъ микадо?

— Я не высмѣивалъ,— упрямо возразилъ Рождественскій: — Я готовъ на самую большую жертву. Это тотъ максимумъ, который можно ожидать отъ человѣка.

И этотъ человѣкъ съ психологіей самоубійцы, собирался командовать нашимъ флотомъ! Я былъ глубоко потрясенъ и, забывъ общеизвѣстныя черты характера нашего милѣйшаго Генералъ-Адмирала, отправился къ дядѣ Алексѣю. Свиданіе носило скорѣе комическій характеръ. Всѣ вооруженныя силы Микадо на сушѣ и на морѣ не могли смутить оптимизма дяди Алексѣя. Его девизъ былъ неизмѣненъ: — «Мнѣ на все наплевать». Какимъ

образомъ должны были проучить наши «орлы» «желтолицыхъ обезьянъ» такъ и осталось для меня тайной. Покончивъ такимъ образомъ со всѣми этими вопросами, онъ заговорилъ о послѣднихъ новостяхъ Ривьеры. Что далъ бы онъ, чтобы очутиться въ Монте-Карло. Пошли вопросы: видѣлъ ли я миссъ X. и понравилась ли мнѣ миссъ У.? Не соберусь ли я къ нему пообѣдать и вспомнить старое? Его поваръ изобрѣлъ новый способъ приготовленія стерляди, представлявшій собою величайшее достиженіе кулинарнаго искусства, и т. д.

Главнокомандующимъ нашей арміей въ Манджуріи былъ назначенъ генералъ Куропаткинъ. Въ противоположность нашимъ морскимъ начальникамъ, Куропаткинъ былъ полонъ оптимизма и уже побѣдилъ японцевъ по всему фронту задолго до того, какъ его поѣздъ выѣхалъ изъ Петербурга на Дальній Востокъ. Типичный офицеръ Генеральнаго Штаба, онъ всецѣло полагался на свои теоретическіе расчеты, диспозиціи и т. п. Что бы ни предприняли японцы, у Куропаткина имѣлся про запасъ контръ-маневръ. Онъ очень охотно бесѣдовалъ съ петербургскими журналистами, и давалъ подробные интервью.

А въ это время безконечные воинскіе поѣзда медленно переползали чрезъ Уралъ. Три четверти солдатъ, которые должны были драться, только наканунѣ узнали о существованіи японцевъ. Имъ казалось непонятнымъ оставлять родныя мѣста и рисковать своими жизнями въ войнѣ съ народомъ, который не причинилъ имъ никакого непосредственнаго зла.

— Далеко ли до фронта? — спрашивали они своихъ офицеровъ.

— Около семи тысячъ верстъ.

Семь тысячъ верстъ. Даже словоохотливый главнокомандующій русской арміей не могъ бы объяснить этимъ солдатамъ, для чего понадобилось Россіи воевать со страной, расположенной на разстояніе семи тысячъ верстъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ русскій мужикъ трудился въ потѣ лица своего.

2.

Безцѣльно пересказывать вновь эпопею русско-японской войны. Въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ мы шли

отъ одного пораженія къ другому. Когда она окончилась, и Витте удалось заставить японцевъ принять довольно сносныя условія мира, наши генералы заявили, что, если бы у нихъ было больше времени, они могли бы выиграть войну. Я же полагалъ, что имъ нужно было дать двадцать лѣтъ для того, чтобы они могли поразмыслить надъ своей преступной небрежностью. Ни одинъ народъ не выигрывалъ и не могъ выиграть войны, борясь съ непріятелемъ, находившимся на разстояніи семи тысячъ верстъ и въ то время, какъ внутри страны революція вонзала ножъ въ спину арміи.

Мое личное участіе въ войнѣ 1904—5 г. г. оказалось весьма неудачнымъ. Въ февралѣ 1904 г. Государь возложилъ на меня задачу организовать такъ называемую «крейсерскую войну», имѣвшую цѣлью слѣдить за контрабандой, которая направлялась въ Японію. Получивъ необходимыя данныя изъ нашей контръ-развѣдки, я выработалъ планъ крейсерской войны, который былъ утвержденъ совѣтомъ министровъ и который заключался въ томъ, что русская эскадра изъ легко вооруженныхъ пассажирскихъ судовъ должна была имѣть наблюденіе за путями сообщенія въ Японію. При помощи своихъ агентовъ, я пріобрѣлъ въ Гамбургѣ у «Гамбургъ-Американской линіи» четыре парохода по 12.000 тоннъ водоизмѣщенія. Эти суда, соединенныя съ нѣсколькими пароходами Добровольнаго Флота, составляли ядро эскадры для крейсерской войны. Они были снабжены артиллеріей крупнаго калибра и были поставлены подъ начальство опытныхъ и бравыхъ моряковъ.

Замаскировавъ движеніе избраніемъ направленія, казавшагося совершенно невиннымъ, наша флотилія появилась въ Красномъ морѣ какъ разъ во время, чтобы захватить армаду изъ 12 судовъ, нагруженныхъ огнестрѣльными припасами и сырьемъ и направлявшихся въ Японію. Добытый такимъ образомъ цѣнный грузъ возмѣщалъ расходы, понесенные на выполненіе моего плана. Я надѣялся получить Высочайшую благодарность. Однако, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ бросился въ Царское Село съ пачкой телеграммъ: въ Берлинѣ и въ Лондонѣ забили тревогу. Британское министерство иностранныхъ дѣлъ выражало «рѣшительный протестъ»,

Вильгельмъ II шелъ еще дальше и отзывался о дѣйствіяхъ нашей эскадры, какъ «о небываломъ актѣ пиратства, способномъ вызвать международныя осложненія».

Получивъ вызовъ по телефону, я поспѣшилъ въ Царское Село и засталъ Никки и министра иностранныхъ дѣлъ въ полномъ отчаяніи. Дядя Алексѣй и адмиралъ Авеланъ сидѣли въ креслахъ тутъ же съ видомъ напроказившихъ дѣтей, пойманныхъ за кражей сладкаго. Въ роли «дурного мальчика», соблазнившаго ихъ на этотъ поступокъ оказался я, и всѣ стремились возложить на меня всю отвѣтственность за происшедшее. Никки, казалось, забылъ, что идея «крейсерской войны» родилась въ его присутствіи, и онъ выразилъ тогда свое полное согласіе на ея осуществленіе. Теперь онъ требовалъ объясненій.

— Какія же объясненія? — воскликнулъ я, искренно удивленный: — Съ какихъ поръ великая держава должна приносить извиненія за то, что контрабанда, адресованная ея противнику, не дошла по назначенію? Зачѣмъ мы послали наши крейсера въ Красное море, какъ не съ цѣлью ловить контрабанду? Что это война или же обмѣнъ любезностями между дипломатическими канцеляріями?

— Но развѣ, Ваше Высочество, не понимаете,—кричалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, впавшій повидимому въ окончательное дѣтство.—Мы рискуемъ тѣмъ, что намъ будетъ объявлена война Великобританіей и Германіей. Развѣ вы не понимаете, на что намекаетъ Вильгельмъ въ своей ужасной телеграммѣ?

— Нѣтъ, не понимаю. Болѣе того, я сомнѣваюсь, знаетъ ли самъ германскій императоръ, что онъ хотѣлъ выразить своей телеграммой. Мнѣ ясно только одно: онъ по обыкновенію ведетъ двойную игру. Другъ онъ намъ или не другъ? Чего же стоятъ его разсужденія о необходимости единенія всѣхъ бѣлыхъ предъ лицомъ желтой опасности?

— Вы видите, — продолжалъ кричать министръ иностранныхъ дѣлъ: — Его Высочество совершенно не отдаетъ себѣ отчета въ серьезности создавшагося положенія. Онъ даже старается оправдать дѣйствія своей эскадры.

«Своей эскадры» — я взглянулъ на адмирала Авелана и дядю Алексѣя. Мнѣ казалось, что они будутъ достаточно мужественны, чтобы опровергнуть этотъ вздоръ,

но они оба молчали. Такимъ образомъ, я оказался въ роли зачинщика, а они въ роли дѣтей, которыхъ направили на ложный путь.

— Сандро, я принялъ рѣшеніе, — сказалъ твердо Никки: — ты долженъ немедленно распорядиться, чтобы твоя эскадра освободила захваченные въ Красномъ морѣ пароходы и въ дальнѣйшемъ воздержалась отъ подобныхъ дѣйствій.

Я задыхался отъ униженія. Я думалъ объ офицерахъ и командѣ нашихъ крейсеровъ, которые такъ гордились тѣмъ, что имъ удалось совершить, и ожидали поощренія. Предо мною мелькнуло ненавистное лицо Вильгельма, который торжествовалъ свою побѣду. А мои бывшіе друзья въ Токіо. Какъ будетъ смѣяться умный графъ Ито!

Въ обычное время я подалъ бы въ отставку и отказался бы отъ всѣхъ моихъ должностей, включая начальника Главнаго управленія портовъ и торговаго мореплаванія. Но Великій Князь не имѣлъ права покидать своего Государя въ тяжелое время. Подавивъ горечь, я подчинился.

3.

Эпизодъ съ «крейсерской войной» причинилъ мнѣ громадное разочарованіе. Я надѣялся, что Никки оставитъ меня въ покоѣ, перестанетъ расчитывать на мою помощь и спрашивать моихъ совѣтовъ. Но я ошибался. Мое мнѣніе опять понадобилось. Начинался новый кошмаръ. Мы сидѣли въ Царскомъ съ Никки, дядей Алексѣемъ и Авеланомъ и обсуждали новый важный вопросъ. Намъ предстояло рѣшить, должны ли мы утвердить планъ адмирала Рождественскаго, который предлагалъ отправить наши военныя суда на Дальній Востокъ, на вѣрную гибель?

Самъ адмиралъ не питалъ какихъ-либо надеждъ на побѣду. Онъ просто думалъ о томъ, что надо «чѣмъ-нибудь удовлетворить общественное мнѣніе». Нашъ флотъ и тысячи человѣческихъ жизней должны были быть принесены въ жертву невѣжественнымъ газетнымъ «спеціалистамъ по морскимъ вопросамъ». Эти послѣдніе от-

крыли недавно существованіе нѣкоторыхъ техническихъ морскихъ терминовъ, въ родѣ «боевой коэффиціентъ», «морской тоннажъ» и т. п. и старались ежедневно доказать въ газетныхъ столбцахъ, что японцевъ можно пустить ко дну соединенными силами нашихъ тихоокеанской и балтійской эскадръ.

Никки объяснилъ намъ причину нашего совѣщанія и просилъ насъ всѣхъ искренно высказать свое мнѣніе по этому вопросу.

Дядя Алексѣй ничего не могъ сказать и имѣлъ гражданское мужество въ этомъ признаться. Авеланъ говорилъ много, но не сказалъ ничего путнаго. Его рѣчь была на тему «съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой стороны нельзя не признаться» ... Рождественскій блеснулъ еще разъ основательнымъ знаніемъ біографіи Нельсона. Я говорилъ послѣднимъ и рѣшилъ не церемониться. Къ моему величайшему удивленію было рѣшено послѣдовать моему совѣту и нашъ Балтійскій флотъ на вѣрную гибель въ Тихій океанъ не посылать.

Въ теченіе двухъ недѣль все было благополучно, но къ концу второй недѣли Никки снова измѣнилъ свое мнѣніе. Нашъ флотъ долженъ былъ все-таки отправиться на Дальній Востокъ, и я долженъ былъ сопровождать Государя въ Кронштадтъ для прощальнаго посѣщенія нашихъ кораблей. По дорогѣ въ Кронштадтъ я снова пробовалъ высказать свою точку зрѣнія и встрѣтилъ поддержку въ лицѣ весьма опытнаго флагъ-капитана императорской яхты «Штандартъ». Государь началъ снова колебаться. Въ душѣ онъ соглашался со мною.

— Дай мнѣ еще разъ поговорить съ дядей Алексѣемъ и Авеланомъ, — сказалъ онъ, когда мы переходили на яхту адмирала. — Дай мнѣ поговорить съ ними съ глазу на глазъ. Я не хочу, чтобы твои доводы на меня вліяли.

Ихъ засѣданіе длилось нѣсколько часовъ. Я же, въ роли «enfant terrible», ожидалъ ихъ на палубѣ.

— Ваша взяла, — сказалъ Авеланъ, появляясь на палубѣ: — мы приняли неизмѣнное рѣшеніе эскадры на Дальній Востокъ не посылать.

«Неизмѣнность» рѣшенія Никки продолжалась десять дней. Но онъ все же перемѣнилъ въ третій и въ по-

слѣдній разъ свое рѣшеніе. Наши суда, матросы и офицеры должны были все-таки быть принесены въ жертву на алтарь общественнаго мнѣнія.

14 мая—въ девятую годовщину коронаціи—нашъ обѣдъ былъ прерванъ прибытіемъ курьера отъ Авелана: нашъ флотъ былъ уничтоженъ японцами въ Цусимскомъ проливѣ, адмиралъ Рождественскій взятъ въ плѣнъ. Если бы я былъ на мѣстѣ Никки, я бы немедленно отрекся отъ престола. Въ Цусимскомъ пораженіи онъ не могъ винить никого, кромѣ самого себя. Онъ долженъ былъ бы признаться ,что у него недоставало рѣшимости отдать себѣ отчетъ во всѣхъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ этого самаго позорнаго въ исторіи Россіи пораженія. Государь ничего не сказалъ, по своему обыкновенію. Только смертельно поблѣднѣлъ и закурилъ папиросу.

Въ этотъ день Наслѣднику Алексѣю исполнилось ровно девять съ половиной мѣсяцевъ, и прошло немного болѣе трехъ мѣсяцевъ со дня убійства дяди Сергѣя въ Москвѣ.

4.

Вся Россія была въ огнѣ. Въ теченіе всего лѣта громадныя тучи дыма стояли надъ страной, какъ бы давая знать о томъ, что темный геній разрушенія всецѣло овладѣлъ умами крестьянства, и они рѣшили стереть всѣхъ помѣщиковъ съ лица земли. Рабочіе бастовали. Въ Черноморскомъ флотѣ произошелъ мятежъ, чуть не принявшій широкіе размѣры, если бы ни лойяльность моего бывшаго флагманскаго судна «Ростислава». Новый министръ внутреннихъ дѣлъ князь Святополкъ-Мирскій, замѣнившій убитаго Плеве, говорилъ о «своей безконечной вѣрѣ въ мудрость общественнаго мнѣнія». А тѣмъ временемъ революціонеры убивали высшихъ должностныхъ лицъ вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ Святополкъ-Мирскій произносилъ свои рѣчи. Латыши и эстонцы методически истребляли своихъ исконныхъ угнетателей — балтійскихъ бароновъ, и одинъ изъ блестящихъ полковъ гвардіи долженъ былъ нести въ Прибалтійскихъ губерніяхъ непріятную обязанность по охранѣ помѣщичьихъ усадебъ. Полиція

на мѣстахъ была въ паникѣ. Изъ всѣхъ губерній неслись вопли о помощи и просьбы прислать гвардейскія части или казаковъ. Было убито такъ много губернаторовъ, что назначеніе на этотъ постъ было равносильно смертному приговору. Заключеніе мира съ Японіей, состоявшееся благодаря дружественному вмѣшательству президента С. Ш. С. А. Рузвельта, поставило на очередь чрезвычайно сложную проблему о возвращеніи нашихъ военныхъ частей съ фронта въ Европейскую Россію, по Сибирской желѣзной дорогѣ, объятой на большей части протяженія всеобщей забастовкой.

6 августа былъ подписанъ манифестъ о созывѣ такъ называемой «Булыгинской» Государственной Думы, обладавшей законосовѣщательными правами. Эта полумѣра, вмѣсто успокоенія, лишь удвоила агрессивность революціонеровъ.

Война была окончена, но необходимо было немедленно приступить къ постройкѣ эскадры минныхъ крейсеровъ за счетъ суммъ, полученныхъ по всенародной подпискѣ, и эта новая задача была возложена Никки на меня. Я выѣхалъ въ Ай-Тодоръ. Госпиталь, который я выстроилъ въ предыдущее лѣто у себя въ имѣніи для выздоравливающихъ офицеровъ, хорошо работалъ, но революціонное движеніе захватило даже благословенный Крымъ. Для нашей охраны изъ Севастополя прибыла рота солдатъ. Мы ходили съ кислыми лицами, дѣти были подавлены. Телефонное сообщеніе съ Севастополемъ было прервано забастовкой. То же самое происходило съ почтой. Отрѣзанный отъ всего міра, я проводилъ вечера, сидя на скамейкѣ около Ай-Тодорскаго маяка, и мучительно ища выхода изъ создавшагося положенія. Чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ болѣе мнѣ становилось яснымъ, что выборъ лежалъ между удовлетвореніемъ всѣхъ требованій революціонеровъ или же объявленіемъ имъ безпощадной войны. Первое рѣшеніе привело бы Россію неизбѣжно къ соціалистической республикѣ, такъ какъ не было еще примѣровъ въ исторіи, чтобы революціи останавливались бы на полдорогѣ. Второе — возвратило бы престижъ власти. Но во всякомъ случаѣ положеніе прояснилось бы. Если Никки собирался сдѣлаться полковникомъ Романовымъ, то путь къ этому былъ чрезвычайно

простъ. Но если онъ хотѣлъ выполнить присягу и остаться монархомъ, онъ не долженъ былъ отступать ни на шагъ предъ болтунами революціи. Такимъ образомъ, было два исхода: или бѣлый флагъ капитуляціи, или же побѣдный взлетъ императорскаго штандарта. Какъ Самодержецъ Всероссійскій Николай II не могъ допустить никакой иной эмблемы на верхушкѣ шпиля царскосельскаго дворца.

Тысяча пятьсотъ верстъ отдѣляли Петербургъ отъ Ай-Тодора. Еще большее разстояніе отдѣляло мое міровоззрѣніе отъ колеблющейся натуры Императора Николая II. 17 октября 1905 г., послѣ безконечнаго совѣщанія, въ которомъ приняли участіе Витте, Великій Князь Николай Николаевичъ, министръ двора Фредериксъ, Государь подписалъ манифестъ, весь построенный на фразахъ, имѣвшихъ двойной смыслъ. Николай II отказывался удовлетворить обѣ боровшіяся силы революціи — крестьянъ и рабочихъ, но пересталъ быть самодержцемъ, несмотря на принесенную имъ во время коронованія присягу въ московскомъ Успенскомъ соборѣ — свято соблюдать обычаи своихъ предковъ. Интеллигенція получила, наконецъ, долгожданный парламентъ. Русскій Царь сталъ отнынѣ пародіей на англійскаго короля, и это въ странѣ, бывшей подъ татарскимъ игомъ въ годы великой хартіи вольностей. Сынъ императора Александра III соглашался раздѣлить свою власть съ бандой заговорщиковъ, политическихъ убійцъ и провокаторовъ департамента полиціи.

Это былъ — конецъ! Конецъ династіи, конецъ имперіи! — Прыжокъ чрезъ пропасть, сдѣланный тогда, освободилъ бы насъ отъ агоніи послѣдующихъ двѣнадцати лѣтъ!

Какъ только телеграфное сообщеніе съ Петербургомъ возстановилось, я немедленно телеграфировалъ Никки, прося объ отставкѣ отъ должности начальника Управленія портовъ и торговаго мореплаванія. Я не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ правительствомъ, идущимъ на трусливые компромисы, и менѣе всего съ группой бюрократовъ, во главѣ которой сталъ Витте, назначенный россійскимъ премьеръ-министромъ.

5.

Безчинства проклятаго 1905 г. продолжались все возрастающимъ темпомъ.

Въ концѣ октября по Россіи прокатилась волна еврейскихъ погромовъ, которые либеральный Витте не могъ остановить. Этотъ самодовольный Макіавелли воображалъ, что получитъ поддержку крайне правыхъ элементовъ, разрѣшивъ пьяной черни разрушать дома и лавки еврейскаго населенія! Онъ былъ достоинъ презрѣнія и жалости!

Кульминаціонный пунктъ кровопролитія наступилъ въ декабрѣ 1905 г., когда Л. Гв. Семеновскій полкъ долженъ былъ экстренно прибыть въ Москву на подмогу безсильной полиціи для подавленія возстанія на Прѣснѣ.

Выборы въ I Государственную Думу происходили въ атмосферѣ политическихъ убійствъ, забастовокъ, экспропріацій и пожаровъ помѣщичьихъ усадьбъ. Большевики совѣтовали своимъ сторонникамъ бойкотировать на выборахъ Государственную Думу, уступивъ поле битвы для тріумфа кадетовъ—партіи, состоявшей изъ профессоровъ, журналистовъ, докторовъ, адвокатовъ и пр., предводительствуемыхъ поклонниками англійской конституціи.

Утромъ 27 апрѣля 1906 г. вдовствующая Императрица, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Ксенія и я сопровождали Царя и Царицу изъ Петергофа въ С. Петербургъ, въ Зимній Дворецъ на открытіе I Государственной Думы.

Церемонія происходила въ томъ же залѣ, въ которомъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ Никки просилъ представителей земско-городского съѣзда забыть о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», и эта неудачная фраза стала съ тѣхъ поръ военнымъ кличемъ революціи.

Всѣ мы были въ полной парадной формѣ, а придворныя дамы — во всѣхъ своихъ драгоцѣнностяхъ. Болѣе умѣстнымъ, по моему мнѣнію, былъ бы глубокій трауръ.

Послѣ богослуженія, Никки прочелъ короткую рѣчь, въ которой подчеркивалъ задачи, стоявшія предъ чле-

нами Государственной Думы и преобразованнаго Государственнаго Совѣта. Мы слушали, стоя. Мои близкіе сказали мнѣ, что они замѣтили слезы на глазахъ вдовствующей Императрицы и Великаго Князя Владиміра Александровича. Я самъ бы не удержался отъ слезъ, если бы меня не охватило странное чувство при видѣ жгучей ненависти, которую можно было замѣтить на лицахъ нѣкоторыхъ нашихъ парламентаріевъ. Мнѣ они показались очень подозрительными, и я внимательно слѣдилъ за ними, чтобы они не слишкомъ близко подошли къ Никки.

— Я надѣюсь, что вы начнете свою работу въ дружномъ единеніи, вдохновленные искреннимъ желаніемъ оправдать довѣріе монарха и нашей великой Родины. Да благословитъ васъ Господь!

Таковы были заключительныя слова рѣчи Государя. Онъ читалъ свою рѣчь звонкимъ, внятнымъ голосомъ, сдерживая чувства и скрывая горечь.

Затѣмъ раздались крики «ура» — громкіе изъ группы членовъ Государственнаго Совѣта, слабые изъ группы членовъ Государственной Думы, и похороны самодержавія были закончены. Мы переодѣлись и возвратились въ Петергофъ.

Витте былъ уволенъ отъ должности предсѣдателя Совѣта министровъ наканунѣ открытія Думы, и во главѣ смущенныхъ сановниковъ стоялъ теперь И. Л. Горемыкинъ, дряхлый, покрытый морщинами, выглядѣвшій, какъ трупъ, поддерживаемый невидимой силой.

6.

Во дворцѣ царила подавленная атмосфера. Казалось, что приближенные Царя пугались собственной тѣни. Я задыхался. Меня тянуло къ морю. Новый морской министръ, адмиралъ Бирилевъ, предложилъ мнѣ, чтобы я принялъ на себя командованіе флотиліей минныхъ крейсеровъ Балтійскаго моря. Я немедленно согласился принять это назначеніе. Въ томъ настроеніи, въ которомъ я былъ, я согласился бы мыть палубы кораблей! Я задрожалъ отъ счастья, когда увидѣлъ мой флагъ, поднятый на «Алмазѣ», и испытывалъ живѣйшую

радость, что, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца проведу, не видя «Пляски смерти».

Ксенія и дѣти проводили лѣто въ Гатчинѣ. Разъ въ недѣлю они навѣщали меня. Мы условились, что въ моемъ присутствіи не будетъ произнесено ни одного слова о политикѣ. Все, что я зналъ о политическихъ новостяхъ — это то, что молодой, энергичный Саратовскій губернаторъ П. А. Столыпинъ замѣнилъ И. Л. Горемыкина. Мы плавали въ финскихъ водахъ на яхтѣ моего шурина Миши и говорили о вещахъ, очень далекихъ отъ новой россійской «конституціи».

Однажды пришло извѣстіе изъ Гатчины о томъ, что одинъ изъ моихъ сыновей заболѣлъ скарлатиной и находится въ тяжеломъ состояніи. Я долженъ былъ немедленно выѣхать.

— Я вернусь при первой же возможности,—обѣщалъ я своему помощнику. — Вѣроятно, на слѣдующей недѣлѣ.

Эта «слѣдующая недѣля» такъ никогда и не наступила. Черезъ три дня я получилъ отъ моего денщика, остававшагося на «Алмазѣ», записку, что экипажъ крейсера наканунѣ возстанія и ждетъ только моего возвращенія, чтобы объявить меня заложникомъ.

— Я глубоко огорченъ, Сандро, но въ данномъ случаѣ тебѣ не остается ничего другого, какъ подать въ отставку,—рѣшилъ Никки.— Правительство не можетъ рисковать выдать члена Императорской фамиліи въ руки революціонеровъ.

Я сидѣлъ за столомъ напротивъ него, опустивъ голову. У меня болѣе не было силъ спорить. Военныя пораженія, полная неудача всѣхъ моихъ усилій, рѣки крови, и — въ довершеніе всего — мои матросы, которые хотѣли захватить меня въ качествѣ заложника. Заложникъ — Такова была награда за тѣ двадцать четыре года, которые я посвятилъ флоту. Я пожертвовалъ всѣмъ — моей молодостью, моимъ самолюбіемъ, моей энергіей — во славу нашего флота. Когда я разговаривалъ съ матросами, я ни разу въ жизни не возвышалъ голоса. Я радѣлъ о ихъ пользѣ предъ адмиралами, министрами, Государемъ! Я дорожилъ моею популярностью среди флотскихъ командъ и гордился тѣмъ, что матросы на меня смотрѣ-

ли, какъ на своего отца и друга. И вдругъ — заложникъ!!!...

Мнѣ казалось, что я лишусь разсудка. Что мнѣ оставалось дѣлать? Но вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль. Подъ предлогомъ болѣзни сына я могъ уѣхать заграницу.

— Никки, — началъ я, стараясь говорить убѣдительно:—ты знаешь, что Ирина и Федоръ больны скарлатиной. Доктора находятъ, что перемѣна климата могла бы принести имъ большую пользу. Что ты скажешь, если я уѣду мѣсяца на два заграницу?

— Конечно, Сандро...

Мы обнялись. Въ этотъ день Никки былъ благороденъ. Онъ даже не подалъ вида объ истинныхъ причинахъ моего отъѣзда. Мнѣ было стыдно предъ самимъ собою, но я не могъ ничѣмъ помочь. «Я долженъ бѣжать. Долженъ». Эти слова, какъ молоты, бились въ моемъ мозгу и заставляли меня забывать о моихъ обязанностяхъ предъ престоломъ и Родиной. Но все это потеряло для меня уже смыслъ. Я ненавидѣлъ такую Россію.

ГЛАВА XV.

Біаррицъ. Начало авіаціи.

1.

Мы въ Біаррицѣ, на виллѣ Эспуаръ. Вся семья, славу Богу, со мною. Я покинулъ Россію безъ тѣни сожалѣнія. Я такъ измученъ событіями послѣднихъ лѣтъ, я такъ глубоко чувствую, что Россія на краю гибели, и никто, и ничто не въ силахъ измѣнить фатальный ходъ событій.

Въ Біаррицѣ дышится легко. Если бы я могъ, я остался бы здѣсь навсегда. Я отгоняю совѣстью эту соблазнительную мысль, я стараюсь заглушить ее голосомъ души, чувствомъ долга, — во мнѣ постоянно идетъ напряженная борьба: русскій вопросъ, Россія, мои житейскія разочарованія послѣднихъ лѣтъ, мое безсиліе помочь, спасти родину и кровная преданность ей возстаютъ противъ человѣческаго, мелкаго желанія отдыха, покоя и счастливой жизни среди своей семьи.

Мы всѣ здѣсь: Ксенія, я, шестеро дѣтей, три няни, два воспитателя: французъ и англичанинъ, воспитательница Ирины, фрейлина Ксеніи, мой адъютантъ и много служащихъ.

Ольга, сестра Ксеніи, пріѣхала въ Біаррицъ раньше насъ и живетъ въ Отель дю Палэ. Въ первое же утро послѣ нашего пріѣзда, изнывая отъ томительной сентябрьской жары, съ лицами, распухшими отъ укусовъ москитовъ, мы устремляемся на плацъ и зарываемся въ песокъ.

Напротивъ нашей виллы расположена площадка для гольфа. Я съ увлеченіемъ начинаю учиться этой игрѣ. Мы быстро входимъ въ жизнь біаррицкаго общества. Мы встрѣчаемъ много людей, устраиваемъ завтраки, обѣды, играемъ въ покеръ, въ бриджъ, ѣздимъ на пикники.

Подходитъ Рождество съ новыми развлеченіями. Ирина и Федоръ окончательно поправились. Дѣтей приглашаютъ на елки. Мы всѣ, взрослые и дѣти, веселимся и наслаждаемся простотой, легкой жизнью, — я отгоняю мысли о Россіи, — я живу, какъ живутъ сотни тысячъ людей, всецѣло отдаваясь удовольствіямъ и развлеченіямъ.

2.

Весной въ Біаррицъ пріѣзжаетъ король Эдуардъ VII Англійскій. Ксенія — племянница его жены, королевы Александры, и наши отношенія всегда отличались большой серьезностью. Король Эдуардъ поселяется въ Отелѣ дю Палэ.

Мѣстное населеніе относится къ нему съ особою теплотою. Устраивается цѣлый рядъ празднествъ. Король — удивительный человѣкъ, съ ярко выраженной личностью и большимъ обаяніемъ.

Я иногда играю съ нимъ въ бриджъ, и онъ наслаждается свободной жизнью въ Біаррицѣ, быстро завоевывая всеобщія симпатіи.

Императрица Марія Федоровна, которая плаваетъ съ королевой Александрой (своей сестрой), тоже рѣшается посѣтить Біаррицъ. Она пріѣзжаетъ въ отдѣльномъ поѣздѣ, въ сопровожденіи фрейлины Озеровой и князя Шервашидзе. Ея пріѣздъ — большое событіе для Біаррица.

Императрица поселяется въ тѣхъ же комнатахъ Отеля дю Палэ, откуда только что выѣхалъ король Эдуардъ. Она радуется, что она съ нами, ей нравятся наши друзья и нашъ образъ жизни.

Я заказываю большой автомобиль фирмѣ Делоннэ-Бельвиль, въ соотвѣтствіи съ размѣрами нашей семьи:

восемь мѣстъ внутри и два около шоффера. Я самъ управляю имъ, такъ какъ хорошо знаю мѣстность.

Наступаетъ май мѣсяцъ, лучшее время года въ Біаррицѣ. Еще не жарко, масса цвѣтовъ, поспѣваютъ ягоды, но мы должны уѣзжать.

Мы двигаемся въ путь вмѣстѣ съ Императрицей. Происходитъ нѣсколько офиціальныхъ встрѣчъ по дорогѣ. Близъ Парижа Императрицу привѣтствуетъ французскій президентъ А. Фальеръ, и, наконецъ, мы въ Россіи — въ Гатчинѣ.

Здѣсь въ концѣ іюня мѣсяца рождается Василій, наше седьмое дитя. Онъ такъ слабъ, что доктора боятся, что онъ не выживетъ и приходится срочно вызывать священника, чтобы окрестить новорожденнаго, на этотъ разъ безъ всякой торжественности. Но Василій, однако, обманулъ мрачные прогнозы докторовъ: онъ женился недавно въ Нью-Іоркѣ на княжнѣ Голицыной.

3.

Послѣ Гатчины мы живемъ въ Петергофѣ, затѣмъ въ Крыму. Я бываю повсюду, дѣлаю визиты и исполняю мои обязанности. Никки и его министры разсказываютъ мнѣ о серьезности политическаго положенія. Вторая Дума состоитъ изъ открытыхъ бунтовщиковъ, которые призываютъ страну къ возстанію. Революція назрѣваетъ. Одна надежда на твердость Столыпина. Но удастся ли ему удержать Россію на краю пропасти?

Проведя лѣто въ Крыму, мы уходимъ съ Императрицей на «Полярной Звѣздѣ» въ непродолжительное плаваніе, посѣщаемъ Норвегію, Данію, а затѣмъ мы съ Ксеніей ѣдемъ въ Баденъ-Баденъ, чтобы навѣстить моего отца. Мы находимъ его въ хорошемъ видѣ. Онъ немного можетъ ходить, и голова его свѣжа. Онъ такъ счастливъ нашему пріѣзду, особенно Ксеніи, которую онъ такъ обожаетъ. Я объѣзжаю съ Ксеніей всѣ любимыя мѣста моей матери. Мы въ автомобилѣ ѣздимъ по дорогамъ, которыя намъ были знакомы съ дѣтства. Время быстро летитъ.

Отецъ хочетъ вернуться въ Канны. Мы всѣ отправляемся туда. Отецъ по желѣзной дорогѣ, мы въ автомо-

билѣ чрезъ Швейцарію. Моя сестра (герцогиня Мекленбургъ-Шверинская) и братъ мой Михаилъ, находившійся «въ изгнаніи», встрѣчаютъ насъ въ Каннахъ. Анастасія поразительно красива — ея появленіе въ обществѣ вызываетъ повсюду восхищеніе. Михаилъ живетъ со своей женой и двумя дочерьми (теперь лэди Мильфордъ Хейвенъ и лэди Зія-Вернеръ) въ своей виллѣ «Казбекъ», которая является штабъ-квартирой ихъ безчисленныхъ друзей. Въ Каннахъ, какъ и въ Біаррицѣ, идетъ легкая, безпечная жизнь, въ которую я окунаюсь съ головой. Никакой работы, никакихъ обязанностей, только гольфъ, развлеченія и поѣздки въ Монте-Карло, гдѣ Анастасія играетъ съ большимъ азартомъ. Послѣ Каннъ, идетъ Венеція, затѣмъ Римъ.

Мы нагрянули въ Грандъ-Отель въ Римѣ всей семьей, и администрація отеля не хотѣла вѣрить тому, что всѣ эти мужчины, дамы, дѣти, няньки въ формахъ и безъ оныхъ, прислуги и воспитатели и т. п. принадлежатъ къ одной и той же семьѣ русскаго Великаго Князя. Если бы нашелся еще одинъ такой Великій Князь, администрація построила бы второй отель.

Послѣ Рима мы должны ѣхать въ Біаррицъ. Наши сундуки уже уложены и счета оплачены,какъ вдругъ сынъ мой Дмитрій начинаетъ жаловаться на головную боль. «Скарлатина» — краткій діагнозъ врачей. Ксенія и шестеро дѣтей отправляются въ Біаррицъ. Я остаюсь съ Дмитріемъ. Осложненія, обычно сопровождающія скарлатину, выражаются у Дмитрія болѣзнью уха. Въ теченіе четырехъ недѣль я сижу у постели моего сына, предаваясь горестнымъ размышленіямъ. Наконецъ, онъ поправляется и мы всѣ съѣзжаемся въ Біаррицѣ.

Въ Біаррицѣ съ прошлаго года ничего не измѣнилось. Тѣ же развлеченія, тѣ же лица, тѣ же безумства, за которыми слѣдуютъ обычныя утрызенія совѣсти. Та же легкая жизнь. Дмитрій быстро поправляется на чудномъ солнцѣ.

4.

Какъ-то утромъ, просматривая газеты,я увидѣлъ заголовки, сообщавшіе объ удачѣ полета Блеріо надъ Ла-

маншемъ. Эта новость пробудила къ жизни прежняго Великаго Князя Александра Михайловича. Будучи поклонникомъ аппаратовъ тяжелѣе воздуха еще съ того времени, когда Сантосъ-Дюмонъ леталъ вокругъ Эйфелевой башни, я понялъ, что достиженіе Блеріо давало намъ не только новый способъ передвиженія, но и новое оружіе въ случаѣ войны. Я рѣшилъ немедленно приняться за это дѣло и попытаться примѣнить аэропланы въ русской военной авіаціи. У меня еще оставались два милліона рублей, которые были въ свое время собраны по всенародной подпискѣ на постройку минныхъ крейсеровъ послѣ гибели нашего флота въ русско-японскую войну. Я запросилъ редакціи крупнѣйшихъ русскихъ газетъ, не будутъ ли жертвователи имѣть что-либо противъ того, чтобы остающіяся деньги были бы израсходованы не на постройку минныхъ крейсеровъ, а на покупку аэроплановъ? Чрезъ недѣлю я началъ получать тысячи отвѣтовъ, содержавшихъ единодушное одобреніе моему плану. Государь также одобрилъ его. Я поѣхалъ въ Парижъ и заключилъ торговое соглашеніе съ Блеріо и Вуазеномъ. Они обязались дать намъ аэропланы и инструкторовъ, я же долженъ былъ организовать аэродромъ, подыскать кадры учениковъ, оказывать имъ во всемъ содѣйствіе, а главное, конечно, снабжать ихъ денежными средствами. Послѣ этого я рѣшилъ вернуться въ Россію. Гатчина, Петергофъ, Царское Село и С. Петербургъ снова увидятъ меня въ роли новатора.

Военный министръ генералъ Сухомлиновъ затрясся отъ смѣха, когда я заговорилъ съ нимъ объ аэропланахъ.

—Я васъ правильно понялъ, Ваше Высочество,—спросилъ онъ меня между двумя приступами смѣха:—вы собираетесь примѣнить эти игрушки Блеріо въ нашей арміи? Угодно ли вамъ, чтобы наши офицеры бросили свои занятая и отправились летать чрезъ Ламаншъ, или же они должны забавляться этимъ здѣсь?

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство. Я у васъ прошу только дать мнѣ нѣсколько офицеровъ, которые поѣдутъ со мною въ Парижъ, гдѣ ихъ научатъ летать у Блеріо и Вуазена. Что же касается дальнѣйшаго, то хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ.

Государь далъ мнѣ разрѣшеніе на командировку въ Парижъ избранныхъ мною офицеровъ. Великій Князь Николай Николаевичъ не видѣлъ въ моей затѣѣ никакого смысла.

Первая группа офицеровъ выѣхала въ Парижъ, а я отправился въ Севастополь для того, чтобы выбрать мѣсто для будущаго аэродрома. Я работалъ съ прежнимъ увлеченіемъ, преодолѣвая препятствія, которыя мнѣ ставили военныя власти, не боясь насмѣшекъ и идя къ намѣченной цѣли. Къ концу осени 1908 г. мой первый аэродромъ и ангары были готовы. Весною 1909 г. мои офицеры окончили школу Блеріо. Раннимъ лѣтомъ въ Петербургѣ была установлена первая авіаціонная недѣля. Многочисленная публика — свидѣтели первыхъ русскихъ полетовъ — была въ восторгѣ и кричала ура. Сухомлиновъ нашелъ это зрѣлище очень занимательнымъ, но для арміи не видѣлъ отъ него никакой пользы.

Три мѣсяца спустя, осенью 1909 года, я пріобрѣлъ значительный участокъ земли къ западу отъ Севастополя и заложилъ первую русскую авіаціонную школу, которая во время великой войны снабжала нашу армію летчиками и наблюдателями.

Въ декабрѣ 1909 года, я получилъ извѣстіе о смерти моего отца въ Каннахъ. Ему было 77 лѣтъ и въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ инвалидомъ. Его кончина меня глубоко потрясла. Свѣтъ безъ него казался опустѣвшимъ. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ людей, которые никогда не отступали предъ выполненіемъ своего долга и жили по завѣтамъ Императора Николая I.

Русскій крейсеръ привезъ тѣло отца въ Севастополь, а оттуда мы повезли его въ Петербургъ, гдѣ оно должно было быть предано землѣ въ усыпальницѣ Петропавловской крѣпости. Дорога была грустно-знакомая и произвела на меня тягостное впечатлѣніе. Три раза въ моей жизни я путешествовалъ съ останками моихъ близкихъ. Шесть дорогихъ для меня могилъ смотрѣли на меня въ усыпальницѣ Петропавловской крѣпости: Александра II, Александра III, Великаго Князя Георгія Александровича, моего брата Алексѣя Михайловича и моихъ родителей.

5.

Я продолжалъ свою дѣятельность въ области воздухоплаванія, ѣздилъ заграницу и старался какъ можно меньше заниматься политикой.

Придворные круги были во власти двухъ противорѣчивыхъ въ своей сущности комплексовъ: зависти къ успѣшной государственной дѣятельности Столыпина и ненависти къ быстро растущему вліянію Распутина. Столыпинъ, полный творческихъ силъ, былъ геніальнымъ человѣкомъ, задушившимъ анархію. Распутинъ являлся орудіемъ въ рукахъ международныхъ авантюристовъ. Рано или поздно Государь долженъ былъ рѣшить, дастъ ли онъ возможность Столыпину осуществить задуманныя имъ реформы или же позволитъ распутинской кликѣ назначать министровъ. Отношенія мои къ Государю и къ Государынѣ были внѣшне вполнѣ дружественными. Мы продолжали встрѣчаться нѣсколько разъ въ недѣлю и приглашали другъ друга на обѣды, но прежней сердечности въ нашихъ отношеніяхъ мы возродить не могли.

Въ остальныхъ членахъ Императорской семьи чувствовалось недовольство и отсутствіе дисциплины. Въ царствованіе Императора Александра III мой бѣдный братъ Михаилъ Михайловичъ былъ высланъ заграницу за то, что вступилъ въ морганатическій бракъ съ дочерью герцога Нассаускаго. Теперь же каждый изъ Великихъ Князей считалъ возможнымъ въ выборѣ подруги жизни слѣдовать влеченіямъ своего сердца. Братъ Царя, Великій Князь Михаилъ Александровичъ женился на простой, дважды разведенной женщинѣ. Дядя Царя, Великій Князь Павелъ требовалъ для своей морганатической супруги правъ, которыя давались только особамъ королевской крови. Двоюродный братъ Царя, Великій Князь Кириллъ женился на своей двоюродной сестрѣ Дэкки (дочери Великой Княгини Маріи Александровны и герцога Эдинбургскаго) — фактъ неслыханный въ анналахъ Царской семьи и православной церкви. Всѣ эти три Великіе Князя выражали явное неуваженіе къ волѣ Государя и являлись весьма дурнымъ примѣромъ для русскаго общества. Если Никки не могъ заставить слушать-

ся своихъ родственниковъ, то еще труднѣе было ему добиться того же отъ своихъ министровъ, генераловъ и приближенныхъ. Мы несомнѣнно переживали эпоху упадка монархическаго начала.

Авіаціонная школа развивалась. Ея офицеры участвовали въ маневрахъ 1912 г. Сознаніе необходимости аэроплановъ для военныхъ цѣлей, наконецъ, проникло въ среду закоренѣлыхъ бюрократовъ Военнаго Министерства. Я заслужилъ великодушное одобреніе Государя.

— Ты былъ правъ, — сказалъ Никки во время посѣщенія Авіаціонной школы: — прости меня за то, что я относился къ твоей идеѣ недовѣрчиво. Я радуюсь, что ты побѣдилъ, Сандро. Ты доволенъ?

Я былъ и доволенъ и недоволенъ. Мой тріумфъ въ авіаціи не смягчилъ горечи моихъ неудачъ во флотѣ. Эту рану ничто не могло залѣчить. Ничто не могло заставить забыть меня кошмары 1904—1906 г. г.

6.

Между тѣмъ наши странствованія бросали насъ изъ одного конца Европы въ другой.

Традиціонная весенняя встрѣча съ королевой англійской Александрой въ Даніи. Ранній лѣтній сезонъ въ Лондонѣ. Пребываніе Ксеніи на водахъ въ Киссингенѣ или же въ Виттелѣ. Далѣе сезонъ въ Біаррицѣ. Экскурсіи дѣтей въ Швейцарію. Ранній зимній сезонъ въ Каннахъ. Мы покрывали въ вагонѣ многія тысячи километровъ.

Лѣтомъ 1913 года наша ежегодная программа мнѣ надоѣла. Ксенія и дѣти остановились въ громадномъ отелѣ въ Трепорѣ, а я отправился въ Америку. Успѣхи Куртиса и братьевъ Райтъ дѣлали мою поѣздку необходимой, но кромѣ того, мнѣ хотѣлось провести нѣсколько недѣль въ обществѣ моихъ друзей въ Филадельфіи и въ Ньюпортѣ. Мое намѣреніе вернуться чрезъ короткое время въ Соединенные Штаты обратно исполнилось ровно двадцать лѣтъ спустя.

Тѣни надвигающейся войны еще не переползли чрезъ Атлантическій океанъ, хотя уже и въ штатахъ чувствова-

лась напряженность, и банкиры покачивали головами. Мнѣ было трудно отвязаться отъ всѣхъ репортеровъ, которые хотѣли узнать мое мнѣніе о глубокихъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ Нью-Iоркѣ съ 1893 г. Я долженъ былъ высказаться о новыхъ горизонтахъ, комментировать успѣхи движенія суффражистокъ, и горѣть энтузіазмомъ по поводу будущаго автомобиля.

Въ Соединенныхъ Штатахъ произошло одно коренное измѣненіе, которое, повидимому, не было замѣчено туземными наблюдателями.

Постройка Панамскаго канала и колоссальное развитіе штатовъ по берегу Тихаго океана измѣнили характеръ американской предпріимчивости. Американская промышленность выросла до такой степени, что требовала вывоза своихъ продуктовъ затраницу. Американскіе финансисты, занимавшіе прежде деньги въ Лондонѣ, Парижѣ и въ Амстердамѣ, оказались сами въ положеніи кредиторовъ. Сельскохозяйственная республика Джефферсона уступила мѣсто царству Рокфеллеровъ, хотя американцы средняго уровня еще не понимали новаго порядка вещей, и большинство американскаго народа продолжало жить идеалами XIX вѣка.

Сколько разъ, во время моего второго пріѣзда въ Америку, посѣщая громадныя фабрики или же прислушиваясь къ объясненіямъ относительно новой части какой-нибудь сложной машины, я возвращался мыслью къ зловѣщему докладу, представленному незадолго до этого моимъ братомъ Сергѣемъ въ Петербургѣ, который имѣлъ возможность лично познакомиться въ Вѣнѣ съ лихорадочной работой, происходившей на заводахъ военнаго снабженія центральныхъ державъ.

Разница между Европой и Америкой была слишкомъ разительна.

Поздно осенью въ 1913 г. я былъ опять въ С. Петербургѣ и предсказывалъ надвигающуюся міровую войну.

— Вы можете точно предсказать, когда война начнется? — спрашивали меня умные, но иронически настроенные люди.

— Да, могу, не позже 1915 года.

— Ужасно. . .

Наступила зима 1913—14 г. г. — мой послѣдній

«свѣтскій сезонъ» въ С. Петербургѣ. Главной темой разговоровъ являлось трехсотлѣтіе Дома Романовыхъ, празднованіе котораго началось прошлой весной. Казалось, все было въ порядкѣ. Правительство увѣряло, что все шло такъ, какъ еще никогда не шло со временъ Александра III.

Въ февралѣ дочь моя Ирина вступила въ бракъ съ княземъ Ф. Ф. Юсуповымъ. Новобрачные отправились въ свадебное путешествіе въ Италію и въ Египетъ, условившись встрѣтиться съ нами въ іюнѣ.

ГЛАВА XVI.

Наканунѣ.

1.

Тотъ иностранецъ, который посѣтилъ бы С.-Петербургъ въ 1914 году, передъ самоубійствомъ Европы, почувствовалъ бы непреодолимое желаніе остаться навсегда въ блестящей столицѣ россійскихъ Императоровъ, соединявшей въ себѣ классическую красоту прямыхъ перспективъ съ пріятнымъ, увлекающимъ укладомъ жизни, космополитическимъ по формѣ, но чисто русскимъ по своей сущности. Чернокожій барменъ въ Европейской гостиницѣ, нанятый въ Кентукки, истыя парижанки-актрисы на сценѣ Михайловскаго театра, величественная архитектура Зимняго Дворца — воплощеніе генія итальянскихъ зодчихъ, сановники, завтракавшіе у Кюба до раннихъ зимнихъ сумерокъ, бѣлыя ночи въ іюнѣ, въ дымкѣ которыхъ длинноволосые студенты спорили съ жаромъ съ краснощекими барышнями о преимуществахъ германской философіи... Никто не могъ бы ошибиться относительно національности этого города, который выписывалъ шампанское изъ за границы не ящиками, а цѣлыми магазинами.

Украшеніемъ этой столицы былъ памятникъ Петра Великаго. Отлитый изъ бронзы Фальконетомъ, Императоръ стоялъ на Сенатской площади, наблюдая съ высоты четыреугольники домовъ, образующихъ прямыя перспек-

тивы. Ему удалось построить этотъ сказочный, сѣверный городъ на топкихъ финскихъ болотахъ цѣною ста двадцати шести тысячъ жизней, принесенныхъ въ жертву болотной лихорадкѣ во имя Россіи, и самодовольная усмѣшка свѣтилась на его лицѣ. Прошло двѣсти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ, стоя на берегу финскихъ водъ и глядя на полуразрушенныя деревянныя хижины рыбаковъ, рѣшилъ перенести русскую столицу изъ азіатской Москвы на берега западной Европы. Его рука затянула поводъ коня, поднявшагося на дыбы надъ пропастью. То не было мимолетной идеей скульптора, когда онъ создавалъ эту поражающую воображеніе позу: Петръ дѣйствительно спасъ нашу родину отъ прозябанія въ «азіатчинѣ» подъ властью вчерашнихъ монгольскихъ владыкъ. Онъ освободилъ своихъ нерадивыхъ подданныхъ отъ власти средневѣковыхъ суевѣрій и ударами своей дубинки заставилъ ихъ пріобщиться къ культурной семьѣ западноевропейскихъ народовъ.

Сынъ жестокаго XVII вѣка, Петръ Великій не привыкъ стѣсняться въ своихъ методахъ. Онъ твердо вѣрилъ, что въ человѣческомъ матеріалѣ въ Россіи недостатка не будетъ, и не щадилъ никого. Онъ не остановился предъ убійствомъ сына, когда убѣдился, что царевичъ Алексѣй рѣшилъ противиться его начинаніямъ. Его испуганные современники видѣли въ лицѣ Царя Антихриста, но у ногъ его памятника лежало наглядное доказательство генія Петра: блестящій С.-Петербургъ — столица самыхъ могущественныхъ властителей въ мірѣ. Петръ достигъ своей цѣли, и важность его достиженія стала еще болѣе очевидной по прошествіи двухъ столѣтій. Но въ дальнѣйшемъ это была уже задача современныхъ Романовыхъ, которые готовились праздновать трехсотлѣтіе царствованія династіи и продолжать усилія своего геніальнаго предка.

Однако, наблюдательный иностранецъ, посѣтившій Петербургъ предъ войною, испыталъ бы навѣрное чувство ростущаго безпокойства, которое отъ памятника на Сенатской площади передавалось всѣмъ, обладавшимъ способностью нѣсколько предвидѣть грядущій хаосъ. Онъ также замѣтилъ бы, что полтора милліона мужчинъ и женщинъ, жившихъ въ столицѣ Россійской Имперіи, суще-

ствовали изо дня въ день, давая бронзовому монументу пищу для размышленій о «завтрашнемъ днѣ», затуманенномъ блескомъ прекраснаго сегодня...

2.

Все въ Петербургѣ было прекрасно. Все говорило о столицѣ россійскихъ Императоровъ.

Золотой шпиль Адмиралтейства былъ виденъ издали на многія версты. Величественныя окна великокняжескихъ дворцовъ горѣли пурпуромъ въ огнѣ заката. Удары конскихъ копытъ будили на широкихъ улицахъ чуткое эхо. На набережной желтые и синіе кирасиры, на прогулкѣ послѣ завтрака, обмѣнивались взглядами съ стройными женщинами подъ вуалями. Роскошные выѣзды, съ лакеями въ декоративныхъ ливреяхъ, стояли предъ ювелирными магазинами, въ витринахъ которыхъ красовались розовые жемчуга и изумруды. Далеко, за блестящей рѣкой, съ перекинутыми чрезъ воду мостами, громоздились кирпичныя трубы большихъ фабрикъ и заводовъ. А по вечерамъ дѣвы-лебеди кружились на сценѣ императорскаго балета подъ аккомпанементъ лучшаго оркестра въ мірѣ.

Первое десятилѣтіе XX вѣка, наполненное терроромъ и убійствами, развинтило нервы русскаго общества. Всѣ слои населенія Имперіи привѣтствовали наступленіе новой эры, которая носила на себѣ отпечатокъ нормальнаго времени. Вожди революціи, разбитые въ 1905—1907 г. г., укрылись подъ благословенную сѣнь парижскихъ кафе и мансардъ, гдѣ и пребывали въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ, наблюдая развитіе событій въ далекой Россіи и философски повторяя поговорку: «Чтобы дальше прыгнуть, надо отступить».

А тѣмъ временемъ и друзья, и враги революціи ушли съ головой въ дѣловыя комбинаціи. Вчерашняя земледѣльческая Россія, привыкшая занимать деньги подъ залогъ своихъ имѣній въ Дворянскомъ банкѣ, въ пріятномъ удивленіи привѣтствовала появленіе могущественныхъ частныхъ банковъ. Выдающіеся дѣльцы петербург-

ской биржи учли всѣ выгоды этихъ общественныхъ настроеній, и приказъ покупать былъ отданъ.

Тогда же былъ созданъ знаменитый русскій «табачный трестъ», — одно изъ самыхъ большихъ промышленныхъ предпріятій того времени. Желѣзо, уголь, хлопокъ, мѣдь, сталь были захвачены группой петербургскихъ банкировъ. Бывшіе владѣльцы промышленныхъ предпріятій перебрались въ столицу, чтобы пользоваться вновь пріобрѣтенными благами жизни и свободой. Хозяина предпріятія, который зналъ каждаго рабочаго по имени, замѣнилъ дѣльный спеціалистъ, присланный изъ Петербурга. Патріархальная Русь, устоявшая предъ атаками революціонеровъ 1905 года, благодаря лойяльности мелкихъ предпринимателей, отступила предъ системой, заимствованной заграницей и не подходившей къ русскому укладу.

Это быстрое трестированіе страны, далеко опередившее ея промышленное развитіе, положило на биржѣ начало спекулятивной горячкѣ. Во время переписи населенія Петербурга, устроенной въ 1913 году, около 40.000 жителей обоего пола были зарегистрированы въ качествѣ биржевыхъ маклеровъ.

Адвокаты, врачи, педагоги, журналисты и инженеры были недовольны своими профессіями. Казалось позоромъ трудиться, чтобы зарабатывать копейки, когда открывалась полная возможность зарабатывать десятки тысячъ рублей посредствомъ покупки двухсотъ акцій «Никополь-Маріупольскаго металлургическаго общества».

Выдающіеся представители петербургскаго общества включали въ число приглашенныхъ видныхъ биржевиковъ. Офицеры гвардіи, не могшіе отличить до сихъ поръ акцій отъ облигацій, стали съ увлеченіемъ обсуждать неминуемое поднятіе цѣнъ на сталь. Свѣтскіе дэнди приводили въ полное недоумѣніе книгопродавцевъ, покупая у нихъ книги, посвященныя сокровеннымъ тайнамъ экономической науки и истолкованію смысла ежегодныхъ балансовъ акціонерныхъ обществъ. Свѣтскія львицы начали съ особымъ удовольствіемъ представлять гостямъ на своихъ журфиксахъ «прославленныхъ финансовыхъ геніевъ изъ Одессы, заработавшихъ столько-то милліоновъ на табакѣ». Отцы церкви подписывались на акціи, и оби-

тыя бархатомъ кареты архіепископовъ виднѣлись вблизи биржи.

Провинція присоединилась къ спекулятивной горячкѣ столицы, и къ осени 1913 года Россія, изъ страны праздныхъ помѣщиковъ и недоѣдавшихъ мужиковъ, превратилась въ страну, готовую къ прыжку, минуя всѣ экономическіе законы, въ царство отечественнаго Уоллъ-Стрита!

Будущее Имперіи зависѣло отъ калибра новыхъ властителей думъ, которые занялись судьбой ея финансовъ. Каждый здравомыслящій финансистъ долженъ бы былъ сознавать, что, пока русскій крестьянинъ будетъ коснѣть къ невѣжествѣ, а рабочій ютиться въ лачугахъ, трудно ожидать солидныхъ результатовъ въ области развитія русской экономической жизни. Но близорукіе дѣльцы 1913 года были мало обезпокоены отдаленнымъ будущимъ. Они были увѣрены, что сумѣютъ реализовать все вновь пріобрѣтенное до того, какъ грянетъ громъ...

3.

Племянникъ кардинала, руссккій мужикъ и банкиръ считали себя наканунѣ войны владѣльцами Россіи. Ни одинъ диктаторъ не могъ бы похвастаться ихъ положеніемъ.

Ярошинскій, Батолинъ, Путиловъ — вотъ имена, которыя знала вся Россія.

Сынъ бывшаго крѣпостного, Батолинъ началъ свою карьеру въ качествѣ разсыльнаго въ хлѣбной торговлѣ. Онъ былъ настолько бѣденъ, что впервые узналъ вкусъ мяса, когда ему исполнилось девять лѣтъ.

Путиловъ принадлежалъ къ богатой петербургской семьѣ. Человѣкъ блестящаго воспитанія, онъ проводилъ много времени заграницей и чувствовалъ себя одинаково дома на пласъ де ла Бурсъ и на Ломбардъ-Стритъ.

Годы молодости Ярошинскаго окружены тайной. Никто не могъ въ точности опредѣлить его національности. Онъ говорилъ по-польски, но циркулировали слухи, что дядя его — итальянскій кардиналъ, занимающій высокій постъ въ Ватиканѣ. Онъ прибылъ въ Петербургъ уже

будучи обладателемъ большого состоянія, которое заработалъ на сахарномъ дѣлѣ на югѣ Россіи.

Біографія этихъ трехъ «диктаторовъ», столь непохожихъ другъ на друга, придавали этой напряженной эпохѣ еще болѣе фантастическій колоритъ.

Они примѣнили къ экономической жизни Россіи систему, извѣстную у насъ подъ именемъ «американской», но имѣющую въ С. Ш. С. А. другое названіе. Никакихъ чудесъ они не творили. Ростъ ихъ состоянія былъ возможенъ только благодаря несовершенству русскихъ законовъ, которые регулировали дѣятельность банковъ.

Министръ финансовъ держался отъ всего этого въ сторонѣ и съ молчаливымъ восхищеніемъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ этотъ побѣдоносный тріумвиратъ все покорялъ «подъ нози своя». Отъ пляски феерическихъ кушей кружилась голова, и министръ финансовъ имѣлъ полное основаніе считать, что его постъ лишь переходная ступень къ креслу предсѣдателя какого-нибудь частнаго банка.

Радикальная печать, неутомимая въ своихъ нападкахъ на правительство, въ отношеніи трестовъ хранила гробовое молчаніе, что являлось вполнѣ естественнымъ, въ особенности если принять во вниманіе, что имъ принадлежали самыя крупныя и вліятельныя ежедневныя газеты въ обѣихъ столицахъ.

Въ планы этой группы входило заигрываніе съ представителями нашихъ оппозиціонныхъ партій. Вотъ почему Максиму Горькому Сибирскимъ банкомъ были даны средства на изданіе въ С.-Петербургѣ ежедневной газеты «Новый Миръ», большевицкаго направленія, и ежемѣсячнаго журнала «Анналы». Оба эти изданія имѣли въ числѣ своихъ сотрудниковъ Ленина и открыто высказались на своихъ страницахъ за сверженіе существующаго строя. Знаменитая «школа революціонеровъ», основанная Горькимъ на о. Капри, была долгое время финансирована Саввой Морозовымъ — общепризнаннымъ московскимъ «текстильнымъ королемъ», — и считала теперешняго главу совѣтскаго правительства Сталина въ числѣ своихъ наиболѣе способныхъ учениковъ. Бывшій совѣтскій полпредъ въ Лондонѣ Л. Красинъ былъ въ 1913 году директоромъ.

на одномъ изъ Путиловскихъ заводовъ въ С.-Петербургѣ. Во время войны же онъ былъ назначенъ членомъ военно-промышленнаго комитета.

На первый взглядъ совершенно необъяснимы побужденія крупной буржуазіи, по которымъ она поддерживала русскую революцію. Вначалѣ правительство отказывалось вѣрить сообщеніямъ охраннаго отдѣленія по этому поводу, но факты были налицо.

При обыскѣ въ особнякѣ одного изъ богачей Парамонова были найдены документы, которые устанавливали его участіе въ печатаніи и распространеніи революціонной литературы въ Россіи. Парамонова судили и приговорили къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія. Приговоръ этотъ, однако, былъ отмѣненъ, въ виду значительнаго пожертвованія, сдѣланнаго имъ на сооруженіе памятника въ ознаменованіе трехсотлѣтія Дома Романовыхъ. Отъ большевиковъ къ Романовымъ — и все это въ теченіе одного года!

«Дѣйствія капиталистовъ объясняются желаніемъ застраховать себя и свои матеріальные интересы отъ всякаго рода политическихъ переворотовъ», доносилъ въ своемъ рапортѣ одинъ изъ чиновъ Департамента полиціи, который былъ командированъ въ Москву разслѣдовать дѣло богатѣйшаго друга Ленина — Морозова. «Они такъ увѣрены въ возможности двигать революціонерами, какъ пѣшками, используя ихъ дѣтскую ненависть къ правительству, что Морозовъ считаетъ возможнымъ финансировать изданіе ленинскаго журнала «Искры», который печатался въ Швейцаріи и доставлялся въ Россію въ сундукахъ съ двойнымъ дномъ. Каждый номеръ «Искры» призывалъ рабочихъ къ забастовкамъ на текстильныхъ фабрикахъ самого же Морозова. А Морозовъ говорилъ своимъ друзьямъ, что онъ «достаточно богатъ, чтобы разрѣшить себѣ роскошь финансовой поддержки своихъ враговъ».

Самоубійство Морозова произошло незадолго до войны, и, такимъ образомъ, онъ такъ и не увидѣлъ, какъ его имущество, по приказу Ленина, было конфисковано, а его наслѣдники брошены въ тюрьмы бывшими учениками морозовской агитаціонной школы на о. Капри.

Батолину же, Ярошинскому, Путилову и Парамоно-

ву и многимъ остальнымъ удалось избѣжать разстрѣла въ СССР только потому, что они своевременно бѣжали.

4.

Эксцентричность, проявленная банкирами, была лишь знаменіемъ времени.

Война надвигалась, но на грозные симптомы ея приближенія никто не обращалъ вниманія. Надъ всѣми предостереженіями нашихъ военныхъ агентовъ заграницей въ петербургскихъ канцеляріяхъ лишь подсмѣивались или же пожимали плечами.

Когда братъ мой, Великій Князь Сергѣй Михайловичъ, по возвращеніи въ 1913 году изъ своей поѣздки въ Австрію, доложилъ правительству о лихорадочной работѣ на военныхъ заводахъ центральныхъ державъ, то наши министры въ отвѣтъ только разсмѣялись. Одна лишь мысль о томъ, что Великій Князь можетъ иной разъ подать цѣнный совѣтъ, вызвала улыбку. Принято было думать, что роль каждаго Великаго Князя сводилась къ великолѣпной праздности.

Военный министръ генералъ Сухомлиновъ пригласилъ къ себѣ редактора большой вечерней газеты и продиктовалъ ему статью, полную откровенными угрозами по отношенію къ Германіи, подъ заглавіемъ «Мы — готовы!»

Въ тотъ моментъ у насъ не было не только ружей и пулеметовъ въ достаточномъ количествѣ, но нашихъ запасовъ обмундированія не хватило бы даже на малую часть тѣхъ милліоновъ солдатъ, которыхъ пришлось бы мобилизовать въ случаѣ войны.

Въ вечеръ, когда эта газетная статья появилась, товарищъ министра финансовъ обѣдалъ въ одномъ изъ излюбленныхъ, дорогихъ ресторановъ столицы.

— Что же теперь произойдетъ? Какъ реагируетъ на это биржа? — спросилъ его выдающійся журналистъ.

— Биржа? — насмѣшливо улыбнулся сановникъ: — милый другъ, человѣческая кровь всегда вноситъ въ дѣла на биржѣ оживленіе.

И, дѣйствительно, на слѣдующій день всѣ бумаги на

биржѣ поднялись. Инцидентъ съ статьей военнаго министра былъ забытъ всѣми, кромѣ, быть можетъ, германскаго посланника.

Остальные триста мирныхъ дней были заполнены карточной и биржевой игрой, сенсаціонными процессами и распространившейся эпидеміей самоубійствъ.

Въ эту зиму танго входило въ большую моду. Томные звуки экзотической музыки неслись по Россіи изъ края въ край. Цыгане рыдали въ кабинетахъ ресторановъ, звенѣли стаканы, и румынскіе скрипачи, одѣтые въ красные фраки, завлекали нетрезвыхъ мужчинъ и женщинъ въ сѣти распутства и порока. А надъ всѣмъ этимъ царила истерія.

Однажды въ пять часовъ утра, когда безконечная зимняя ночь смотрѣлась въ высокія, покрытыя изморозью венеціанскія окна, молодой человѣкъ пересѣкъ пьяной походкой блестящій паркетъ московскаго Яра и остановился предъ столикомъ, который занимала одна красивая дама съ нѣсколькими почетными господами.

— Послушай, — кричалъ молодой человѣкъ, прислонившись къ колоннѣ: — я этого не позволю. Я не желаю, чтобы ты была въ такомъ мѣстѣ въ такое время.

Дама насмѣшливо улыбнулась. Вотъ уже восемь мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они развелись. Она не хотѣла слушать его приказаній.

— Ахъ такъ, — сказалъ болѣе спокойно молодой человѣкъ: и вслѣдъ за тѣмъ выстрѣлилъ въ свою бывшую жену шесть разъ.

Начался знаменитый прасоловскій процессъ.

Присяжные засѣдали оправдали Прасолова: имъ очень понравилось изреченіе Гете, приведенное защитой: «Я никогда еще не слыхалъ ни объ одномъ убійствѣ, какъ бы оно ужасно ни было, которое не могъ бы совершить самъ».

Гражданскій истецъ принесъ апелляцію и просилъ перенести слушаніе дѣла въ другой судебный округъ.

— Московское общество, — писалъ гражданскій истецъ въ своей кассаціонной жалобѣ: — пало такъ низко, что болѣе уже не отдаетъ себѣ отчета въ цѣнѣ человѣческой жизни. Поэтому я прошу перенести вторичное раз-

смотрѣніе дѣла въ какой-нибудь другой судебный округъ.

Вторичное разсмотрѣніе дѣла имѣло мѣсто въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ на сѣверо-востокѣ Россіи. Судъ продолжался почти мѣсяцъ, и Прасоловъ былъ снова оправданъ.

На этотъ разъ гражданскій истецъ грозилъ организовать паломничество на могилу Прасоловой, чтобы сказать ей, что «Россія отказывается защищать оскорбленную честь женщины».

Если бы не началась война, то русскому народу были бы еще разъ предпонесены тошнотворныя подробности прасоловскаго дѣла, и словоохотливые свидѣтели въ третій разъ повторили бы свои невѣроятныя описанія оргій, происходившихъ въ средѣ московскихъ милліонеровъ.

Самыя отталкивающія разновидности порока преподносились присяжнымъ засѣдателямъ и распространялись газетами въ назиданіе русской молодежи.

Жизнь убійцы и его жертвы описывалась съ момента ихъ знакомства въ клубѣ самоубійцъ до свадебнаго пира, устроеннаго на дачѣ «Черный Лебедь», который былъ построенъ знаменитымъ богачомъ въ погонѣ за новизною ощущеній. Списокъ свидѣтелей по дѣлу пестрилъ именами московскихъ тузовъ. Ихъ поступки могли создать новые судебные процессы. Двое изъ нихъ покончили съ собою, ожидая вызова въ судъ. Другіе бѣжали отъ позора заграницу.

Петербургъ не хотѣлъ отстать отъ Москвы и, еще во время прасоловскаго процесса двое представителей «золотой» петербургской молодежи Долматовъ и Гейсмаръ убили и ограбили артистку Тиме.

Арестованные полиціей, они во всемъ сознались и объяснили мотивы преступленія. Наканунѣ убійства они пригласили своихъ друзей къ ужину въ дорогой ресторанъ. Имъ были нужны деньги. Они обратились къ своимъ родителямъ за помощью , но получили отказъ.. Они знали, что у артистки имѣются цѣнныя вещи.,И вотъ они отправились къ ней на квартиру, вооружившись кухонными ножами.

— Истинный джентльменъ, — писалъ по этому поводу въ газетахъ одинъ иронический репортеръ: — дол-

женъ умѣть выполнить свои свѣтскія обязанности любой цѣной.

Среди криминальныхъ сенсацій, отравлявшихъ эту и безъ того истерическую атмосферу, заслуживаетъ еще упоминанія дѣло Гилевича, которое въ 1909 году поставило петербургскій судебный міръ втупикъ предъ неслыханной изворотливостью и жестокостью хладнокровнаго убійцы.

Въ номерахъ дешевой гостиницы въ Лештуковомъ переулкѣ было обнаружено мертвое тѣло съ обезображеннымъ до неузнаваемости лицомъ.Документы, найденные при убитомъ, говорили о томъ, что жертва — довольно обезпеченный инженеръ Гилевичъ. Однако, документы эти лежали слишкомъ навиду, чтобы удовлетворить бывалыхъ сыщиковъ. Но братъ убитаго разсѣялъ всѣ сомнѣнія. Онъ узналъ своего брата по «родимому пятну» на правомъ плечѣ. Послѣ этого онъ предъявилъ четыремъ страховымъ обществамъ полисы на полученіе страховыхъ премій: убитый былъ застрахованъ на общую сумму въ 300 тысячъ рублей въ различныхъ страховыхъ обществахъ. Однако, слѣдственныя власти очень скоро установили, что убитый — совсѣмъ не Гилевичъ, а одинокій и бездомный студентъ, прибывшій въ Петербургъ изъ провинціи, чтобы учиться, и явившійся къ Гилевичу на его публикацію...

Между тѣмъ преступники, получивъ часть страховыхъ премій, перестали соблюдать осторожность. Гилевичу-старшему надоѣло прятаться въ Парижѣ, и онъ рѣшилъ посѣтить Монте-Карло. Но счастье отвернулось отъ него. Онъ проигралъ крупную сумму и послалъ своему брату въ Петербургъ телеграмму съ просьбой выслать ему 5.000 рублей. Чиновникъ, читавшій внимательно телеграммы, сообщилъ властямъ, что кто-то хочетъ получить въ Монте-Карло отъ брата убитаго Гилевича крупную сумму денегъ. Въ Парижскую полицію была послана серія фотографій Гилевича и точное его описаніе. Гилевичъ былъ арестованъ. Однако, во время ареста, ему удалось обмануть бдительность агентовъ, и преступникъ отравился ядомъ, который всегда носилъ въ карманѣ.

5.

Будущій историкъ міровой войны имѣлъ бы полное основаніе подробнѣе остановиться въ своемъ изслѣдованіи на той роли, которую криминальныя сенсаціи занимали въ умахъ общества всѣхъ странъ наканунѣ войны.

Полиція уже расклеивала на улицахъ Парижа приказы о мобилизаціи, а жадная до уголовныхъ процессовъ толпа съ напряженнымъ вниманіемъ продолжала слѣдить за процессомъ г-жи Генріетты Кайо, жены бывшаго предсѣдателя французскаго совѣта министровъ, которая убила редактора «Фигаро» Гастона Кальметта за угрозы опубликовать компрометировавшіе ея мужа документы. До 28 іюля 1914 года фельетонисты европейскихъ газетъ болѣе интересовалось процессомъ Кайо, чѣмъ астрійскимъ ультиматумомъ Сербіи.

Проѣздомъ чрезъ Парижъ по дорогѣ въ Россію я не вѣрилъ своимъ ушамъ, слыша, какъ почтенные государственные мужи и отвѣтственные дипломаты, образуя оживленныя группы, съ жаромъ спорили о томъ, будетъ ли или не будетъ оправдана г-жа Кайо.

— Кто это «она»? — наивно спросилъ я: — вы имѣете въ виду, вѣроятно, Австрію, которая, надо надѣяться, согласится передать свое недоразумѣніе съ Сербіей на разсмотрѣніе Гаагскаго третейскаго трибунала?

Они думали, что я шучу. Не было никакихъ сомнѣній, что они говорили о Генріеттѣ Кайо.

— Отчего Ваше Императорское Высочество такъ спѣшите вернуться въ С.-Петербургъ? — спросилъ меня нашъ посолъ въ Парижѣ Извольскій. — Тамъ же мертвый сезонъ... Война? — Онъ махнулъ рукой. — Нѣтъ, никакой войны не будетъ Это только «слухи», которые время отъ времени будоражутъ Европу. Австрія позволитъ себѣ еще нѣсколько угрозъ. Петербургъ поволнуется. Вильгельмъ произнесетъ воинственную рѣчь. И все это будетъ чрезъ двѣ недѣли забыто.

Извольскій провелъ 30 лѣтъ на русской дипломатической службѣ. Нѣкоторое время онъ былъ министромъ

иностранныхъ дѣлъ. Нужно было быть очень самоувѣреннымъ, чтобы противопоставить его опытности свои возраженія. Но я рѣшилъ все-таки быть на этотъ разъ самоувѣреннымъ и двинулся въ Петербургъ.

Мнѣ не нравилось «стеченіе непредвидѣнныхъ случайностей», которыми былъ столь богатъ конецъ іюля 1914 года.

Вильгельмъ II былъ «случайно» въ поѣздкѣ въ норвежскіе фіорды наканунѣ представленія Австріей ультиматума Сербіи. Президентъ Франціи Пуанкарэ «случайно» посѣтилъ въ это же время Петербургъ.

Винстонъ Черчилль, первый лордъ адмиралтейства, «случайно» отдалъ приказъ британскому флоту остаться, послѣ лѣтнихъ маневровъ, въ боевой готовности.

Сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ «случайно» показалъ австрійскій ультиматумъ французскому посланнику Бертело, и г. Бертело «случайно» написалъ отвѣтъ Вѣнскому кабинету, освободить такимъ образомъ сербское правительство отъ тягостныхъ размышленій по этому поводу.

Петербургскіе рабочіе, работавшіе на оборону, «случайно» объявили забастовку за недѣлю до начала мобилизаціи, и нѣсколько агитаторовъ, говорившихъ по-русски съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, были пойманы на митингахъ по этому поводу.

Начальникъ нашего генеральнаго штаба генералъ Янушкевичъ «случайно» поторопился отдать приказъ о мобилизаціи русскихъ вооруженныхъ силъ, а когда Государь приказалъ по телефону это распоряженіе отмѣнить, то ничего уже нельзя было сдѣлать.

Но самымъ трагичнымъ оказалось то, что «случайно» здравый смыслъ отсутствовалъ у государственныхъ людей всѣхъ великихъ державъ.

Ни одинъ изъ сотни милліоновъ европейцевъ того времени не желалъ войны. Коллективно — всѣ они были способны линчевать того, кто осмѣлился бы въ эти отвѣтственные дни проповѣдывать умѣренность.

За попытку напомнить объ ужасахъ грядущей войны, они убили Жореса въ Парижѣ и бросили въ тюрьму Либкнехта въ Берлинѣ.

Нѣмцы французы, англичане и австрійцы, русскіе и бельгійцы всѣ подпадали подъ власть психоза разрушенія, предтечами котораго были убійства, самоубійства и оргіи предшествовавшаго года. Въ августѣ же 1914 года это массовое помѣшательство достигло кульминаціонной точки.

Лэди Асквитъ, жена премьеръ-министра Великобританіи, вспоминаетъ «блестящіе глаза» и «веселую улыбку» Винстона Черчилля, когда онъ вошелъ въ этотъ роковой вечеръ въ ном. 10 на Доунингъ стритъ.

— Что же, Винстонъ, — спросила Асквитъ: — это миръ?

— Нѣтъ, война, — отвѣтилъ Черчилль.

Въ тотъ же часъ германскіе офицеры поздравляли другъ друга на Унтеръ денъ Линденъ въ Берлинѣ съ «славной возможностью выполнить, наконецъ, планъ Шлиффена», и тотъ же Извольскій, предсказывавшій всего три дня тому назадъ, что чрезъ двѣ недѣли все будетъ въ порядкѣ, теперь говорилъ, съ видомъ тріумфатора, покидая министерство иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ: «Это — моя война».

Вильгельмъ произносилъ рѣчи изъ балкона берлинскаго замка. Николай II, приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ, обращался къ колѣнопреклоненной толпѣ у Зимняго Дворца. Оба они возносили къ престолу Всевышняго мольбы о карахъ на головы зачинщиковъ войны.

Всѣ были правы. Никто не хотѣлъ признать себя виновнымъ. Нельзя было найти ни одного нормальнаго человѣка въ странахъ, расположенныхъ между Бискайскимъ заливомъ и Великимъ океаномъ.

Когда я возвращался въ Россію, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ самоубійства цѣлаго материка.

ГЛАВА XVII.

Война и революція.

1.

Подобно показаніямъ свидѣтелей преступленія, историки и лѣтописцы іюля 1914 года не сходятся въ своихъ описаніяхъ и выводахъ. Англичане и французы много говорятъ о нарушеніи нѣмцами нейтралитета Бельгіи. Нѣмцы пытаются заново написать русскую исторію, чтобы снять съ своей дипломатіи отвѣтственность за міровую войну. Многіе изъ читателей книги Эмиля Лудвига «Іюль 1914 года» пережили бы глубокое разочарованіе, если бы узнали, что откровенія Лудвига построены на полномъ невѣжествѣ въ русскихъ дѣлахъ: Напр. онъ путаетъ двухъ братьевъ Маклаковыхъ, даетъ фантастическое описаніе никогда не бывавшаго въ Царскомъ Селѣ военнаго совѣта, который долженъ былъ высказаться въ пользу войны или мира. Онъ изображаетъ русскаго министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакова въ видѣ «блестящаго оратора», «барса» и бывшаго «лидера либеральной партіи». Если вѣрить Лудвигу, то Маклаковъ буквально принудилъ Государя подписать приказъ о всеобщей мобилизаціи.

На самомъ же дѣлѣ Николай Маклаковъ былъ человѣкомъ консервативныхъ взглядовъ, бывшимъ всею душею противъ объявленія войны.

Братъ его Василій, хоть не совсѣмъ похожій на «барса», все же былъ извѣстнымъ ораторомъ, ад-

вокатомъ и лидеромъ конституціонно-демократической партіи. Однако, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на рѣшеніе Государя. Къ тому же никто не спрашивалъ у Николая Маклакова совѣтовъ по военнымъ дѣламъ, а Василій Маклаковъ пріѣзда ко дворцу не имѣлъ. Знаменитая «военная рѣчь» Маклакова, о которой говоритъ Лудвигъ въ своей книгѣ, не болѣе, какъ досужая фантазія нѣмецкаго автора, просто полѣнившагося хорошенько провѣрить имена, событія и даты. До сихъ поръ никто еще не писалъ безпристрастной лѣтописи послѣднихъ недѣль довоенной эпохи. Я сомнѣваюсь, напишетъ ли ее кто нибудь вообще. Свѣдѣнія, которыми располагаю я и которыя я собралъ до и послѣ войны, заставляютъ меня вѣрить въ безспорность трехъ фактовъ.

1. Причиною мірового конфликта являлись соперничество Великобританіи и Германіи въ борьбѣ за преобладаніе на моряхъ и совокупныя усилія «военныхъ партій» Берлина, Вѣны, Парижа, Лондона и С.-Петербурга. Если бы Принципъ не покушался на жизнь австрійскаго эрцъ-герцога Францъ-Фердинанда, международные сторонники войны изобрѣли бы другой поводъ. Вильгельму II было необходимо, чтобы война началась до выполненія русской военной программы, намѣченнаго на 1917 годъ.

2. Императоръ Николай II сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы предотвратить военныя дѣйствія, но не встрѣтилъ никакой поддержки въ своихъ миротворческихъ стремленіяхъ въ лицѣ своихъ ближайшихъ военныхъ сподвижниковъ — военнаго министра и начальника генеральнаго штаба.

3. До полуночи 31 іюля 1914 года британское правительство могло бы предотвратить міровую катастрофу, если бы ясно и опредѣленно заявило о своемъ твердомъ намѣреніи вступить въ войну *на сторонѣ Россіи и Франціи.* Простое заявленіе, сдѣланное по этому поводу Асквитомъ и сэромъ Эдуардомъ Греемъ, умиротворило бы самыхъ воинственныхъ берлинскихъ юнкеровъ. Протестъ противъ нарушенія нейтралитета Бельгіи, заявленный британскимъ правительствомъ тремя днями позднѣе, говорилъ

скорѣе о человѣколюбіи, чѣмъ звучалъ угрозой. Англія вступила позже въ войну, не потому что свято чтила незыблемость международныхъ договоровъ, но скорѣе всего изъ чувства зависти въ отношеніи растущаго морского могущества Германіи. Если бы Асквитъ былъ менѣе адвокатомъ и болѣе человѣколюбцемъ, Германія никогда не рѣшилась бы объявить войны 1 августа 1914 года.

4. Всѣ остальныя «если бы», о которыхъ говорятъ историки 1914 года, являются измышленіями праздныхъ умовъ и лишены серьезной основы. И я думаю, что, если бы президентъ Вильсонъ понялъ бы до начала міровой войны, что «ради справедливости и мира», Америка должна будетъ выступить на сторонѣ Франціи и Россіи, если бы онъ твердо объявилъ Германіи объ этомъ рѣшеніи, — война была бы предотвращена.

2.

Императрица Марія Федоровна, Ксенія и я пороводили лѣто 1914 года въ Лондонѣ. Императрица жила въ Мальборо-Хоузѣ съ своей сестрой, вдовствующей королевой Александрой. Слухи о войнѣ показались намъ всѣмъ невѣроятными, и надо мной начали шутить и смѣяться, когда я заторопился назадъ въ Россію. Онѣ не захотѣли сѣсть со мною въ Оріентъ-Экспрессъ. Онѣ увѣряли меня, что «никакой войны не будетъ». Я уѣхалъ изъ Парижа одинъ 26 іюля и телеграфировалъ командующему Черноморскимъ флотомъ, прося выслать за мною въ Констанцу военное судно.

По дорогѣ, чрезъ Австро-Венгрію, я видѣлъ на вокзалахъ толпы мобилизованныхъ и, по требованію поѣздной прислуги, долженъ былъ опустить въ своемъ купе шторы. Когда мы подходили къ Вѣнѣ, возникли сомнѣнія, пропустятъ ли далѣе Оріентъ-Экспрессъ. Послѣ долгихъ ожиданій и переговоровъ насъ рѣшили пропустить до румынской границы. Оттуда мнѣ пришлось идти пѣшкомъ нѣсколько километровъ, чтобы сѣсть въ поѣздъ, который предоставило мнѣ румынское правительство. Приближаясь къ Констанцѣ, я увидѣлъ издали мачты моего бывшаго флагманскаго судна Алмазъ».

— Мы тотчасъ же снимаемся съ якоря. Нельзя терять ни одной минуты, — сказалъ я командиру, и чрезъ восемь часовъ мы подходили къ берегамъ Крыма.

Въ Севастополѣ я узналъ объ офиціальномъ объявленіи мобилизаціи арміи и флота. На слѣдующій день въ Ялтинскомъ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ, который сопровождался чтеніемъ манифеста объ объявленіи войны. Толпа кричала ура, и чувствовался подъемъ. Въ ту же ночь я уѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Я засталъ Государя, внѣшне спокойнымъ, но глубоко проникнутымъ сознаніемъ отвѣтственности момента. Навѣрное, за всѣ двадцать лѣтъ своего царствованія онъ не слыхалъ столько искреннихъ криковъ «ура», какъ въ эти дни. Наступившее, наконецъ, «единеніе Царя съ народомъ» очень радовало его. Онъ говорилъ объ этомъ искренно и просто. Въ разговорѣ со мною у него вырвалось признаніе, что онъ могъ избѣжать войны, если бы рѣшился измѣнить Франціи и Сербіи, но что этого онъ не хотѣлъ. Какъ ни былъ фаталенъ и одностороненъ франко-русскій союзъ, Россія хотѣла соблюсти принятыя на себя обязательства.

Императрица и моя жена прибыли благополучно въ С.-Петербургъ. Вильгельмъ II отказался ихъ пропустить черезъ Германію, но онѣ вернулись въ Россію чрезъ Данію, Швецію и Финляндію. Я могъ спокойно оставить дѣтей и Ксенію и уѣхалъ на фронтъ. Я былъ назначенъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, уже принявшимъ верховное командованіе, въ штабъ четвертой арміи, въ качествѣ помощника командующаго IV арміей барона Зальца, б. адъютанта моего отца и нашего стараго друга.

3.

Я пріѣхалъ въ Люблинъ, штабъ-квартиру IV арміи, какъ разъ въ тѣ дни, когда главныя силы австрійцевъ вели наступленіе противъ насъ, чтобы прорвать нашъ фронтъ и отрѣзать сѣверный фронтъ отъ южнаго. IV армія съ трудомъ удерживала свои позиціи въ надеждѣ на

ожидавшуюся помощь со стороны арміи генерала Брусилова, которая заходила въ тылъ австро-германцевъ.

Жизнь въ штабѣ барона Зальца была тревожно-напряженная. Самъ генералъ Зальца со своимъ начальникомъ штаба сидѣлъ часами надъ картой фронта, звонили телефоны, приносились донесенія, грустныя и радостныя извѣстія поступали съ фронта, и надъ всѣмъ господствовали нетерпѣливыя, все возрастающія требованія о присылкѣ снарядовъ и подкрѣпленій.

Никто не ожидалъ такого страшнаго расхода снарядовъ, который обнаружился въ первые же дни войны. Еще не обстрѣлявшіяся части, нервничали и тратили много снарядовъ зря. Тамъ, гдѣ достаточно было бы выпустить двѣ, три очереди шрапнелей, чтобы отогнать противника, тратились безцѣльно сотни тысячъ ружейныхъ пуль. Терялись винтовки, бросались орудія. Артиллерійскіе парки выдвигались слишкомъ далеко на линіи фронта и попадали въ руки противнику. А навстрѣчу тянулись безконечные обозы съ первыми ранеными...

Пока наша четвертая армія сдерживала напоръ австрійцевъ, наша первая и вторая армія вторглась въ восточную Пруссію, идя прямымъ путемъ въ разставленную ей Гинденбургомъ ловушку. Вторая армія состояла частью изъ гвардейскихъ полковъ, лучшихъ русскихъ частей, являвшихся въ теченіе десятилѣтій главной опорой императорскаго строя и теперь посланныхъ «спасать Парижъ». Подъ Сольдау наша вторая армія была уничтожена, и ея командиръ генералъ А. В. Самсоновъ пустилъ свою послѣднюю пулю въ лобъ, чтобы избѣжать позора плѣна. Парижъ былъ спасенъ гекатомбой русскихъ тѣлъ, павшихъ въ Мазурскихъ озерахъ. Міровое общественное мнѣніе предпочло зарегистрировать эту битву въ качествѣ «Побѣды Жоффра на Марнѣ»!

На шестой день моего пребыванія въ штабѣ четвертой арміи, баронъ Зальца просилъ меня отправиться въ Ставку и доложить Великому Князю Николаю Николаевичу о томъ, что мы испытывали сильную нужду въ подкрѣпленіяхъ, и объяснить ему серьезность положенія IV арміи. Австрійцы значительно превосходили насъ въ числен-

ности и, несмотря на сильныя потери, продолжали свои атаки.

Я видѣлъ австрійскихъ раненыхъ, которые лежали рядомъ съ нашими солдатами. Это были молодцы съ добродушными лицами. Они подтягивались при видѣ моихъ генеральскихъ погонъ. Старшій врачъ, идя со мною рядомъ, тихо пояснялъ:

— Этотъ безнадеженъ.

— Уже кончается...

— Оба легкихъ прострѣляны...

— Выживетъ, если не начнется общее зараженіе крови...

Война началась всего десять дней тому назадъ, но всѣ уже свыклись съ ея безпощадной обстановкой. Русскіе и австрійскіе солдаты умирали безропотно рядомъ, исполнивъ свой долгъ предъ ихъ Монархомъ и Родиной.

Я отправился въ Ставку, которая была въ Барановичахъ, на скрещеніи четырехъ желѣзнодорожныхъ линій. З невозможностью расквартировать многочисленныя отдѣленія и канцеляріи штаба въ городѣ, Великій Князь Николай Николаевичъ и его братъ Петръ Николаевичъ жили въ поѣздѣ.

Николай Николаевичъ принялъ меня съ своимъ обычнымъ невозмутимымъ видомъ, выслушалъ мой докладъ и пригласилъ къ завтраку, во время котораго предложилъ мнѣ новый постъ командующаго авіаціей Южнаго фронта, причемъ добавилъ, что подобное же назначеніе на сѣверномъ фронтѣ получилъ генералъ Каульбарсъ, много работавшій со мною по дѣлу созданія нашего воздушнаго фронта.

Я указалъ главнокомандующему, что необходима не только связь между командующими авіаціей двухъ фронтовъ, но и ихъ субординація, на что Великій Князь Николай Николаевичъ согласился и подчинилъ мнѣ генерала Каульбарса.

Изъ Барановичей я отправился въ Ровно, гдѣ находился штабъ командующаго Южнымъ фронтомъ генерала Иванова.

Дѣло авіаціи я зналъ, но во время войны его приходилось ставить совершенно заново и съ большой поспѣшностью. Работа была напряженная. Дѣло авіаціи еще

было мало знакомо даже военнымъ спеціалистамъ. Надо было создавать подготовительныя школы, кадры летчиковъ и наблюдателей.

Въ теченіе августа мѣсяца 1914 года я не разъ поминалъ недобрымъ словомъ нашего военнаго министра генерала Сухомлинова съ его статьей «Мы — готовы», написанной два года тому назадъ. Въ штабѣ юго-западной арміи я встрѣтилъ моего брата Николая Михайловича, человѣка, котораго я не долженъ былъ видѣть, если бы я хотѣлъ сохранить хотя бы каплю оптимизма. Получивъ блестящее военное образованіе и будучи тонкимъ стратегомъ, онъ подыскалъ моимъ опасеніямъ формулы и научныя опредѣленія. Съ горечью отзывался онъ о нашемъ командномъ составѣ. Онъ говорилъ откровенно до цинизма и изъ десяти случаевъ въ девяти былъ правъ. Онъ указалъ мнѣ, что наши страшныя потери лишили насъ нашей првоочередной арміи и поставили въ трагическую необходимость возложить наши послѣднія надежды на плохо обученныхъ ополченцевъ. Онъ утверждалъ, что, если Великій Князь Николай Николаевичъ не остановитъ своего побѣднаго похода по Галиціи и не отведетъ нашихъ войскъ на линію укрѣпленныхъ позицій въ нашемъ тылу, то мы безъ сомнѣнія потерпимъ рѣшительное пораженіе не позднѣе весны 1915 года. Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ въ теченіе трехъ часовъ, ссылаясь на цифры, факты и становился все мрачнѣе и мрачнѣе.

4.

Боги войны, вѣроятно, подслушали прорицанія моего брата. Наши наиболѣе боеспособныя части и недостаточный запасъ снабженія были цѣликомъ израсходованы въ легкомысленномъ наступленіи 1914—1915 г.г., девизомъ котораго было: «Спасай союзниковъ!» Для того, чтобы парировать знаменитое наступленіе Макензена въ Карпатахъ въ маѣ 1915 года, у насъ уже не было силъ. Офиціальныя данныя говорили, что противникъ выпускаетъ сто шрапнельныхъ зарядовъ на нашъ одинъ. Въ дѣйствительности эта разница была еще болѣе велика: наши офицеры оцѣнивали это соотношеніе въ 300 : 1. Наступилъ

моментъ, когда наша артиллерія смолкла, и бородатые ополченцы предстали предъ арміей Макензена, вооруженные винтовками модели 1878 года съ приказомъ «не тратить патроновъ понапрасну» и «забирать патроны у раненыхъ и убитыхъ». За недѣлю до нашего пораженія, мои летчики приносили донесенія, предупреждавшія Ставку о сосредоточеніи германо-австрійской артиллеріи и войсковыхъ массъ на противоположномъ берегу Дунайца. Каждый юный поручикъ понялъ бы, что чѣмъ раньше мы начнемъ нашъ отходъ, тѣмъ менѣе будутъ наши потери. Но Ставка настаивала на своемъ упорствѣ оставаться въ Галиціи до послѣдней возможности, ссылаясь на то, что наше отступленіе дурно отразится на переговорахъ нашихъ союзниковъ въ Греціи и въ Румыніи, такъ какъ обѣ эти страны еще не знали, на какой сторонѣ онѣ выступятъ.

Ранняя осень 1915 года застала нашу армію на много сотенъ верстъ къ востоку отъ позицій, которыя она занимала весною. Я долженъ былъ шесть разъ подрядъ мѣнять мѣсто своего штаба, такъ какъ наши надежды удержаться на той или другой укрѣпленной линіи разсѣивались одна за другою, какъ дымъ. Единственной пріятной для меня новостью за эти мѣсяца было извѣстіе объ отставкѣ Великаго Князя Николая Николаевича, полученное мною изъ Ставки. Мы оставили Галицію, потеряли Польшу и отдали нѣмцамъ значительную часть сѣверо-запада и юго-запада Россіи, а также рядъ крѣпостей, которыя до сихъ поръ считались неприступными, если конечно, можно было вѣрить нашимъ военнымъ авторитетамъ. Принятіе на себя Государемъ должности Верховнаго Главнокомандующаго вызвало во мнѣ двоякую реакцію. Хотя и можно было сомнѣваться въ полезности его длительнаго отсутствія изъ столицы для нашей внутренней политики, все же принятіе имъ на себя этого отвѣтственнаго поста было въ отношеніи арміи совершенно правильнымъ. Никто, кромѣ самого Государя, не могъ бы лучше вдохновить нашу армію на новые подвиги и очистить Ставку отъ облѣпившихъ ее бездарныхъ генераловъ и политиковъ. Вновь назначенный начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Алексѣевъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка осторожнаго, пони-

мающаго наши слабыя стороны. Онъ былъ хорошимъ стратегомъ. Это былъ, конечно, не Наполеонъ и даже не Лудендорфъ, но опытный генералъ, который понималъ, что въ современной войнѣ не можетъ быть «геніальныхъ командировъ» за исключеніемъ тѣхъ, которые бесѣдуютъ съ военными кореспондентами или же пишутъ заблаговременно мемуары. Сочетаніе Государя и генерала Алексѣева было бы безупречнымъ, если бы Никки не опускалъ взгляда съ петербургскихъ интригановъ, а Алексѣевъ торжественно поклялся бы не вмѣшиваться въ политику.

Къ сожалѣнію, однако, произошло какъ разъ обратное. Государь оставался вдали отъ Царскаго Села на слишкомъ продолжительные сроки, а тѣмъ временемъ сторонники Распутина пріобрѣтали все большее вліяніе. Генералъ же Алексѣевъ связалъ себя заговорами съ врагами существовавшаго строя, которые скрывались подъ видомъ представителей Земгора, Краснаго Креста и военно-промышленныхъ комитетовъ. Восторги первыхъ мѣсяцевъ войны русской интеллигенціи смѣнились обычной ненавистью къ монархическому строю. Это произошло одновременно съ нашимъ пораженіемъ 1915 года. Общественные дѣятели регулярно посѣщали фронтъ, якобы для его объѣзда и выясненія нуждъ арміи. На самомъ же дѣлѣ это происходило съ цѣлью войти въ связь съ командующими арміями. Члены Думы, обѣщавшіе въ началѣ войны поддерживать правительство, теперь трудились не покладая рукъ надъ разложеніемъ арміи. Они увѣряли, что настроены оппозиціонно изъ за «германскихъ симпатій» молодой Императрицы, и ихъ рѣчи въ Думѣ, не пропущенныя военной цензурой для напечатанія въ газетахъ, раздавались солдатамъ и офицерамъ въ окопахъ въ размноженномъ на ротаторѣ видѣ. Изъ всѣхъ обвиненій, которыя высказывались по адресу Императрицы, ея обвиненія въ германофильствѣ вызывали во мнѣ наиболѣе сильный протестъ. Я зналъ всѣ ея ошибки и заблужденія и ненавидѣлъ Распутина. Я очень бы хотѣлъ, чтобы Государыня не брала за чистую монету того образа русскаго мужика, который ей былъ нарисованъ ея приближенными, но я утверждаю самымъ категорическимъ образомъ, что она въ смыслѣ пламенной любви къ Россіи

стояла неизмѣримо выше всѣхъ ея современниковъ. Воспитанная своимъ отцомъ герцогомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ въ ненависти къ Вильгельму II, Александра Федоровна, послѣ Россіи, болѣе всего восхищалась Англіей. Для меня, для моихъ родныхъ и для тѣхъ, кто часто встрѣчался съ Императрицей, одинъ намекъ на ея нѣмецкія симпатіи казался смѣшнымъ и чудовищнымъ. Наши попытки найти источники этихъ нелѣпыхъ обвиненій приводили насъ къ Государственной Думѣ. Когда же думскихъ распространителей этихъ клеветъ пробовали пристыдить, они валили все на Распутина: «Если Императрица такая убѣжденная патріотка, какъ можетъ она терпѣть присутствіе этого пьянаго мужика, котораго можно открыто видѣть въ обществѣ нѣмецкихъ шпіоновъ и германофиловъ?» Этотъ аргументъ былъ неотразимъ, и мы ломали себѣ голову надъ тѣмъ, какъ убѣдить Царя отдать распоряженіе о высылкѣ Распутина изъ столицы,

— Вы же шуринъ и лучшій другъ Государя,— говорили мнѣ очень многіе, посѣщая меня на фронтѣ: — отчего вы не переговорите объ этомъ съ Его Величествомъ?

—Отчего я не говорилъ съ Государемъ?—Я боролся съ Никки изъ за Распутина еще задолго до войны. Я зналъ, что, если бы я снова попробовалъ говорить съ Государемъ на эту тему, онъ внимательно выслушаетъ меня и скажетъ:

— Спасибо, Сандро, я очень цѣню твои совѣты.

Затѣмъ Государь меня обниметъ, и ровно ничего не произойдетъ. Пока Государыня была увѣрена, что присутствіе Распутина исцѣляло Наслѣдника отъ его болѣзни, я не могъ имѣть на Государя ни малѣйшаго вліянія. Я былъ абсолютно безсиленъ чѣмъ-нибудь помочь и съ отчаяніемъ это сознавалъ. Я долженъ былъ забыть рѣшительно все, что не входило въ кругъ моихъ обязанностей главнокомандующаго русскими военно-воздушными силами.

5.

Наступилъ 1916 годъ. Я перенесъ мой штабъ въ Кіевъ и готовился оказывать содѣйствіе главнокоман-

дующему нашимъ юго-западнымъ фронтомъ генералу Брусилову въ его проектировавшемся наступленіи противъ австрійцевъ.

Императрица Марія Федоровна пріѣхала въ Кіевъ къ своей младшей дочери Великой Княгинѣ Ольгѣ Александровнѣ, которая съ 1915 г. стояла во главѣ своего госпиталя въ Кіевѣ. Вырвавшись изъ атмосферы Петербурга въ строгую военную обстановку Кіева, Императрица чувствовала себя хорошо. Каждое воскресенье мы встрѣчались втроемъ въ ея Кіевскомъ дворцѣ, старинномъ домѣ, построенномъ на правомъ берегу Днѣпра. Послѣ завтрака обычно, когда всѣ посторонніе уходили, мы оставались въ ея будуарѣ, обсуждая событія истекшей недѣли. Насъ было трое — мать, сестра и шуринъ Императора. Мы вспоминали его не только какъ родственники, но и какъ вѣрноподданные. Мы хотѣли служить ему всѣмъ, чѣмъ могли. Мы сознавали всѣ его недостатки и положительныя стороны, чувствуя, что гроза надвитается, и все же не рѣшались открыть ему глаза. Вдовствующая Императрица продолжала оставаться въ курсѣ всего, что происходило въ Петербургѣ. Въ теченіе всѣхъ пятидесяти лѣтъ своего пребыванія въ Россіи, она ежедневно обмѣнивалась письмами съ своей сестрой королевой англійской Александрой, и невозможность получать эти письма изъ Англіи во время войны усугубляла ея безпокойство. Очень популярная въ средѣ населенія города Кіева, Марія Федоровна каждый день прогуливалась въ открытомъ экипажѣ, весело отвѣчая на привѣтствія прохожихъ, но неотвязныя думы о сынѣ Никки, о невѣсткѣ Аликсъ и о несчастномъ внукѣ Алексѣѣ не оставляли ее. Остальные члены ея семьи не причиняли ей заботъ. Ея старшая дочь Ксенія жила съ дѣтьми въ С. Петербургѣ и завѣдывала большимъ госпиталемъ для раненыхъ и выздоравливавшихъ. Ея внукъ, мой сынъ князь Андрей долженъ былъ вскорѣ выйти въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ и отправиться на фронтъ. Ея младшій сынъ, Миша — Великій Князь Михаилъ Александровичъ былъ всеобщимъ любимцемъ на фронтѣ, и Дикая дивизія, состоявшая изъ Кавказскихъ туземныхъ частей и не выходившая изъ боевъ, считалась Ставкой нашей лучшей кавалерійской боевой еди-

ницей. Что же касается ея младшей дочери, Великой Княгини Ольги Александровны, то самые заклятые враги династiи не могли сказать ничего, кромѣ самаго хорошаго о ея безкорыстной работѣ по уходу за ранеными. Женщины съ душевными качествами Великой Княгини Ольги представляютъ собою рѣдкое явленiе. Всегда одѣтая, какъ простая сестра милосердiя, и раздѣляя съ другой сестрой скромную комнату, она начинала свой рабочiй день въ 7 час. утра и часто не ложилась всю ночь подрядъ, когда надо было перевязать вновь прибывшихъ раненыхъ. Иногда солдаты отказывались вѣрить, что сестра, которая такъ нѣжно и терпѣливо за ними ухаживала, была родною сестрой Государя и дочерью Императора Александра III. Ея личная жизнь сложилась несчастливо. Она была первымъ бракомъ замужемъ за принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ, человѣкомъ съ нею совершенно различнымъ по характеру. Великая Княгиня Ольга Александровна любила искренно и глубоко одного офицера Кирасирскаго Ея Величества полка по фамилiи Куликовскаго. Мы всѣ надѣялись, что Государь разрѣшитъ ей развестись съ мужемъ и вступить въ новый бракъ. Я былъ очень радъ, когда однажды, яснымъ зимнимъ утромъ въ 1916 году мы сопровождали Ольгу Александровну и ротмистра Куликовскаго въ маленькую церковь въ пригородѣ Кiева. Это была очень скромная, почти тайная отъ всѣхъ свадьба: невѣста, женихъ, вдовствующая Императрица, я, двѣ сестры изъ общины Краснаго Креста и четыре офицера Ахтырскаго гусарскаго полка, шефомъ котораго состояла Великая Княгиня. Служилъ старенькiй батюшка. Его слабый голосъ, казалось, шелъ не изъ церкви, а раздавался откуда-то издалека. Всѣ мы были очень довольны. Я никогда не относился къ Ольгѣ, какъ къ моей невѣсткѣ: она была моимъ дорогимъ другомъ, вѣрнымъ товарищемъ и совѣтчикомъ, на котораго можно было положиться.

6.

Съ наступленiемъ лѣта 1916 года, бодрый духъ, царившiй на нашемъ теперь хорошо снабженнымъ всѣмъ необходимымъ фронтѣ, былъ разительнымъ контрастомъ

съ настроеніями тыла. Армія мечтала о побѣдѣ надъ врагомъ и усматривала осуществленіе своихъ стремленій въ молніеносномъ наступленіи армій генерала Брусилова Политиканы же мечтали о революціи и смотрѣли съ неудовольствіемъ на постоянные успѣхи нашихъ войскъ. Мнѣ приходилось по моей должности сравнительно часто бывать въ Петербургѣ. И я каждый разъ возвращался на фронтъ съ подорванными моральными силами и отравленнымъ слухами умомъ.

Можно было съ увѣренностью сказать, что въ нашемъ тылу произойдетъ возстаніе именно въ тотъ моментъ, когда армія будетъ готова нанести врагу рѣшительный ударъ. Я испытывалъ страшное раздраженіе. Я горѣлъ желаніемъ отправиться въ Ставку и заставить Государя тѣмъ или инымъ способомъ встряхнуться. Если Государь самъ не могъ возстановить порядка въ тылу, онъ долженъ былъ поручить это какому-нибудь надежному человѣку съ диктаторскими полномочіями. И я ѣздилъ въ Ставку. Былъ тамъ даже пять разъ. И съ каждымъ разомъ Никки казался мнѣ все болѣе и болѣе озабоченнымъ и все меньше и меньше слушалъ моихъ совѣтовъ да и вообще кого-либо другого. Восторгъ по поводу успѣховъ Брусилова мало по малу потухалъ, а взамѣнъ на фронтъ приходили изъ столицы все болѣе неутѣшительныя вѣсти. Верховный Главнокомандующій пятнадцатимилліонной арміей сидѣлъ блѣдный и молчаливый въ своей Ставкѣ, переведенной ранней осенью въ Могилевъ. Докладывая Государю объ успѣхахъ нашей авіаціи и нашихъ возможностяхъ бороться съ налетами нѣмцевъ, я замѣчалъ, что онъ только и думалъ о томъ, когда же я наконецъ окончу мою рѣчь и оставлю его въ покоѣ, наединѣ со своими думами. Когда я перемѣнилъ тему разговора и затронулъ политическую жизнь въ С. Петербургѣ, въ его глазахъ появились недовѣріе и холодность. Этого выраженія, за всю нашу сорокалѣтнюю дружбу, я еще у него никогда не видѣлъ.

Я остался къ завтраку, который былъ поданъ въ саду, прилегавшемъ къ канцеляріи Ставки. Бесѣда была натянутой. Присутствовавшіе были главнымъ образомъ заинтересованы живыми репликами двѣнадцатилѣтняго Цесаревича, пріѣхавшаго въ гости къ своему отцу въ Мо-

гилевъ. Послѣ завтрака я отправился къ моему брату Великому Князю Сергѣю Михайловичу, бывшему генералъ-инспекторомъ артиллеріи и имѣлъ съ нимъ бесѣду. По сравненію съ Сергѣемъ Михайловичемъ, братъ мой — Николай Михайловичъ былъ прямо оптимистомъ! Послѣдній по крайней мѣрѣ находилъ средства къ борьбѣ въ видѣ необходимыхъ реформъ. Настроеніе Сергѣя было прямо безнадежнымъ. Живя въ непосредственной близости отъ Государя, Сергѣй видѣлъ, какъ приближается катастрофа:

— Возвращайся къ своей работѣ и моли Бога, чтобы у насъ не произошло революціи еще въ теченіе года. Армія находится въ прекрасномъ состояніи. Артиллерія, снабженіе, техническія войска — все готово для рѣшительнаго наступленія весною 1917 года. На этотъ разъ мы разобьемъ нѣмцевъ и австрійцевъ, конечно, если тылъ не свяжетъ свободу нашихъ дѣйствій. Нѣмцы могутъ быть спасены только въ томъ случаѣ, если спровоцируютъ у насъ революцію въ тылу. Они это прекрасно знаютъ и стремятся добиться этого во что бы то ни стало. Если Государь будетъ поступать и впредь такъ, какъ онъ дѣлалъ до сихъ поръ, то мы не сможемъ долго противостоять революціи.

Я вполнѣ довѣрялъ Сергѣю. Его точный математическій умъ не былъ способенъ на необоснованныя предположенія. Его утвержденія основывались на всесторонней освѣдомленности и тщательномъ анализѣ секретныхъ донесеній.

Нашъ разговоръ происходилъ въ маленькомъ огородикѣ, который былъ разведенъ позади квартиры Сергѣя.

— Это меня развлекаетъ, — смущенно объяснилъ Сергѣй.

Я его понялъ и позавидовалъ ему. Въ обществѣ людей, помѣшавшихся на пролитіи крови, разведеніе капусты и картофеля служило для моего брата Сергѣя отвлекающимъ средствомъ, дающимъ какой-то смыслъ жизни. Что касается моихъ досуговъ, то я посвящалъ ихъ размышленіемъ о банкротствѣ офиціальнаго христіанства.

7.

17 декабря рано утромъ мой адъютантъ вошелъ въ столовую съ широкой улыбкой на лицѣ:

— Ваше Императорское Высочество,—сказалъ онъ торжествующе: — Распутинъ убитъ прошлой ночью въ домѣ вашего зятя, князя Феликса Юсупова.

— Въ домѣ Феликса? Вы увѣрены?

— Такъ точно! Полагаю, что вы должны испытывать большое удовлетвореніе по этому поводу, такъ какъ князь Юсуповъ убилъ Распутина собственноручно, и его соучастникомъ былъ Великій Князь Дмитрій Павловичъ.

Невольно мысли мои обратились къ моей любимой дочери Иринѣ, которая проживала въ Крыму съ родителями мужа. Мой адъютантъ удивился моей сдержанности. Онъ разсказывалъ, что жители Кіева поздравляютъ другъ друга съ радостнымъ событіемъ на улицѣ и восторгаются мужествомъ Феликса. Я этого ожидалъ, такъ какъ самъ радовался тому, что Распутина уже болѣе нѣтъ въ живыхъ, но въ этомъ дѣлѣ возникало два опасенія. Какъ отнесется къ убійству Распутина Императрица и въ какой мѣрѣ будетъ отвѣтственна Царская Фамилія за преступленіе, совершенное при участіи двухъ ея сочленовъ?

Я нашелъ вдовствующую Императрицу еще въ спальнѣ и первый сообщилъ ей объ убійствѣ Распутина.

— Нѣтъ? Нѣтъ? — вскочила она.

Когда она слыхала что-нибудь трвожное, она всегда выражала свой страхъ и опасенія этимъ полувопросительнымъ, полувосклицательнымъ: «Нѣтъ?»

На событіе она реагировала точно такъ же какъ и я:

— Славу Богу, Распутинъ убранъ съ дороги. Но насъ ожидаютъ теперь еще большія несчастія.

Мысль о томъ, что мужъ ея внучки и ея племянникъ обагрили руки кровью, причиняла ей большія страданія. Какъ Императрица она сочувствовала, но какъ христіанка она не могла не быть противъ пролитіи крови, какъ бы ни были доблестны побужденія виновниковъ. Мы рѣшили просить Никки разрѣшить намъ пріѣхать въ Петербургъ. Вскорѣ пришелъ изъ Царскаго Села утвердительный от-

вѣть. Никки покинулъ Ставку рано утромъ и поспѣшилъ къ своей женѣ.

Прибывъ въ Петроградъ, я былъ совершенно подавленъ царившей въ немъ сгущенной атмосферой обычныхъ слуховъ и мерзкихъ сплетенъ, къ которымъ теперь присоединилось злорадное ликованіе по поводу убійства Распутина и стремленіе прославлять Феликса и Дмитрія Павловича. Оба «національные героя» признались мнѣ, что принимали участіе въ убійствѣ, но отказались, однако, мнѣ открыть имя главнаго убійцы. Позднѣе я понялъ, что они этимъ хотѣли прикрыть Пуришкевича, сдѣлавшаго послѣдній смертельный выстрѣлъ.

Члены Императорской семьи просили меня заступиться за Дмитрія и Феликса предъ Государемъ. Я это собирался сдѣлать и такъ, хотя меня и мутило отъ всѣхъ ихъ разговоровъ и жестокости. Они бѣгали взадъ и впередъ, совѣщались, сплетничали и написали Никки преглупое письмо. Все это имѣло такой видъ, какъ будто они ожидали, что Императоръ Всероссійскій наградитъ своихъ родныхъ за содѣянное ими тяжкое преступленіе!

— Ты какой-то странный, Сандро! Ты не сознаешь, что Феликсъ и Дмитрій спасли Россію!

Они называли меня «страннымъ», потому что я не могъ забыть о томъ, что Никки, какъ верховный судья надъ своими подданными, былъ обязанъ наказать убійцъ, и, въ особенности, если они были членами его семьи.

Я молилъ Бога, чтобы Никки встрѣтилъ меня сурово.

Меня ожидало разочарованіе. Онъ обнялъ меня и сталъ со мною разговаривать съ преувеличенной добротой. Онъ меня зналъ слишкомъ хорошо, чтобы понимать, что всѣ мои симпатіи были на его сторонѣ, и только мой долгъ отца по отношенію къ Иринѣ заставилъ меня пріѣхать въ Царское Село.

Я произнесъ защитительную, полную убѣжденія рѣчь. Я просилъ Государя не смотрѣть на Феликса и Дмитрія Павловича, какъ на обыкновенныхъ убійцъ, а какъ на патріотовъ, пошедшихъ по ложному пути и вдохновленныхъ желаніемъ спасти родину.

— Ты очень хорошо говоришь, — сказалъ Государь, помолчавъ: — но вѣдь ты согласишься съ тѣмъ, что никто — будь онъ Великій Князь или же простой мужикъ — не имѣетъ права убивать.

Онъ попалъ въ точку. Никки, конечно, не обладалъ такимъ блестящимъ даромъ слова, какъ нѣкоторые изъ его родственниковъ, но въ основахъ правосудія разбирался твердо.

Когда мы прощались, онъ далъ мнѣ обѣщаніе быть милостивымъ въ выборѣ наказаній для двухъ виновныхъ. Произошло, однако, такъ, что ихъ совершенно не наказали. Дмитрія Павловича сослали на персидскій фронтъ въ распоряженіе генерала Баратова, Феликсу же было предписано выѣхать въ его уютное имѣніе въ Курской губерніи. На слѣдующій день я выѣхалъ въ Кіевъ съ Феликсомъ и Ириной, которая, узнавъ о происшедшемъ, пріѣхала въ Петербургъ изъ Крыма. Находясь въ ихъ вагонѣ, я узналъ во всѣхъ подробностяхъ кошмарныя обстоятельства убійства. Я хотѣлъ тогда, какъ желаю этого и теперь, чтобы Феликсъ раскаялся бы въ своемъ поступкѣ и понялъ, что никакія громкія слова, никакое одобреніе толпы не могутъ оправдать въ глазахъ истаго христіанина этого преступленія.

По возвращеніи въ Кіевъ, я отправилъ Никки пространное письмо, высказывая мое мнѣніе о тѣхъ мѣрахъ, которыя, по моему мнѣнію, были необходимы, чтобы спасти армію и Имперію отъ надвигающейся революціи. Мое шестидневное пребываніе въ Петроградѣ не оставило во мнѣ ни капли сомнѣнія, что начала революціи слѣдовало ожидать никакъ не позже весны. Самое печальное было то, что я узналъ, какъ поощрялъ заговорщиковъ британскій посолъ при Императорскомъ дворѣ сэръ Джорджъ Бьюкененъ. Онъ вообразилъ себѣ, что этимъ своимъ поведеніемъ онъ лучше всего защититъ интересы союзниковъ, и что грядущее либеральное русское правительство поведетъ Россію отъ побѣды къ побѣдѣ. Онъ понялъ свою ошибку уже 24 часа послѣ торжества революціи и, нѣсколько лѣтъ спустя, написалъ объ этомъ въ своемъ полномъ благородства «post mortem». Императоръ Александръ III выбросилъ бы такого дипломата за предѣлы

Россіи, даже не возвративъ ему его ввѣрительныхъ грамотъ, но Николай II терпѣлъ все.

8.

Въ началѣ февраля 1917 года я получилъ предложеніе изъ Ставки принять участіе въ работахъ въ Петербургѣ комиссіи, при участіи представителей союзныхъ державъ, для выясненія нуждъ нашей арміи въ снабженіи на слѣдующіе 12 мѣсяцевъ. Я радовался случаю увидѣться съ Аликсъ. Въ декабрѣ я не счелъ возможнымъ усугублять ея отчаянія, но теперь мнѣ все-таки хотѣлось высказать ей мое мнѣніе. Я ожидалъ каждый день въ столицѣ начала возстанія. Нѣкоторые «тайновѣды» увѣряли, что дѣло ограничится тѣмъ, что произойдетъ «дворцовый переворотъ», т. е. Царь будетъ вынужденъ отречься отъ престола въ пользу своего сына Алексѣя, и что верховная власть будетъ вручена особому совѣту, состоящему изъ людей, которые «понимаютъ русскій народъ». Этотъ планъ поразилъ меня. Я еще не видѣлъ такого человѣка, который понималъ бы русскій народъ. Вся эта идея казалась измышленіемъ иностраннаго ума и, повидимому, исходила изъ стѣнъ британскаго посольства. Одинъ красивый и богатый кіевлянинъ, извѣстный дотолѣ лишь въ качествѣ балетомана, посѣтилъ меня и разсказывалъ мнѣ что-то чрезвычайно невразумительное на ту же тему о дворцовомъ переворотѣ. Я отвѣтилъ ему, что онъ со своими изліяніями обратился не по адресу, такъ какъ Великій Князь, вѣрный присягѣ, не можетъ слушать подобные разговоры. Его глупость спасла его отъ болѣе непріятныхъ послѣдствій.

Я посѣтилъ снова Петроградъ, къ счастью, въ послѣдній разъ въ жизни. Въ день, назначенный для моего разговора съ Аликсъ, изъ Царскаго Села пришло извѣстіе, что Императрица себя плохо чувствуетъ и не можетъ меня принять. Я написалъ ей очень убѣдительное письмо, прося меня принять, такъ какъ я могъ остаться въ столицѣ всего два дня. Въ ожиданіи ея отвѣта, я бесѣдовалъ съ разными лицами. Мой шуринъ Миша былъ въ это время тоже въ городѣ. Онъ предложилъ мнѣ,

чтобы мы оба переговорили съ его царственнымъ братомъ, послѣ того, какъ мнѣ удастся увидѣть Аликсъ. Предсѣдатель Государственной Думы М. Родзянко явился ко мнѣ съ цѣлымъ ворохомъ новостей, теорій и антидинастическихъ плановъ. Его дерзость не имѣла границъ. Въ соединеніи съ его умственными недостатками, она дѣлала его похожимъ на персонажъ изъ Мольеровской комедіи. Не прошло и мѣсяца, какъ онъ наградилъ прапорщика Л.-гв. Волынскаго полка Кирпичникова Георгіевскимъ крестомъ за то, что онъ убилъ предъ фронтомъ своего командира. А девять мѣсяцевъ спустя Родзянко былъ вынужденъ бѣжать изъ С. Петербурга, спасаясь отъ большевиковъ.

Я получилъ, наконецъ, приглашеніе отъ Аликсъ на завтракъ въ Царскомъ Селѣ. Эти завтраки! Казалось, половина лѣтъ моей жизни была потеряна на завтраки въ Царскомъ Селѣ!

Аликсъ была въ кровати и обѣщала принять меня, какъ только я встану отъ стола. За столомъ насъ было восьмеро: Никки, я, Наслѣдникъ, четыре дочери Государя и флигель-адъютантъ Линевичъ. Дѣвушки были въ формѣ сестеръ милосердія и разсказывали о своей работѣ въ госпиталяхъ. Я не видѣлъ ихъ съ первыхъ недѣль войны и нашелъ ихъ возмужавшими и очень похорошѣвшими. Старшая, Ольга, была похожа характеромъ на свою тетку и тезку Великую Княгиню Ольгу Александровну. Вторая — Татьяна — была самой красивой въ семьѣ. Всѣ онѣ были въ превосходномъ настроеніи и въ полномъ невѣдѣніи относительно политическихъ событій. Онѣ шутили со своимъ братомъ и расхваливали тетю Олю. Это было въ послѣдній разъ, что я сидѣлъ за столомъ въ Царскомъ Селѣ и видѣлъ Царскихъ дѣтей.

Мы пили кофе въ лиловой гостиной. Никки направился въ прилегающую спальню, чтобы сообщить о моемъ приходѣ Аликсъ.

Я вошелъ бодро. Аликсъ лежала въ постели въ бѣломъ пенюарѣ съ кружевами. Ея красивое лицо было серьезно и не предсказывало ничего добраго. Я понялъ, что подвергнусь нападкамъ. Это меня огорчило. Вѣдь я собирался помочь, а не причинить вредъ. Мнѣ также не понравился видъ Никки, сидѣвшаго у широкой посте-

ли. Въ моемъ письмѣ къ Аликсъ я подчеркнулъ слова: «Я хочу васъ видѣть совершенно одну, чтобы говорить съ глазу-на-глазъ». Было тяжело и неловко упрекать ее въ томъ, что она влечетъ своего мужа въ бездну въ присутствіи его самаго.

Я поцѣловалъ ея руку, и ея губы едва прикоснулись къ моей щекѣ. Это было самое холодное привѣтствіе, съ которымъ она когда-либо встрѣчала меня съ перваго дня нашего знакомства, въ 1893 году. Я взялъ стулъ, придвинулъ его близко къ кровати и сѣлъ противъ стѣны, покрытой безчисленными иконами и освѣщенной голубыми и красными лампадами.

Я началъ съ того, что, показавъ на иконы, сказалъ, что буду говорить съ Аликсъ, какъ на духу. Я кратко обрисовалъ общее политическое положеніе, подчеркивая тотъ фактъ, что революціонная пропаганда проникла въ гущу населенія, и что всѣ клеветы и сплетни принимались имъ за правду.

Она рѣзко перебила меня:

— Это неправда! Народъ попрежнему преданъ Царю. (Она повернулась къ Никки). — Только предатели въ Думѣ и въ петроградскомъ обществѣ мои и его враги.

Я согласился, что она отчасти права.

— Нѣтъ ничего опаснѣе полуправды, Аликсъ, — сказалъ я, глядя ей прямо въ лицо. — Нація вѣрна Царю, но нація негодуетъ по поводу того вліянія, которымъ пользовался Распутинъ. Никто лучше меня не знаетъ, какъ вы любите Никки, но все же я долженъ признать, что ваше вмѣшательство въ дѣла управленія приноситъ престижу Никки и народному представленію о самодержцѣ вредъ. Въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ, Аликсъ, я былъ вашимъ вѣрнымъ другомъ. Я и теперь вашъ вѣрный другъ, но на правахъ таковаго, я хочу, чтобы вы поняли, что всѣ классы населенія Россіи настроены къ вашей политикѣ враждебно. У васъ чудная семья. Почему же вамъ не сосредоточить ваши заботы на томъ, что дастъ вашей душѣ миръ и гармонію? Предоставьте вашему супругу государственныя дѣла!

Она вспыхнула и взглянула на Никки. Онъ промолчалъ и продолжалъ курить.

Я продолжалъ. Я объяснилъ, что, какимъ бы я ни

былъ врагомъ парламентарныхъ формъ правленія въ Россіи, я былъ убѣжденъ, что, если бы Государь въ этотъ опаснѣйшій моментъ образовалъ правительство, пріемлемое для Государственной Думы, то этотъ поступокъ уменьшилъ бы отвѣтственность Никки и облегчилъ его задачу.

— Ради Бога, Аликсъ, пусть ваши чувства раздраженія противъ Государственной Думы не преобладаютъ надъ здравымъ смысломъ. Коренное измѣненіе политики смягчило бы народный гнѣвъ. Не давайте этому гнѣву взорваться.

Она презрительно улыбнулась.

— Все, что вы говорите, смѣшно! Никки — Самодержецъ! Какъ можетъ онъ дѣлить съ кѣмъ бы то ни было свои божественныя права?

— Вы ошибаетесь, Аликсъ. Вашъ супругъ пересталъ быть Самодержцемъ 17 октября 1905 года. Надо было тогда думать о его «божественныхъ правахъ». Теперь это — увы — слишкомъ поздно! Быть можетъ, чрезъ два мѣсяца въ Россіи не останется камня на камнѣ, что бы напоминало намъ о Самодержцахъ, сидѣвшихъ на тронѣ нашихъ предковъ.

Она отвѣтила какъ-то неопредѣленно и вдругъ возвысила голосъ. Я послѣдовалъ ея примѣру. Мнѣ казалось, что я долженъ измѣнить свою манеру говорить.

— Не забывайте, Аликсъ, что я молчалъ тридцать мѣсяцевъ, — кричалъ я: — въ страшномъ гнѣвѣ. Я не проронилъ въ теченіе тридцати мѣсяцевъ ни слова о томъ, что творилось въ составѣ нашего правительства, или, вѣрнѣе говоря, вашего правительства. Я вижу, что вы готовы погибнуть вмѣстѣ съ вашимъ мужемъ, но не забывайте о насъ! Развѣ всѣ мы должны страдать за ваше слѣпое безразсудство? Вы не имѣете права увлекать за собою вашихъ родственниковъ въ пропасть.

— Я отказываюсь продолжать этотъ споръ, — холодно сказала она. — Вы преувеличиваете опасность. Когда вы будете менѣе возбуждены, вы сознаете, что я была права.

Я всталъ, поцѣловалъ ея руку, причемъ въ отвѣтъ не получилъ обычнаго поцѣлуя, и вышелъ. Больше я никогда не видѣлъ Аликсъ.

Проходя чрезъ лиловую гостиную, я видѣлъ флигель-адъютанта Царя, который разговаривалъ съ Ольгой и Татьяной. Его присутствіе вблизи спальни Царицы удивило меня. Фрейлина Государыни А. Вырубова, бывшая одною изъ главныхъ поклонницъ Распутина, говоритъ по этому поводу въ своихъ мемуарахъ, что «Царица боялась, чтобы Великій Князь Александръ не вышелъ бы изъ себя и не рѣшился бы на отчаянный шагъ». Если это было такъ, что значитъ Аликсъ не отдавала отчета въ своихъ поступкахъ, и это явилось бы объясненіемъ ея дѣйствій.

На слѣдующій день Великій Князь Михаилъ Александровичъ и я говорили снова съ Государемъ, понапрасну теряя время. Когда наступила моя очередь говорить, я былъ такъ взволнованъ, что не могъ произнести ни слова.

— Спасибо, Сандро, за письмо, которое ты мнѣ прислалъ изъ Кіева. — Это было единственнымъ отвѣтомъ Государя на многочисленныя страницы моихъ совѣтовъ.

Хлѣбные хвосты въ Петроградѣ становились все длиннѣе и длиннѣе, хотя пшеница и рожь гнили вдоль всего великаго Сибирскаго пути и въ юго-западномъ краѣ. Гарнизонъ столицы, состоявшій изъ новобранцевъ и запасныхъ, конечно, былъ слишкомъ ненадежной опорой въ случаѣ серьезныхъ безпорядковъ. Я спросилъ у военнаго начальства, собирается ли оно вызывать съ фронта надежныя части? Мнѣ отвѣтили, что ожидается прибытіе съ фронта тринадцати гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Позднѣе я узналъ, что измѣнники, сидѣвшіе въ Ставкѣ, подъ вліяніемъ лидеровъ Государственной Думы, осмѣлились этотъ приказъ Государя отмѣнить.

9.

Какъ бы мнѣ хотѣлось позабыть этотъ проклятый февраль 1917 года! Каждый день мнѣ приходилось встрѣчаться съ кѣмъ-либо изъ моихъ родственниковъ или друзей, которыхъ мнѣ болѣе уже не суждено было увидѣть: я видѣлъ моего брата Николая Михайловича, другого моего брата Георгія Михайловича, моего шурина Михаила Александровича, моихъ двоюродныхъ братьевъ Павла

Александровича и Дмитрія Константиновича и многихъ, многихъ другихъ.

Мой братъ Георгій Михайловичъ проѣхалъ въ Кіевъ по дорогѣ въ Ставку. Съ самаго начала войны онъ занималъ должность Особоуполномоченнаго Государя и имѣлъ задачей объѣзжать фронтъ и дѣлать донесенія объ общемъ положеніи. Его наблюденія подтвердили мои самыя худшія опасенія. Армія и заговорщики были готовы, чтобы разрушить Имперію.

Я ушелъ съ головою въ работу и болѣе уже не обращалъ ни на что вниманія. Если о нашей боеспособности можно было судить по развитію нашихъ воздушныхъ силъ, то дѣла наши на фронтѣ обстояли блестяще. Сотни самолетовъ, управляемыхъ искусными офицерами-летчиками и вооруженные пулеметами новѣйшаго образца, ожидали только приказа, чтобы вылетѣть въ бой. Летая надъ фронтомъ, они видѣли за фронтомъ противника признаки отступленія, и они искренно желали, чтобы Верховный Главнокомандующій одержалъ бы наконецъ побѣду «въ собственной столицѣ». Это были прекрасные молодые люди, образованные, преданные своему дѣлу и горячіе патріоты. Два съ половиной года тому назадъ я началъ свою работу въ салонъ-вагонѣ, въ которомъ помѣщалась и моя канцелярія, и наши боевыя силы. Теперь — цѣлый рядъ авіаціонныхъ школъ работалъ полнымъ ходомъ, и три новыхъ авіаціонныхъ завода ежедневно вырабатывали самолеты въ дополненіе къ тѣмъ, которые нами безпрерывно получались изъ Англіи и Франціи.

Развязка наступила самымъ неожиданнымъ образомъ. Утреннія газеты принесли извѣстіе о томъ, что забастовочное движеніе рабочихъ заводовъ въ Петроградѣ, работавшихъ на оборону, разросталось. Это было, въ виду нашего предстоящаго наступленія, очень прискорбно, хотя случалось и раньше. Телеграммы, полученныя ночью, говорили о томъ, что главной причиной забастовокъ было отсутствіе въ столицѣ въ пекарняхъ хлѣба. Это было неправдой. Изъ-за непорядковъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, Петроградъ, правда, испытывалъ нѣкоторый недостатокъ въ снабженіи хлѣбомъ, но этотъ недостатокъ никогда не могъ имѣть своимъ послѣдствіемъ го-

лодъ населенія. Черезъ часъ пришло извѣстіе о первыхъ столкновеніяхъ между толпой и войсками петроградскаго гарнизона. Все это было слишкомъ понятно: недостатокъ хлѣба въ столицѣ долженъ былъ явиться сигналомъ для революціоннаго выступленія Государственной Думы.

На слѣдующее утро я телеграфировалъ Никки, предлагая ему прибыть въ Ставку, и отдавалъ себя въ полное его распоряженіе. Одновременно я вызвалъ моего брата Сергѣя Михайловича къ телефону. Его голосъ звучалъ очень озабоченно:

— Дѣла въ Петроградѣ обстоятъ все хуже и хуже, — нервно сказалъ онъ. — Столкновенія на улицахъ продолжаются, и можно съ минуту на минуту ожидать, что войска перейдутъ на сторону мятежниковъ.

— Но что же дѣлаютъ части гвардейской кавалеріи? Неужели же и на нихъ нельзя болѣе положиться?

— Какимъ-то страннымъ и таинственнымъ образомъ приказъ объ ихъ отправкѣ въ Петербургъ былъ отмѣненъ. Гвардейская кавалерія и не думала покидать фронтъ.

Отъ Никки я получилъ отвѣтъ: «Благодарю. Когда ты будешь нуженъ, я сообщу. Привѣтъ. Никки».

Онъ былъ въ Ставкѣ совершенно одинъ. Единственно, кто могъ дать ему совѣтъ — это братъ мой Сергѣй Михайловичъ. Я вспомнилъ о генералахъ-измѣнникахъ, которые окружали Государя, и чувствовалъ, что поѣду въ Ставку безъ разрѣшенія. Помѣщеніе главнаго телеграфа, откуда я говорилъ съ Сергѣемъ, гудѣло, какъ потревоженный улей. Лица служащихъ, которые, конечно, всѣ были врагами существующаго строя, безъ словъ говорили о томъ, что было недосказано Ставкой и газетами. Весь этотъ день я провелъ во дворцѣ Вдовствующей Императрицы. Не нахожу словъ, чтобы описать ея волненіе и горе. Преданные Императрицѣ люди заходили къ ней чтобы сообщить о слухахъ и «непровѣренныхъ версіяхъ» о послѣднихъ событіяхъ въ столицѣ.

Въ шесть часовъ меня вызвали на главный телеграфъ для разговора съ Сергѣемъ по прямому проводу.

— Никки выѣхалъ вчера въ Петроградъ, но желѣзнодорожные служащіе, слѣдуя приказу Особаго комитета Государственной Думы, задержали императорскій по-

ѣздъ на станціи Дно и повернули его въ направленіи къ Пскову. Онъ въ поѣздѣ совершенно одинъ. Его хочетъ видѣть делегація членовъ Государственной Думы, чтобы предъявить ультимативныя требованія. Петроградскія войска присоединились къ возставшимъ.

Это было все. Сергѣй торопился.

Прошелъ еще одинъ день невѣроятныхъ слуховъ. Вдовствующая Императрица, Ольга и я болѣе не находили словъ. Мы смотрѣли молча другъ на друга. Я думалъ о судьбѣ Имперіи, онѣ — о своемъ сынѣ и братѣ.

Мой адъютантъ разбудилъ меня на разсвѣтѣ. Онъ подалъ мнѣ печатный листъ. Это былъ манифестъ Государя объ отреченіи. Никки отказался разстаться съ Алексѣемъ и отрекся въ пользу Михаила Александровича. Я сидѣлъ въ постели и перечитывалъ этотъ документъ. Вѣроятно, Никки потерялъ разсудокъ. Съ какихъ поръ Самодержецъ Всероссійскій можетъ отречься отъ данной ему Богомъ власти изъ за мятежа въ столицѣ, вызваннаго недостаткомъ хлѣба? Измѣна Петроградскаго гарнизона? Но вѣдь въ его распоряженіи находилась пятнадцатимилліонная армія. — Все это, включая и его поѣздку въ Петроградъ, казалось тогда въ 1917 году совершенно невѣроятнымъ. И продолжаетъ мнѣ казаться невѣроятнымъ и до сихъ поръ.

Я долженъ былъ одѣться, чтобы пойти къ Маріи Федоровнѣ и разбить ей сердце вѣстью объ отреченіи сына. Мы заказали поѣздъ въ Ставку, такъ какъ получили тѣмъ временемъ извѣстіе, что Никки было дано «разрѣшеніе» вернуться въ Ставку, чтобы проститься со своимъ штабомъ.

По пріѣздѣ въ Могилевъ, поѣздъ нашъ поставили на «императорскомъ пути», откуда Государь обычно отправлялся въ столицу. Черезъ минуту къ станціи подъѣхалъ автомобиль Никки. Онъ медленно прошелъ по платформѣ, поздоровался съ двумя казаками конвоя, стоявшими у входа въ вагонъ его матери, и вошелъ. Онъ былъ блѣденъ, но ничто другое въ его внѣшности не говорило о томъ, что онъ былъ авторомъ этого ужаснаго манифеста. Государь остался наединѣ съ матерью въ теченіе двухъ часовъ. Вдовствующая Императрица никогда мнѣ потомъ не разсказала, о чемъ они говорили. Когда

меня вызвали къ нимъ, Марія Федоровна сидѣла и плакала навзрыдъ, онъ же неподвижно стоялъ, глядя себѣ подъ ноги и, конечно, курилъ. Мы обнялись. Я не зналъ, что ему сказать. Его спокойствіе свидѣтельствовало о томъ, что онъ твердо вѣрилъ въ правильность принятаго имъ рѣшенія, хотя и упрекалъ своего брата Михаила Александровича за то, что онъ своимъ отреченіемъ оставилъ Россію безъ Императора.

— Миша не долженъ было этого дѣлать, — наставительно закончилъ онъ. — Удивляюсь, кто далъ ему такой странный совѣтъ.

Это замѣчаніе, исходившее отъ человѣка, который только что отдалъ шестую часть вселенной горсточкѣ недисциплинированныхъ солдатъ и бастующихъ рабочихъ, лишило меня дара рѣчи. Послѣ неловкой паузы, онъ сталъ объяснять причины своего рѣшенія. Главныя изъ нихъ были: 1) Желаніе избѣжать въ Россіи гражданскаго междуусобія. 2) Желаніе удержать армію въ сторонѣ отъ политики для того, чтобы она могла продолжать дѣлать общее съ союзниками дѣло, и 3) Вѣра въ то, что Временное Правительство будетъ править Россіей болѣе успѣшно, чѣмъ онъ.

Ни одинъ изъ этихъ трехъ доводовъ не казался мнѣ убѣдительнымъ. Даже на второй день новой «Свободной Россіи» у меня не было никакихъ сомнѣній въ томъ, что гражданская война въ Россіи неизбѣжна, и что развалъ нашей арміи является вопросомъ ближайшаго будущаго. Между тѣмъ, сутки борьбы въ предмѣстіяхъ столицы — и отъ всего этого «жуткаго сна» не осталось бы и слѣда.

Онъ показалъ мнѣ пачку телеграммъ, полученныхъ отъ главнокомандующихъ разными фронтами въ отвѣтъ на его запросъ. За исключеніемъ генерала Гурко, всѣ они и, между ними генералы Брусиловъ, Алексѣевъ и Рузскій, совѣтовали Государю немедленно отречься отъ престола. Онъ никогда не былъ высокаго мнѣнія объ этихъ военачальникахъ и оставилъ безъ вниманіе ихъ предательство. Но вотъ въ глубинѣ пакета онъ нашелъ еще одну телеграмму, съ совѣтомъ немедленно отречься, и она была подписана Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

— Даже онъ! — сказалъ Никки и впервые голосъ его дрогнулъ.

Доложили, что завтракъ поданъ. Мнѣ казалось, что графъ Б. В. Фредериксъ и нѣсколько чиновъ ближайшаго штаба Государя сидѣли съ нами за столомъ. Я говорю «мнѣ казалось», потому что темнота застилала мои глаза. Я предпочелъ бы быть заживо сожженнымъ, чѣмъ пережить снова этотъ завтракъ! Банальности, успокаивающая ложь, преувеличенная вѣжливость прислуги, заплаканное лицо моей тещи, мелькающая рука Никки, которая всовывала въ мундштукъ новую папиросу, и раздирающіе мою душу самоупреки, быть можетъ, я не сдѣлалъ всего, чтобы предотвратить катастрофу, воспоминанія объ Аликсъ, лежащей въ постели, съ лицомъ полнымъ холодной ненависти. У меня болѣла голова и въ ушахъ звенѣло. Я ѣлъ автоматически, стараясь избѣжать взглядовъ Никки.

Послѣ завтрака я видѣлъ моего брата Сергѣя, который читалъ первый приказъ Временнаго Правительства. Солдаты всѣхъ родовъ оружія приглашались новыми правителями сформировать комитеты или совѣты и избрать на командныя должности угодныхъ имъ офицеровъ. Этотъ же знаменитый «Приказъ № 1» объявлялъ объ уничтоженіи военной дисциплины, объ отмѣнѣ отданія чести и пр.

— Это же конецъ русской арміи! — сказалъ Сергѣй. — Самъ Гинденбургъ не могъ бы внести никакихъ дополненій въ этотъ приказъ. Гарнизонъ Выборга уже перерѣзалъ своихъ офицеровъ. Остальные не замедлятъ послѣдовать этому примѣру.

Мы оставались въ Ставкѣ еще три дня, и каждая минута этого пребыванія твердо запечаталась въ моей памяти.

Первый день.

Генералъ Алексѣевъ проситъ всѣхъ насъ собраться въ главномъ залѣ Могилевской Ставки. Никки хочетъ обратиться съ прощальнымъ словомъ къ своему бывшему штабу. Къ одиннадцати часамъ зала переполнена: генералы, штабъ- и оберъ-офицеры и лица свиты. Входитъ Никки, спокойный, сдержанный, съ чѣмъ-то похожимъ на

улыбку на губахъ. Онъ благодаритъ свой штабъ и проситъ всѣхъ продолжать работу «съ прежнимъ усердіемъ и жертвенностью». Онъ проситъ всѣхъ забыть вражду, служить вѣрой и правдой Россіи и вести нашу армію къ побѣдѣ. Потомъ онъ произноситъ свои прощальныя слова, короткими военными фразами, избѣгая патетическихъ словъ. Его скромность производитъ на присутствующихъ громадное впечатлѣніе. Мы кричимъ «ура», какъ никогда еще не кричали за послѣдніе двадцать три года. Старые генералы плачутъ. Еще мгновеніе и кто-нибудь выступитъ впередъ и станетъ молить Никки измѣнить принятое имъ рѣшеніе. Но все напрасно: Самодержецъ Всероссійской не беретъ своихъ словъ обратно! Никки кланяется и выходитъ. Мы завтракаемъ. Мы обѣдаемъ. Разговоры не клеются. Мы говоримъ о годахъ нашего дѣтства въ Ливадійскомъ дворцѣ.

Всю ночь я слѣжу за освѣщеннымъ городомъ и прислушиваюсь къ радостнымъ крикамъ толпы. Окна вагона старой Императрицы освѣщены. Временное Правительство оттягиваетъ свое рѣшеніе, можетъ ли Никки вернуться къ семьѣ въ Царское Село. Никки безпокоится объ Аликсъ. Она одна, и всѣ четверо дочерей больны корью.

Второй день.

Генералъ Алексѣевъ проситъ насъ присягнуть Временному Правительству. Онъ, повидимому, въ восторгѣ: новые владыки, въ воздаяніе его заслугъ предъ революціей, обѣщаютъ назначить его Верховнымъ Главнокомандующимъ!

Войска выстраиваются предъ домомъ, въ которомъ живетъ Государь. Я узнаю форму личной охраны Государя. Это батальонъ георгіевскихъ кавалеровъ, отдѣленіе гвардейскаго желѣзнодорожнаго батальона, моя авіаціонная группа и всѣ офицеры штаба.

Мы стоимъ за генераломъ Алксѣевымъ. Я не знаю, какъ чувствуютъ себя остальные, но лично не могу понять, какъ можно давать клятву вѣрности группѣ интригановъ, которые только что измѣнили данной присягѣ. Священникъ произноситъ слова, которыя я не хочу слу-

шать. Затѣмъ слѣдуетъ молебенъ. Впервые за триста четыре года существованія монархіи, на молебнѣ не упоминается имени Государя. Мои мысли съ Никки, который до окончанія этой церемоніи находится у себя. Что-то онъ переживаетъ въ этотъ моментъ. Наконецъ, Временное Правительство снизошло до его просьбы, и его отъѣздъ назначенъ на завтра. Въ четыре часа дня онъ и Сергѣй должны уѣхать въ Петроградъ. Я же и вдовствующая Императрица отправляемся въ Кіевъ.

Отсутствіе всѣхъ остальныхъ членовъ Императорской фамиліи вызываетъ во мнѣ чувство горечи. Неужели они боялись, что, пріѣхавъ въ Ставку, они рискуютъ своимъ положеніемъ предъ Временнымъ Правительствомъ или же эта поѣздка имъ запрещена. Этотъ вопросъ такъ и остался безъ отвѣта.

Третій день.

Мы завтракаемъ вмѣстѣ. Никки старается подбодрить свою мать. Онъ надѣется «скоро» увидѣться съ нею. Что-то говоритъ о своемъ отъѣздѣ въ Англію, хотя и предпочитаетъ остаться въ Россіи. Безъ четверти четыре. Его поѣздъ стоитъ на путяхъ напротивъ нашего. Мы встаемъ изъ за стола. Онъ осыпаетъ поцѣлуями лицо матери. Потомъ онъ поворачивается ко мнѣ и мы обнимаемся. Онъ выходитъ, пересѣкаетъ платформу и входитъ въ свой салонъ-вагонъ. Члены Думы, прибывшіе въ Ставку, чтобы конвоировать Никки до Петрограда и въ то же время шпіонить за его приближенными, пожимаютъ руку генералу Алексѣеву. Они дружелюбно раскланиваются. Я не сомнѣваюсь, что у нихъ есть основанія быть благодарными Алексѣеву.

Поѣздъ Никки свиститъ и медленно трогается. Онъ стоитъ въ широкомъ зеркальномъ окнѣ своего вагона. Онъ улыбается и машетъ рукой. Его лицо безконечно грустно. Онъ одѣтъ въ простую блузу защитнаго цвѣта съ орденомъ Св. Георгія на груди. Вдовствующая Императрица, когда поѣздъ Царя скрылся изъ вида, уже не сдерживаетъ больше своихъ рыданій. Входитъ мой братъ

Сергѣй. Черезъ десять минутъ онъ тоже ѣдетъ въ Петроградъ. «Желаю тебѣ счастья, Сергѣй». «Прощай, Сандро». Мы оба сознаемъ, что намъ уже не суждено болѣе встрѣтиться. Нашъ поѣздъ начинаетъ медленно двигаться. Вернувшись въ мое купе и снимая пальто, я замѣчаю отсутствіе императорскихъ вензелей, которые я въ теченіе тридцати лѣтъ носилъ на погонахъ. Я вспоминаю, что Временное Правительство издало по этому поводу какой-то приказъ.

ГЛАВА XVIII.

Бѣгство.

1.

Вернувшись изъ Ставки, я долженъ былъ подумать о моей семьѣ, состоявшей въ то время изъ Императрицы Маріи Федоровны, моей жены Великой Княгини Ксеніи Александровны, моей невѣстки — Великой Княгини Ольги Александровнѣ, моихъ шестерыхъ сыновей и мужа Ольги Александровны, Куликовскаго. Моя дочь Ирина и ея мужъ — князь Юсуповъ, высланный въ свое имѣніе близъ Курска за участіе въ убійствѣ Распутина, присоединились къ намъ въ Крыму немного позднѣе.

Я лично хотѣлъ остаться въ Кіевѣ, чтобы быть поближе къ фронту. Въ моей душѣ не было чувства горечи къ русскому народу. Я любилъ родину, я разсчитывалъ принести ей пользу, будучи на фронтѣ. Я пожертвовалъ десятью годами моей жизни для созданія и развитія нашей военной авіаціи, и мысль о прекращеніи привычной дѣятельности была для меня нестерпима.

Первыя двѣ недѣли все шло благополучно. Мы ходили по улицамъ, смѣшавшись съ толпой, и наблюдали грандіозныя демонстраціи, которыя устраивались по случаю полученной свободы!

Дни были заполнены безконечными митингами, и многочисленные ораторы обѣщали миръ, преуспѣяніе и

свободу. Было трудно понять, какъ все это произойдетъ, пока была война, но, конечно, слѣдовало считаться и съ русской велерѣчивостью.

Вначалѣ населеніе относилось ко мнѣ весьма дружелюбно. Меня останавливали на улицѣ, пожимали руки и говорили, что мои либеральные взгляды хорошо извѣстны. Офицеры и солдаты отдавали мнѣ при встрѣчѣ честь, хотя отданіе чести и было отмѣнено пресловутымъ приказомъ № 1.

Все шло какъ будто прекрасно. Въ провинціи и на окраинахъ революція проходила безкровно, но нужно было остерегаться плановъ нѣмецкаго командованія. Нѣмецкіе стратеги не оправдали бы своей репутаціи, если бы упустили тѣ возможности, которыя открывались для нихъ благодаря нашей революціи. Она являлась для нѣмецкаго командованія послѣднимъ шансомъ, чтобы предотвратить готовившееся весною общее наступленіе. Никакое вмѣшательство въ ихъ пользу со стороны безплотныхъ силъ не могло бы создать болѣе благопріятной для нихъ обстановки, чѣмъ наша революція.

Къ концу марта германскіе агенты всецѣло овладѣли положеніемъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Совершенно безразлично, получили ли большевицкіе главари какія-либо денежныя суммы отъ нѣмецкаго командованія или же ограничились тѣмъ, что приняли предложеніе германскаго правительства проѣхать чрезъ Германію въ запломбированномъ вагонѣ. Вѣдь говорилъ же Ленинъ: «Я бы взялъ на дѣло революціи деньги отъ самого дьявола».

Странные сообщники — Ленинъ и Лудендорфъ — не обманывались относительно другъ друга. Они были готовы пройти часть пути вмѣстѣ къ объединявшей ихъ стремленіе цѣли — разрушенія Россіи. Генералъ старался оставаться серьезнымъ, думая о сумасбродствѣ этого «теоретика» Ленина. Двадцать мѣсяцевъ спустя коммунисты здорово посмѣялись надъ Лудендорфомъ, когда революціонная чернь хотѣла его арестовать въ Берлинѣ, побѣдителя при Танненбергѣ.

На знаменахъ, которыя несли полные революціоннаго энтузіазма манифестанты въ Кіевѣ, четкими буквами были написаны новые политическіе лозунги:

«Мы требуемъ немедленнаго мира!»

«Мы требуемъ возвращенія нашихъ мужей и сыновей съ фронта!»

«Долой правительство капиталистовъ!»

«Намъ нуженъ миръ, а не проливы!»

«Мы требуемъ самостоятельной Украины».

Послѣдній лозунгъ — мастерской ударъ германской стратегіи, нуждается въ поясненіи. Понятіе «Украина» охватывало колоссальную территорію юго-запада Россіи, граничившей на западѣ съ Австріей, центральными губерніями Великороссіи на сѣверѣ и Донецкимъ бассейномъ на востокѣ. Столицей Украины долженъ былъ быть Кіевъ, а Одесса — главнымъ портомъ, который вывозилъ бы пшеницу и сахаръ. Четыре вѣка тому назадъ Украина была территоріей, на которой ожесточенно боролись между собою поляки и свободное казачество, называвшее себя «украинцами». Въ 1649 г. Царь Алексѣй Михайловичъ, по просьбѣ гетмана Богдана Хмельницкаго, взялъ Малороссію подъ «свою высокую руку». Въ составѣ Россійской Имперіи Украина процвѣтала, и русскіе монархи приложили всѣ усилія, чтобы развить ея сельское хозяйство и промышленность. 99% процентовъ населенія «Украины» говорило, читало и писало по-русски, и лишь небольшая группа фанатиковъ, получавшихъ матеріальную поддержку изъ Галиціи, вела пропаганду на украинскомъ языкѣ въ пользу отторженія Украины.

Вильгельмъ II часто дразнилъ своихъ русскихъ кузеновъ на тему о сепаратисткихъ стремленіяхъ украинцевъ, но то, что казалось до революціи невинной шуткой, въ мартѣ 1917 года пріобрѣтало размѣры подлинной катастрофы.

Лидеры украинскаго сепаратистскаго движенія были приглашены въ нѣмецкій генеральный штабъ, гдѣ имъ обѣщали полную независимость Украины, если имъ удастся разложить русскій фронтъ. И вотъ милліоны прокламацій наводнили Кіевъ и другіе крупные населенные пункты Малороссіи. Ихъ лейтмотивомъ было: полное отдѣленіе Украины отъ Россіи. Русскіе должны оставить территорію Украины. Если они хотятъ продолжать войну, то пусть борются на собственной землѣ.

Делегація украинскихъ самостійниковъ отправилась въ С.-Петербургъ и просила Временное Правительство отдать распоряженіе о созданіи украинской арміи изъ всѣхъ уроженцевъ Украины, состоявшихъ въ рядахъ русской арміи. Даже наиболѣе лѣвые члены Временнаго Правительства признали этотъ планъ измѣнническимъ, но украинцы нашли поддержку у большевиковъ. Домогательства украинцевъ были удовлетворены. Вслѣдъ за этимъ нѣмецкій генеральный штабъ сталъ снимать съ восточнаго фронта цѣлыя дивизіи и отправлять ихъ на западный фронтъ. Русскій «паровой катокъ» разлетѣлся на куски.

2.

Воодушевленные своимъ первымъ успѣхомъ, банды нѣмецкихъ агентовъ, провокаторовъ и украинскихъ сепаратистовъ удвоили свои усилія. Агитація противъ существующихъ учрежденій подкрѣплялась призывами бороться съ врагами революціи. Наступилъ моментъ, когда разрушеніе царскихъ памятниковъ уже болѣе не удовлетворяло толпу. Въ одну ночь кіевская печать кореннымъ образомъ измѣнила свое отношеніе къ нашей семьѣ.

— Всю династію надо утопить въ грязи, — восклицалъ одинъ извѣстный журналистъ на страницахъ распространенной Кіевской газеты, и началось забрасываніе насъ грязью. Уже болѣе не говорилось о либерализмѣ моего брата, Великаго Князя Николая Михайловича или же о добротѣ Великаго Князя Михаила Александровича. Мы всѣ вдругъ превратились въ «Романовыхъ, враговъ революціи и русскаго народа».

Вдовствующая Императрица Марія Федоровна, страшно удрученная полной неизвѣстностью о судьбѣ Государя, не могла переносить клички, прибавленной къ нашимъ прежнимъ титуламъ. Напрасно я старался ей объяснить безжалостный ходъ всѣхъ вообще революцій, Императрица, почти достигшая семидесяти лѣтъ, не могла постичь и не хотѣла вѣрить, что династія, давшая Россіи Петра Великаго, Александра I, Александра II и, наконецъ, ея

собственнаго мужа Александра III, котораго она обожала, могла быть обвинена теперь во враждебности къ русскому народу.

— Мой бѣдный Никки, можетъ быть, и дѣлалъ ошибки, но говорить, что онъ врагъ народа!.. Никогда, никогда!..

Она вся дрожала отъ негодованія. Она смотрѣла на меня глазами, которые, казалось, говорили: «Ты знаешь, что это неправда? Почему же ты ничего не сдѣлаешь, чтобы прекратить этотъ ужасъ?»

Мое сердце обливалось кровью. Личное чувство униженія забывалось, когда я видѣлъ, какія страданія уготовала ей судьба. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ обаятельная принцесса Дагмаръ пожертвовала своей молодостью, красотой и счастьемъ для блага чужой страны. Она присутствовала при мученической кончинѣ своего добрѣйшаго свекра Императора Александра II, котораго привезли 1 марта 1881 г. во дворецъ, разореннаго бомбой террориста. Она страдала и терпѣла, видя, какъ ея мужъ не щадилъ себя для Россіи и губилъ свое желѣзное здоровье. Теперь судьба забросила ее сюда, на разстояніе сотни верстъ отъ ея сыновей, въ этотъ провинціальный городъ, въ которомъ жители рѣшили сдѣлаться украинцами. Она не вѣрила, что сынъ ея пересталъ быть Императоромъ. И развѣ въ такомъ случаѣ внукъ ея Алексѣй не долженъ былъ по закону наслѣдовать отцу? Неужели же Никки отрекся и за него? Но что же тогда дѣлаетъ ея второй сынъ Михаилъ, и почему новый Императоръ не можетъ взять родной матери къ себѣ?

Мои бывшіе подчиненные навѣщали меня каждое утро и просили уѣхать въ наше Крымское имѣніе, пока еще можно было получить разрѣшеніе на это отъ Временнаго Правительства. Приходили слухи, что Императоръ Николай II и вся Царская семья будетъ выслана въ Сибирь, хотя въ мартѣ ему и были даны гарантіи, что ему будетъ предоставленъ выборъ между пребываніемъ въ Англіи или же въ Крыму. Керенскій, въ то время единственный соціалистъ въ составѣ Временнаго Правительства, сообщилъ своимъ близкимъ, что Ллойдъ Джорджъ отказалъ бывшему Царю въ разрѣшеніи на въѣздъ въ

Англію. Великобританскій посолъ сэръ Джорджъ Бьюкененъ это впослѣдствіи отрицалъ, но время было упущено, и настоящіе господа положенія — члены Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ требовали высылки Царя въ Сибирь.

Я просилъ Великую Княгиню Ольгу Александровну постараться убѣдить вдовствующую Императрицу переѣхать въ Крымъ. Вначалѣ я встрѣтилъ рѣшительный отказъ: она не хотѣла уѣзжать отъ Никки еще дальше. Если это новое варварское правительство не позволитъ Никки пріѣхать въ Кіевъ, заявила она, послѣ того, какъ намъ удалось ей разъяснить настоящее положеніе Государя, то почему же она не могла сопровождать его въ сибирскую ссылку? Его жена Аликсъ слишкомъ молода, чтобы нести бремя страданій одной. Она чувствовала, что Никки очень нуждается въ поддержкѣ матери.

Это материнское чувство было, въ своей искренности, такъ доблестно, что Ольга Александровна вынуждена была ей уступить. Ольга говорила, что нужно уважать волю Всевышняго. Какъ бы ни было тяжело, но лучше всего было всѣмъ быть вмѣстѣ.

По всей вѣроятности, нѣкоторымъ изъ нашихъ добрыхъ друзей, тронутыхъ нашимъ положеніемъ, удалось повліять на Временное Правительство, и въ одинъ прекрасный день къ намъ явился комиссаръ и передалъ приказъ отправиться немедленно въ Крымъ. Мѣстный совѣтъ всецѣло одобрилъ этотъ планъ, такъ какъ считалъ, что «пребываніе враговъ народа такъ близко отъ фронта представляетъ собою большую опасность для революціонной Россіи».

Намъ пришлось почти что нести Императрицу на вокзалъ. Она боролась до послѣдней минуты, желая оставаться и заявляя, что предпочитаетъ, чтобы ее арестовали и бросили въ тюрьму.

3.

Наше путешествіе совершилось подъ конвоемъ матросовъ. По пріѣздѣ въ Ай-Тодоръ, мы получили длинный списокъ того, что мы не должны были дѣлать, отъ нѣ-

коего господина, носившаго громкій титулъ «Особаго комиссара Временнаго Правительства».

Мы состояли подъ домашнимъ арестомъ и могли свободно передвигаться лишь въ предѣлахъ Ай-Тодорскаго имѣнія, на полутора десятинахъ между горами и берегомъ моря.

Комиссаръ являлся представителемъ Временнаго Правительства, матросы же дѣйствовали по уполномочію мѣстнаго Совѣта. Обѣ эти революціонныя власти находились въ постоянной враждѣ. Матросы не довѣряли комиссару, комиссаръ же съ ужасомъ смотрѣлъ на ручныя гранаты, заткнутыя за поясъ революціонныхъ матросовъ. Будучи членомъ Государственной Думы и происходя изъ богатой семьи, комиссаръ Временнаго Правительства надѣялся, что революціонная буря скоро уляжется, страна заживетъ вновь нормальной жизнью и власть останется въ рукахъ его единомышленниковъ. Какъ всѣ безотвѣтственные представители либеральныхъ партій того времени онъ попалъ, такъ сказать, между двухъ огней, и его крайняя неискренность не могла ввести циничныхъ матросовъ въ заблужденіе. Они не скрывали своего презрѣнія по отношенію къ нему, не слушались его приказаній и даже отказывались вставать при его появленіи.

У нашего комиссара было никогда не оставлявшее его испуганно-озлобленное выраженіе лица. Постоянно оглядываясь на своихъ терроризовавшихъ его помощниковъ, онъ въ обращеніи съ нами старательно подражалъ ихъ революціонной рѣзкости. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ титуловалъ меня «бывшимъ Великимъ Княземъ Александромъ», въ маѣ я превратился въ «Адмирала Романова», къ іюню я уже сталъ просто «Гражданиномъ Романовымъ». Всякій намекъ на протестъ съ моей стороны сдѣлалъ бы его счастливымъ. Но мое безразличіе сводило всѣ его замыслы къ нулю. Онъ приходилъ прямо въ отчаяніе. Онъ съ ненавистью смотрѣлъ на вдовствующую Императрицу, надѣясь, что она хоть будетъ протестовать противъ его безтактностей. Сомнѣваюсь, замѣчала ли она его вообще. Съ утра до вечера она сидѣла на верандѣ, погруженная въ чтеніе старой семейной Библіи, которая сопровождала ее во всѣхъ ея путешествіяхъ съ того самаго

дня, какъ она покинула родную Данію въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Особый комиссаръ Временнаго Правительства, которое обѣщало свободу, равенство и братство, рѣшилъ, наконецъ, попытать свое счастье съ моимъ младшимъ сыномъ Василіемъ. Онъ, вѣроятно, слышалъ, что подобный методъ примѣнялся во Франціи во время революціи. Чтобы слѣдовать примѣру во всѣхъ подробностяхъ, онъ обратился къ мальчику на языкѣ Робеспьера. Василій поправилъ его ошибки во французскомъ языкѣ и этимъ дѣло и кончилось.

Моя жена смѣялась, но я предчувствовалъ новую опасность. Тревожныя вѣсти приходили съ сѣвера указывавшія на то, что скоро власть въ Крыму перейдетъ въ руки большевиковъ. Чтобы выслужиться предъ Севастопольскимъ совдепомъ, нашъ комиссаръ былъ, конечно, способенъ на все.

4.

Я внезапно проснулся, такъ какъ почувствовалъ прикосновеніе чего-то холоднаго къ моему лбу. Я поднялъ руку, но грубый голосъ произнесъ надо мною угрожающее:

— Не двигаться, а то пристрѣлю на мѣстѣ!

Я открылъ глаза и увидѣлъ двухъ людей, которые стояли надъ моей кроватью. Судя по сѣрому свѣту, пробивавшемуся чрезъ окна, было вѣроятно, около четырехъ часовъ утра.

— Что вамъ угодно? — спросила жена. — Если вамъ нужны мои драгоцѣнности, вы найдете ихъ на столикѣ въ углу.

— Мы и не думали о вашихъ драгоцѣнностяхъ, — отвѣтилъ тотъ же голосъ. — Намъ нужны вы, аристократы! Всякое сопротивленіе безполезно. Домъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Мы представители Севастопольскаго совѣта и пришли васъ всѣхъ обыскать. Потрудитесь слушаться моихъ приказаній.

Итакъ, наступило неизбѣжное. Стараясь сохранить самообладаніе, я сказалъ нашему почти невидимому со-

бесѣднику, что всецѣло готовъ подчиниться его приказамъ, но я прошу зажечь свѣтъ, чтобы убѣдиться въ законности его «мандата».

— Эй, кто тамъ? — закричалъ онъ кому-то въ темноту. — Дайте огня! Гражданинъ Романовъ хочетъ видѣть подпись побѣдоноснаго пролетаріата.

Въ отвѣтъ изъ темноты раздался смѣхъ, и въ комнату изъ коридора вошло нѣсколько человѣкъ.

Свѣтъ зажгли. Комната наполнилась толпой матросовъ, вооруженныхъ до зубовъ. Мнѣ предъявили приказъ.

Согласно приказу, наряду матросовъ предписывалось произвести подробный обыскъ имѣнія, называемаго Ай-Тодоръ, въ которомъ жили гражданинъ Александръ Романовъ, его жена Ксенія Романова и ихъ дѣти.

— Уберите, пожалуйста, ваши винтовки и дайте намъ возможность одѣться, — предложилъ я, думая, что если моя просьба будетъ уважена, то это означало, что насъ намѣревались увезти въ тюрьму.

Но предводитель матросовъ, повидимому, угадалъ мои мысли и иронически улыбнулся.

— Не стоитъ одѣваться, гражданинъ Романовъ. Мы васъ еще не собираемся увезти. Потрудитесь встать и показать намъ весь Вашъ домъ.

Онъ сдѣлалъ знакъ матросу, и тотъ отодвинулъ на два вершка дуло револьвера отъ моей головы.

Я засмѣялся:

— Неужели вы такъ боитесь двухъ безоружныхъ людей?

— Съ врагами народа мы должны быть осторожными, — серьезно замѣтилъ онъ. — Почемъ мы знаемъ, быть можетъ у васъ имѣется какая-нибудь скрытая сигнализація?

— Курить можно?

— Да. Только не заговаривайте мнѣ зубы. Мы должны дѣлать наше дѣло. Во-первыхъ, намъ надо осмотрѣть вашъ большой письменный столъ въ библіотекѣ. Дайте ключи. Мы не собираемся ломать у васъ мебели. Все это — народное добро.

Я досталъ ключи изъ подъ подушки.

— Вотъ ключи. Но гдѣ же комиссаръ Временнаго Правительства?

— Онъ не нуженъ. Мы обойдемся и безъ него. Показывайте дорогу.

Окруженный матросами съ револьверами, наведенными на меня, я повелъ моихъ гостей по коридору. Въ домѣ находилось не менѣе пятидесяти матросовъ. У каждой двери мы натыкались на новую группу вооруженныхъ.

— Однако! — не удержался я отъ замѣчанія предводителю: — даже на вдовствующую Императрицу и маленькихъ дѣтей приходится по шести человѣкъ на каждаго.

Онъ не обратилъ вниманія на мою иронію и указалъ на окно: три громадныхъ грузовика, наполненныхъ солдатами, съ пулеметами на особыхъ платформахъ стояли на лужайкѣ.

Я помогъ ему открыть столъ. Онъ выбралъ пачку писемъ съ иностранными марками.

— Переписка съ противникомъ. Для начала недурно!

— Къ сожалѣнію, я долженъ разочаровать васъ. Все это письма, написанныя моими англійскими родственниками.

— А это?

— Оно изъ Франціи.

— Что Франція, что Германія — для насъ все одно! Все это капиталистическіе враги рабочаго класса.

Послѣ десятиминутныхъ поисковъ, ему, наконецъ, удалось найти ящикъ, въ которомъ находились письма, написанныя на языкѣ, который онъ могъ понять. Онъ медленно началъ ихъ перечитывать.

— Переписка съ бывшимъ Царемъ, — сказалъ онъ авторитетно: — заговоръ противъ революціи.

— Посмотрите на даты. Всѣ эти письма были написаны еще до войны.

— Хорошо. Это рѣшатъ товарищи въ Севастополѣ.

— Вы собираетесь взять у меня мою личную кореспонденцію?

— Конечно. У насъ по этой части имѣются спеціалисты. Я, собственно говоря, пришелъ искать оружія. Гдѣ ваши пулеметы?

— Вы смѣетесь?

— Я говорю совершенно серьезно. Обѣщаю вамъ въ присутствіи моихъ товарищей, что вамъ ничего не угрожаетъ, если вы выдадите ваши пулеметы безъ сопротивленія. Рано или поздно, мы ихъ найдемъ, и тѣмъ хуже будетъ для васъ и для вашей семьи.

Продолжать этотъ споръ было безполезно. Я закурилъ папиросу и усѣлся въ кресло.

— Разъ, два, три, — угрожающе поднялся онъ. Что мы производимъ обыскъ или же нѣтъ?

— Вамъ лучше знать.

— Хорошо. Товарищи, приступите къ подробному обыску.

Лишь въ шесть часовъ вечера они двинулись обратно въ Севастополь, оставивъ домъ въ полнѣйшемъ безпорядкѣ и захвативъ съ собою мою личную кореспонденцію и Библію, принадлежавшую моей тещѣ. Вдовствующая Императрица умоляла не лишать ея этой драгоцѣнности и предлагала взамѣнъ всѣ свои драгоцѣнности.

— Мы не воры, — гордо заявилъ предводитель шайки, совершенно разочарованный неудачей своей миссіи: это контрреволюціонная книга, и такая почтенная женщина, какъ вы, не должны отравлять себя подобной чепухой.

Черезъ десять лѣтъ, будучи уже въ Копенгагенѣ, моя старая теща получила пакетъ, въ которомъ находилась ея Библія. Одинъ датскій дипломатъ, находясь въ Москвѣ, купилъ эту Библію у букиниста, который торговалъ рѣдкими книгами. Императрица Марія Федоровна умерла съ этой книгой на рукахъ.

5.

Къ ранней осени процессъ революціоннаго разложенія достигъ своего апогея. Дивизіи, бригады и полки перестали существовать, и толпы грабителей, убійцъ и дезертировъ наводнили тылъ.

Командующій Черноморскимъ флотомъ адмиралъ Колчакъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, чтобы исходатайствовать предъ американскимъ правительствомъ о принятіи

его въ военный флотъ С. Ш. добровольцемъ. Колчакъ старался до послѣдней минуты поддерживать дисциплину во флотѣ, но посулы совѣта казались его подчиненнымъ болѣе заманчивыми. Адмиралъ не могъ дать болѣе того, что обѣщали представители Севастопольскаго совѣта: подѣлить между матросами всѣ деньги, которыя находились въ крымскихъ банкахъ. Эффектнымъ жестомъ сломалъ онъ свой золотой кортикъ, полученный имъ за храбрость, бросилъ его въ волны моря на глазахъ эскадры и удалился.

Мы ожидали ежедневно паденія Временнаго Правительства и были въ нашихъ мысляхъ съ нашими далекими родными. За исключеніемъ Царя и его семьи, которыхъ перевезли въ Тобольскъ, вся остальная наша семья находилась въ С. Петербургѣ. Если бы мои братья Николай, Сергѣй и Георгій своевременно прибыли бы къ намъ въ Ай-Тодоръ, они были бы живы до сегодняшняго дня. Я не имѣлъ съ октября 1917 года съ сѣвера никакихъ извѣстій и о ихъ трагической гибели узналъ только въ Парижѣ въ 1919 г.

Но наступилъ день, когда нашъ комиссаръ не явился. Это могло имѣть только одно объясненіе. Мы должны были готовиться къ встрѣчѣ съ новыми привителями Россіи. Въ полдень у воротъ нашего имѣнія остановился запыленный автомобиль, изъ котораго вылѣзъ вооруженный до зубовъ гигантъ въ формѣ матроса. Послѣ короткаго разговора при входѣ, онъ вошелъ ко мнѣ безъ доклада.

— Я получилъ приказъ Совѣтскаго правительства, — заявилъ онъ: — взять въ свои руки управленіе всѣмъ этимъ райономъ.

Я попросилъ его сѣсть.

— Я знаю васъ, — продолжалъ онъ: — вы — бывшій Великій Князь Александръ Михайловичъ. Неужели вы не помните меня? Я служилъ въ 1916 году въ вашей авіаціонной школѣ.

Подъ моимъ начальствомъ служило двѣ тысячи авіаторовъ, и, конечно, я не могъ вспомнить его лицо. Но это облегчало установленіе отношеній съ нашимъ новымъ тюремщикомъ.

Онъ объяснилъ, что «по стратегическимъ соображеніямъ», мы должны будемъ переѣхать въ сосѣднее имѣніе «Дюльберъ», принадлежавшее моему двоюродному брату, Великому Князю Петру Николаевичу.

Я уже долго не слыхалъ этого военнаго термина. Что общаго имѣли «стратегическія соображенія» съ содержаніемъ моей семьи подъ стражей? Развѣ что можно было ожидать турецкаго дессанта?

Онъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, дѣло обстоитъ гораздо хуже, чѣмъ вы думаете. Ялтинскіе товарищи настаиваютъ на вашемъ немедленномъ разстрѣлѣ, но Севастопольскій совѣтъ велѣлъ мнѣ защищать васъ до полученія особаго приказа отъ товарища Ленина. Я не сомнѣваюсь, что Ялтинскій совѣтъ попробуетъ захватить васъ силой, и поэтому приходится ожидать нападенія изъ Ялты. «Дюльберъ», съ его стѣнами, легче защищать, чѣмъ Ай-Тодоръ. Здѣсь мѣстность открыта со всѣхъ сторонъ.

Онъ досталъ планъ Дюльбера, на которомъ красными чернилами были отмѣчены крестиками мѣста для разстановки пулеметовъ. Я никогда не думалъ о томъ, что прекрасная вилла Петра Николаевича имѣетъ такъ много преимуществъ съ чисто военной точки зрѣнія. Когда онъ началъ ее строить, мы подсмѣивались надъ чрезмѣрной высотой его толстыхъ стѣнъ и высказывали предположеніе, что онъ, вѣроятно, собирается начать жизнь «Синей Бороды». Но наши насмѣшки не измѣнили рѣшенія Петра Николаевича. Онъ говорилъ, что никогда нельзя знать, что готовитъ намъ отдаленное будущее. Благодаря его предусмотрительности Севастопольскій совѣтъ располагалъ въ ноябрѣ 1917 года хорошо защищенной крѣпостью.

6.

Событія послѣдующихъ пяти мѣсяцевъ подтвердили справедливость опасеній новыхъ тюремщиковъ. Черезъ каждую недѣлю Ялтинскій совѣтъ посылалъ своихъ представителей въ Дюльберъ, чтобы вести переговоры съ нашими неожиданными защитниками.

Тяжелыя подводы, нагруженныя солдатами и пулеметами, останавливались у стѣнъ Дюльбера. Прибывшіе требовали, чтобы къ нимъ вышелъ комиссаръ Севастопольскаго совѣта товарищъ Задорожный. Товарищъ Задорожный, здоровенный парень двухъ метровъ росту, приближался къ воротамъ и разспрашивалъ новоприбывшихъ о цѣляхъ ихъ визита. Мы же, которымъ въ такихъ случаяхъ было предложено не выходить изъ дома, слышали чрезъ открытыя окна обычно слѣдующій діалогъ:

— Задорожный, довольно разговаривать! Надоѣло! Ялтинскій совѣтъ предъявляетъ свои права на Романовыхъ, которыхъ Севастопольскій совѣтъ держитъ за собою незаконно. Мы даемъ пять минутъ на размышленіе.

— Пошлите Ялтинскій совѣтъ къ чорту! Вы мнѣ надоѣли. Убирайтесь, а не то я дамъ отвѣдать Севастопольскаго свинцу!

— Они вамъ дорого заплатили, товарищъ Задорожный?

— Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

— Предсѣдатель Ялтинскаго совѣта донесетъ о вашей контръ-революціонной дѣятельности товарищу Ленину. Мы вамъ не совѣтуемъ шутить съ правительствомъ рабочаго класса.

— Покажите мнѣ ордеръ товарища Ленина, и я выдамъ вамъ заключенныхъ. И не говорите мнѣ ничего о рабочемъ классѣ. Я старый большевикъ. Я принадлежалъ къ партіи еще въ то время, когда вы сидѣли въ тюрьмѣ за кражу.

— Товарищъ Задорожный, вы объ этомъ пожалѣете!

— Убирайтесь къ чорту!

Молодой человѣкъ въ кожаной курткѣ и такихъ же галиффе, бывшій представителемъ Ялтинскаго совдепа, пытался нерѣдко обратиться съ рѣчью къ севастопольскимъ пулеметчикамъ, которыхъ хотя и не было видно, но чье присутствіе гдѣ-то на вершинѣ стѣнъ онъ чувствовалъ. Онъ говорилъ объ исторической необходимости бороться противъ контъ-революціи, призывалъ ихъ къ чувству «пролетарской справедливости» и упоминалъ о неизбѣжности висѣлицы для всѣхъ измѣнниковъ. Тѣ молчали. Иногда они бросали въ него камушками или же даже окурками.

Имъ возражалъ чрезвычайно краснорѣчиво Задорожный, что каждому изъ его подчиненныхъ было бы чрезвычайно лестно разстрѣлять Великаго Князя, но не ранѣе, чѣмъ Севастопольскій совѣтъ отдастъ объ этомъ приказъ. По его мнѣнію, большевицкое правительство осуществляло свою власть надъ Крымомъ чрезъ посредство Севастопольскаго совѣта, въ то время, какъ Ялтинскій совѣтъ состоялъ изъ налетчиковъ, объявившихъ себя коммунистами.

Великій Князь Николай Николаевичъ не могъ понять, почему я вступалъ съ Задорожнымъ въ безконечные разговоры.

— Ты, кажется, — говорилъ мнѣ Николай Николаевичъ, — думаешь что можешь перемѣнить взгляды этого человѣка. Достаточно одного слова его начальства, чтобы онъ пристрѣлилъ тебя и насъ всѣхъ съ превеликимъ удовольствіемъ.

Это я и самъ прекрасно понималъ, но, долженъ былъ сознаться, что въ грубости манеръ нашего тюремщика, въ его фанатической вѣрѣ въ революцію было что-то притягательное. Во всякомъ случаѣ, я предпочиталъ его грубую прямоту двуличію комиссара Временнаго Правительства. Каждый вечеръ, предъ тѣмъ, какъ идти ко сну, я полушутя задавалъ Задорожному одинъ и тотъ же вопросъ: «Ну что, пристрѣлите вы насъ сегодня ночью?» Его обычное обѣщаніе не принимать никакихъ «рѣшительныхъ мѣръ» до полученія телеграммы съ сѣвера меня до извѣстной степени успокаивало.

Повидимому, моя довѣрчивость ему нравилась, и онъ спрашивалъ у меня часто совѣта въ самыхъ секретныхъ дѣлахъ. Въ дополненіе къ возведеннымъ укрытіямъ для пулеметовъ я помогъ ему возвести еще нѣсколько укрѣпленій вокругъ нашего дома, помогалъ ему составлять рапорты Севастопольскому совѣту о поведеніи бывшихъ Великихъ князей и ихъ семействъ и т. п.

Однажды онъ явился ко мнѣ по очень деликатному вопросу:

— Послушайте, — неловко началъ онъ: — товарищи въ Севастополѣ боятся, что контъ-революціонные генералы пошлютъ за вами подводную лодку.

— Что за глупости, Задорожный. Вы же служили во флотѣ и отлично понимаете, что подводная лодка здѣсь пристать не можетъ. Обратите вниманіе на скалистый берегъ, на приливы и глубину бухты. Подводная лодка могла бы пристать въ Ялтѣ или въ Севастополѣ, но не въ Ай-Тодорѣ.

— Я имъ обо всемъ этомъ говорилъ, но что они понимаютъ въ подводныхъ лодкахъ! Они посылаютъ сегодня сюда два прожектора, но вся бѣда заключается въ темъ, что никто изъ здѣшнихъ товарищей не умѣетъ съ ними обращаться. Не поможете ли вы намъ?

Я съ готовностью согласился помогать имъ въ борьбѣ съ мифической подводной лодкой, которая должна была насъ спасти. Моя семья терялась въ догадкахъ по поводу нашего мирнаго сотрудничества съ Задорожнымъ. Когда прожекторы были установлены, мы пригласили всѣхъ полюбоваться ихъ дѣйствіемъ. Моя жена рѣшила, что Задорожный, вѣроятно, потребуетъ, чтобы я помогъ нашему караулу зарядить винтовки предъ нашимъ разстрѣломъ.

7.

Главнымъ лишеніемъ нашего заключенія было полное отсутствіе извѣстій откуда бы то ни было. Съ недостаткомъ жизненныхъ припасовъ мы примирились. Мы подсмѣивались надъ рецептами изготовленія шницеля по вѣнски изъ морковнаго пюре и капусты, но для преодоленія мрачнаго настроенія, которое получалось отъ чтенія совѣтскихъ газетъ, были бы безсильны юмористы всего міра. Длинные, газетные столбцы, воспроизводившіе изступленныя рѣчи Ленина или Троцкаго, ни однимъ словомъ не упоминали о томъ, прекратились ли военныя дѣйствія послѣ подписанія Брестъ-Литовскаго мира. Слухи же, поступавшіе къ намъ окольными путями съ юго-запада Россіи, заставляли предполагать, что большевики неожиданно натолкнулись въ Кіевѣ и въ Одессѣ на какого-то таинственнаго врага. Задорожный увѣрялъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно, но частые телефо-

ные разговоры, которые онъ велъ съ Севастополемъ, подтверждали, что что-то было неблагополучно.

Въ своихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою Ялтинскій совѣтъ нашелъ новый поводъ для нашего преслѣдованія. Насъ обвинили въ укрывательствѣ генерала Орлова, подавлявшаго революціонное движеніе въ Эстоніи въ 1907 году. Изъ Москвы былъ полученъ приказъ произвести у насъ обыскъ подъ наблюденіемъ нашего постояннаго визитера, врага Задорожнаго.

Въ сосѣднемъ съ нами имѣніи дѣйствительно проживалъ бывшій флигель-адъютантъ Государя князь Орловъ, женатый на дочери Вел. Кн. Петра Николаевича, но онъ не имѣлъ ничего общаго съ генераломъ Орловымъ. Даже нашъ непримиримый ялтинскій ненавистникъ согласился съ тѣмъ, что князь Орловъ по своему возрасту не могъ быть генераломъ въ 1907 году. Все же онъ рѣшилъ арестовать князя, чтобы предъявить его эстонскимъ товарищамъ.

— Ничего подобнаго, — возвысилъ голосъ Задорожный, который былъ крайне раздраженъ этимъ вмѣшательствомъ: — въ предписаніи изъ Москвы говорится о бывшемъ генералѣ Орловѣ, и это не даетъ вамъ никакого права арестовать бывшаго князя Орлова. Со мной этотъ номеръ не пройдетъ. Я васъ знаю. Вы его пристрѣлите за угломъ и потомъ будете увѣрять, что это былъ генералъ Орловъ, котораго я укрывалъ. Лучше убирайтесь вонъ.

Молодой человѣкъ въ кожаной курткѣ и галифе поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Товарищъ Задорожный, ради Бога, — сталъ онъ умолять дрожащимъ голосомъ: — дайте мнѣ его, а то мнѣ не сдобровать. Моимъ товарищамъ эти вѣчныя поѣздки въ Дюльберъ надоѣли. Если я вернусь въ Ялту безъ арестованнаго, они придутъ въ ярость, и я не знаю, что они со мною сдѣлаютъ.

— Это дѣло ваше, — отвѣтилъ, насмѣшливо улыбаясь Задорожный: — вы хотѣли подкопаться подъ меня, и сами себѣ вырыли яму. Убирайтесь теперь вонъ.

Онъ открылъ настежъ ворота и почти выбросилъ своего врага за порогъ.

Около полуночи Задорожный постучалъ въ дверь нашей спальной и вызвалъ меня. Онъ говорилъ грубымъ шопотомъ:

— Мы въ затруднительномъ положеніи. Давайте обсудимъ, что намъ дѣлать. Ялтинская банда его-таки пристрѣлила...

— Кого? Орлова?

— Нѣтъ... Орловъ спитъ въ своей постели. Съ нимъ все обстоитъ благополучно. Они разстрѣляли того болтуна. Какъ онъ и говорилъ, они потеряли терпѣніе, когда онъ явился съ пустыми руками, и они его пристрѣлили по дорогѣ въ Ялту. Только что звонилъ по телефону Севастополь и велѣлъ готовиться къ нападенію. Они высылаютъ къ намъ пять грузовиковъ съ солдатами, но Ялта находится отсюда ближе, чѣмъ Севастополь. Пулеметовъ я не боюсь, но что мы будемъ дѣлать, если Ялтинцы пришлютъ артиллерію. Лучше не ложитесь и будьте ко всему готовы. Если намъ придется туго, вы сможете, по крайней мѣрѣ, хоть заряжать винтовки.

Я не могъ сдержать улыбки. Моя жена оказалась права.

— Я понимаю, что все это выглядитъ довольно странно, — добавилъ Задорожный, — но я хотѣлъ бы, чтобы вы уцѣлѣли до утра. Если это удастся, вы будете спасены.

— Что вы хотите этимъ сказать? Развѣ правительство рѣшило насъ освободить?

— Не задавайте мнѣ вопросовъ. Будьте готовы.

Онъ быстро удалился, оставивъ меня совершенно озадаченнымъ.

Я сѣлъ на веранду. Была теплая апрѣльская ночь, и нашъ садъ былъ полонъ запаха цвѣтущей сирени. Я сознавалъ, что обстоятельства складываются противъ насъ. Стѣны Дюльбера, конечно, не могли выдержать артиллерійской бомбардировки. Въ лучшемъ случаѣ севастопольцы смогли бы добраться до Дюльбера въ четыре часа утра, между тѣмъ, какъ самый тихоходный грузовикъ проѣхалъ бы разстояніе между Ялтой и Дюльберомъ немногимъ дольше, чѣмъ въ одинъ часъ. Моя жена появилась въ дверяхъ и спросила, въ чемъ дѣло.

— Ничего особеннаго. Задорожный просилъ меня присмотрѣть только за прожекторами. Они опять испортились.

Я вскочилъ, такъ какъ мнѣ показалось, что вдали послышался шумъ автомобиля.

— Скажи мнѣ правду, — просила меня моя жена: — я вижу, что ты взволнованъ. Въ чемъ дѣло. Ты получилъ извѣстія о Никки? Что-нибудь нехорошее?

Я ей передалъ въ точности мой разговоръ съ Задорожнымъ. Она съ облегченiмъ вздохнула. Она не вѣрила, что сегодня ночью съ нами случится что-нибудь недоброе. Она, какъ женщина, предчувствовала приближенiе конца нашимъ страданiямъ. Я съ ней не спорилъ. Я только восхищался ея вѣрой и отвагой.

Между тѣмъ, время шло. Часы въ столовой пробили часъ. Задорожный прошелъ мимо веранды и сказалъ мнѣ, что теперь ихъ можно было ожидать съ минуты на минуту.

— Жаль, — замѣтила моя жена: — что они захватили Библiю мамы. Я бы наугадъ открыла ее, какъ это мы дѣлали въ дѣтствѣ, и прочла, что готовитъ намъ судьба.

Я направился въ библiотеку и принесъ карманное изданiе Священнаго Писанiя, котораго лѣтомъ не замѣтили дѣлавшiе у насъ обыскъ товарищи.

Она открыла ее, а я зажегъ спичку. Это былъ 28 стихъ 2 главы книги Откровенiя Святого: «И дамъ ему звѣзду утреннюю».

— Вотъ видишь, — сказала жена: — все будетъ благополучно!

Ея вѣра передалась и мнѣ. Я сѣлъ и заснулъ въ креслѣ. Когда я вновь открылъ глаза, я увидѣлъ Задорожнаго. Онъ стоялъ предо мной и трясъ меня за плечо. Широкая улыбка играла на его лицѣ.

— Который сейчасъ часъ, Задорожный? Сколько минутъ я спалъ?

— Минутъ? — онъ весело разсмѣялся. — Вы хотите сказать часовъ! Теперь четыре часа. Севастопольскiе грузовики только что въѣхали сюда съ пулеметами и вооруженной охраной.

— Ничего не понимаю... Тѣ изъ Ялты — должны быть здѣсь уже давнымъ давно? Если...

— Если... что?

Онъ покачалъ головой и бросился къ воротамъ.

Въ шесть часовъ утра зазвонилъ телефонъ. Я услыхалъ громкій голосъ Задорожнаго, который взволнованно говорилъ: «Да, да... Я сдѣлаю, какъ вы прикажете...»

Онъ вышелъ снова на веранду. Впервые за эти пять мѣсяцевъ я видѣлъ, что онъ растерялся.

— Ваше Императорское Высочество, — сказалъ онъ, опустивъ глаза: — нѣмецкій генералъ прибудетъ сюда черезъ часъ.

— Нѣмецкій генералъ? Вы съ ума сошли, Задорожный. Что случилось?

— Пока еще ничего, — медленно отвѣтилъ онъ: — но я боюсь, что если вы не примите меня подъ свою защиту, то что-то случится со мною.

— Какъ могу я васъ защищать? Я вами арестованъ.

— Вы свободны. Два часа тому назадъ нѣмцы заняли Ялту. Они только что звонили сюда и грозили меня повѣсить, если съ вами что-нибудь случится.

Моя жена впилась въ него глазами. Ей казалось, что Задорожный спятилъ съ ума.

— Слушайте, Задорожный, не говорите глупостей! Нѣмцы находятся еще въ тысячѣ верстъ отъ Крыма.

— Мнѣ удалось сохранить въ тайнѣ отъ васъ передвиженіе нѣмецкихъ войскъ. Нѣмцы захватили Кіевъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ и съ тѣхъ поръ дѣлали ежедневно на востокъ отъ 20 до 30 верстъ. Но, ради Бога, Ваше Императорское Высочество, не забывайте того, что я не причинилъ вамъ никакихъ ненужныхъ страданій! Я исполнялъ только приказы!

Было безконечно трогательно видѣть, какъ этотъ великанъ дрожалъ при приближеніи нѣмцевъ и молилъ меня о защитѣ.

— Не волнуйтесь, Задорожный, — сказалъ я, похлопывая его по плечу: — Вы очень хорошо относились ко мнѣ. Я противъ васъ ничего не имѣю.

— А Ихъ Высочества Великіе Князья Николай и Петръ Николаевичъ?

Мы оба разсмѣялись, и затѣмъ моя жена успокоила Задорожнаго, обѣщавъ, что ни одинъ изъ старшихъ Великихъ Князей не будетъ на него жаловаться нѣмцамъ.

Ровно въ семь часовъ въ Дюльберъ прибылъ нѣмецкій генералъ. Я никогда не забуду его изумленія, когда я попросилъ его оставить весь отрядъ «революціонныхъ» матросовъ, во главѣ съ Задорожнымъ, для охраны Дюльбера и Ай-Тодора. Онъ, вѣроятно, рѣшилъ, что я сошелъ съ ума. «Но вѣдь это же совершенно невозможно!» — воскликнулъ онъ по-нѣмецки, повидимому, возмущенный этой нелогичностью. Неужели я не сознавалъ, что Императоръ Вильгельмъ II и мой племянникъ Кронпринцъ никогда не простятъ ему его разрѣшенія оставить на свободѣ и около родственниковъ Его Величества этихъ «ужасныхъ убійцъ»?

Я долженъ былъ дать ему слово, что я спеціально напишу объ этомъ его Шефамъ и беру всецѣло на свою отвѣтственность эту «безумную идею». И даже послѣ этого генералъ продолжалъ бормотать что-то объ «этихъ русскихъ фантастахъ»!

8.

Согласно условіямъ перемирія, нѣмцы должны были эвакуировать Крымскій полуостровъ, а также всѣ остальныя части Россійской Имперіи, занятыя ими весною 1918 года.

Въ Севастополь прибылъ британскій военный флотъ, и его командующій адмиралъ Кэльторпъ сообщилъ намъ о предложеніи Короля Англійскаго дать въ наше распоряженіе пароходъ для отъѣзда въ Англію. Вдовствующая Императрица поблагодарила своего царственнаго племянника за его вниманіе, но отказалась покинуть Крымъ, если ей не разрѣшатъ взять съ собою всѣхъ ея друзей, которымъ угрожала месть большевиковъ. Король Георгъ изъявилъ и на это свое согласіе, и мы всѣ стали готовиться къ путешествію.

Желая увидѣть главы союзныхъ правительствъ, собравшіяся тогда въ Парижѣ, чтобы представить имъ до-

кладъ о положеніи въ Россіи, я обратился къ адмиралу Кэльторпу съ письмомъ, въ которомъ просилъ его оказать содѣйствіе къ моему отъѣзду изъ Крыма до отъѣзда нашей семьи, которая должна была тронуться въ путь въ мартѣ 1919 года. Адмиралъ послалъ за мною крейсеръ, чтобы доставить меня изъ Ялты въ Севастополь, и мы условились съ нимъ, что я покину Россію той же ночью на «Кораблѣ Его Величества «Форсайтъ».

Странно было видѣть Севастопольскій рейдъ, пестрѣвшій американскими, англійскими, французскими и итальянскими флагами. Я напрасно искалъ среди этой массы флаговъ русскій флагъ или же русское военное судно. Взглянувъ на вѣтки остролистника, украшавшія мою каюту, я вдругъ вспомнилъ, что русское 11 декабря соотвѣтствовало западноевропейскому Сочельнику. Было бы неудобно нарушать веселое настроеніе моихъ хозяевъ своимъ горемъ, а потому я извинился, что не буду присутствовать на торжественномъ обѣдѣ въ каютъ-компаніи, и поднялся на палубу.

«Форсайтъ» увеличивалъ скорость, и береговые огни мало-по-малу скрывались изъ вида. Когда я обернулся къ открытому морю, то я увидѣлъ Ай-Тодорскій маякъ. Онъ былъ построенъ на землѣ, которую мои родители и я воздѣлывали въ теченіе послѣднихъ сорока пяти лѣтъ. Мы выращивали на ней сады и трудились въ ея виноградникахъ. Моя мать гордилась нашими цвѣтами и фруктами. Мои мальчики должны были закрываться салфетками, чтобы не запачкать рубашки, кушая наши великолѣпныя, сочныя груши. Было странно, что, утративъ такъ много лицъ и событій, память моя сохранила воспоминаніе объ ароматѣ и вкусѣ грушъ изъ нашего имѣнія въ Ай-Тодорѣ. Но еще болѣе странно было сознавать, что, мечтая 50 лѣтъ своей жизни объ освобожденіи отъ стѣснительныхъ путъ, которыя на меня налагало званіе Великаго Князя, я получилъ, наконецъ, желанную свободу на англійскомъ кораблѣ.

ГЛВА XIX.

Послѣ бури.

1.

Въ Парижѣ была зима... Пахло печеными каштанами и тлѣющими угольями въ жаровняхъ...

Слѣпой музыкантъ стоялъ предъ Кафе-де-Ля-Пэ и пѣлъ дрожащимъ голосомъ веселую, бульварную пѣсенку:

Маделонъ, наполни стаканы
И пой вмѣстѣ съ солдатами.
Мы выиграли войну.
Вѣришь ли ты, что мы ихъ побѣдили?

Послѣдняя строка, которая своимъ рѣзкимъ стаккатто подражала военному маршу, какъ будто требовала большаго воодушевленія отъ французовъ, англичанъ и американцевъ, сидѣвшихъ въ защитныхъ формахъ за мраморными столиками кафе. Но они сидѣли неподвижно. Перемиріе было объявлено два мѣсяца тому назадъ, и всѣ они сознавали трудности, ожидавшія ихъ по возвращеніи къ нормальной жизни, которой они не имѣли съ 1 августа 1914 года. У нихъ отнята была ихъ молодость, и теперь они хотѣли забыть все, что касалось войны.

Я отправился въ Версаль съ моимъ докладомъ относительно положенія въ Россіи, который я приготовилъ во время моего путешествія на «Форсайтѣ». Я хотѣлъ

переговорить съ Ж. Клемансо до открытія мирной конференціи, хотя представители союзныхъ державъ, которыхъ я посѣтилъ въ Константинополѣ и въ Римѣ, проявили весьма ограниченный интересъ къ поступкамъ Ленина и Троцкаго и другихъ носителей «трудныхъ русскихъ именъ».

— Не тревожьтесь, Ваше Императорское Высочество, — заявилъ мнѣ одинъ французскій генералъ, извѣстный своими побѣдами на Ближнемъ Востокѣ, — мы собираемся скоро высадить одну или двѣ дивизіи въ Одессѣ съ приказомъ идти прямо на Москву. Вы скоро опять вернетесь въ вашъ петербургскій дворецъ.

Я поблагодарилъ почтеннаго генерала за его добрыя слова и не вступилъ съ нимъ въ пререканія, не желая принимать на себя одного непосильную задачу борьбы съ невѣжествомъ офиціальной Европы.

Я надѣялся на лучшіе результаты отъ переговоровъ съ Клемансо. Можно было думать, что всѣмъ извѣстный цинизмъ этого старца поможетъ ему разобраться и найти вѣрный путь среди того потока краснорѣчія и идіотскихъ теорій, которыя владѣли умами. Мнѣ не хотѣлось вѣрить, что Клемансо не пойметъ той міровой опасности, которая заключалась въ большевизмѣ.

Мирная конференція должна была открыться чрезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Парижъ. Залы историческаго дворца французскихъ королей въ Версалѣ были полны политическихъ интригъ и слуховъ.

Уполномоченные 27 націй, собравшіеся въ Версалѣ, клялись именемъ президента В. Вильсона, но фактически всѣ дѣла вершила «Большая Четверка» — Франція, Англія, Италія и Японія. Глядя на знакомыя лица, я понялъ, что перемиріе уже вызвало пробужденіе самыхъ эгоистическихъ инстинктовъ: основы вѣчнаго мира вырабатывались тѣми же государственными людьми, которые были виновниками міровой войны. Спектакль принималъ зловѣщій характеръ даже для видавшихъ виды дипломатовъ. Бросалась въ глаза фигура Артура Бальфура, посвятившаго много лѣтъ своей жизни насажденію вражды между Лондономъ и Берлиномъ. Онъ стоялъ, пожимая всѣмъ руки и время отъ времени изрекая афоризмы:

— Вотъ и я, — казалось, говорила его капризная усмѣшка: — я готовъ принять участіе въ мирной конференціи въ обществѣ всѣхъ этихъ старыхъ лисицъ, которыя сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы поощрить міровую бойню. Въ общемъ, ничего не измѣнилось подъ солнцемъ, несмотря на увѣренія міровыхъ публицистовъ. Вильгельмъ можетъ оставаться въ заключеніи въ Доорнѣ, но духъ его продолжаетъ витать среди насъ.

За исключеніемъ американской делегаціи, состоявшей изъ весьма неопытныхъ и неловкихъ людей, возглавляемыхъ «сфинксомъ безъ тайны» полковникомъ Хоузомъ, — всѣ остальные делегаты были виновниками преступленія 1914 года.

Ни одинъ изъ всезнающихъ газетныхъ репортеровъ не имѣлъ мужества напомнить о прошломъ этихъ «миротворцевъ». Призывать проклятія на головы славныхъ дипломатовъ выпало на долю полковника Лоуренса. Немного театральный въ своемъ бѣломъ бурнусѣ бедуина, молодой герой независимой Аравіи, съ перваго же дня конференціи понялъ, что «Большая Четверка» не выполнитъ обѣщаній, данныхъ имъ «вождямъ пустыни» въ 1915—16 г. г. въ вознагражденіе за ихъ помощь противъ турокъ. Являя собою олицетвореніе вѣчнаго протеста, бѣдный Лоуренсъ разгуливалъ по Версальскому парку, съ ненавистью смотрѣлъ на аристократическое лицо и плохо сидѣвшій костюмъ Артура Бальфура. Мои симпатіи были всецѣло на сторонѣ Лоуренса. Мы оба говорили о прошломъ съ людьми, которые признавали только «настоящее». Мы оба вспоминали объ «услугахъ», оказанныхъ государственнымъ людямъ, которые никогда не сдерживали своихъ обѣщаній. Мы оба призывали къ чести такихъ людей, для которыхъ «честь» была лишь относительнымъ понятіемъ

2.

— Господинъ президентъ мирной конференціи очень хотѣлъ бы поговорить съ вами, — сказалъ мнѣ личный секретарь Ж. Клемансо: — но у него въ данный моментъ столько работы, что онъ просилъ меня принять васъ.

Это звучало по-французски великолѣпно. Въ настоящее время я не безъ удовольствія вспоминаю элегантность стиля и безупречный французскій языкъ секретаря г. Клемансо. Но въ январѣ 1919 года для меня это означало, что предсѣдатель мирной конференціи Жоржъ Клемансо не хотѣлъ, чтобы его безпокоили разговорами о Россіи, ибо справедливость, оказанная имъ Россіи, могла бы помѣшать его планамъ.

— Каковы планы г. Клемансо относительно бывшаго союзника Франціи? — спросилъ я, сдерживая свой гнѣвъ.

Молодой человѣкъ любезно улыбнулся. Онъ радовался случаю представлять главу Французскаго правительства. Онъ началъ говорить съ большимъ жаромъ. Говорилъ долго. Я не прерывалъ его. Я сидѣлъ спокойно, вспоминая о томъ, что было въ 1908 году во время визита въ Россію президента Лубэ. Господинъ Лубэ говорилъ тогда такъ же хорошо, какъ этотъ юный замѣститель Ж. Клемансо, хотя рѣчь, которую произносилъ Лубэ предъ русскимъ Царемъ, была нѣсколько иная. Теперь мнѣ говорили, что Франція не можетъ вмѣшиваться въ дѣла Восточной Европы, а Императору Николаю II въ то время давалось торжественное обѣщаніе, что «никакіе противные вѣтры не смогутъ погасить пламя традиціонной франко-русской дружбы». Теперь офиціальный представитель побѣдоносной Франціи предложилъ мнѣ удобное кресло и папиросу. Господинъ Лубэ дошелъ въ своемъ пафосѣ до того, что возложилъ на гробницу Императора Александра III художественной работы золотую шпагу, отдѣланную слоновой костью съ надписью «Помню о союзѣ», по-латыни.

Въ 1902 году президентъ Французской республики понималъ о долгѣ благодарности своей страны творцу франко-русскаго союза, Императору Александру III. Въ 1919 году премьеръ-министръ Франціи объяснялъ, чрезъ своего секретаря, двоюродному брату того же Императора Александра III, что онъ слишкомъ занятъ, чтобы помнить о договорахъ, подписанныхъ его предшественниками. Но тогда, въ 1912 году русское правительство еще платило проценты по русскимъ займамъ, размѣщеннымъ во Франціи, и русская армія была готова проливать кровь за Францію.

— Такимъ образомъ, — заключилъ секретарь Клемансо свою рѣчь: — обстоятельства измѣнились. Если бы въ Россіи не произошло этихъ ужасныхъ событій, мы въ точности выполнили бы всѣ наши обязательства.

— Я не сомнѣваюсь.

— Но, при существующей обстановкѣ, Франція должна думать о своемъ будущемъ. Мы обязаны предъ нашими дѣтьми предвидѣть возможность реванша со стороны Германіи. Поэтому мы должны создать на восточной границѣ Германіи рядъ государственныхъ новообразованій, которыя въ совокупности представятъ собою достаточно внушительную силу, чтобы исполнить въ будущемъ роль Россіи.

— Однако, вы мнѣ еще не сказали о томъ, что предполагаетъ Французское правительство предпринять въ отношеніи большевиковъ?

— Это очень просто, — продолжалъ молодой дипломатъ, пожимая плечами: — большевизмъ, это — болѣзнь побѣжденныхъ націй. Господинъ Клемансо подвергъ русскую проблему всестороннему изученію. Самой разумной мѣрой было бы объявленіе блокады совѣтскому правительству.

— Чего?

Блокады санитарнаго кордона, какъ его называетъ г. Клемансо. Подобная блокада парализовала Германію во время войны. Совѣтское правительство не сможетъ ни ввозить, ни вывозить. Вокругъ Россіи будетъ воздвигнуто какъ бы колоссальное проволочное загражденіе. Черезъ короткое время большевики начнутъ задыхаться, сдадутся, и законное правительство будетъ возстановлено.

— Развѣ вашъ шефъ приметъ на себя отвѣтственность за тѣ страданія, которымъ подобный методъ подвергаетъ милліоны русскихъ людей? Развѣ онъ не понимаетъ, что милліоны русскихъ дѣтей будутъ отъ такой системы голодать?

Молодой человѣкъ сдѣлалъ гримасу:

— Этимъ путемъ, Ваше Императорское Высочество, русскому народу представляется поводъ, чтобы возстать.

— Вы, молодой человѣкъ, ошибаетесь. Я увѣренъ, что «блокада» явится только орудіемъ для пропаганды

большевизма, такъ какъ заставитъ населеніе Россіи примириться съ этимъ строемъ. Это и не можетъ быть иначе. Поставьте себя на мѣсто средняго русскаго обывателя, ничего не понимающаго въ политикѣ, который узнаетъ, что Франція является виновницей голода въ Россіи. Какъ я ни уважаю авторитетъ г. Клемансо, я считаю эту идею и смѣшной, и крайне опасной.

— Что же вы предлагаете?

— То же, что я предложилъ французскому высшему командованію на Ближнемъ Востокѣ. Не нужно кровопролитія. Не нужно блокады. Сдѣлайте то, что такъ блестяще удалось нѣмцамъ прошлымъ лѣтомъ въ юго-западной Россіи. Пошлите въ Россію армію, которая объявитъ, что она несетъ миръ, порядокъ и возможность устройства свободныхъ выборовъ.

— Наше правительство не можетъ рисковать жизнью французскихъ солдатъ послѣ подписанія перемирія.

Я посмотрѣлъ ему прямо въ глаза. Я желалъ бы всей душою, чтобы на его мѣстѣ сидѣлъ Жоржъ Клемансо. Я бы спросилъ его, не забылъ ли онъ битвы при Сольдау въ августѣ 1914 года, когда 150.000 русскихъ солдатъ были обдуманно посланы на неминуемую гибель въ ловушку, разставленную имъ Лудендорфомъ, для того, чтобы облегчить положеніе французской арміи подъ Парижемъ? Мнѣ хотѣлось также напомнить ему, что настоящее имя побѣдителя на Марнѣ было не Жоффръ, а Самсоновъ, этотъ подлинный мученикъ и герой битвы при Сольдау, заранѣе знавшій судьбу, ожидавшую его и его солдатъ. Но все это было дѣломъ прошлаго, а я видѣлъ, что дипломаты рѣшили поставить между прошлымъ и будущимъ рѣзкую грань. Я всталъ и вышелъ.

Таково было положеніе дѣла съ Клемансо и французскимъ правительствомъ. Оставались англичане, американцы, итальянцы и японцы.

Орландо, очень любезный глава итальянскаго правительства, въ шутливой формѣ признался мнѣ въ своей полной неспособности понять русскую проблему. Онъ очень бы хотѣлъ, чтобы его соотечественники получили обратно собственность, отнятую у итальянцевъ большевиками, но не шелъ такъ далеко, чтобы возложить на

итальянскую военную силу исполненіе этого. Внутреннее политическое положеніе въ Италіи съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже: еще шесть мѣсяцевъ войны привели бы «идеальное государство» Муссолини къ революціи по русскому образцу.

Японцы были готовы содѣйствовать борьбѣ съ большевиками цѣною крупныхъ территоріальныхъ компенсацій въ Манджуріи и Сибири. Ихъ неумѣренныя требованія возбудили противъ себя раздраженіе американской делегаціи. Президентъ Вильсонъ былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, выдающимся и дальновиднымъ государственнымъ человѣкомъ, стоявшимъ въ рѣзкой оппозиціи дальнѣйшему развитію японской имперіи. Къ сожалѣнію, русскій вопросъ онъ зналъ только теоретически. 14 февраля 1919 г. Винстонъ Черчилль произнесъ на закрытомъ засѣданіи мирной конференціи горячую рѣчь въ пользу немедленнаго вмѣшательства въ русскія дѣла и борьбы съ большевизмомъ. Во время этой рѣчи, Клемансо откинулся въ креслѣ и закрылъ глаза — поза, которую онъ принималъ въ тѣхъ случаяхъ, когда разговоры на конференціи не касались Франціи. Орландо съ любопытствомъ смотрѣлъ на Черчилля: не понимая ни слова по-англійски, онъ удивился волненію англійскаго делегата. Старый, умный японецъ посмотрѣлъ, улыбаясь, на Вильсона.

— Я очень сожалѣю, — сказалъ президентъ С. Ш. С. А. и опираясь о кресло Клемансо, — но я уѣзжаю сегодня въ Америку. Я долженъ имѣть достаточно времени, чтобы обдумать предложенія мистера Черчилля. Россія является для меня задачей, рѣшеніе которой мнѣ еще неизвѣстно.

Нужно добавить, что во время мирной конференціи Винстонъ Черчилль являлся единственнымъ европейскимъ государственнымъ дѣятелемъ, который ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ опасности большевизма. Его инстинктъ опытнаго охотника и боевого солдата диктовалъ ему всегда быстрыя и дѣйствительныя мѣры. Если бы окончательное рѣшеніе русскаго вопроса было бы предоставлено Винстону Черчиллю, британское правительство не имѣло бы сегодня никакихъ хлопотъ съ «пятилѣткой». Однако, случилось такъ, что британская делегація

подчинилась директивамъ Артура Бальфура и Ллойдъ Джорджа. Первый вообще не имѣлъ понятія о Россіи, второй — обладалъ всѣми типическими чертами, присущими рядовому англичанину. Ллойдъ Джорджъ долго говорилъ объ успѣхахъ въ гражданской войнѣ русскаго «генерала Харькова», не имѣя представленія о томъ, что Харьковъ — русскій городъ. Онъ передалъ все дѣло Бальфуру, который изложилъ англійскую точку зрѣнія слѣдующимъ образомъ:

— Мы отказываемся — объявилъ этотъ парламентскій дѣятель, извѣстный своими блестящими талантами и глубокимъ пониманіемъ иностранной политики: — чтобы наша армія продолжала бы бороться, послѣ четырехъ лѣтъ крайняго напряженія, въ чужой, необъятной странѣ, реформируя государство, не являющееся болѣе нашимъ союзникомъ.

Всѣ мои усилія были тщетны. Если выдающійся предсѣдатель современной Англіи считалъ борьбу съ большевиками «реформами», то чего же можно было ожидать отъ другихъ англичанъ, обладавшихъ меньшимъ политическимъ кругозоромъ.

3.

Весною 1919 года въ Россіи послѣдовалъ цѣлый рядъ авантюръ нашихъ бывшихъ союзниковъ, которыя способствовали тому, что большевики были возведены на пьедесталъ борцовъ за независимость Россіи.

Извѣстно, что въ то время въ Россіи вели борьбу съ большевиками три бѣлыя арміи, которыя могли бы побѣдить совѣты, если бы бѣлымъ помогли серьезно англичане и французы.

Бывшему главнокомандующему русской арміей генералу Деникину удалось захватить сѣверный Кавказъ, гдѣ онъ расчитывалъ на помощь донскихъ, кубанскихъ и терскихъ казаковъ.

Адмиралъ Колчакъ наступалъ на Европейскую Россію изъ Сибири, опираясь на ту помощь, которую могли бы ему дать японцы и американцы.

Бывшій командующій нашей кавказской арміей ге-

нералъ Юденичъ имѣлъ задачей захватить С. Петербургъ. Его разъѣзды къ концу лѣта 1919 года находились въ десяти верстахъ отъ столицы.

Такимъ образомъ большевики находились подъ угрозой съ сѣверо-запада, юга и съ востока. Красная армія была еще въ зародышѣ, и самъ Троцкій сомнѣвался въ ея боеспособности. Можно смѣло признать, что появленіе тысячи тяжелыхъ орудій и двухъ сотенъ танковъ на одномъ изъ трехъ фронтовъ спасло бы весь міръ отъ постоянной угрозы. Многочисленные военные эксперты, инспектировавшіе арміи Деникина, Юденича и Колчака, были единодушны въ своихъ заключеніяхъ о ихъ боеспособности. «Все зависитъ отъ того, будутъ ли онѣ имѣть необходимое количество снабженія», заявили они Клемансо и Ллойдъ Джорджу по возвращеніи въ Парижъ.

Но затѣмъ произошло что-то странное. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать совѣтамъ своихъ экспертовъ, главы союзныхъ государствъ повели политику, которая заставила русскихъ офицеровъ и солдатъ испытать величайшія разочарованія въ нашихъ бывшихъ союзникахъ и даже признать, что красная армія защищаетъ цѣлость Россіи отъ поползновеній иностранцевъ.

Англичане появились въ Баку и создали независимое государство Азербейджанъ съ цѣлью овладѣнія русской нефтью. Батумъ сталъ «свободнымъ городомъ» подъ англійскимъ протекторатомъ съ гражданскимъ губернаторомъ, который наблюдалъ за доставкой нефти въ Англію.

Миролюбивые итальянцы появились почему-то въ Тифлисѣ и помогли образовать самостоятельную Грузію въ южной части Кавказа, которая была извѣстна своими марганцевыми мѣсторожденіями.

Французы заняли Одессу, главный пунктъ южно-русскаго экспорта, и стали благосклонно прислушиваться къ предложеніямъ лидеровъ «самостійной Украины», которые еще мѣсяцъ тому назадъ исполняли роли тайныхъ и явныхъ агентовъ германскаго командованія. Французскій «оккупаціонный отрядъ» состоялъ изъ нѣсколькихъ военныхъ судовъ, одного полка зуавовъ и двухъ греческихъ дивизій пѣхоты. Дѣло окончилось полнымъ конфузомъ,

когда среди французовъ, распропагандированныхъ прибывшими извнутри Россіи француженками-коммунистками, началось броженіе, а греки были разбиты въ районѣ Николаева небольшой группой большевиковъ. На французскихъ судахъ, стоявшихъ въ Севастополѣ, вспыхнулъ военный бунтъ. Высшее французское командованіе издало приказъ объ эвакуаціи въ два дня, и Одесса была брошена на милость ворвавшихся въ нее большевиковъ.

Русскіе были поражены. Поведеніе нашихъ бывшихъ союзниковъ производило на нихъ отвратительное впечатлѣніе, въ особенности по той причинѣ, что вновь образованныя государства держались въ отношеніи бѣлыхъ армій почти враждебно, запрещая транспортъ русскихъ добровольцевъ чрезъ свои территоріи и арестовывая агентовъ Деникина и Юденича.

— Повидимому «союзники» собираются превратить Россію въ британскую колонію, — писалъ Троцкій въ одной изъ своихъ прокламацій къ красной арміи. И развѣ на этотъ разъ онъ не былъ правъ? Инспирируемое сэромъ Генрихомъ Детердингомъ, всесильнымъ предсѣдателемъ компаніи Рояль-Дечь-Шель, или же слѣдуя просто старой программѣ Дизраэли-Биконсфильда, британское министерство иностранныхъ дѣлъ обнаруживало дерзкое намѣреніе нанести Россіи смертельный ударъ, путемъ раздачи самыхъ цвѣтущихъ русскихъ областей союзникамъ и ихъ вассаламъ.

Вершители европейскихъ судебъ, повидимому, восхищались своею собственною изобрѣтательностью: они надѣялись однимъ ударомъ убить и большевиковъ, и возможность возрожденія сильной Россіи.

Положеніе вождей бѣлаго движенія стало невозможнымъ. Съ одной стороны, дѣлая видъ, что они не замѣчаютъ интригъ союзниковъ, они призывали своихъ босоногихъ добровольцевъ къ священной борьбѣ противъ совѣтовъ, съ другой стороны — на стражѣ русскихъ національныхъ интересовъ стоялъ никто иной, какъ интернаціоналистъ Ленинъ, который въ своихъ постоянныхъ выступленіяхъ не щадилъ силъ, чтобы протестовать противъ раздѣла бывшей Россійской Имперіи, аппелируя къ трудящимся всего міра.

Ничто лучше не доказываетъ эгоизма союзниковъ, чѣмъ такъ называемыя «условія, на которыхъ Франція готова оказать поддержку бѣлымъ арміямъ». Главой французской военной миссіи, командированной къ генералу Краснову, атаману Войска Донского, былъ капитанъ Фуке. Всѣ мы знаемъ авторитетъ, которымъ пользовался генералъ Красновъ, талантливый и просвѣщенный военачальникъ, освободившій отъ большевиковъ Донскую область и собиравшійся начать наступленіе на сѣверъ. Какъ и всѣ вожди бѣлыхъ армій, онъ испытывалъ острую нужду въ самомъ необходимомъ. Онъ написалъ объ этомъ нѣсколько писемъ главнокомандующему французскими вооруженными силами на Ближнемъ Востокѣ маршалу Франше-д-Эспрей. Наконецъ, 27 января 1919 года въ Ростовъ-на-Дону прибылъ капитанъ Фуке, привезя съ собою длинный документъ, который долженъ былъ подписать генералъ Красновъ. Сущность его сводилась къ слѣдующему:

«Донскіе казаки», говорилось въ этомъ удивительномъ документѣ: «должны предоставить все свое личное имущество въ видѣ гарантіи требованій французскихъ гражданъ, понесшихъ матеріальныя потери, вслѣдствіе революціи въ Россіи. Донскіе казаки должны возмѣстить убытки тѣмъ изъ французскихъ гражданъ, которые пострадаютъ физически отъ большевиковъ, а также вознаградить семьи убитыхъ въ гражданской войнѣ. Донскіе казаки обязуются удовлетворить требованія тѣхъ французскихъ предпріятій, которыя вынуждены были ликвидировать свои дѣла изъ за безпорядковъ въ Россіи. Послѣднее относится не только къ предпріятіямъ, которыя закрылись изъ за революціи, но которыя были вынуждены правительствомъ принять предписанныя имъ низкія цѣны во время войны 1914—1917 года. Французскіе владѣльцы предпріятій и французскіе акціонеры этихъ предпріятій должны получить, въ видѣ вознагражденія, всю сумму прибылей и дивидендовъ, которые они не получили съ 1 августа 1914 года. Размѣръ означенныхъ прибылей и дивидендовъ долженъ базироваться на цѣнахъ среднихъ прибылей довоеннаго времени. Къ означеннымъ суммамъ слѣдуетъ прибавить проценты изъ пяти годовыхъ за срокъ, протекшій между 1 августа 1914 года и временемъ

уплаты. Для разсмотрѣнія требованій французскихъ владѣльцевъ и акціонеровъ должна быть образована особая комиссія изъ представителей французскихъ владѣльцевъ и акціонеровъ подъ предсѣдательствомъ французскаго генеральнаго консула».

Другими словами донскіе казаки, которые воевали съ нѣмцами въ 1914—17 г. г. и съ большевиками въ 1917—19 г. г., должны были возмѣстить французамъ всѣ ихъ убытки, причиненные послѣднимъ тѣми же нѣмцами и большевками.

— Это все, что вы требуете? — спросилъ атаманъ Красновъ, едва сдерживая свое негодованіе.

— Все, — скромно подтвердилъ Фуке: — дорогой другъ, разрѣшите вамъ кое-что замѣтить, во избѣжаніе излишней потери времени. Если вы не подпишите этого документа такъ, какъ онъ есть, то ни одинъ французскій солдатъ не будетъ отправленъ въ Россію и ни одна винтовка не будетъ дана вашей арміи. Вамъ нельзя выбирать, такъ давайте покончимъ съ этимъ.

— Довольно! — крикнулъ атаманъ Красновъ: — я сочту долгомъ сообщить моимъ казакамъ о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ намъ собирается помочь ихъ великій и благородный союзникъ. Всего хорошаго, капитанъ Фуке. Пока я останусь атаманомъ, вы не получите ни сантима.

4.

«Франція совершила величайшую историческую ошибку», писалъ въ ноябрѣ 1920 г. извѣстный французскій военный кореспондентъ Шарль Риве, сопровождавшій армію генерала Деникина въ ея побѣдномъ маршѣ на Москву, а также во время ея отступленія: «Мы не поняли того, что помощь бѣлымъ арміямъ являлась залогомъ побѣды надъ тѣмъ зломъ, которое угрожаетъ всему цивилизованному міру. Мы заплатили бы за этотъ залогъ сравнительно скромную сумму, если принять во вниманіе размѣры этой опасности: всего лишь двѣ тысячи орудій и два-три парохода съ военнымъ снаряженіемъ, которое мы получили отъ нѣмцевъ безплатно и которое намъ было ненужно. Мы, столь осторожные и мудрые въ нашей по-

литикѣ, въ русскомъ вопросѣ оказались глупцами. Мы страхуемъ нашу жизнь, страхуемъ дома и рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и безработицы, и мы отказались застраховать нашихъ дѣтей и внуковъ отъ красной чумы. Наши потомки сурово осудятъ преступную небрежность нашихъ политическихъ вождей» . . .

Это горячее воззваніе было напечатано на страницахъ «Temps» два дня спустя послѣ того, какъ голодная и полузамерзшая армія генерала Врангеля оставила Крымъ и находилась на пути къ Константинополю. То былъ конецъ борьбы противъ большевиковъ въ Россіи. Офицеры и солдаты врангельской арміи, размѣщенные въ концентраціонномъ лагерѣ Галлиполи, въ которомъ въ 1914—18 г. г. наши союзники содержали военноплѣнныхъ турокъ, имѣли много времени, чтобы размышлять на вѣчную тему: о человѣческой неблагодарности. Европа, пославшая этихъ мальчиковъ съ суровыми лицами, безоружныхъ и неодѣтыхъ, противъ красныхъ полчищъ, теперь, когда они были побѣждены, отказывались ихъ принимать. Они оставались въ Галлиполи въ теченіе трехъ лѣтъ, пока Лига націй не предложила имъ на выборъ поступленіе въ Иностранный легіонъ или же работу по постройкѣ дорогъ въ Балканскихъ странахъ. И все же они должны были почитать себя еще счастливыми. Болѣе горькая доля постигла адмирала Колчака. Верховный правитель Россіи былъ преданъ большевикамъ генераломъ Жаненомъ, который былъ во главѣ французской военной миссіи на Дальнемъ Востокѣ.

Трагедія Колчака составляетъ одну изъ самыхъ жуткихъ страницъ русской революціи. Бывшій командующій Черноморскимъ флотомъ, всѣмъ извѣстный герой міровой войны, Колчакъ принялъ въ 1918 году предложеніе союзниковъ организовать регулярную армію изъ бывшихъ австрійскихъ военноплѣнныхъ чехословацкаго происхожденія. Союзное командованіе расчитывало, что адмиралу Колчаку удастся возстановить противогерманскій фронтъ на востокѣ Россіи. Послѣ заключенія перемирія, союзники потеряли всякій интересъ къ этому предпріятію, а между тѣмъ адмиралъ Колчакъ стоялъ во главѣ значительной арміи, которая успѣшно продвигалась впередъ

противъ большевиковъ. Не имѣя никакихъ директивъ изъ Парижа и дѣлая все возможное, чтобы удержать на фронтѣ чехословаковъ, Колчакъ посылалъ Черчилю одну телеграмму за другой. Онъ ручался за взятіе Москвы, если ему будутъ предоставлены танки, аэропланы и теплое обмундированіе, безъ котораго никакія операціи въ Сибири не были возможны. Этотъ вопросъ «изучали» Клемансо, Ллойдъ Джорджъ и Бальфуръ, и лишь 26 мая 1919 г., т. е. семь мѣсяцевъ по полученіи перваго рапорта отъ адмирала Колчака, Верховный Совѣтъ въ Версалѣ протелеграфировалъ въ Иркутскъ длинный контрактъ на подпись Колчака отъ имени «будущаго Русскаго Правительства». Содержаніе этого документа въ общемъ совпадало съ бумагой, которая была представлена капитаномъ Фуке на подпись атаману Краснову. На этотъ разъ требованія о возмѣщеніи матеріальнаго ущерба сопровождались параграфомъ о признаніи всѣхъ «независимыхъ государствъ», такъ расточительно созданныхъ нашими союзниками вдоль всѣхъ окраинъ Россіи.

Адмиралъ Колчакъ, учитывая критическое положеніе своей арміи, рѣшилъ подписать версальскій контрактъ. Онъ былъ немедленно признанъ Англіей, Франціей и Японіей въ качествѣ Верховнаго Правителя Россіи, но обѣщанное снаряженіе такъ и не прибыло въ Сибирь. Голодная и полуодѣтая сибирская армія продолжала отступать предъ красными по безконечной сибирской тайгѣ по направленію къ Иркутску.

Около 8.000 чехословаковъ наотрѣзъ отказались воевать. Они требовали возвращенія на родину, и большевики выражали свое согласіе на пропускъ ихъ до Владивостока и на погрузку на пароходы при условіи выдачи адмирала Колчака соціалистамъ-революціонерамъ. Слѣдуетъ ли добавлять, что всѣ эти переговоры, которые велись генераломъ Жаненомъ съ большевиками, содержались въ полнѣйшей тайнѣ отъ Верховнаго Правителя Россіи. Жаненъ нѣсколько разъ давалъ адмиралу «слово солдата», что, чтобы ни произошло, жизнь Верховнаго Правителя находится подъ охраной союзниковъ.

4 января 1920 г. два длинныхъ поѣзда подошли къ Иркутску. Въ одномъ изъ нихъ ѣхалъ адмиралъ подъ охраной чехословаковъ. Въ другомъ находились 650 милл.

золотыхъ рублей, которые составляли часть русскаго золотого запаса и были захвачены сибирской арміей подъ Казанью.

Командиръ батальона чехословаковъ вошелъ въ вагонъ адмирала съ докладомъ.

— Г. адмиралъ, мною получена важная телеграмма отъ генерала Жанена, — сухо сказалъ онъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Колчакъ, продолжая смотрѣть на карту.

— Генералъ Жаненъ приказалъ мнѣ арестовать васъ и передать мѣстнымъ властямъ въ Иркутскѣ.

Колчакъ посмотрѣлъ на своего адъютанта Малиновскаго, единственно оставшагося въ живыхъ послѣ этой трагедіи, который помнитъ эту ужасную сцену въ малѣйшихъ деталяхъ. Оба они прекрасно понимали, что означали зловѣщія слова: «мѣстныя власти Иркутска»!

— Что же, — сказалъ адмиралъ спокойно: — это является чудовищнымъ актомъ измѣны нашихъ союзниковъ. Еще только вчера генералъ Жаненъ давалъ мнѣ гарантію фарнцузскаго правительства относительно безпрепятственнаго моего проѣзда на востокъ. Кому же достанутся эти 650 милліоновъ рублей?

Чехословакъ покраснѣлъ.

— Мы сдадимъ эти деньги совѣтскому правительству. Таковъ приказъ генерала Жанена.

Колчакъ усмѣхнулся. Онъ прекрасно зналъ, что это было ложью. Онъ пожалъ руки офицерамъ своего штаба и вышелъ къ чехословацкимъ солдатамъ.

Генералъ Жаненъ, миссія союзниковъ и храбрые чехословаки продолжали свой путь на востокъ. Адмиралъ Колчакъ былъ заключенъ въ тюрьму въ Иркутскѣ и три недѣли спустя — 7 февраля 1920 года — разстрѣлянъ.

Солдаты отряда, который долженъ былъ приводить смертный приговоръ надъ Колчакомъ въ исполненіе, дрожали при видѣ стройной, прямой фигуры Правителя, съ орлинымъ профилемъ, который рѣзко выдѣлялся на бѣлой стѣнѣ тюремнаго двора. Колчакъ вынулъ изъ кармана массивный золотой портсигаръ, украшенный бриліантами, Высочайшій подарокъ, пожалованный адмиралу за его успѣшныя боевыя дѣйствія въ 1916 году, и сосчиталъ папиросы.

— Достаточно на каждаго изъ васъ,—спокойно замѣтилъ онъ. — Чего же вы дрожите? Будьте спокойнѣе. Вы же убили такъ много братьевъ! Кто возьметъ мой портсигаръ? На томъ свѣтѣ онъ мнѣ не понадобится.

Союзныя правительства назначили особую комиссію для разслѣдованія дѣйствій генерала Жанена. Однако, дѣло ничѣмъ не кончилось. На всѣ вопросы, генералъ Жаненъ отвѣчалъ фразой, которая ставила допрашивавшихъ въ неловкое положеніе: «Я долженъ повторить, господа, что съ Его Величествомъ Императоромъ Николаемъ II поцеремонились еще меньше *)». Жаненъ этимъ отвѣтомъ попадалъ въ точку: союзныя государства проявили къ судьбѣ Императора Николая II еще меньшій интересъ, чѣмъ къ судьбѣ адмирала Колчака.

До настоящаго времени участники сибирской эпопеи, какъ въ красномъ лагерѣ, такъ и въ бѣломъ, стараются установить тѣхъ, кто захватили по частямъ 650-милліонный золотой запасъ. Совѣтское правительство утверждаетъ, что его потери выражаются въ суммѣ 90 милліоновъ. Черчилль говоритъ, что лѣтомъ 1920 года въ одинъ изъ банковъ въ Санъ-Франциско былъ сдѣланъ таинственный вкладъ группой людей, говорившихъ по-англійски съ акцентомъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ сходятся на томъ, что за «30 сребренниковъ Іуды» въ январѣ 1920 года было заплачено золотомъ.

5.

Все это происходило въ разстояніи многихъ тысячъ верстъ отъ Парижа, гдѣ я въ пятьдесятъ два года сталъ эмигрантомъ, человѣкомъ безъ родины «б. Великимъ Княземъ». Я не только ничего не могъ сдѣлать для того, чтобы помочь арміямъ Деникина и Колчака, но, наоборотъ, опасался, какъ бы какое-либо открытое выявленіе моихъ симпатій въ отношеніи вождей бѣлыхъ армій не повредило бы достиженію ихъ цѣлей. И безъ того французскія со-

*) „Je suis obligé de répéter, Messieurs, que pour Sa Majesté Nicolas II on a fait moins de ceremonies".

ціалисты были крайне встревожены присутствіемъ «столькихъ Романовыхъ» въ столицѣ Франціи. Въ дѣйствительности отъ большевиковъ удалось спастись лишь незначительной части русской Императорской семьи. Кромѣ нашей «крымской группы», состоявшей изъ вдовствующей Императрицы Маріи Федоровны, моей невѣстки Великой Княгини Ольги Александровны, моей жены Великой Княгини Ксеніи Александровны, моихъ двоюродныхъ братьевъ Великихъ Князей Николая и Петра Николаевичей, моихъ шести сыновей и дочери, — всего лишь четыремъ Великимъ Князьямъ и двумъ Великимъ Княгинямъ удалось бѣжать изъ Россіи заграницу.

Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, законный наслѣдникъ Русскаго Престола и старшій сынъ моего двоюроднаго брата Владиміра Александровича, разсказалъ мнѣ захватывающую исторію своего бѣгства изъ Петербурга. Онъ перешелъ пѣшкомъ замерзшій Финскій заливъ, неся на рукахъ свою беременную жену Великую Княгиню Викторію Федоровну, а за ними гнались большевицкіе разъѣзды.

Его два брата, Великіе Князья Борисъ и Андрей Владиміровичи обязаны спасеніемъ своихъ жизней поразительному совпаденію, къ которому, если бы его описалъ романистъ, читатель отнесся бы съ недовѣріемъ. Командиръ большевицкаго отряда, которому было приказано разстрѣлять этихъ двухъ Великихъ Князей, оказался бывшимъ художникомъ, который провелъ нѣсколько лѣтъ жизни въ Парижѣ въ тяжкой борьбѣ за существованіе, тщетно надѣясь найти покупателя для своихъ картинъ. За годъ до войны Великій Князь Борисъ Владиміровичъ, прогуливаясь по Латинскому кварталу, наткнулся на выставку художественно нарисованныхъ подушекъ. Онѣ понравились ему своею оригинальностью, и онъ пріобрѣлъ ихъ значительное количество. Вотъ и все. Большевицкій комиссаръ не могъ убить человѣка, который оцѣнилъ его искусство. Онъ посадилъ обоихъ Великихъ Князей въ автомобиль со значкомъ коммунистической партіи и повезъ ихъ въ районъ бѣлыхъ армій.

Мой племянникъ Великій Князь Дмитрій Павловичъ не уцѣлѣлъ бы, если бы не сыгралъ всѣмъ извѣстной роли въ дѣлѣ объ убійствѣ Распутина. Когда онъ былъ

высланъ Государемъ въ Персію, онъ добрался до британскаго экспедиціоннаго корпуса, который дѣйствовалъ въ Месопотаміи, и такимъ образомъ эмигрировалъ изъ Россіи. Его сестра, Великая Княгиня МаріяПавловна вышла во время революціи замужъ за князя Сергѣя Путятина и такъ какъ у нея былъ паспортъ на имя ея мужа, то большевики при ея бѣгствѣ заграницу не распознали въ «гражданкѣ Маріи Путятиной» Великой Княгини.

Всѣ остальные члены русской Императорской семьи были разстрѣляны по приказу совѣтскаго правительства лѣтомъ 1918 года и зимой 1918—1919 г. г. Мои братья, Великіе Князья Николай Михайловичъ и Георгій Михайловичъ встрѣтил свою смерть въ Петропавловской крѣпости, гдѣ, начиная съ Петра Великаго, были погребены всѣ русскіе Государи и Великіе Князья. Максимъ Горькій просилъ у Ленина помилованія для Николая Михайловича, котораго глубоко уважали даже на большевицкихъ верхахъ за его цѣнные историческіе труды и всѣмъ извѣстный передовой образъ мыслей.

— Революція не нуждается въ историкахъ, — отвѣтилъ глава совѣтскаго правительства и подписалъ смертный приговоръ.

Великій Князь Павелъ Александровичъ — отецъ Великой Княгини Маріи Павловны — и Великій Князь Дмитрій Константиновичъ были разстрѣляны въ одинъ и тотъ же день, 18 января 1919 г., съ моими братьями. Тюремный надзиратель, нѣкій Гордѣенко, получавшій въ свое время цѣнные подарки изъ Кабинета Его Величества, командовалъ экзекуціоннымъ отрядомъ. Если вѣрить совѣтскимъ газетамъ, Великій Князь Николай Михайловичъ держалъ до послѣдней минуты на колѣняхъ своего любимаго персидскаго кота. Дмитрій Константиновичъ — глубоко религіозный человѣкъ — молился громко о спасеніи души своихъ палачей.

Мой третій братъ — Великій Князь Сергѣй Михайловичъ былъ убитъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя вмѣстѣ съ Великой Княгиней Елисаветой Федоровной (старшей сестрой Императрицы), тремя юными сыновьями Великаго Князя Константина Константиновича и княземъ Палѣемъ, сыномъ Великаго Князя Павла Александровича. Всѣ шестеро были живыми сброшены въ угольную шахту

вблизи Алапаевска въ Сибири. Ихъ тѣла, найденныя по приказанію адмирала Колчака, свидѣтельствовали о томъ, что они умерли въ невыразимыхъ страданіяхъ. Они были убиты 18 іюля 1918 года, т. е. два дня спустя послѣ убійства Царской семьи въ Екатеринбургѣ.

Точная дата убійства младшаго брата Государя, Великаго Князя Михаила Александровича никогда не была установлена. Его взяли изъ его дома вмѣстѣ съ его секретаремъ-англичаниномъ Джонсономъ пятеро неизвѣстныхъ, заявившихъ о томъ, что они посланы адмираломъ Колчакомъ. По всей вѣроятности, они были убиты въ Пермскихъ лѣсахъ. Его морганатическая супруга, прибывшая въ Лондонъ въ 1919 году, отказывалась вѣрить его смерти. Вдовствующая Императрица тоже такъ никогда и не повѣрила совѣтскому офиціальному сообщенію, которое описывало сожженіе тѣлъ Царя и его семьи. Она умерла въ надеждѣ все еще получить извѣстіе о чудесномъ спасеніи Никки и его семьи. Моя жена и невѣста раздѣляли ея надежды. Я щадилъ ихъ чувства, но я зналъ большевиковъ слишкомъ хорошо, чтобы не вѣрить въ это «чудесное спасеніе».

ГЛАВА XX.

Заключеніе.

Вотъ уже тринадцать лѣтъ, какъ я веду жизнь эмигранта. Когда-нибудь я напишу другую книгу, которая будетъ повѣствовать о впечатлѣніяхъ порой радостныхъ, порой грустныхъ, которыя ожидали меня на пути моихъ скитаній, уже не освѣщенныхъ лучами Ай-Тодорскаго маяка.

Моя врожденная непосѣдливость, соединенная съ неугасимымъ стремленіемъ къ духовному улучшенію, удерживали меня вдали отъ Парижа, гдѣ царила атмосфера безполезныхъ сожалѣній и вѣчныхъ вздоховъ. Когда я нахожусь въ Европѣ, я всегда испытываю чувство, какъ будто гуляю по красивымъ аллеямъ кладбища, въ которомъ каждый камень напоминаетъ мнѣ о томъ, что цивилизація покончила самоубійствомъ 1 августа 1914 года.

Въ 1927 году я посѣтилъ Абиссинію. Въ декабрѣ 1928 года я въ третій разъ поѣхалъ въ Америку, чтобы начать новую жизнь. Моя теперешняя дѣятельность въ Америкѣ, мои первыя десять лѣтъ службы во флотѣ и годы, проведенныя съ семьей — единственные періоды жизни, которые мнѣ кажутся свѣтлыми. Все остальное принесло мнѣ только горе и страданія. Если бы я могъ начать жизнь снова, я началъ бы съ того, что отказался отъ моего великокняжескаго титула и сталъ бы проповѣдывать необходимость духовной революціи. Этого я бы не могъ начать въ Россіи. Въ Россійской Имперіи я подвергся бы преслѣдованію «во имя Бога» со стороны слу-

жителей православной церкви. Въ совѣтской Россіи меня бы разстрѣляли «во имя Маркса» служители самой изувѣрской религіи побѣдоноснаго пролетаріата.

Я ни о чемъ не жалѣю и не падаю духомъ. Мои внуки — у меня ихъ четверо — вѣроятно, достигнутъ что-нибудь лучшаго. Я не считаю современной эпохи ни цивилизованною, ни христіанскою. Когда я читаю о милліонахъ людей, умирающихъ отъ голода въ Европѣ, Америкѣ и Азіи въ то время, какъ въ складахъ гніетъ несмѣтное количество хлѣба, кофе и др. продуктовъ, я признаю нобходимость радикальныхъ измѣненія въ условіяхъ нашей жизни. Судьба трехъ монархій поколебала мою вѣру въ незыблемость политическихъ устоевъ. Тринадцать лѣтъ коммунистическаго опыта надъ несчастной Россіи убили всѣ мои иллюзіи относительно человѣческаго идеализма. Отъ людей, находящихся въ духовномъ рабствѣ, и нельзя ожидать ничего иного.

Официальное христіанство, обнаружившее свою несостоятельность въ 1914 году, прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы превратить насъ въ *рабовъ* Божьихъ, приводя насъ такимъ образомъ къ фатализму, который несетъ страшную отвѣтственность за трагическій конецъ Россіи и ея династіи. Религія Любви, основанная на законѣ Любви, должна замѣнить всѣ вѣроисповѣданія и превратить сегодняшнихъ «рабовъ Божьихъ» въ Его активныхъ сотрудниковъ. Если наши страданія насъ ничему не научили, то тогда жертва Христа была безполезна, и тогда дѣйствительно правъ тотъ, кто утверждаетъ, что послѣдній христіанинъ былъ распятъ тысячу девятьсотъ лѣтъ тому назадъ.

Горько сознавать, что церковь сегодняшняго дня далеко отошла отъ Христа; но это такъ. Недостающаго звена она создать не можетъ, ибо закону любви она не слѣдуетъ; все налицо: догматы, таинства, обряды, тысячи молитвъ, за которыми скрывается ея духовное безсиліе, но нѣтъ любви.

Кого и что мы должны любить?

Силу Высшую — Бога, не словами, не низкопоклонствомъ и рабскимъ пресмыканіемъ, а мыслями и дѣлами любви ко всѣмъ одинаково, и къ близкимъ и къ дальнимъ, и къ друзьямъ и къ врагамъ, и ко всѣмъ творе-

ніямъ. Любить мы должны весь міръ, ибо мы составляемъ его нераздѣльную частицу, сознавая въ то же время, что мы произошли отъ Высшей Силы и къ ней вернемся только тогда, когда мы станемъ самостоятельной, самосознательной, сильной духомъ личностью. Внѣ мыслей и дѣлъ любви не можетъ существовать любви къ Силѣ Высшей — Богу; этой Силѣ мы нужны постолько, посколько мы, исполняя законы міровые, не тревожимъ гармоніи міра.

Любить мы должны все чистое, красивое, природу и всѣ проявленія ея, любить мы должны жизнь земную, ибо она есть одна изъ ступеней жизни вѣчной, проведя которую въ правдѣ, чистотѣ и любви, мы получимъ возможность подняться на ступень выше. Я понимаю, что трудно любить жизнь тѣмъ, для которыхъ она проходитъ въ постоянной тяжелой работѣ, въ постоянныхъ заботахъ о прокормленіи своихъ семей. Но вѣдь если сравнить нашу жизнь съ жизнью нашихъ сестеръ и братьевъ, оставшихся въ Россіи, то, право, лучше, быть свободнымъ бѣднякомъ, чѣмъ бѣднякомъ-рабомъ.

Кромѣ того, вѣдь не намъ однимъ тяжело живется; все населеніе земного шара, за исключеніемъ состоятельнаго меньшинства, живетъ въ тѣхъ же условіяхъ, что и мы.

Надо себѣ твердо уяснить, что возврата къ прошлому нѣтъ; если мы вернемся на родину, то и тамъ будемъ работать ,не покладая рукъ; намъ самимъ придется строить свое благополучіе, помощи ждать будетъ не отъ кого. Кромѣ того, рѣзкая перемѣна, которая произошла въ нашей жизни, съ точки зрѣнія духовной, есть великое благо, и кто это понялъ, тотъ глубоко использовалъ это обстоятельство для своего восхожденія по пути къ совершенству. И вотъ съ этой точки зрѣнія мы должны любить жизнь.

Слѣдуетъ разсматривать свою жизнь не съ точки зрѣнія узкой земной, преходящей, а съ точки зрѣнія вѣчной, духовной. На себя надо смотрѣть, не какъ на тѣло, въ которомъ мы временно живемъ, а какъ на духъ, котораго наше «Я» есть выраженіе, который есть житель Міра, для котораго нѣтъ ни времени, ни пространства, который живетъ, гдѣ хочетъ, который не подчиненъ ни законамъ природы, ни законамъ людскимъ, котораго права безгранич-

ны, ибо жизнь въ немъ самомъ, и который отвѣтственъ только предъ Силою Высшею — Богомъ. Ничто земное ни въ чемъ и никогда не можетъ тронуть нашего духа, онъ внѣ досягаемости земныхъ, людскихъ притязаній, но связь съ Духомъ Высшимъ всегда въ его полной досягаемости. Сознавая великую истину только что сказаннаго и прочувствовавъ эту велико-радостную истину до конца, мы поймемъ, насколько все, что касается нашего тѣла, мелочно, насколько все, на землѣ происходящее, не существенно.

Скажите себѣ: «Я духъ вѣчный, свободный, отъ Бога исшедшій и къ Богу идущій: я имѣю въ себѣ все для того, чтобы съ Богомъ быть въ вѣчномъ общеніи, и это все заключается въ словѣ «любить» — слово, которое дѣйствительно выражаетъ основной, положительный законъ Міра.

Любить мы должны Россію и народъ русскій. Эта любовь наша должна выразиться въ стремленіи понять новое міровоззрѣніе русскихъ людей, которое явилось результатомъ безбожнаго и бездуховнаго воспитанія, получаемаго нынѣ милліонами русскихъ дѣтей.

Но мы должны найти въ этомъ новомъ міросозерцаніи тѣ стороны, которыя и нами могутъ быть восприняты.

Принципъ, проводимый въ жизнь: «Работа каждаго во имя блага государства» вполнѣ пріемлемъ для каждаго изъ насъ; онъ послужитъ тѣмъ звеномъ, которое насъ, представителей старой Россіи, соединитъ съ людьми Россіи новой. Мы одухотворимъ этотъ принципъ закономъ любви, мы будемъ ему слѣдовать не только во имя блага государства, а главное, во имя исполненія воли Божьей, которая имѣетъ свое выраженіе въ этомъ законѣ.

Разъ навсегда мы должны ясно понять, что новой Россіи мы ничего не можемъ дать, кромѣ любви. И вотъ, готовясь къ часу нашего возвращенія на родину, мы должны въ себѣ и въ дѣтяхъ нашихъ вытравить всѣ чувства, идущія вразрѣзъ съ закономъ любви. Только при этомъ условіи народъ русскій насъ приметъ и пойметъ.

Мы должны стать тѣмъ духовнымъ основаніемъ, на которомъ будетъ строиться Царство духа, которое замѣнитъ нынѣ существующее Царство матеріи. Къ этому

Царству народъ русскій уже близокъ: оно дастъ Россіи духовную власть надъ всѣми остальными народами — власть любви и мира, ту власть, которая всѣмъ людямъ завѣщана Христомъ.

Было бы безцѣльно писать эту книгу, если она не будетъ имѣть нравственнаго вліянія хотя бы на нѣкоторыхъ изъ моихъ читателей. Для меня все пережитое — это урокъ, полный значенія и богатый предостереженіями. Снова и снова я думаю о друзьяхъ моего дѣтства, стараясь видѣть ихъ не такими, какими они были въ послѣдніе годы трагедіи, а какими я ихъ зналъ въ болѣе счастливые дни нашей молодости. Я вижу часто во снѣ Никки, Жоржа, Сергѣя и самого себя, лежащими въ густой травѣ Императорскаго парка въ Нескучномъ подъ Москвою и оживленно бесѣдующими о томъ таинственно-прекрасномъ будущемъ, огни котораго мелькали на далекомъ горизонтѣ.

Немного терпѣнія — и мы всѣ до него доживемъ.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN JANVIER 1980
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE

N° 6858

КНИГИ НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЛЕВ»

1. П. Жильяр	13 лет при русском Дворе.
2. Л. Норд	Маршал М. Н. Тухачевский.
3. С. Черный	Солдатские сказки.
4. С. Черный	Сатиры.
5. С. Черный	Румяная книжка.
6. С. Чёрный	Детский остров.
7. Н. Лейкин	Где апельсины зреют.
8. А. Блок	Последние дни императорской власти.
9. С. Карачевцев	1200 анекдотов.
10. М. Палеолог	Роман Императора.
11. С. Мельгунов	На путях к дворцовому перевороту.
12. М. Цветаева	Психея.
13. М. Цветаева	Разлука — Стихи к Блоку.
14. А. Эфрон (дочь Цветаевой)	Страницы воспоминаний.
15. Кн. Е. Трубецкой	Смысл жизни.
16. З. Шаховская	В поисках Набокова.
17. О. Волконская	Так тяжкий млат.
18. Л. Зандер	Песнь Господня.
19. А. Титов	Лето на водах (Повесть о Лермонтове).
20. П. Губер	Дон-Жуанский список А. С. Пушкина
21. Вел. Кн. Ал. Михайлович	Книга воспоминаний.
22. С. Минцлов	За Мёртвыми душами.
23. Н. А. Тэффи	Воспоминания.

Издательство принимает рукописи и заказы

на книги по адресу:

LEV

85,Rue Rambuteau

75001 Paris